

ISBN 978-5-9708-1225-9

Алексей Кондратенко

В КУРГАНАХ КНИГ

Алексей Кондратенко

В КУРГАНАХ КНИГ

Алексей Кондратенко

В КУРГАНАХ КНИГ

30 статей и очерков
об истории издательского дела,
библиофильства и цензуры

Орёл – 2025

УДК 655
ББК 76.173
К 64

Издание осуществлено при поддержке
Орловской региональной общественной
организации «Союз военных литераторов»

Рецензент:
кандидат педагогических наук Татьяна Дмитриевна Крылова

Кондратенко А. И.

К 64 В курганах книг: 30 статей и очерков об истории издательского дела, библиофильства и цензуры / А. И. Кондратенко. – Орёл: Издательство «Картуш», 2025. – 452 с.

ISBN 978-5-9708-1225-9

Автор книги – доктор филологических наук, исследователь истории печати, много лет посвятивший изучению различных аспектов культурной жизни Орловского региона. В данное издание собраны статьи и очерки, тексты докладов на различных конференциях, посвящённых истории книжного дела, полиграфии, библиофильства и цензуры.

Книга адресована широкому читателю, в первую очередь тем, кто интересуется краеведением, историей книжной культуры, судьбами выдающихся деятелей русской провинции.

УДК 655
ББК 76.173

ISBN 978-5-9708-1225-9

© А. И. Кондратенко, 2025
© Союз военных литераторов, 2025
© ООО ПФ «Картуш», 2025

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

«История ума представляет две главные эпохи, – утверждал Николай Карамзин, – изобретение букв и типографии, все другие были их следствием». Величайшим из чудес, созданных человеком, называл книгу Максим Горький.

Когда-то полиграфическое мастерство считали искусством. Рождение книги было настоящим чудом для наших предков. Печать изначально несла в народ просвещение, свет знаний, культуры, свет объединения людей для добрых дел. Книги сделали нашими современниками и собеседниками великих людей.

Орловский край прославлен именами И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, Т. Н. Грановского, Л. Н. Андреева и многих других писателей, учёных, деятелей искусства. Без всякого преувеличения можно сказать, что без печатного дела множество свершений просто не могло бы произойти или, напротив, они остались бы безвестны для современников и потомков.

Так совпало, что 1812 год стал для Орловщины не только временем Отечественной войны, но и временем основания печатного дела. Подвиги ратные и подвижничество духовное равно служили и служат на благо Отечества.

За минувшие более чем два века сотнями и тысячами названий исчисляется репертуар орловской книги: художественная литература, учебники, книги научной и политической тематики, научные издания. На современном гербе Орловской области – не только привычные для всех изображения крепости и гордого орла, но и раскрытая книга. Тако-

во признание неоценимого вклада, который внесли деятели литературы и книжного дела в духовное развитие Орловщины и всей России.

В Орле на протяжении многих лет идут исследования истории книги. В числе авторов наиболее заметных публикаций на эту тему не могу не назвать имена Виталия Георгиевича Сидорова, Тамары Дмитриевны и Татьяны Дмитриевны Крыловых, а также Юлии Жуковой, Нины Степановой. Богатейший материал содержит биобиблиографический справочник «Деятели книжной культуры Орловского края» (составители Р. И. Реуцкая и В. Г. Сидоров).

Автор – кандидат политических наук, доктор филологических наук, действительный член Академии наук региональной печати России. На протяжении уже почти 30 лет занимается масштабными исследованиями многогранной истории региональных средств массовой информации (газеты, журналы, кинохроника, радио и телевидение), а также историей литературной жизни Орловщины. Так сложилось, что в провинции, в судьбах даровитых уроженцев весьма часто оказываются тесно переплетены самые разные, но довольно близкородственные «отраслевые нити»: иной успешный журналист с течением лет становится известным писателем и автором множества книг, аналитиком, исследователем печати, а маститый редактор газеты берётся за создание издательства, выступает в роли составителя изданий, которые не теряют своей значимости и много лет спустя.

Этим и был обусловлен целенаправленный и многолетний интерес автора к участию орловцев, других энтузиастов, так или иначе связанных с Орлом, в становлении и развитии книжного дела как на уровне региона, так и в России в целом. А вклад этот, как можно будет убедиться по прочтении

предлагаемых вниманию читателя статей и очерков, велик и поучителен.

Основное содержание сборника составили доклады, прочитанные на книговедческих конференциях «Денисьевские чтения» (Орёл, 2010–2023), «Триста лет печати Санкт-Петербурга» (2011), «Павленковские чтения» (Санкт-Петербург, 2013–2023), «Книга в современном мире» (Воронеж, 2020–2024), а также на ряде других конференций, прошедших в Воронеже, Брянске, Орле, Ельце.

Первоначально статьи (тексты докладов) были опубликованы в сборнике «Триста лет печати Санкт-Петербурга» (2011), в журнале «Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела» (Москва, 2012), в сборниках «Цензура в России» (Санкт-Петербург, 2015, 2017, 2019, 2021, 2023, 2025), «Книжное дело в России в XIX – начале XX века» (Санкт-Петербург, 2018, 2022), альманахе «Орловский край», в «Воронежском краеведческом вестнике», журналах «Родная Ладога» (Санкт-Петербург) «Подъём» (Воронеж), «Бийский вестник» (Алтайский край) и в других изданиях в Орле, Калининграде, Смоленске, Брянске, Воронеже, Ельце и т. д.

Очевидно, что заинтересованному читателю найти все эти тексты в столь разных, подчас весьма малотиражных, изданиях непросто. Этим и был продиктован замысел собрать книговедческие работы автора за полтора десятилетия под одну обложку, чтобы сделать их доступными для широкой аудитории, тем более, для тех, кто профессионально интересуется этой темой, нуждается в процессе учёбы в соответствующих пособиях, монографиях, исторических материалах.

Завершающий раздел книги назван «Из истории цензуры». Автор вполне понимает, что цензура имеет лишь кос-

венное (но нередко, увы, определяющее!) значение в многообразной сфере создания и бытования книги и другой печатной продукции. В то же время детальное знакомство с опытом исследователей Российской национальной библиотеки по изучению истории цензуры, постоянное участие в секции «История цензуры» проводимых здесь международных «Павленковских чтений» послужили основанием для включения в книгу и этого, по-своему важного, крайне малоизученного и представляющего немалый общественный интерес, раздела. Посыл вполне очевиден – без изучения цензуры невозможно составить полное представление об истории книжного дела в регионе. Вполне возможно, что со временем удастся провести более детальное и всестороннее изучение этой темы с созданием в итоге самостоятельной монографии об истории цензуры на Орловщине.

Для подготовки включённых в книгу статей были использованы разнообразные архивные материалы и редкие книги из целого ряда библиотек, в частности, это такие архивы, как Государственный архив Орловской области, архив Орловского объединённого государственного литературного музея И. С. Тургенева, Государственный архив общественно-политической истории Курской области, Государственный архив Брянской области, текущие архивы редакции газеты «Орловская правда» и Орловской областной организации Союза писателей России, архив управления ФСБ России по Орловской области; библиотеки: Орловская областная библиотека имени И. А. Бунина, Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург), Воронежская областная библиотека имени И. С. Никитина, Брянская областная библиотека имени Ф. И. Тютчева, библиотека Воронежского государственного агроуниверситета имени им-

ператора Петра I, Смоленская областная библиотека имени А. Т. Твардовского и другие.

Доклады готовились в разное время и в разных форматах, в зависимости от требований организаторов конференций. Этим обусловлена некоторая разница в оформлении ссылок. В то же время автор, работая над обобщающим изданием, старался максимально избавиться от служебных, проходных мест (лапидарные вступительные абзацы, привязка к актуальным на тот момент юбилейным датам, дежурные ссылки на «родственные» публикации коллег), а также минимизировать дублирование биографических сведений, различных пояснительных справок и т. д. Если это всё-таки осталось в тексте, то обусловлено исключительно необходимостью сохранить логику и канву повествования в конкретной статье.

I.
ИЗ ИСТОРИИ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА

Первая орловская книга:
начало двухвековой региональной
истории печатного дела

Орловская печать (исторический обзор)

«Верховенство человечества» –
книга, изданная в Орле в 1917 году

По его книгам учились наши деды

Провинциальная «Академкнига»

Орловское областное издательство:
вехи истории

Создание межобластных издательств
в 1960-е годы: причины и последствия

ПЕРВАЯ ОРЛОВСКАЯ КНИГА: НАЧАЛО ДВУХВЕКОВОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ПЕЧАТНОГО ДЕЛА

Изданный Екатериной II в 1783 году «Указ о вольных типографиях» предписывал: «Всемилостивейше повелеваем типографии для печатания книг не различать от прочих фабрик и рукоделий, и вследствие того позволяем, как в обеих столицах наших, так и во всех городах Империи нашей, каждому по своей собственной воле заводить оныя типографии, не требуя ни от кого дозволения, а только давать знать о заведении таковом управе благочиния (т.е. полиции. – А.К.)». Согласно указу типографские станки начали работать в 17 губернских городах России – «для облегчения лишнего приказнослужителям затруднения».

Примечательно, что большинство частных («вольных») типографий в России в 1796 году было закрыто. В 1802 году вольные типографии были вновь разрешены. Они открылись в Рязани, Пензе, Калуге… В 1807 году был издан рескрипт об открытии провинциальных типографий во всех губернских городах. Однако в Орле в тот период типография не была создана. Причина этого, видимо, кроется в том, что в губернском центре отсутствовала важнейшая доминанта духовной жизни – несмотря на учреждение Орловского наместничества (1778 год), в первые десятилетия епархиальное управление и духовная семинария размещались по-прежнему в Севске.

Первое орловское тиражированное издание датируется 1804 годом: в походной типографии кирасирского полка, расквартированного в Орле, был напечатан труд военного и государственного деятеля, шефа полка князя Д. В. Голицына «Опыт наставлений, касающийся до экзерциций и манёвров кавалерийского полка» (часть 2-я). Полностью гравированное издание включало 103 чертежа, изображающих возможные положения всадников на манёврах.

Однако отсчёт начала типографского дела (в классическом понимании этой деятельности) в Орловской губернии ведётся с 1812 года, когда губернское правление приобрело типографию «покупкою от карачевского купца Сытина за 225 руб. 20 коп.» Губернатором в Орле тогда был Пётр Иванович Яковлев (в его послужном списке были ратные подвиги, звание генерал-майора, должность вице-губернатора в Оренбурге). Примечательно, что высший пост в местной иерархии он занимал 16 лет – рекорд для Орловской губернии.

Первый в Орле типографский деятель Иван Яковлевич Сытин (1765–1835) происходил из купцов города Карачева, в начале 1790-х годов был владельцем типографии в Петербурге (известны 43 издания, напечатанные в ней). В связи с ужесточением правительственной политики в сфере книгоиздания Сытин вынужден был переехать из столицы в Смоленск, где продолжил издательскую деятельность. Как подчеркивают современные смоленские исследователи, в период активной деятельности перебравшегося в этот город И. Я. Сытина «до 1812 года по разнообразию и объему книжной продукции Смоленск вообще уступает разве только Москве и Петербургу». В 1812 году, после пожара в окку-

пированном Смоленске (сгорели дом и типография), Сытин уехал в Орёл, где снова занялся издательским делом.

Согласно договору, заключённому в 1817 году, типография содержалась при губернском правлении тем же И. Я. Сытиным за 1500 рублей. В марте 1814 года в этой типографии (на титульном листе было обозначено: «Орёл. В губернской типографии») была отпечатана первая книга – «Нечто для размышления о молитве и сущности христианства».

Её автор – известный масон и писатель, сподвижник просветителя Н. И. Новикова Иван Владимирович Лопухин. Его отец Владимир Иванович Лопухин был двоюродным племянником царицы Евдокии, доводился троюродным братом царевичу Алексею, прожил почти целый век (1703–1797). В. И. Лопухин в царствование императрицы Анны Иоанновны приобрёл кромское имение Ретяжи (Воскресенское) на деньги, вырученные от продажи изумрудов. А драгоценности эти были приданым матери И. В. Лопухина Евдокии Ильиничны (1717–1774) от её отца Ильи Исаевича Исаева, управлявшего при Петре Великом таможней в Риге.

В Ретяжах в 1756 году и родился Иван Лопухин. Детство его прошло здесь и в Киеве, где отец служил обер-комендантом. «Младенчество моё, – писал будущий автор первой орловской книги, – было самое болезненное. Воспитан я в крайней неге, а со стороны знаний в большом небрежении. Русской грамматике учил меня домашний слуга; по-французски учил савояр, не знавший совсем правил языка; по-немецки – берлинец, который ненавидел языка немецкого и всячески старался сделать его мне противным, а хвастал французским. Одним словом, если я что знаю, то подлинно самоучкою».

Слабое здоровье не помешало Лопухину в отроческие годы питать страсть к военной службе: дома он «водил строи и давал баталии по Пюизегиору и Фоларду», а «кампаниями армий наших против турок, войны, начавшейся в 1769 году» он «так горячо занимался, что несколько ночей беспокойно спал от ожидания, чем решится кампания князя Голицына под Хотиным».

Иван Лопухин всегда «имел страсть делать удовольствие людям… будучи ещё ребенком, я нарочно проигрывал мальчику, служившему при мне, деньги, какие у меня случались, и любовался его о том радостью». Военная его служба была недолгой, хотя и весьма успешной – в 26 лет получил чин полковника и тут же перешёл на службу статскую: стал советником, а затем председателем Московской уголовной палаты. Противник неправды в суде, он пытался проникнуть в мотивы преступления, не допускал, чтобы «мщение, как зверское свойство тиранства, даже каплей одной вливалось в наказание», ненавидел смертную казнь.

В 1785 году Лопухин вышел в отставку и примкнул к Н. И. Новикову и его друзьям, которые создали «Дружеское учёное общество» и «Типографское общество» («Типографическую компанию»), основывали школы, больницы, типографии (они издали примерно треть русских книг, увидевших свет в то время). Перевёл ряд мистических сочинений, написал в защиту русских масонов «Нравоучительный катехизис истинных франкмасонов» (1790, несколько изданий), был великим мастером одной из лож, помогал бедным.

Иван Лопухин пожертвовал для общего дела немалую часть своего состояния, одна из типографий в Москве была открыта на его имя, более того, в 1783–1792 гг. Лопухин был одним из главных деятелей Типографической компании.

Когда в связи с Французской революцией начались гонения и на русских вольнодумцев, Лопухина вызвали на допросы к бывшему орловскому генерал-губернатору, а в то время уже московскому генерал-губернатору А. А. Прозоровскому. «Мы, – писал Лопухин, – со лбу на лоб с князем Прозоровским беседовали, по крайней мере, часов с двадцать… Долго помнил я все мои ответы, так что мог бы записать их почти от слова до слова. Но я настолько устал от упражнения в оригинальном их сочинении, что очень много дней после того приняться за перо была самая тяжкая для меня работа. Заключение же вытекло из такого сильного во мне впечатления, что я никогда не мог его забыть; писав его, я подлинно плакал, обливался, можно сказать, слезами, и точно от причин, в нем изображенных».

Говорили, будто, прочитав откровенные, возвышенные ответы Лопухина, императрица Екатерина II прослезилась и не стала связываться со столь знаменитым родом: Ивана приговорили лишь к ссылке в деревню. Но он дерзко просил оставить его в Москве, так как должен был находиться возле 90-летнего отца. И Лопухину позволили это…

Взошедший на престол Павел предложил ему высокие должности, награды. Однако Лопухин идти в фавориты не согласился. Его назначили сенатором в пятый сенатский департамент, находившийся в Москве. Не прошло и нескольких месяцев, как по стране начали расходиться слухи о правдивом вельможе, который судит по справедливости, взяток не берёт, ни перед кем не гнётся… За все время царствования Павла I ни один дворянин пятым департаментом не был приговорен к телесному наказанию, более того, Павел почти все московские приговоры утверждал без возражений, а два-три даже смягчил. Когда «коллеги» выговари-

вали Лопухину: «Что вы делаете, Иван Владимирович, это же разбойники, преступники, а вы смягчаете наказание», он отвечал: «В России всегда найдётся тот, кто прибавит, а кто же заступится, убавит?» После таких слов сенаторы решали, что он «тайное око» государево и специально подослан проверить, как в Москве идут дела. «Такое ложное заключение, – писал Лопухин, – послужило к избавлению многих несчастных от жесточайшего наказания. Согласились со мной раза два-три, а там уже трудно было не соглашаться».

Лопухин, окончательно выйдя в отставку, в 1812 году поселился в Ретяжах, здесь он приветствовал разгром Наполеона. По всей видимости, именно в Ретяжах и была написана первая орловская книга. Она вышла из печати в марте 1814 года в губернской типографии – всего 44 страницы, содержание совершенно нетипичное для большинства современных книг: размышления автора о молитве и сущности христианства. Лопухин обращался к читателю:

«Одно сие всегдашнее ощущение вездесущего присутствия Божия, рождающее страх Господен, возбуждает дух истинного покаяния, которое есть узкая и единая (единственная. – А.К.) к просвещению и спасению дверь; отверзаешь внутренний путь соединения с Богом, на коем Он хождает, беседует с человеками, учит и просвещает глаголами живота, воображается в них, и внутреннего человека возрождает в жизнь небесную Божественную».

На последней странице, будто завершая диалог с читателем, Лопухин спрашивал: «Может быть, кто-нибудь, прочитав сию книжку мою, скажет обо мне: «Зачем бы ему входить в такие рассуждения? Зачем заниматься такими упражнениями? Не его бы это дело светского человека!» На сие отвечаю: «Что такое быть светским человеком?» Разве

не быть последователем Христа, не искать Царства Божия и правды Его и путям, к оному ведущим, не поучаться?»

Буквально через считанные дни после выхода первой орловской книги, в апреле 1814 года Лопухин писал приятелю: «Здесь у нас на берегу пруда по сторонам дерева кладутся два больших камня диких. Один на месте отдыха, в виде кресел, с надписью: «19 марта 1814 года взят Париж»; а другой совсем необделанный и как бы на могиле положен, с надписью: «и память вражия погибе с шумом». Дорожка от них ведёт к довольно огромному для деревни, из нескольких больших гранитных же камней, стоящему монументу с надписью: «Благочестию Александра I и Славе доблестей Русских в 1812 году»». В мае Лопухин сзывал соседей «на похороны Бонапартовы», рассылая им особые пригласительные билеты: «Сего дня мая 6-го в селе Воскресенском, Ретяжи тож, по силе помочи деревенской, погребается в прах свой слава Бонапартова. Хозяева просят сделать им и себе честь и удовольствие пожаловать порадоваться на могилу. Погребение будет пополуночи в 12-м часу, на берегу пруда, за плотиною возле сиденья, еже с надписью о пленении Парижа». Добрый барин не забыл и крестьян: «при крестном ходе роздано 500 крестиков новой хорошей работы для обыкновенного ношения на память торжества о победе и одолении врага».

Осенью 1814 года здоровье Лопухина резко ухудшилось. «Последняя зима, – писал он в апреле 1815 года, – мне крайне тяжела была, и весна по сю пору мало обещает лучшего. Дряхлею шибко, живучи в глубоком уединении». И. В. Лопухин умер в Ретяжах 22 июня 1816 года.

Сочинения Ивана Лопухина заняли важное место в русской масонско-мистической литературе. Александр Герцен,

издавший в Лондоне «Записки» Лопухина, написал в предисловии: «Лопухин представляет явление редкое. Тихий, честный, чистый, твёрдый и спокойный, он со своим мистицизмом и мартинизмом идёт так непохоже, так противоположно окружающему морю интриг, исканий, раболепия, что это бросается в глаза».

Поэт Александр Воейков говорил о нём: «Иван Владимирович Лопухин принадлежит к тем людям, коих память воскрешает в душе сладкое и тихое чувство умиления любви, а не удивление страха. Имя его произносится с благословением, с признательностью, со слезами. Он всему на свете предпочитал добродетель; его жизнь – непрерывная цепь благотворений».

Примечательно и мнение историка Василия Ключевского: «С умом прямым, немного жёстким и даже строптивым, но мягкосердечный и человеколюбивый, с тонким нравственным чувством, отвечающим мягкому и тонкому складу его продолговатого лица, вечно сосредоточенный в работе над самим собой, он упорным упражнением умел лучшие и редкие движения души человеческой переработать в простые привычки или ежедневные потребности своего сердца»…

В числе первых, в 1819 году, в Орле была издана книга поэта, драматурга и переводчика Герасима Ивановича Лузанова (1789–1829) «Басни и сказки». Участник Отечественной войны 1812 года, чиновник Министерства полиции, Лузанов поселился в Орле, где занимал должности сначала советника губернского правления, затем советника палаты уголовного суда и чиновника особых поручений при генерал-губернаторе. За «открытие многих злодеев и воров» был награждён орденами и бриллиантовым перстнем. Басни Лузанова имели острый социальный и сатирический характер.

За время работы типографии в Орле Иван Сытин напечатал несколько пьес из репертуара театра С. М. Каменского, издавал переводную беллетристику, учебники, литературу для домашнего обихода. В 1819 году было осуществлено переиздание журнала Н. И. Новикова «Детское чтение для сердца и разума». В 1824 году типография И. Я. Сытина перешла во владение его сына Аполлона Ивановича Сытина, выпускника Московского университета, литератора, впоследствии инспектора Тульской гимназии (а сын А. И. Сытина Леонид (1829–1913) не пошёл по стопам отца и деда, стал основателем отечественной торфяной промышленности, организовал крупные торфоразработки под Москвой, на Урале и в других регионах).

Всего на настоящее время выявлено 96 книг, изданных И. Я. Сытиным и его сыном в Орле в 1814–1830 гг. (на титульном листе указывалось: «Орёл. В типографии И. Сытина»). Из 215 книг, вышедших в 1801–1825 гг. в 16 городах России (в том числе 14 губернских) – 135, то есть две трети было издано в Смоленске и Орле.

ОРЛОВСКАЯ ПЕЧАТЬ (ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

С 1812 по 1917 год, по официальным данным, на территории Орловской губернии имелось более ста типографий (многие просуществовали недолго, всего несколько лет). Типографии в основном принадлежали частным лицам, но были, например, литография управления Орловско-Витебской железной дороги, типография Орловского отделения Союза русского народа и т. д. [1, с. 26, 34].

Газета «Орловские губернские ведомости» с момента основания в 1838 году печаталась в типографии губернского правления. В правлении для выпуска газеты было создано специальное отделение – «газетный стол». Начальник отделения одновременно являлся не только начальником газетного стола, но и редактором «Орловских губернских ведомостей», а также смотрителем типографии. В этой же типографии в последующие годы выходили в свет газеты «Орловская речь», «Орловская жизнь», некоторые выпуски «Трудов Орловской ученой архивной комиссии», «Сборник Орловского церковно-археологического комитета» и другие краеведческие издания.

В период реформ 1860-х гг. мощными импульсами для развития местной печати стали такие правительственные либеральные решения, как снятие с газет ограничений на публикацию частных объявлений и рекламы (1863 год), введение Временных правил о печати (1865 год), поощрявших возникновение частных изданий. Увеличилось производство бумаги, появись более производительные

типографские машины. В Орле в это время, помимо казенной типографии, появился ряд частных полиграфических предприятий: М. П. Гаврилова, И. Григорьева, А. Е. Королёва, И. С. Чичикаслова, А. П. Матвеева, князя Н. Н. Оболенского, М. А. Пирожкова, М. А. Полторацкого, В. А. Сартакова, Е. Я. Григорьевой, С. П. Яковлева, Л. А. Миркина, Ф. О. Шредера, С. А. Зайцевой (её дело унаследовал сын – В. С. Зайцев), А. Н. Хализева и многих других. Среди владельцев орловских типографий были мещане, отставные военные, купцы, потомственные почётные граждане, иностранцы, действительные статские и надворные советники. В типографии Чичикаслова в 1862 году имелась одна скоропечатная машина, два печатных ручных станка, один пресс, 100 пудов русских и 4 пуда французских литер. А в типографии князя Оболенского в 1874 году – пять скоропечатных машин и один ручной станок [1, с. 25, 27].

Сохранились воспоминания об орловских типографиях второй половины XIX в.: «В 1856 году бывший наборщик Палатской типографии (типографии Орловской палаты государственных имуществ. – А.К.) Иван Савельевич Чичикаслов открыл собственную типографию. Помещалась на Болховской улице, для того времени была образцом типографской техники: оборудована пятью скоропечатными машинами, имела разнообразные шрифты. В типографии работали ученики по наборному и печатному делу. Первые обучались пять лет, вторые – четыре года. До Чичикаслова мастеров выписывали из Москвы, он же сам готовил мастеров. Несмотря на то, что типографское дело было достаточно выгодным, Чичикаслов разорился и умер в бедности. В последующее время типографию открыл его ученик Матвей Гаврилович Гаврилов. Постановка дела у него была хорошая.

У князя Н. Н. Оболенского была большая типография, в ней работало до ста человек. Большой барин и аристократ Оболенский хорошо обращался с рабочими, был вежлив, не жалел денег на оплату труда мастеров. Однако условия были тяжёлые: рабочий день продолжался 10 часов, часто заставляли работать по четыре часа сверх нормы. Никто не смел отказываться. Никаких праздников, кроме Пасхи и Рождества, не существовало.

В типографии было до 15 учеников. Получали они по два рубля в месяц, работали так же, как и взрослые, по 10–14 часов. Мастера обращались с ними грубо, за малейшую провинность били ременной плетью. Как вспоминали рабочие, плеть не сходила с плеч учеников.

Много лучшего оставляли желать гигиенические условия: примитивная вентиляция, смрадный воздух, освещение керосиновыми лампами. Ребята, да и взрослые чувствовали себя подавленными, забитыми.

Мастера-наборщики получали 35–45 рублей в месяц, а потому в народе в те времена сложилось мнение о них, как о людях обеспеченных, завидных женихах. «Не выдавайте замуж ни за кого, как за типографщика, – живут, как цари», – говорили в Орле» [2, с. 22–23].

Яркая страница в истории издательского дела на Орловщине – период работы редакции и типографии газеты «Орловский вестник». Редакция первоначально располагалась в доме редактора газеты А. Н. Чудинова на Борисоглебской улице, газета печаталась в типографии князя Н. Н. Оболенского. В апреле 1877 года появилась собственная типография – она разместилась в деревянном доме на Зиновьевской улице. Редакция газеты выполняла и роль книжного издательства. В типографии «Орловского вестника» были напе-

чатаны «Записки обывателя» А. Т. Щегловитова (1887), «По тюрьмам и этапам» И. П. Белоконского (1887), «На людях» А. А. Брянчанинова (1888), «Город Болхов» Т. А. Мартемьянова (1896). Здесь же в период с 1886 по 1897 год были изданы краеведческие работы Н. П. Барышникова, А. А. Соколова, адрес-календари Орловской губернии, «Краткий исторический очерк Орловского Бахтина кадетского корпуса» и другие книги, в частности, поэтический сборник И. А. Бунина «Стихотворения. 1887–1891».

И. А. Бунин на протяжении трёх лет работал в «Орловском вестнике», впервые он приехал сюда из Елецкого уезда в 1889 году. Приведём отрывок из романа «Жизнь Арсеньева»:

«Длинные сени вели куда-то вглубь. Я пошёл туда и увидал большой, низкий и необыкновенно грязный зал, весь загромождённый какими-то машинами, затоптанный и усеянный рваными сальными бумагами. Машины были все в движении, мерно рокотали, взад и вперед катая какие-то темно-свинцовые доски под черными валами и валиками, мерно поднимая и опуская какие-то решётки, лист за листом откладывая большие бумажные листы, с исподу ещё белые, а сверху уже покрытые как бы зернью черной блестящей икры, и от всех этих машин, рокот и шум которых сливался порой с перекрикивающимися голосами печатников и наборщиков, веяло пахучим ветром, крепкой и приятной вонью свежей краски, бумаги, свинца, керосина и масл – всем тем, что тотчас же стало для меня (и уже навсегда) таким особенным» [3, с. 166–167].

Такой была первая встреча будущего нобелевского лауреата с типографией. В те годы, когда Иван Бунин постигал азы типографского дела, его ровесники обращались к основам полиграфии совсем по другим причинам. В 1894 году

в Орле возникает первый социал-демократический кружок. В него входили И. Ф. Дубровинский, В. К. Родзевич-Белевич, В. А. Русанов и другие. Они вели пропаганду среди рабочих и учащейся молодежи. Понимая, что одной устной пропаганды недостаточно, молодые революционеры организовали подпольную типографию. Она была создана в 1895 году под руководством И. Ф. Дубровинского: на гектографе печатались листовки, отдельные страницы из произведений К. Маркса и Ф. Энгельса [4, с. 17]. Позднее был приобретён мимеограф, началось печатание брошюр, которые распространялись в Орле и губернии, в Москве и Петербурге.

В 1907 году издавалась нелегальная газета «Солдат» – орган Орловской военной организации РСДРП. В датированном 5 марта 1907 года донесении губернского жандармского управления говорилось: «В городе Орле по Воскресенской улице, в доме Григорьева в квартире белёвского помещика Агапова Василия Павлова поставлена тайная типография. В ночь на 2 сего марта в упомянутой квартире был произведен внезапный обыск, коим был обнаружен печатный станок, устроенный на ломберном столе; в разных местах двух комнат квартиры в нескольких ящиках частью уже набранный, частью рассыпанный шрифт, коего оказалось пять пудов. Здесь же найдены и другие принадлежности печати, как-то: краски и прочие препараты, а в коридоре 296 экз. отпечатанной на этом станке газеты «Жизнь солдата», незаконченной еще печатью» [5].

В 1908 году подпольная типография действовала в Орле в одном из домов на Полесской площади. Её организовали студенты Михаил Цветаев и Николай Михеев, высланные из Москвы за революционную деятельность. В тот же год в доме на Ситниковской улице существовала подпольная

типография РСДРП. Организатором и руководителем был большевик И. Н. Егоров. В работе типографии, зашифрованной под именем «Анна Ивановна», принимали участие сестры Е.Д. и Л. Д. Царик, обязанности наборщика исполняла И. Д. Ходзинская. Здесь печатались листовки и прокламации, которые распространялись на предприятиях Орла и Брянска. Типография действовала до осени 1908 года [6, с. 58].

Заметим, что революционеры, одержав победу, не церемонились с бывшими полиграфистами. Типичный случай: когда в Орле в середине 1920-х годов начались гонения на бывшего руководителя типографии «Орловского вестника» Михаила Андреева, знавший его журналист Иван Лебедев вынужден был написать письмо в Москву известному поэту Евгению Соколу с просьбой о помощи. Именно в этом письме предстаёт панорама дореволюционной типографской жизни:

«Пользуясь случаем, пишу тебе о «деде» – Мих. Яковл. Андрееве, бывшем завед. типографией «Орл. Вестн.». Старика мучают – заставили быть наборщиком, если не хочешь получать 10 рубл. пенсию. Между тем у него следующие заслуги.

1) Служит по типографскому делу с 13-го мая 1877 года беспрерывно.

2) К 25 и 35-летию ему поднесены адреса за подписью рабочих.

3) Когда национализированы были типографии, он был сделан завом типогр. «Орл. Вестн.» и за полгода сумел провести электричество, капитальный ремонт и дать 5000 р. прибыли, когда другие типографии работали в убыток.

4) Он – учредитель Тургеневского о-ва книгопечатников, и на его юбилее было постановлено основать о-во.

5) При нём – с 1903 года в типографии «Орл. Вестн.» был введен 8-часовой раб. день (всюду были 9–10).

6) При нём в правилах внутреннего распорядка было включено, что 1-го мая – день нерабочий (И это осуществилось).

7) При нём рабочим за счёт предприятия оказывалась медицинская помощь (врач) и аптечная (выдача медикаментов по рецептам из аптеки).

8) При нём за больничное лечение рабочих платило предприятие.

9) При нём, когда образовались больничные кассы, рабочим додавались к сумме кассы до полного жалованья.

Говорю «при нём», так как проведение в жизнь зависело не от него, а от «хозяина», но настаивал и отстаивал он. А обучение учеников при нём было поставлено так, что окончившие сейчас же расхватывались и принимались в другие типографии предпочтительно перед другими… И вот теперь он наборщик. Был и разносчиком счетов, и т. д. Теперь откуда же на него такие напасти? Вот откуда. Он бельмо в глазу. Ибо как что, он сейчас же… указывает, что не так, а этак… Нельзя ли что-нибудь сделать там, в Москве?» [7].

После революции 1917 года все существовавшие прежде в Орле и губернии периодические издания были закрыты. Первым руководителем печатной отрасли региона стал комиссар по литографии И. П. Лобачёв, потомственный рабочий-полиграфист, член Орловского горкома РКП(б).

На основании декрета Совнаркома от 28 июня 1918 года полиграфические предприятия были национализированы и переданы в ведение Губернского совнархоза (ГСНХ). Бывшая типография В. С. Зайцева получила название «1-я типография ГСНХ», типография губернского правления – «2-я типография ГСНХ», типография газеты «Орловский вестник» – «3-я типография ГСНХ».

В начале сентября 1918 года в Орёл прибыло типографское оборудование из Екатеринбурга. Для его размещения был использован национализированный двухэтажный дом купца Срабова на Кромской улице, где ранее находились мануфактурный магазин и жилые помещения. Новая типография получила название «Труд», её заведующим был назначен печатник И. И. Стебаков.

При губернском Совете народного хозяйства в октябре 1918 года появился полиграфический отдел, первым председателем коллегии отдела стал переплётчик М. И. Елагин. Сформировался и профессиональный Союз рабочих печатного дела. В 1918 году вышел в свет первый (и единственный) номер союзного журнала «Голос печатника», тогда же были изданы разовые газеты «День печати» (судя по дате выпуска, тогда днём печати являлось 3 июля), «Революционный голос печатника».

Если репертуар орловских изданий 1917 года был представлен традиционными отчётами земских управ, военными приказами и различными вестниками, а также небольшими сборниками «Песни революции», «Песни свободы», то уже в следующем году выходят в свет новые справочники и новые календари. Первые провинциальные издательства революционной эпохи организационно представляли собой издательские отделы, выделенные в структурах партийных и советских органов. Они выпускали воззвания, листовки, плакаты, посвящённые пропаганде решений центральной власти, темам мобилизации, помощи фронту и т. д. В плане работы литературно-издательского подотдела агитпропагандистского отдела Орловского губкома РКП(б) на январь-апрель 1922 года [8, с. 30] значилось издание трёх различных журналов и ряда книг: «Календарь-катехизис

красного пахаря», «Исторический материализм в вопросах и ответах», «История РКП в вопросах и ответах», «Что такое марксизм?», переиздание «Конституция РСФСР в вопросах и ответах» и т. д.

В 1919 году читатели получили «Красное утро» – литературно-художественный сборник Орловского филиала Пролеткульта. На это событие откликнулся в воронежской прессе молодой писатель Андрей Платонов. Высоко оценивая иллюстрации художника С. Маренкова, стихотворение В. Буречарского «Ураган», Платонов писал: «… он идёт, этот художник, любящий и внимательный, гордый и добрый, вождь и пророк. Но ещё не пришел. Тихий гул его шагов слышен и в сборнике Орловского пролеткульта […] В «Красном утре» […] чувствуется за лицами немногих весь безымянный миллионный серый лик грядущего гения – коллектива…» [9, с. 27].

Во время непродолжительной оккупации Орла белогвардейцами осенью 1919 года большая часть оборудования типографии «Труд» была утрачена, бывшие частные типографии возвращены прежним владельцам. В 1920 году советское руководство предприняло усилия для восстановления пострадавшего предприятия: сюда перевезли оборудование из ряда других типографий, расширили помещение, увеличили штат с 25 до 200 человек. Соответственно изменилось название – «1-я государственная типография». В Орле была открыта полиграфическая школа с трёхлетним сроком обучения [10, с. 40].

В 1921 году в Орле вышло несколько выпусков разовой газеты «Печатник – Поволжью». Полиграфисты делали набор и печатали газету в выходные дни, а вырученные от продажи деньги передавали в помощь голодающим. В том же

году читатели получили «однодневное издание» «Печатник и Октябрь», посвящённое четвёртой годовщине Октябрьской революции.

Тяжелым было положение полиграфической отрасли в начале НЭПа. По состоянию на 1 октября 1922 года, в губернии имелось 15 типографий, из них 10 находились в ведении губернского управления полиграфической промышленности, две переданы в аренду. Одна из них – латвийскому подданному на 6 лет с месячной платой первый год 110 рублей золотом, второй год 120, третий 150, четвёртый, пятый и шестой по 200 рублей 83 копейки золотом. Вторая типография была сдана в аренду губернскому отделу профессионального образования на один год с ежемесячной платой 50 рублей золотом. Три типографии были переданы без арендной платы: губкому РКП(б), тюрьме и Елецкому райсоюзу. Как отмечалось в «Докладе XI Орловскому губернскому съезду Советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов о деятельности Губернского экономического совещания», «заказы преимущественно исполняются на бумаге заказчиков, так как у управления [полиграфической промышленности] нет средств для приобретения её, вспомогательные же материалы приобретаются на вольном рынке, причем обеспеченность ими типографий не превышает 25%». Состав заказчиков: государственные учреждения – 85%, кооперативные организации – 10%, остальное – частные лица [11, с. 192]. В том же докладе перечислялись причины, мешающие росту производительности: отсутствие оборотных средств; задолженность со стороны заказчиков; необходимость ежемесячного повышения заработной платы; чрезмерная налоговая нагрузка.

Типичный пример того времени – заметка «Плохо живётся ливенским полиграфистам», в ней отмечалось: «В Ливнах одна типография, в которой работало 22 человека, в настоящее время работает лишь 9» [12, с. 2].

С началом НЭПа совпало время создания в губерниях отделений Госиздата, которые взяли на себя распределение бумаги, всю местную издательскую и книготорговую деятельность. В 1922 году отделением Госиздата был выпущен первый сборник произведений поэтов и писателей Орловской губернии «Зеленый шум». В мае 1923 года на базе отделения открывается издательство «Красная книга», заведующим назначен Д. А. Герасимов (прежде руководил отделением), в декабре издательству была передана типография «Орловской правды» (губернская газета печаталась здесь до апреля следующего года).

В Орловской губернии в 1920-е годы не было частных издательств, что можно объяснить относительной близостью (расстояние около 380 километров) к Москве и преобладанием в рассматриваемом сегменте рынка услуг активно работавшего местного госиздательства. «Бюллетень издательства «Красная книга» (1923–1924) свидетельствует о том, что оно собрало лучшие литературные и издательские силы города и губернии. Функционировали три секции: сельскохозяйственная, научно-популярная, научно-педагогическая; склады и магазины располагались не только в Орле, но и в Москве, Курске, Брянске, Ельце, Ливнах, Болхове и других уездных городах. Издательство сыграло важную роль в становлении новой системы и новых форм книгоиздания и книгораспространения, адаптированных к особенностям региона, значительно расширило общенациональный книжный репертуар. Около половины изданий составляла литература аграрной

тематики – вышла в свет «Сельскохозяйственная библиотека крестьянина», рассчитанная на читателей не только Орловской губернии, но и всего Северо-Черноземного региона (52 брошюры объёмом 1–2 п.л., ценою 10–15 коп.). Выпускались учебники нового типа, подготовленные с участием научно-педагогического общества при Орловском педагогическом институте: «Азбука коммунизма» Н. Бухарина и Е. Преображенского, «Новый русский букварь» В. Вахтерова, «Первоначальный учебник новой русской грамматики» С. Горового, «Природоведение» В. Волгина и т.д. Издания содержали достаточно много иллюстраций, выполненных местными художниками. Только за 1923 год было выпущено 56 книг и брошюр тиражом 227 800 экз. (а всего с мая 1922 года по январь 1925-го – 71 издание тиражом 453 000 экз.).

В июле 1924 года состоялось открытие новой типографии газеты «Орловская правда», обновились шрифты. Однако приоритетом властных органов в то время было не только стимулирование технического развития полиграфии, но, прежде всего, стремление к централизации издательского дела. 1 апреля 1925 года бюро губкома РКП(б) приняло решение о передаче издательства «Красная книга» от губисполкома губкому РКП(б) и переименовании его в «Чернозём». О дальнейшей судьбе издательства сведений практически нет. Косвенным образом удалось установить, что в новом качестве оно не смогло приступить к работе. В одной из публикаций московского журнала в перечне различных организаций Орловской губернии указано: «книжное издательство «Чернозём» (ныне ликвидированное) – долг по соцстраху 14 тысяч рублей» [13, с. 21]. В отчете Гублита также отмечалось: «За вторую половину 1925 г. «Чернозём» ничего не издал, в декабре 1925 г. Гублит получил из правления сведения,

что оно закрылось» [14, л. 54]. В декабре 1927 года президиум губисполкома принял решение объединить типографию «Труд» и типографию «Орловской правды».

В связи с закрытием большинства местных периодических изданий и книжного издательства, а также в связи с упразднением Орловской губернии и созданием в 1928 году обширной Центрально-Черноземной области в Орле резко сократился объём типографской и издательской деятельности. Судя по репертуару книги конца 1920-х – начала 1930-х годов, в свет выходили лишь немногочисленные брошюры аграрной тематики (например «Детский колхоз» Н. Алдошина (Орёл, 1930)), справочники, директивные документы местных советов. В голодном 1933 году была издана всего одна книга – «Справочник по борьбе с вредителями и болезнями поля, сада, огорода». В то время главным полиграфическим предприятием Орла являлась типография «Труд» – здесь имелись четыре линотипа, две ротации, 11 плоскопечатных и 3 литографских машины, а также переплётное оборудование. Число работающих достигало 250 человек, при типографии была открыта школа фабрично-заводского ученичества.

Заметно активизировалась полиграфическая и издательская деятельность в связи с образованием в сентябре 1937 года Орловской области. В Орле было открыто книжное издательство обкома ВКП(б) и Оргкомитета Президиума Верховного Совета РСФСР, начали издаваться областная молодёжная газета «Комсомолец» и газета Орловского военного округа «Сталинец». В книжном издательстве был сформирован план серии книг о городах области. Первыми вышли обширные очерки о Брянске, Ельце и других городах. В Орле создаётся областная литературная группа. Её первая заявка – «Литературный альманах» (1939). Во второй выпуск альманаха (1941)

вошли не только произведения современников, но и ряд материалов по истории краевой литературы. Ранее, в 1938 году, впервые в Орле была издана книга Н. С. Лескова – «Тупейный художник». Массовыми тиражами выходят материалы партийных съездов и конференций, книги, обобщающие опыт становления колхозов, стахановского движения, книги на международные темы (например, ряд произведений Г. Димитрова). Преобладающим типом издательской продукции в это время можно назвать массовую популярную брошюру, выпущенную с минимальным количеством иллюстраций, на самой дешёвой, газетной бумаге. Оформление становится однообразным и в большинстве случаев безликим.

Результатом развития издательского дела в 1930-е годы стало создание жёстко централизованной, с чётким планированием, системы, которая при всей своей мощи слабо ориентировалась на запросы и интересы читательской аудитории. В региональном репертуаре книги обозначилось явное преобладание литературы аграрной и политической тематики, в то время как издание художественной литературы играло третьестепенную роль.

Тяжелым испытанием для полиграфистов были годы Великой Отечественной войны. Им приходилось работать во фронтовых условиях, в подполье, эвакуировать оборудование, восстанавливать после освобождения городов и райцентров разрушенные оккупантами типографии. Иван Полянский, работавший редактором верховской районной газеты «Коллективист» в 1939–1942 гг., вспоминал об осени 1941 года: «Началась эвакуация. Мне, как редактору, нужно было сохранить типографское оборудование. Так получилось, что вывозить его было не на чем, оставалось одно – спрятать всё, чтобы враг не нашел. Времени на это было

уже мало, не более суток. Всю ночь с типографскими рабочими разбирали и упаковывали печатные машины, шрифты и сносили в заброшенный подвал. Управились только к утру, завалив и замаскировав вход. Сами этим же днем покинули Верховье, а следом вошли немцы. Ходили и ездили фашисты рядом со спрятанным оборудованием, но не обнаружили его» [15, с. 2].

24 ноября 1941 года работники ливенской редакции сожгли типографские машины, опустили шрифты в колодец и всем коллективом выехали за город. В Корсаково типографское оборудование было закопано в парке. В Колпнах редактор местной газеты «Вперёд к коммунизму» И. Е. Крючков организовал эвакуацию типографии, а часть шрифтов и редакционный архив зарыл в землю. Фашисты уничтожили всё оборудование областной типографии «Труд»: линотипы, ротационные машины, около 65 тонн шрифта. Ущерб оценивался в 3 134 783 рубля.

Особая страница в истории орловской полиграфии – издание партизанских и подпольных газет. Современные историки не имеют точных сведений о том, сколько было подобных изданий на территории Орловской области, нет полных данных о тиражах и количестве вышедших в свет номеров. Не только за изготовление газет, но даже за их чтение патриотам грозил расстрел. Из-за нехватки бумаги подпольные типографии порой печатали газеты на бересте.

Например, в городе Дятьково Орловской области (ныне Брянская область) в первые месяцы оккупации вышло 89 номеров газеты «Фокинский рабочий». В июне 1942 года партизаны ушли из города в лес, там стала издаваться «Партизанская правда». Как вспоминал редактор газеты Нико-

лай Коротков, в течение года пришлось семь раз перевозить с места на место типографию и прятать её от врага.

Фронтовой журналист Николай Романовский так описывал увиденный им в штабе партизанского движения комплект оборудования, предназначенного для лесной типографии: «В небольшом чемодане размещалась наборная касса с корпусом (корпус – размер шрифта. – А.К.) и заголовочными шрифтами, в другом – «карманная» печатная машина» [16, с. 212]. Всего Орловский обком ВКП(б) перебросил за линию фронта 32 типографии с запасом краски и бумаги [17, с. 262].

В освобождённом от фашистов Ельце ежедневно выходила в свет «Орловская правда», с весны 1942 года издавался спецвыпуск газеты для оккупированных районов области. Журналисты и полиграфисты работали в Ельце под постоянными бомбёжками. Сотрудник газеты, известный писатель Евгений Горбов вспоминал много лет спустя о страшной бомбёжке в солнечный весенний полдень 1942 года: «Сотрудники выбежали из комнат и кинулись в типографский подвал. Мы стояли, прижимаясь к стене, и пугливо прислушиваясь к тому, что делалось наверху. Там был сущий ад. Острый пронзительный свист и удар – тяжкий, сокрушительный, от которого звенело в ушах и с потолка сыпалась штукатурка. Типографское здание вздрагивало: прямой удар и от нас осталось бы одно месиво» [18, л. 87].

План возвращения областной газеты в Орёл летом 1943 года был продуман за несколько недель до того, как в город вошли части Красной Армии. В составленных заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации Орловского обкома ВКП(б) Чернявским «Мероприятиях по организации в г. Орле печатания бюллетеня […] и по обеспечению города газетами и журналами» [19, л. 24] намеча-

лось направить в областной центр бригаду из трёх человек (заместителя редактора «Орловской правды» В. Е. Комма, наборщика и печатника), для чего уже к 25 июля подготовить печатную машину «американка» (походная типография), радиоприемник, запас бумаги и дополнительное количество шрифтов. В день освобождения Орла и в последующие дни планировалось организовать выпуск спецномеров «Орловской правды» для населения города и прилегающих районов.

Первый номер бюллетеня в освобождённом Орле готовили 5 августа под руководством В. Е. Комма в коридоре частной квартиры сохранившегося дома, а первый номер «Орловской правды» был отпечатан в Орле в типографии «Труд» 21 августа 1943 года. Издательство газеты «Пензенская правда» отправило Орлу комплект типографского оборудования (два железнодорожных вагона), что позволило быстро наладить полиграфическое производство в разрушенном городе.

Возрождалась издательская деятельность. «Орловской правдой» в 1943 году были выпущены в свет несколько сборников «Зверства немецко-фашистских захватчиков», брошюры «Орловская битва» А. Карлова, «Ликвидация Орловского плацдарма немцев и взятие советскими войсками городов Орла и Белгорода», «XXVI годовщина Великой Октябрьской социалистической революции Доклад председателя Государственного комитета обороны тов. И. В. Сталина на торжественном заседании Московского совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1943 года» (тираж 25 тыс. экз.), сборник материалов «О борьбе орловских партизан с немецко-фашистскими захватчиками» (тираж 8 тыс. экз.).

31 декабря 1943 года было принято решение облисполкома и бюро обкома ВКП(б) об организации областного Дома печати: «Организовать в г. Орле «Дом печати» с размещением в нём типографии «Труд», редакции газеты «Орловская правда», издательства обкома ВКП(б) и облисполкома, книжной редакции, обллита и управления издательств и полиграфии. Предложить горисполкому к 20 декабря 1943 г. передать областному управлению издательств и полиграфии бывшее здание областной типографии «Труд» по ул. Ленина, 1 для размещения областного «Дома печати» [20, с. 435]. Обратим внимание на одно несовпадение: предложение горисполкому датировано позже, чем должна была произойти передача здания (31 декабря и 20 декабря). Можно предположить, что идея создания Дома печати имела не только сторонников, но и противников, принятие решения затянулось, что было редкостью для практики партийной работы в годы войны.

По состоянию на 1 января 1944 года, на территории Орловской области было восстановлено (частично) 57 типографий.

В первые послевоенные годы в Орле издавались книги в основном аграрной тематики, однако уже в 1948 году начался выпуск литературно-художественного «Орловского альманаха», были изданы книги на темы спорта и охраны природы. Ежегодно «Орловская правда» выпускала 50–60 книг и брошюр, а также плакаты и листовки (общий тираж около 500 тыс. экз.).

В марте 1949 года решением областного Совета депутатов трудящихся управление издательств и полиграфии было реорганизовано в управление по делам полиграфии, издательств и книжной торговли, в июле 1953 года его преемником стало областное управление по печати. До 1957 года

издательской деятельностью в Орле занималась книжная редакция издательства «Орловская правда», затем было создано Орловское книжное издательства (работало до 1964 года, когда издающие организации четырёх областей были объединены в Приокское книжное издательство с центром в Туле).

30 декабря 1960 года в Орле было сдано в эксплуатацию здание типографии «Труд». Новейшее по тому времени оборудование позволило значительно ускорить набор, вёрстку, печать. Оставалось всего три десятилетия до той поры, когда на смену советской монополии в полиграфической отрасли придёт свобода предпринимательства и в Орле появится множество мини-типографий, различных издающих организаций.

Примечания

1. Жукова Ю. В. Книжное дело Орловской губернии: конец XVIII – начало XX вв.: справочник. – Орел: Издатель А. В. Воробьев, 2005. – С. 26, 34.

2. Пухальский И. М. Материалы по истории периодической и непериодической печати в Орловском крае. – Орел, 1947.

3. Бунин И. А. Жизнь Арсеньева. – Тула: Приокск. книжн. издательство, 1985. – 414 с.

4. Очерки истории Орловской партийной организации. – Тула: Приокск. книжн. издательство, 1967. – С. 17.

5. Орловская правда. – 1923. – 5 мая.

6. Очерки истории Орловской партийной организации. – Тула: Приокск. книжн. издательство, 1967.

7. Давыдова А. Старое фото – весть из прошлого // Город Орел (еженедельная газета). – 2006. – 26 апр.

8. Вестник Орловского губкома. – 1922. – № 1–2.

9. «Красное утро» / А. Пл. // Железный путь (Воронеж). – 1919. – № 9.

10. Настольный календарь-справочник по Орловской губернии. 1923 г. – Орел: Орловское отделение ГИЗ, 1922.

11. Доклад XI-му Орловскому губернскому съезду Советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов о деятельности губернского экономического совещания. – Орел: Орловское губернское экономическое совещание, 1922.

12. Орловская правда. – 1925. – 12 июня.

13. Вопросы страхования. – 1926. – № 5.

14. Отчетный доклад Гублита по издательской деятельности за 1925 год // Госархив Орловской области. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1788.

15. Наше время (Верховский район Орловской обл.). – 2002. – 20 нояб.

16. Романовский Н. В. По фронтовым дорогам: Рассказы, очерки, фронтовые дневники, письма / Н. В. Романовский. – Воронеж: Центр.-черноземн. кн. изд-во, 1971.

17. Очерки истории Брянской организации КПСС. – Тула: Приокск. кн. изд-во, 1968.

18. Горбов Е. К. Невидимое миру (рукопись воспоминаний) / Е. К. Горбов // Государственный литературный музей И. С. Тургенева. Ф. 32. Ед. хр. 6333 ОФ.

19. Госархив Орловской области. Ф. П-52. Оп. 2. Д. 627.

20. Цит. по: Выстояли и победили! Орловская область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сб. документов и материалов. – Орел: Орловская правда, 2005.

21. Докладная записка инструктора отдела пропаганды и агитации Орловского горкома ВКП(б) Кузиной сектору печати обкома ВКП(б), 7 июля 1944 г. // Госархив Орловской области. Ф. П-52. Оп. 2. Д. 920.

«ВЕРХОВЕНСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА» – КНИГА, ИЗДАННАЯ В ОРЛЕ В 1917 ГОДУ

В 1917 году в Орле в типографии М. Л. Миркина (по сведениям историка книги Ю. В. Жуковой, заведение Моисея Лейбовича Миркина располагалось на Болховской улице с 1902 года [1]) была издана книга, разительно отличающаяся от прочей губернской полиграфической продукции того бурного времени. Неизвестный столичной и провинциальной публике адвокат Антонин Михайлович Михайловский предложил отменить национальный суверенитет и передать всю власть на земном шаре всемирному парламенту. Книга так и называлась: «Верховенство человечества и международный парламент» [2].

В первой части «Верховенство человечества» автор обосновал несостоятельность принципа государственного суверенитета, следствием которого являются обременительные пошлины, навязывание торговых договоров, невыдача преступников, деспотизм в малоразвитых странах, лозунги «Америка для Американцев», «Китай для Китайцев» [так в тексте: 2, с. 9], агрессия, подавление воли «завоёванных народов». Михайловский подытоживал: «Принцип суверенитета государства не имеет для себя разумного основания. Ведь государственное соединение ничем в существе не отличается от всякого другого группового соединения людей для общежития. Ведь возможные семейные, сельские, городские, губернские, областные, государственные

и общечеловеческие – соединения, и государственное соединение – это не самое высшее, не конечное. Оно лишь одно из промежуточных звеньев между личностью и человечеством (т.е. меняются и исчезают). Само существование государств, так и власть их ограничена волею других людей, народов или событий, т.е. совершенно не суверенна» [2, с. 12]. Далее следовало обоснование неизбежности суверенитета человечества: такова логика развития экономики [2, с. 21], исторически-национальные особенности постепенно сглаживаются [2, с. 25], идёт быстрая интернационализация языка и систем образования [2, с. 26].

Примечательно, что в качестве отрицательного примера Михайловский привёл позицию русофилов, раскритиковав давнюю партию А. С. Шишкова за «шаропихание» и «мокроступы» вместо «бильярда» и «галош». Также важнейшим аргументом стал вопрос о правах человека: «Будучи свободной личностью, всякий имеет право требовать охраны его и его общечеловеческих прав и интересов, где бы то ни было. Личность и её права, интересы должны быть ограждены во всяком уголке земного шара. Однако отдельные группы и государство могут безнаказанно нарушать их, смотря на всё с точки зрения своих групповых интересов и будучи односторонними, пристрастными» [2. с. 13].

По убеждению Михайловского, «объединение человечества» есть «проявление верховной – Божественной – воли и наступление «Царства Божия» на земле» [2, с. 19]. Не случайно поэтому сравнение объединения человечества с «прекрасным хором, выполняющим дивный партесный гимн свету» [2, с. 13]. (Заметим, что партесное пение – род русской церковной и концертной музыки, многоголосное хоровое пение, которое используется в богослужении у рус-

ских, украинцев и белорусов. Для этого стиля характерно использование западноевропейской музыкальной гармонии и чередование полного хора и хоровых групп (солистов), которое называется «переменным многоголосием»).

Во второй части книги речь идёт о новом органе глобальной власти. Михайловский прямо предложил будущему Учредительному собранию принять 1-ю статью Конституции: «Российская республика есть часть Великого Человечества. По всем вопросам, имеющим общечеловеческое или международное значение, она подчиняется законам верховного – суверенного – общечеловеческого органа – Международного Парламента» [2, с. 32]. Необходимо было сделать это безотлагательно: «Перед нами – море крови, миллионы трупов, голод, взаимная озлобленность людей и народов» [2, с. 51]. Заранее оценивая значимость решительного шага («Провозглашение этой одной статьи уже будет вечною заслугою этого Учредительного Собрания перед страною и перед всем человечеством» [1, с. 32]), Михайловский объяснил и его тактическую необходимость: будет положен конец мировой войне и обеспечен мир на вечные времена [2. с. 36], «суверенные законы Международного Парламента ударят по коронам королей и императоров и одним взмахом подрубят Гордиев узел тёмных и цепких дипломатических нитей и сложных хитросплетений, опутывающих и разъединяющих человечество» [2, с. 39], а значит, станет невозможным сепаратный мир Германии с Англией и Францией «помимо России и за счёт её земель» [2, с. 40], к тому же, по всей вероятности, будут списаны военные долги – «Россия задолжала, главным образом, англичанам и американцам, до 50 млрд. рублей» [2. с. 43].

Михайловский рассматривал международный парламент как гарант невозвращения России к прежнему государственному устройству: «Это верная, прочная броня против всяких контрреволюций, реставраций и т.п., как в настоящее, так и в будущее время. Всякий контрреволюционный замысел со стороны любой группы будет обречён заранее на неудачу […] иначе новосозданная стена может рухнуть или дать трещину. Это сильнейший логический шаг по тому пути, которым шли русские революционеры-народовольцы, боровшиеся за изменение строя России на республику и за Российский Парламент» [2. с. 49].

Восторгаясь своим грандиозным замыслом, Михайловский неоднократно патетически восклицал: «Кто же осмелится восстать против чистой идеи Международного Парламента и равноценности личности?» [2, с. 50], «Мы живём в один из величайших моментов жизни человечества. Нас овевает священное дыхание истории» [2, с. 51], «Каждая страна отдаст себя на общий суд» [2, с. 52].

Каков был механизм реализации проекта? После проведения международного предварительного совещания «самоопределение народов» должно было произойти на съезде, который естественным образом превратится в Международный Парламент, насчитывающий 600–800 депутатов, избранных из числа членов государственных парламентов [2, с. 55] (отметим практически точное совпадение цифр с современными реалиями: Европарламент насчитывал в 2007 году 785 депутатов, Парламентская ассамблея Совета Европы – 636 парламентариев).

Организацию деятельности парламента Михайловский считал делом самого нового органа и предлагал взять за образец Интернационал [2, с. 55]. В целом же один де-

путат должен был представлять 1–2 млн. избирателей или 2–3 млн. населения [2, с. 58]. Первое заседание должно было состояться в Москве, Петрограде или ином месте. Здесь же надлежало объявить Декларацию суверенитета человечества. Затем заседания проходили бы попеременно в разных странах, но вскоре предстояло построить «дивное здание» [2, с. 62].

Заканчивался авторский текст мощными призывами:

«Да здравствует коллективно единое человечество, его верховная воля и властный общечеловеческий орган – Международный Парламент!

Да здравствует свободная личность, её равноценность и развитие!

Да здравствует вечный мир и братство всех людей и народов!» [2, с. 64].

А собственно книга завершалась резолюцией, принятой единогласно на общем собрании солдат и офицеров 5-го авиационного парка 6 октября 1917 года: «Выслушав доклад А. М. Михайловского […] обратиться в Исполнительные комитеты Всероссийских съездов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и в Центральные комитеты партий социалистов-революционеров, социал-демократов меньшевиков и большевиков, народных социалистов и трудовой интеллигенции с призывом к объединению и к общему настоянию перед правительством, чтобы Правительство немедленно обратилось как к воюющим, так и к нейтральным государствам всего мира с декларацией […] Как все были едины в борьбе за Российское Учредительное собрание, так пусть же будут едины все и в борьбе за принцип верховенства человечества и за Международный Парламент» [2, с. 67].

На первой странице экземпляра, хранящегося ныне в фондах Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, имеется обращение: «Браты. По прочтении этой книги пусть у вас на душе станет светлее, и пусть ваш разум укажет вам путь, по которому идти». Вверху справа надпись от руки чёрными чернилами: «Российскому учредительному собранию. Автор». На 3-й странице примечание: «В сокращённом виде 27 октября – 1 ноября 1917 года эта работа была представлена в ЦК партии Соц.-Револ., Соц.-Дем. меньшевиков, Соц.-Дем. большевиков и Трудовой Нар.-Соц. Партии с вопросом, ставят ли они провозглашение суверенитета человечества и организацию Международного Парламента ближайшей задачею в своей международной программе борьбы за скорый, справедливый и прочный мир».

Как показал ход истории, обращение безвестного автора не возымело действия. Кем же был Антонин Михайловский, рискнувший изменить путь развития человечества? Подсказку даёт последняя страница обложки, где указаны «склады издания»: «г. Орёл, типография» и «г. Бийск Алтайской губ. (бывш. Томской). А. М. Михайловскому». Судя по разнообразной информации в Интернете, Михайловский был присяжным поверенным при окружном суде в Бийске. Увлекался эсперанто, вёл переписку с сибирской интеллигенцией. После революции 1917 года создал и возглавил пацифистскую «Лигу общечеловеческого братства и вечного мира», действовавшую в 1918–1920 гг. в Бийске и на Алтае. В разгар гражданской войны 4 июня 1918 года через газету «Бийская правда» лига обратилась к партии большевиков с призывом созвать Международный парламент. Спустя месяц с таким же призывом она обратилась к Временному Сибирскому правительству, но с добавлением о формировании

парламента в Сибири (в Омске или Томске) [3]. Последнее упоминание о А. М. Михайловском – в списке народных судей по Бийскому уезду 1920 года.

Примечательно также стремление автора в продвижении своих идей опереться на «авторитет» воинской части. 5-й авиационный парк был создан на основе 5-й авиароты в апреле 1916 года, его задачей были сборка и тестирование иностранных летательных аппаратов, ремонт повреждённых на фронте самолётов. Авиапарком, который в 1917 году базировался в Брянске, командовал профессиональный авиатор, штабс-капитан Владимир Михайлович Ольховский (1889–1929). Специалист с конструкторской жилкой, он сконструировал новый истребитель «Торпедо», испытания которого проходили в 1917 году. В последующие годы В. М. Ольховский был ближайшим помощником авиаконструктора Н. Н. Поликарпова.

Каковы были конкретные обстоятельства, сблизившие алтайского адвоката, орловского издателя и брянских военлётов, пока неизвестно. Для потомков важно другое: в переломные годы войны и революции, на пике кризиса граждане России мечтали о новом мироустройстве, занимали активную социально-политическую позицию и артикулировали власти свои требования.

И пусть попытка построения Нового Вавилона была обречена на неудачу, многое из заявленного тогда вовсе не было лишено смысла. Однако разновекторные силы повели народы и страны в другом направлении, где их ждали грабительские, позорные Брестский и Версальский мирные договоры, а затем и вторая мировая война. И всё же проекты наднациональной власти всегда вызывали живой интерес (примером тому создание Лиги наций, ООН, совре-

менная европейская, евразийская интеграция и т. д.), равно как и чётко обозначенное стремление обеспечить права человека, объединить усилия разных партий ради гражданского мира и общего блага. Изданная сто лет назад в провинциальном городе книга – своего рода манифест мыслящих людей, призыв к миру и дружбе народов. И это лишний раз подчёркивает уникальное значение книжности в истории цивилизации.

Примечания

1. Жукова Ю. В. Книжное дело Орловской губернии: конец XVIII – начало XX вв.: справочник. – Орёл, 2005. – С. 33.

2. Михайловский А. Верховенство человечества и международный парламент. – Орёл: Электротипография М. Л. Миркина, 1917. – 68 с.

3. Кудинов А. Терапия ненасилия // Век XX и мир. – 1989. – № 9. – С. 9–10.

ПО ЕГО КНИГАМ УЧИЛИСЬ НАШИ ДЕДЫ

В середине 1922 года педагогической секцией Орловского отделения Государственного издательства стал заведовать Иван Чикин.

Кто был этот человек, определявший издательскую политику губернии в первые годы советской власти? Прежде, чем ответить на вопрос, обратимся к дневникам Михаила Пришвина. 2 ноября 1919 года он, в то время елецкий учитель, записал: «Реэвакуация. Чикин и организация отдела народного образования. Затруднение вышло в недостатке партийных людей, между тем в финансовый подотдел необходим коммунист: некому чеки подписывать. В конце концов, вероятно, найдётся такой человек. Отдел будут вести школьные работники, а чеки подписывать коммунисты».

Весьма любопытно, что Чикин, как и Пришвин, оставил след в летописи книжного дела, да к тому же был автором изданий для детей…

Иван Алексеевич Чикин родился в 1888 году в Елецком уезде Орловской губернии. Учился в сельской церковно-приходской школе, затем в двухклассной школе, в учительской семинарии. С 1908 по 1911 год работал учителем Измалковского двуклассного училища (земской школы).

В 1916 году уже далеко не юного сельского учителя Ивана Чикина призвали в армию – рядовым пехотного полка. На фронте первой мировой войны он пробыл полгода, а потом, как и миллионы соотечественников, подался в родные места. Когда грянула революция 1917 года, Чикин, говоря языком

того времени, «находился после болезни в старой армии в отпуску» в елецком селе Лутово. В начале февраля его избрали первым председателем волостного исполкома в Чернаве. В этой должности проработал почти полгода. Чикин разделял тогда взгляды левых эсеров, даже вступил в их партию, но мятеж лета 1918 года положил конец пребыванию волостного главы в эсеровской партии. Время было лихое – собирая чрезвычайный революционный налог, волостной глава получил пулю от одного из недовольных новой политикой селян… В коммунистическую партию Ивана Чикина приняли в особо торжественный день, когда отмечалась первая годовщина Октябрьской революции, – 7 ноября 1918 года.

С 1 мая 1919 года Иван Алексеевич руководил агитационно-просветительским отделом Елецкого уездного военкомата, а уже в декабре, после освобождения города от деникинцев, возглавил уездный отдел народного образования. Примерно к тому времени относится упомянутая дневниковая запись Михаила Пришвина.

В сентябре 1920 года Чикина перевели на работу в губернский Орёл – он занял должность заместителя главы губполитпросвета. Вчерашний елецкий учитель смело искал новые формы работы, часто выступал в печати. В первомайском номере (1921) губернской газеты напечатали его статью «Торжественный май». А в заметке «О чтецкой повинности» Чикин заявил: «Губполитпросвет, учитывая важность организованного использования печатного материала, поставил своей целью через губисполком провести в порядке обязательного постановления чтецкую повинность и для этой цели выработал соответствующую инструкцию для чтецов-толкователей, разослав её по уездам» (Красная правда, 1921, 8 июня).

Мы не знаем, была ли введена в 1921 году на Орловщине таковая повинность, однако её инициатора партруководство вскоре двинуло на газетную работу: в июле 1921 года Ивана Алексеевича назначили редактором губернской «Красной правды» (в январе 1922 года переименована в «Земледелец и рабочий»).

3 ноября 1921 года в «Красной правде» сообщалось: редакция открывает в газете по четвергам постоянную литературную страницу. Первая была напечатана тут же, на четвёртой полосе под рубрикой «Уголок пролетарского творчества». Подборку венчал аншлаг:

Мы поём и куём грани нашей судьбы,
Мы скорей кузнецы, чем поэты…
Наши песни труда – воплощенье борьбы,
Коллективных миров первоцветы.

В те же дни «Красная правда» проинформировала о подготовке к изданию «Хрестоматии из лучших произведений орловских писателей и поэтов» и опубликовала объявление: «Лица, желающие принять участие, благоволят присылать свой материал с пометкой «Для хрестоматии» в редакцию «Красной правды». Желательно участие в этом и со стороны орловского педагогического мира» (Красная правда, 1921, 10 нояб.).

Судя по анкете партпереписи, оклад редактора губернской газеты (17-й тарифный разряд) в начале 1922 года составлял 1,7 миллиона рублей. Мечтой 34-летнего журналиста Чикина была учёба по агрономической специальности. Состояние здоровья не позволяло ему постоянно находиться на редакционном капитанском мостике, он периодически уезжал в деревню подлечиться [1]. Видимо, это

и стало причиной перехода на другую работу – с середины 1922 года Чикин стал заведовать педагогической секцией Орловского отделения Государственного издательства.

Интерес Ивана Алексеевича к книжному делу проявился ещё в самом начале 1920-х годов. Так, например, в 1921 году в Орловском отделении Госиздата вышла его книга «Американский метод обучения грамоте: Пособие для школьных работников по ликвидации неграмотности» (в последующие годы была дважды переиздана в Орле). В 1922 году губполитпросвет издал весьма любопытную брошюру Чикина под совершенно нестандартным названием «Не будь денежным дезертиром: Слово к крестьянам о денежном подворном налоге. Для прочтения на всех сельских сходах, коллективах, совхозах, артелях и коммунах Орловской губернии». Тогда же в Орле была издана ещё одна брошюра Чикина – «Пятая годовщина Октябрьской революции: Речь к рабочим и крестьянам. Для прочтения на всех собраниях, сходах и митингах в день торжества пятой годовщины Октябрьской революции».

Успешный издательский работник И. А. Чикин пробовал силы и в беллетристике. В начале 1925 года выходят отдельными изданиями его рассказы «Как Ванька пионером стал» (с иллюстрациями известного орловского художника Вячеслава Третьякова), «У костра» (по мотивам произведений И. С. Тургенева). Однако в Орле издательское дело стремительно сворачивалось, и Чикин переезжает в соседний Брянск, ставший к тому времени губернским центром. Судя по документам Брянского госархива, Иван Алексеевич работал здесь в должности пропагандиста губернского комитета ВКП(б) [2]. В брянском партийном журнале «Коммунар» в 1927 году был опубликован ряд его статей: «Языком

пушек во имя Христа» (№ 4), «Старая погудка на новый лад (К вопросу о борьбе с антисемитизмом)» (№ 9), «Сектантство в Бежицком уезде» (№ 12), «Очередные задачи антирелигиозной работы» (№ 21).

Интерес приехавшего из Орла Чикина к атеистической теме оказался в Брянске весьма востребованным. Характерно, что в партийной анкете 1922 года Чикин указал: «Атеистом стал в 18 лет», т. е. произошло это в годы первой русской революции, в годы учёбы в учительской семинарии… Пропагандист губкома Чикин творчески подошёл к обилию всевозможной атеистической литературы, присылаемой из Центра. К тому же ясен был и социальный заказ – стремительное разворачивание в глубинке сети ячеек общества воинствующих безбожников.

Чикин затевает масштабный издательский проект – серию «Письма для кружков по антирелигиозному самообразованию: Библиотечка антирелигиозного самообразования». Брошюры, подготовленные Чикиным, сравнительно невелики по объёму, стоили всего 10 копеек, выходили примерно два раза в месяц тиражом 3 тысячи экземпляров, причём первоначально ряд выпусков печатался в Орле (видимо, были задействованы старые связи Чикина).

С образованием Западной области, в состав которой вошёл Брянск (центр области – Смоленск), Чикин начинает сотрудничество со смоленским издательством. Здесь выходит в свет второе издание его рассказа «У костра» (1930), а уже в 1931 году – учебник «Мы – колхозники: Книжка для обучения грамоте в сельской школе I ступени» тиражом 100 тысяч (!) экземпляров. Однако тираж оказался недостаточен: уже в следующем году появилось второе издание учебника, исправленное и дополненное (в соавторах теперь была

Е. П. Мартынова) – тиражом 150 тысяч экземпляров. Тогда же в Смоленске были напечатаны тиражом по 10 тысяч экземпляров «Пособие для обучения детей грамоте по книжке «Мы – колхозники» и «Методика обучения детей грамоте по книжке «Мы – колхозники» (обе брошюры подготовил Чикин).

Осенью 1937 года восточная часть Западной области (включая Брянск) вошла в состав вновь образованной Орловской области, соответственно в Орле было создано книжное издательство. И одной из его новинок стала книга старого орловца Ивана Чикина «Почему коммунисты борются против религии» (1940). Периодически он публиковал статьи на атеистические темы в «Орловской правде» (например, статья «Происхождение и классовая сущность пасхи» была напечатана 18 апреля 1941 года).

Дальнейшая судьба Ивана Алексеевича Чикина неизвестна.

Примечания

1. ГАОО. Материалы Всероссийской переписи РКП(б). ФП-1. Д. 123. Л. 71.

2. Государственный архив Брянской области. ФП-1. Оп. 1. Д. 1425. Лл. 1 об, 21 об.; Д. 1660. Л. 230 об.

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ «АКАДЕМКНИГА»

Представления наших современников о культурно-образовательной сфере периода 1920-х годов довольно упрощённы и стереотипны. «Угар НЭПа», литературные течения, кооперативные издательства с ориентиром на вкусы обывателя, влачащие жалкое существование вузы и техникумы… Казалось бы картина понятна. Но стоит обратиться к фактам, к первоисточникам, и открываются следы интереснейших процессов и тенденций, которые могут быть поучительны и в наше время. Одна из таких малоизвестных граней 1920-х годов – ориентированная на резкий рост знаний политика издательств, мощное участие в их деятельности учёной элиты. И, что наиболее важно отметить, речь идёт об издательской сфере провинции.

В 1920-е годы на Орловщине активно развивалось издательское дело. Ещё в мае 1923 года на базе отделения Госиздата было создано издательство «Красная книга». Заведующим издательством был назначен Д. А. Герасимов (прежде – заведующий отделением ГИЗа в Орле), заместителем – И. И. Савич, секретарём – А. Германо, управляющим культурным отделом – Н. К. Вейсенберг. В декабре 1923 года издательству была передана типография «Орловская правда» (газета печаталась здесь до апреля 1924 года). Выпускавшийся в 1923–1924 годы «Бюллетень (каталог) издательства «Красная книга» показывает, что оно собрало в Орле лучшие литературные и издательские силы города и губернии. В издательстве функционировали три секции:

1. Сельскохозяйственная.
2. Научно-популярная.
3. Научно-педагогическая.

Склады и магазины «Красной книги» располагались не только в Орле, но и в Москве, Курске, Брянске, Ельце, Ливнах, Болхове и других уездных городах. Около половины всех изданий составляла литература сельскохозяйственной тематики, остальная имела учебный характер. Вышла в свет «Сельскохозяйственная библиотека крестьянина» (52 брошюры объёмом 1–2 печатных листа, ценою 10–15 копеек, по всем отраслям сельскохозяйственного производства) [1]. Выпускалось большое количество учебников нового, советского типа, а также художественная и агитационно-пропагандистская литература. Только за 1923 год издательством было выпущено 56 книг и брошюр тиражом 227 800 экземпляров (а всего с мая 1922 года по январь 1925-го – 71 издание тиражом 453 000 экземпляров).

Можно предположить, что развитие местного издательства стимулировалось стремлением руководства губернии добиться в рамках нового схемы районирования создания Северо-Чернозёмной области с центром в Орле (в Москве же предполагали сформировать Центрально-Чернозёмную область с центром в Воронеже). Издательская политика должна была служить своеобразной рекламой Орла как межрегионального центра образования, науки и культуры. Неудивительно, что среди авторов книг тех лет мы встречаем имена практически всех известных деятелей Орловщины – писателей, краеведов, педагогов и т. д. Особое внимание обратим на тех, кто работал в сфере образования и науки. В Орле, в отличие от Воронежа, не было университета, но местные учёные и светила науки из столиц своим вкладом

в издание книг создали в те годы, говоря современным языком, виртуальный вуз в виде уникального для провинции книжного репертуара. Сотрудники ведомств и организаций, члены научно-педагогического общества при Орловском педагогическом институте, учёные Шатиловской опытной сельскохозяйственной станции, преподаватели садово-огородного техникума, – все они с энтузиазмом работали на благо науки просвещения. Назовём ряд имён маститых учёных, чьи имена можно встретить на обложках печатавшихся в те годы в Орле книг.

Психологи и психиатры. Выпускавшийся издательством «Красная книга» «Педологический журнал» объединил интеллектуальную элиту данной отрасли науки. В первую очередь, это академик В. М. Бехтерев, учёные Москвы и Ленинграда. Причём они печатались не только в журнале, в Орле выходили отдельными изданиями и их книги.

Владимир Алексеевич Артёмов (1897–1982) – психолог, специалист в области психологии речи и обучения иностранным языкам, детской дефектологии, психологии сценического искусства, психологии восприятия и памяти. Автор коммуникативной теории речи. Доктор педагогических наук. Заведующий кафедрой МГПИ иностранных языков имени М. Тореза. Один из авторов сборника «Методы изучения ребёнка» (Орёл, 1923).

Ася Ильинична Колодная (1895–1976) – психолог, врач, один из ведущих в СССР специалистов по психологии труда. Кандидат педагогических наук. В Орле отдельным изданием вышел её первый научный труд «Психографическая схема для разработки биографического материала» (1924).

Николай Александрович Рыбников (1880–1961) – психолог, член-корреспондент Академии педагогических наук

РСФСР (1947), доктор психологических наук, профессор. Специалист в сфере возрастной и педагогической психологии. Основная деятельность была связана с Институтом психологии при Московском университете (НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР), где он работал с 1912 года до конца своей жизни. Один из авторов сборника «Методы изучения ребёнка» (Орёл, 1923), редактор сборника «Как изучать ребенка» (Орёл, 1923), составитель указателя «Русская педологическая литература» (Орёл, 1925).

Анна Михайловна Шуберт (1881–1963) – психолог, специалист в области тестов. Окончила университет в Цюрихе, доктор философских наук. Один из авторов сборника «Методы изучения ребёнка» (Орёл, 1923).

Педагоги. Василий Порфирьевич Вахтеров (1853–1924) – педагог, учёный, методист начальной школы, основоположник концепции «эволюционной педагогики». Одно время работал в Смоленской губернии, читал лекции в Курске, преподавал в МГУ. Его «Русский букварь» выдержал более 120 изданий, в том числе два – в 1923 году в Орле.

Нестор Парменович Гришаков родился в 1872 году в Курской губернии. Журналист, литератор. народный учитель в Курской губернии и Крыму, заведующий земским приютом. Автор книг «Трудовая школа» и «Детская преступность и борьба с нею путём воспитания» (Орёл, 1923).

Августа Александровна Дернова-Ярмоленко (1869–1930) – педагог, литератор, одна из первых женщин России, получивших высшее медицинское образование. Профессор, ближайшая сотрудница академика В. М. Бехтерева в созданном им Институте Мозга. Написала первые в России книги о раннем воспитании детей, адресованные матерям. Редак-

тировала и издавала журналы «Семейный вестник», «Семейное воспитание». В Орле была издана её книга «Педологические основы воспитания» (1924).

Вера Михайловна Федяевская (1875–1956) – детская писательница, переводчица. Занималась научно-исследовательской работой в области дошкольной педагогики. Кандидат педагогических наук. Автор множества книг по вопросам воспитания, детской литературы и детского чтения (изданы в Москве, Ленинграде, Казани). Первые книги вышли в 1924 году, в т. ч. в Орле («Границы вмешательства в детскую жизнь»).

Врачи. В 1923–1924 гг. «Красная книга» издавала в Орле «Труды Государственного Медицинского института в Москве», соответственно, этот город указан в выходных сведениях ряда научных трудов на медицинские темы.

Александр Николаевич Антонов (1884–1947) – педиатр, доктор медицинских наук, профессор, Заслуженный врач РСФСР. Организатор детского здравоохранения Ленинграда. Один из основоположников Ленинградского научно-практического института Охраны материнства и младенчества имени В. И. Ленина и Ленинградского педиатрического медицинского института. Из-за мировой и гражданской войн диссертацию «Сельские летние ясли в России и их значение для охраны младенчества» защитил только в 1924 году. Тогда же в Орле была издана его брошюра «Игра в куклы и её общественное значение».

Евгений Николаевич Малютин (1866–1943) – профессор медицинского факультета МГУ. В 1923 году в Орле издана его научная работа «Экспериментальная фонетика и научные основы постановки голоса».

Гавриил Петрович Сахаров (1873–1953) – врач, иммунолог, эндокринолог, доктор медицинских наук, профессор

МГУ. В Орле изданы его научные работы «О соотношении передаваемых по наследству признаков» и «О влиянии сомы на идиоплазму» (1924).

Владимир Германович Штефко (1893–1945), профессор, выдающийся патологоанатом, антрополог, основатель отечественной школы возрастной морфологии. Доктор медицинских наук, заведующий кафедрой в Таврическом университете, затем заведующий лабораторией Центрального туберкулёзного института, с 1927 года на аналогичной должности в Государственном научном институте охраны здоровья детей и подростков. В 1924 году в Орле вышла его книга «Влияние голодания на детский организм» (1924).

Биологи и деятели аграрной науки. Семён Рафаилович Дикштейн (1858–1884) – польский биолог, участник революционного движения. Жил во Франции и Швейцарии. «Кто чем живёт» – так называлась его книга, изданная в Орле в 1924 году.

Фелицата Варламовна Коблова родилась в 1884 году, специалист в области защиты растений. Первая её научная работа была напечатана в Ельце в 1914 году – «Яблонная медяница-листоблошка» (приложение к журналу «Наше хозяйство»). В последующие годы издала более десятка брошюр в Москве. В Орле в 1925–1928 гг. вышло в свет шесть её небольших брошюр.

Юрий Емельянович Макаренко (1881–1932) – специалист по индустриализации областного земельного управления ЦЧО в Воронеже. Активно занимался кооперативной работой. Автор множества брошюр, выходивших в столичном издании И. Д. Сытина. В Орле изданы материалы для бесед с крестьянами «Что надо знать земледельцу о почве» (1922).

Алексей Николаевич Харузин (1864–1932) – этнограф и антрополог, до революции – бессарабский губернатор, сенатор. В начале 1920-х гг. работал на Шатиловской опытной станции, затем преподавал в сельскохозяйственном политехникуме в Москве, консультантом в Сельхозгизе. В 1925 году в Орле вышла его книга «Удобрение в огородничестве»

В Орле в 1927 году были изданы «Очерки по организации промышленности» Михаила Михайловича Федоровича (1893–1969) – доктора экономических наук, заслуженного деятеля науки РСФСР.

В числе издававшихся в Орле авторов – Роберт Юрьевич Виппер (1859–1954), историк, академик Академии наук СССР с 1943 года. Профессор Московского университета. В 1923 году в Орле было издано три его учебника.

Александр Ильич Тюменев (1880–1959) историк и востоковед, специалист по истории древнего мира. Научный сотрудник Ленинградского отделения Коммунистической академии. Преподавал в ЛГУ, академик АН СССР. В Орле вышла его книга «История труда» (1923).

Почему учёные из Москвы столь часто издавались в провинции? Видимо, причины не только в инициативе местных издателей. Для столичных профессоров участие в подобных проектах было продолжением «хождения в народ» второй половины XIX века. Однако орловские издатели, активно привлекая именитых авторов со стороны, в то же время давали возможность проявить себя доморощенным авторам, сформулировать свои знания и умения в виде пособий, книг. Наиболее выдающееся издание в этом ряду – фундаментальный труд «Природа Орловского края» (1925). Не имея возможности обозначить весь круг названий книг и авторов, назовём наиболее значимые. Итак, в 1920-е годы в Орле были изданы:

– шесть брошюр агронома С. И. Плотникова о земледелии и технических культурах, три брошюры преподавателя Орловского садово-огородного техникума И. С. Кисенко;

– брошюра старшего специалиста по садоводству и огородничеству губземуправления П. Ф. Горшина «Домашний огород крестьянина» (1922, впоследствии его книги издавались не только в Орле, но и в Москве);

– учебник педагога В. А. Волгина «Природоведение» (1924);

– два учебника по химии преподавателя Орловского госуниверситета Л. И. Селинова;

– конспект лекций преподавателя Орловского госуниверситета Е. М. Хомиченко «Минералогия» (1921);

– текст лекций директора Орловского технического училища путей сообщения В. К. Глоговского «Сопротивление материалов» (1922);

– учебник «Электротехника сильных токов» в переводе с немецкого инженера А. А. Боровича (1924);

– пособия инженера С. Г. Грачёва «Элементарные технические расчёты в примерах и задачах» и инженера Н. А. Попова «Составление технических чертежей в аксонометрических проекциях» (1927);

– «Конспект по курсу автомобильного двигателя» В. И. Дворецкого (1924);

– три пособия (в том числе «Первоначальный учебник новой русской грамматики») педагога-словесника С. И. Горового;

– брошюра В. Н. Хитрово «Начальная школа и краеведение» (1924).

Как видим, тематика книг была весьма широка: не только сельское хозяйство и педагогика, но и естественные науки, техника. К сожалению, развить эти направления издатели

не смогли – Издательство «Красная книга» было реорганизовано и вскоре закрылось. Исчезновение успешно работавшего губернского издательства с арены политической, хозяйственной, культурной и научно-образовательной жизни было по-своему символичным. В стране активно проводилась централизация, которая позволяла эффективнее контролировать в том числе и науку, книжное дело, имевшие важное идеологическое значение. Часть издательских функций перешла от Орла столице ЦЧО Воронежу, но в основном сфера этой деятельности концентрировалась в Москве. Примечательно, что даже в таких ужесточавшихся условиях орловские издатели нашли для себя нишу выживания – в качестве полиграфической базы столичного издательства «Новая деревня» [2].

«Новая деревня» – издательство, открытое 1 января 1922 года на базе издательского отдела Наркомзема, получившего в 1919 году производственные фонды «Товарищества издательского дела и книжной торговли О. Н. Поповой». Требования к издательству были сформулированы в директиве XII съезда РКП(б).

Выпускало литературу по всем отраслям сельского хозяйства, более половины изданий приходилось на долю массовой книги для крестьян. Основная серия «Сельская библиотека» была рассчитана на только что научившихся читать и имела целью поднять культуру земледелия. Привлекая авторов из самих крестьян, партийных, сельскохозяйственных работников, деревенскую интеллигенцию, создав крестьянскую редакционную коллегию, «Новая деревня» сумела дать селу книгу, нужную по содержанию и доступную по изложению.

На агрономов, работников земельных управлений и руководителей сельскохозяйственных кооперативов

была рассчитана серия «Библиотека земледельца» – популярные книги, посвященные теории и практике сельского хозяйства.

Характерная особенность: «Новая деревня» переиздавала и лучшие из книг дореволюционных издательств (А. Ф. Девриена, П. П. Сойкина, Департамента земледелия и др.), подвергнув их редакционной переработке. Это были работы активно сотрудничавших с издательством К. А. Тимирязева, Н. И. Вавилова, В. В. Винера, Н. М. Тулайкова, В. А. Харченко, К. К. Гедройца, М. Ф. Иванова и других.

Некоторые книги «Новой деревни» дважды и трижды переиздавались. Их популярности, кроме актуального содержания, способствовали обилие иллюстраций, крупный шрифт и доступная цена. Издательство имело книжные магазины и отделения в крупных городах, выпускало еженедельную газету Наркомата земледелия «Сельскохозяйственная жизнь», ежемесячный популярный журнал «Новая деревня» и научный журнал «Сельское и лесное хозяйство».

Сейчас трудно ответить на вопрос, почему часть книг «Новой деревни» печаталась именно в Орле. Издательство имело собственную типографию в Москве, задействовало полиграфические мощности в Туле, Курске, Твери, Саратове, Ленинграде. Однако около 10% названий книг «Новой деревни было напечатано в Орле (1930–3 названия, 1929–32, 1928–51, 1927–36, 1926–37, 1925–3, 1924 и 1923 – нет, 1922–1). Тираж издания составлял обычно 5 тысяч экземпляров (значительно реже 4 или 20 тысяч).

Выдвинем версию о том, что на установление деловых контактов между Москвой и Орлом повлияли три фактора. Во-первых, в Орле ещё с дореволюционных времён изда-

вались труды Шатиловской опытной сельскохозяйственной станции – одной из первых в России, альма матер отечественной аграрной науки. Во-вторых, динамика интенсивности печати в Орле показывает, что «Новая деревня» как будто подхватила ритм «Красной книги», возможно, использовались старые связи по реализации, логистика закрывшегося орловского издательства. В-третьих, москвичей устраивал опыт орловских полиграфистов, которые прежде работали с полноформатным местным издательством. Надо учесть, что в силу технических условий того времени, в Орле осуществлялись не только печать (а также брошюрование, переплёт книг), но и набор, вёрстка, возможно, и корректурная читка. А это требовало высокого профессионального уровня.

Назовём некоторых, наиболее известных авторов книг «Новой деревни», которые были напечатаны в Орле в 1920-е гг. (особо указаны «земляческие приметы» – факт рождения или работы в губерниях, соседних с Орловской).

Александр Васильевич Белицер (1873–1940) – учёный-бактериолог, ветеринар, профессор.

Григорий Васильевич Богаевский (1877–?) – профессор Саратовского СХИ, заместитель директора Зооветеринарного института по научной работе.

Владимир Николаевич Варгин (1866–1936) – агроном, заведующий кафедрой сельскохозяйственной экономии и организации хозяйства Пермского университета, Герой Труда РСФСР.

Гавриил Иванович Гурин (1860–?) – учёный-ветеринар, преподаватель Московского сельскохозяйственного института. Автор популярных книг по ветеринарии.

Михаил Александрович Дернов (1868–1920) – известный пчеловод, автор книг и издатель журналов по пчеловодству.

Дмитрий Владимирович Елпатьевский (1890(?)–1966) – профессор Саратовского Зооветеринарного института.

Алексей Алексеевич Зубрилин (1906–1966) – специалист по технологии травяных кормов. Заместитель директора Всесоюзного института кормов, доктор сельскохозяйственных наук. В послевоенные годы – директор Всесоюзного института кормления сельскохозяйственных животных. Впервые в СССР разработал научно-обоснованную систему консервирования зеленых кормов.

Леон Иосифович Иозефович (1892–1932) – научный руководитель зональных опытных сельскохозяйственных станций.

Павел Николаевич Кулешов (1854–1936) – уроженец Малоархангельска. Учёный-животновод, профессор, член-корреспондент АН СССР. Один из основоположников русской зоотехнической науки, заслуженный деятель науки РСФСР.

Александр Васильевич Леонтович (1869–1943) – физиолог и гистолог, доктор медицины, до революции заведовал кафедрой Московского СХИ, затем работал в Киеве. Академик АН Украинской ССР, заслуженный деятель науки и техники УССР.

Алексей Николович Макаревский (1863–1942) – уроженец Смоленской губернии. В 1911–1917 гг. заведовал ветеринарным отделом Тульской губернской управы, затем профессор ветеринарных вузов в Харькове, Витебске.

Сергей Александрович Монин (1891–1972) – учёный в области географии и почвоведения, доцент Московского педагогического института.

Владимир Григорьевич Плигинский (1884 – не ранее 1930) – энтомолог, специалист по защите растений, один из

основателей отечественной спелеоэнтомологии. В 1914–1926 гг. заведовал Курской станцией защиты растений.

Соломон Аронович Рейнберг (1885–1959) – экономист, профессор, доктор экономических наук.

Александр Александрович Ржаницын (1868–1939) – профессор Московского межевого института.

Евгений Евгеньевич Скорняков (1876–1946) – один из основоположников гидромелиоративной науки в России. Работал в Госплане СССР, профессор Межевого института, Московского высшего технического училища и горной академии.

Александр Петрович Смирнов (1877–1938) – крупный советский государственный и партийный деятель, нарком земледелия РСФСР, секретарь ЦК ВКП(б).

Троицкий Николай Николаевич (1887–1938) – профессор-энтомолог Казахского филиала АН СССР.

Абрам Евлампиевич Титов (1843–1942) – известный деятель пчеловодства. В США изучал опыт пчеловодства. Издатель журнала «Пчеловодный мир». Работал над организацией крупнейшего в мире пчеловодного хозяйства. В 1930 году по его проекту на Дальнем Востоке был создан пчеловодный совхоз, а затем Приморский трест пчеловодных совхозов.

Алексей Петрович Уранов (1876–?).

Сергей Петрович Фридолин (1881–1938) – профессор Омского СХИ.

Энох Цандер (1873–1952) – известный немецкий исследователь пчёл, профессор.

Артемий Абрамович Чучупал (1884–1937) – уроженец Воронежской губернии. Работал главным агрономом треста свиноводства в Калинине.

В этом ряду надо назвать также упоминавшегося выше автора «Красной книги» А. Н. Харузина, специалиста в области животноводства С. М. Крот-Криваля. Естественно, возникает вопрос: почему эта примечательная страница издательской истории Орловщины (выход 160 книг аграрной тематики столичного уровня) никак не отразилась в исследованиях историков, в мемуарах, профессиональной литературе? Вполне возможно, что причиной тому печальный финал «Новой деревни». Её деятельность оказалась в русле идей видного партийного деятеля Н. И. Бухарина.

Сворачивание НЭПа и резкое начало коллективизации послужили определённым сигналом для капитанов издательского дела. Ориентированные прежде на обслуживание крепкого, предприимчивого земледельца-хозяина, они пытались найти новые форматы: так, в 1928 году «Новая деревня», помимо книг профессоров, издала серию брошюр за авторством самих крестьян. Эти книжечки, печатавшиеся в Орле, типологически напоминают будущие брошюры с рассказом об опыте стахановцев.

Но ни эти, ни другие попытки уже ничего не могли изменить. После снятия Бухарина с высоких постов осенью 1929 года началось стремительное уничтожение прежних структур, призванных нести его идеи в массы. На базе издательств «Новая деревня» и Сельхозотделения ГИЗа в рамках Объединения государственных издательств (ОГИЗ) было образовано издательство Сельколхозгиз (с 1963 года издательство «Колос»). Настоящие гонения развернулись в отношении учёных аграриев – эти репрессии были частью масштабных чисток вообще в отношении людей науки и выдающихся управленцев. Сверка фамилий авторов изданных в Орле в 1920-е годы книг со списками постра-

давших от политических преследований даёт вполне конкретный результат. Р. Ю. Виппер в 1924 году был выслан в Латвию, репрессированы Е. Е. Скорняков (в 1930 году), В. Н. Хитрово (1931), А. П. Уранов (1931), Г. В. Богаевский (1934), Д. В. Елпатьевский (1935), С. М. Крот-Криваль, расстреляны А. П. Смирнов, Н. Н. Троицкий, С. П. Фридолин, А. А. Чучупал, умерли в заключении Ю. М. Макаренко и А. Н. Харузин. Время показало, что изданные в Орле книги стали своеобразным памятником их авторам.

Тема издательской деятельности 1920-х годов остаётся ещё малоизученной, крайне мало сведений имеется о круге авторов, издательских работников, о собственно деятельности издательств и типографий, роли местных изданий в социально-экономической и научно-учебной сферах. Предстоит большая исследовательская работа по самым разным направлениям.

Примечания

1. Такая библиотечка являлась своеобразным продолжением традиций земских аграрных журналов периода столыпинской реформы, например, «Вестник Орловского общества сельского хозяйства», «Наше хозяйство» (Елец).

2. Орловская типография вообще активно действовала на всесоюзном рынке – например, получила в конце 1920-х гг. заказы на печать большими тиражами расписаний пригородных поездов Московского узла.

ОРЛОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО: ВЕХИ ИСТОРИИ

Предвоенные годы

История областного книжного издательства в Орле (1938–1964) является мало исследованной темой. Гибель во время войны текущей документации организации, отсутствие сохранившейся переписки, мемуаров на эту тему осложняют исследовательскую работу. Однако и дошедшие до нас сведения позволяют в общих чертах дать описание деятельности этой главной издательской структуры обширного региона тех лет.

Заметим, что на протяжении почти десятилетия, до 1938 года, книги в Орле, имевшем статус районного центра, практически не издавались, за исключением брошюр служебного характера, например, «Памятка для общественных пожарных инспекторов и ячеек содействия пожарной охране» «Материал о местном бюджете города Орла на 1937 год» (1936), «Материалы по выполнению наказа избирателей Орловским городским Советом…» (1937).

Образование Орловской области (конец сентября 1937 года) поставило в повестку дня вопрос об организации соответствующего издательства. Определяющими факторами в его создании были решения директивных органов, потребность области с 3,5-миллионным населением в печатной продукции. Работу начинать пришлось практически с нуля: в Курске, которому прежде Орёл подчинялся

в административном отношении, издательство в 1937 году было фактически разгромлено, трое его руководителей (А. И. Власов, Л. Л. Айзенберг, Г. Л. Бешкин) арестованы и расстреляны.

Процесс становления издательства осложняли не только напряжённая политическая обстановка, но усиление дефицита бюджета в связи с чередой локальных войн, отсутствие в Орле профессиональных кадров и соответствующей материальной базы, чехарда реорганизаций только что учреждённого издательства. Так, на протяжении трёх с небольшим лет оно шесть раз меняло название, а также статус, вынуждено было менять и адрес. Приведём перечень названий (с указанием примерного количества выпущенных книг под данной маркой и года):

Издательство Оргкомитета ЦК ВКП(б) по Орловской области – 1 (1938);

Издательство Орловского обкома ВКП(б) – 17 (1938);

Издательство Орловского обкома ВКП(б) и оргкомитета Президиума Верховного Совета РСФСР – 50 (1939), 2 (1940);

Издательство Орловского обкома ВКП(б) и областного Совета депутатов трудящихся – 12 (1940);

Издательство Орловского областного Совета депутатов трудящихся – 10 (1940), 15 (1941);

Орловское областное книжное издательство – 4 (1940).

На фирменных бланках имелись и другие варианты названий: «Орловское областное издательство Обкома ВКП(б)», «Орловское областное газетно-книжно-журнальное издательство областного Совета депутатов трудящихся». Располагалось оно в Орле на улице Сакко и Ванцетти – вначале в доме № 28, затем с конца 1940 года – в доме № 36 (там же, где и редакции областных газет).

Прежде, чем перейти к рассмотрению книжного репертуара, дадим краткую характеристику ключевые кадрам издательства.

Директор Иван Ефимович Федько (1903–1942). Родился в полтавском селе Миргород. В начале 1930-х гг. жил в Смоленске, вероятно, работал журналистом. По воспоминаниям сотрудников, был чутким руководителем и настоящим коммунистом.

Михаил Константинович Братищев (1900–1960-е?) родился в слободе Уразовке Курской губернии. Работал в профсоюзах, милиции, редакции районной газеты, в «Орловской правде». С декабря 1938 года – ответственный (главный) редактор издательства. В 1940 году заочно окончил Ленинградский государственный институт журналистики. В последующем – редактор сельскохозяйственной литературы.

Каманин Фёдор Георгиевич (1897–1979) родился в деревне Ивановичи Брянского уезда, писатель, автор рассказов, повестей и романов, изданных в 1920-е – 1930-е гг. в Москве, Ленинграде, Смоленске. Работал в газете «Фокинский рабочий», в 1938 году – редактор издательства.

Виктор Михайлович Малец (1905–1985) родился в Берлине в семье эмигрантов. Работал в комсомоле, в редакции «Орловской правды», в Центрально-Черноземном обкоме ВКП(б) в Воронеже. С осени 1938 года – редактор отдела политической литературы.

Иван Иванович Солдатов (1909–1989) родился в калужском селе Березичи. Комсомольский работник, журналист. В начале своей трудовой биографии заведовал избой-читальней, был комсомольским работником, с 1938 года редактировал орловскую областную газету «Комсомолец».

В мае 1940 года назначен главным редактором издательства (в январе следующего года переведён на партийную работу).

Владимир Константинович Соколов (1910–1986) – родился на Смоленщине. Окончил Московский институт истории, философии и литературы, преподаватель, журналист. Главный редактор издательства.

Василий Афанасьевич Петрищев (1912 – после 1941) родился в Брянске. Писатель, с декабря 1938 года работал в издательстве редактором-консультантом художественной литературы.

Сергей Лукич Беляков (1908–1945) – родился в Орле, журналист. В издательстве был техническим редактором.

Соломон Борисович Хайкин (1906–1942). Работал журналистом в Клинцах, с октября 1937 года – в штате «Орловской правды». Редактор ряда книг, выпущенных издательством.

В качестве редакторов выступали также П. Лопатин, В. И. Хействер, иллюстраторами – такие известные в будущем художники, как А. И. Мищенко, А. И. Курнаков.

Все эти люди стояли у истоков возрождения издательского дела в предвоенном Орле. И хотя многое из задуманного ими осуществить не удалось, даже за считанные годы издательство сумело выпустить довольно много книг разнообразной тематики. Сгруппируем эту продукцию по направлениям, хотя деление достаточно условное: одна книга может попасть сразу в два или три раздела (например, в военный и краеведческий).

Ключевой темой была партийно-политическая работа (пропаганда, агитация, атеизм). Это серии брошюр «В помощь агитатору и пропагандисту» и «В помощь изучающему историю ВКП(б)»: «XXI годовщина Великого Октября», «Примерные темы бесед среди трудящихся на ближайшее

время», «Происхождение и реакционная сущность праздника «рождества христова»» (1938), «О социалистическом государстве», «Парижская коммуна» (1939) и др. Вышли в свет книги Г. М. Димитрова «Единый фронт против фашизма» (1938), Е. Ярославского «Коммунизм и религия» (1939), секретаря Орловского обкома по пропаганде Т. И. Антропова «Язык большевистской печати» (1939), биографии деятелей революционного движения Н. А. Щорса (1939), И. В. Сталина, Клары Цеткин, М. Ракоши, Дюро-Дьяковича (1940), брошюры «Героические вожди итальянского пролетариата», «Рыцарь надежды» Луиса Карлоса Престеса (1941), брошюры о Я. М. Свердлове, В. В. Куйбышеве, А. Г. Стаханове, о депутатах и кандидатах в депутаты, учителях-орденоносцах, сборник материалов «Николай Островский» (1938). Сын редактора составителя последней книги В. М. Мальца писал в 1980-е годы: «Хорошо помню, как отец ездил в Сочи, куда его командировало издательство по сбору материалов о Н. А. Островском. Это было в октябре 1938 года. Несколько дней он жил у родных писателя. Мать, Ольга Осиповна, и сестра, Екатерина Александровна, очень радушно встретили гостя, много рассказывали о Николае и передали необходимые материалы. А уже 11 ноября книга была сдана в производство тиражом 10 125 экземпляров. В этом же году вышло второе, переработанное издание тиражом 8 125 экземпляров» [3].

На молодёжь были ориентированы вышедшие в 1938 году сборник материалов «Двадцать лет ВЛКСМ» и литературно-художественный сборник «Юность». «Визитной карточкой» издательства стала серия книг о городах новой области: «Брянск» В. А. Петрищева, «Орджоникидзеград» Н. Собакина, «Город текстилей (Клинцы)» С. Д. Семёнова, Н. Саха-

рова и М. Марголина, «Старый и новый Елец» А. Данилова и Н. Поваляева (1938), «Орёл: Рассказ о нашем городе» С. Л. Белякова (1939). Краеведческую тему продолжили юбилейные сборники «Орловско-Кромское сражение» и «Разгром белых под Орлом», «Как выбирали в Государственную думу» (1939).

Кто были авторы данных книг? В основном местные журналисты, а также архивисты. Что отрадно отметить, не только впервые пробующие силы в книжном формате, но и достаточно опытные авторы, такие, как, например, Семён Данилович Семёнов (родился в 1884 году) – заведующий экономическим отделом Новозыбковской сельскохозяйственной опытной станции, профессор Новозыбковского агропедагогического института. Автор ряда пособий аграрной тематики, выходивших в Москве, Смоленске, Гомеле, Клинцах, Новозыбкове в 1920-е годы. В 1931 году как бывший эсер он был приговорён к трём годам концлагеря.

Видимо, инициатива рассказать о городах области была редкостью для региональных издательств СССР. На почин орловцев обратил внимание Константин Паустовский в своей статье в газете «Правда». Рецензия называлась «Патриоты своего города». Паустовский, в частности, писал: «Почин орловцев должен послужить началом ряда работ об отдельных уголках нашей родины. Мы вправе требовать от работ такого рода художественности, полноты и свежести» [4].

В издании производственной литературы было заметно преобладание сельскохозяйственной тематики, промышленность «представлена» лишь сборником «Гигант индустрии социализма: 75-летие комбината «Красный Профинтерн»» (1940). Выходили в свет справочники для колхозников, брошюры о передовом опыте производства, агрономические

указания и издания, предназначенные для Всесоюзной сельхозвыставки. Выделим в этом ряду три брошюры агронома Т. И. Соколова, который спустя четверть века возглавит Орловский обком КПСС: «Репчатый лук», «Ранние овощи в открытом грунте», «Бахчевые культуры» (1939).

В репертуаре орловской книги тех лет можно встретить несколько выпусков «Учёных записок ОГПИ» (подготовлены к изданию самим вузом) и, что самое показательное, издания художественной литературы. Так, уже в первый год существования областного издательства был издан рассказ Н. С. Лескова «Тупейный художник» (1938) с примечаниями Н. И. Замошкина. Читателям области были предложены «Сказки» М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Рассказы охотника» М. М. Пришвина (это было первое издание произведений писателя-земляка в Орле) с иллюстрациями Алексея Мищенко, роман П. А. Павленко «На Востоке» (1939), повесть А. Н. Толстого «Хлеб. (Оборона Царицына)» (1938).

Из местных авторов индивидуально был представлен только Иван Петрушин – вышла его небольшая книга стихов «Потомки Прометея» (1939). В 1941 году были изданы «Цыганские стихи» А. В. Германо в переводах с цыганского Д. Бродского, Вл. Бугаевского, Л. Длигача и других (почти весь тираж погиб во время бомбёжки накануне оккупации Орла). Материалы по истории русской литературы можно встретить в альманахе, брошюре к 50-летию со дня смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина, очерке В. А. Петрищева о Лермонтове к 125-летию со дня его рождения, в сборнике «И. С. Тургенев: Материалы и исследования» под редакцией профессора Н. Л. Бродского (1881–1951).

Издание художественной литературы в то время воспринималось властью как неотъемлемая часть пропаганды, поэ-

тому особое место отводилось поэзии, текстам песен, другим жанрам народного творчества. В Орле вышли в свет сборник «Песни советской молодёжи» (составитель И. Г. Батов), «Песни» Дж. Джабаева (1938), сборник стихов, посвящённый освобождению западных украинцев и западных белоруссов «Освобождённым народам» (составитель И. Г. Батов, редактор И. Е. Федько), сборники стихов, песен и сказаний «Ленин в творчестве народов СССР» и «Сталин в творчестве народов СССР» (1939). Вступительную статью к последнему сборнику «Сталин в народном творчестве» написал Ю. М. Соколов (1889–1941) – известный фольклорист, академик Академии наук УССР и директор Института фольклора АН УССР.

В репертуаре областного издательства нашла отражение и военная тематика. Вышли в свет сборники «За Советскую Родину: Рассказы о героизме участников боев в районе озера Хасан» – перепечатка публикаций из газет «Правда», «Красная звезда» и других изданий (1938), «На страже» (1939). Их прямое продолжение – сборник статей и очерков «За родину», изданный сразу после начала Великой Отечественной войны. Тогда же, летом и в начале осени 1941 года, вышли брошюры военной тематики: «Как стрелять из винтовок и ручных пулемётов по вражеским самолётам и парашютистам» полковника И. А. Виноградова, «Самооборона колхозов и совхозов» военного инженера Д. В. Ушакова, сборник «Как организовать местную противовоздушную оборону», памятка «Уничтожай танки врага».

Даже простой перечень названий книг показывает, что издательство уже на старте сумело сформировать достаточно широкий и разнообразный авторский актив. В первую очередь, это были журналисты областных газет «Орловская правда» и «Комсомолец» (например, ответственный секре-

тарь «Орловской правды» Н. В. Поволяев, редактор «Комсомольца» И. Г. Батов, ответственный секретарь «Комсомольца» М. И. Шибалис и др.), а также партийные работники (Т. И. Антропов), заметные представители науки и творческой интеллигенции из Москвы (М. М. Пришвин, Н. И. Замошкин, А. В. Германо, Н. Л. Бродский, сын писателя-земляка А. Н. Лесков и др.).

Прозаики и поэты вошли в состав созданной при издательстве областной литературной группы, которую возглавил И. Г. Батов. Её первая заявка – выпущенный в 1939 году «Литературный альманах» (в соседнем Курске в 1939 году писательский ежегодник стал выходить под тем же названием). Издательство постоянно стремилось расширить круг авторов, свидетельством чему переписка с жившим в Ельце Е. К. Горбовым, который в воронежском журнале «Подъём» опубликовал повесть «Чёрный князь» (1934, № 7–8, затем была издана в Москве) и рассказ «Золотой век» (1935, № 7–8). Петрищев официально обратился к Горбову в марте 1940 года: «По сведениям, имеющимся у издательства, Вы написали повесть, представляющую для нас интерес. Просим сообщить подробности письмом о Вашей литературной работе и выслать нам экземпляр повести. Сейчас готовится второй «Орловский альманах». Ваше участие в нём желательно» [11, л. 2].

Речь шла о повести «Куриная слепота». Проблема заключалась в том, что неофициальный столичный куратор орловского литературного процесса писатель А. Д. Карцев предложил эту же повесть в один из московских альманахов. В декабре 1940 года Петрищев снова писал Горбову: «Я недавно был в Москве и говорил с т. Карцевым о нашем Альманахе. Он посоветовал ещё раз написать Вам, сказав, что помещение Вашей повести в «Орловском альманахе»

не отзовётся никак на помещении её в Москве. Я и сам нахожусь в таком положении. Поэтому был бы рад получить от Вас подробное письмо: участие Ваше в Альманахе более чем необходимо, мы ставим задачу показать в нём все силы Орл. обл. Теперь второе. В середине января мы проводим областное совещание актива, и я прошу заранее сообщить о Вашей возможности приехать в Орёл. Мы ведь и сами знаете, что находиться «на отшибе» литературной организации – позиция неловкая и для нас, и для Вас. Так вот и давайте установим тесную, деловую, полезную связь» [11, л. 2].

Как и планировалось, 11 января 1941 года издательство отправило своим потенциальным авторам письма за подписями главного редактора И. И. Солдатова и ответственного секретаря бюро литгруппы И. Г. Батова: «15 января 1941 года в Орле состоится областное совещание актива Орловской литературной группы. С докладом о работах орловских литераторов выступил член бюро краевых и областных комиссий при правлении Союза советских писателей тов. Карцев.

Вам необходимо принять участие в этом совещании и в случае каких-либо затруднений с выездом обратитесь к секретарю Горкома ВКП(б), которому Обкомом ВКП(б) о Вашем вызове сообщено. Совещание продолжится два дня» [12].

С Горбовым издательство вело переписку до самого выхода повести в свет в альманахе, более того, было запланировано её издание отдельной книгой, речь шла и об издании рассказов. Во второй выпуск «Литературного альманаха» (1941) вошли повесть Горбова «Куриная слепота», зарисовка Д. Головина «Люди нашего колхоза», рассказ П. Лопатина «Махау-кишлак», ряд материалов по истории краевой литературы.

Предвоенный выпуск альманаха стал последним, возобновился его выход только в 1948 году, под другим названием – «Орловский альманах». К тому времени И. И. Солдатов оказался, по сути, единственным (!) из издательских сотрудников в Орле, кто вернулся на своё поприще после военного лихолетья. Во время войны он был комиссаром партизанского отряда, затем партийным работником, собственным корреспондентом газеты «Орловская правда». В 1954 году возглавил книжную редакцию «Орловской правды» и был избран председателем бюро областного литературного объединения.

Каковы исторические уроки относительно недолгой работы областного издательства в Орле в 1938–1941 гг.? Они значимы и вполне могут быть востребованы. Это и умение в трудных условиях практически с нуля развернуть полноформатную деятельность, установить тесный деловой контакт с властными структурами. Сотрудники издательства сумели наладить выпуск литературы широкой тематики, привлекли к участию известных писателей, учёных, начинающих литераторов. Вызывает восхищение оперативность в работе над книгами: даже в тех непростых технологических и цензурных условиях цикл производства мог составлять менее одного месяца. В целом история довоенного издательства в Орле – важное звено в процессе эволюции издательского дела и книжной культуры региона.

Великая Отечественная война

Репертуар книг, изданных в Орле в 1941–1945 гг., составляет не более полусотни названий, причём почти половина из них те, что были подписаны в печать в 1941 году ещё до начала войны. Это, в частности, монография доктора

сельскохозяйственных наук, участника Всесоюзной сельхозвыставки Н. К. Вехова «Зелёное строительство» (104 с.), сборник Союза воинствующих безбожников «Семья, брак и религия» (41 с.), сборник «Творчество советских детей: Опыт юннатских и технических кружков» (66 с.).

Военно-политическая тема накануне начала войны отразилась в брошюрах, по неизвестной причине не имевших автора (подготовлены обкомом МОПР): «Героические вожди итальянского пролетариата» (два очерка – об Умберто Террачини и Антонио Грамши, 36 с.) и «Рыцарь надежды» (о бразильском коммунисте Луисе Карлосе Престесе, 21 с.). Брошюры были подписаны к печати соответственно 10 февраля и 11 апреля 1941 года.

С началом войны резко меняется тематика изданий. За три с половиной месяца до начала оккупации в Орле вышли из печати брошюры полковника И. А. Виноградова «Как стрелять из винтовок и ручных пулемётов по вражеским самолётам и парашютистам» (14 с.) и военного инженера 1-го ранга Д. В. Ушакова «Самооборона колхозов и совхозов» (17 с.), сборник «Как организовать местную противовоздушную оборону» (58 с.), памятка «Уничтожай танки врага» (16 с.).

Трагически сложилась судьба одной из последних довоенных орловских книг – сборника поэзии А. В. Германо. Его книга «Цыганские стихи» (перевод с цыганского Д. Бродского, Вл. Бугаевского, Льва Длигача, Семёна Липкина, Арс. Тарковского и Бориса Турганова, под редакцией В. Казина) была уменьшенным вариантом столичного издания (1937) А. Германо «Стихи и песни» (перевод с цыганского Д. Бродского, В. Бугаевского, С. Липкина и др.). Тогда она вышла в Гослитиздате тиражом три тысячи экземпляров. В отличие от первого издания (в нём было 112 страниц) в орлов-

ском варианте были исключены переводы Евгения Сокола (1893–1939, репрессирован) и Марка Талова (1892–1969), всего в книге оказалось 80 страниц.

Сборник Германо был сдан в производство 7 мая, подписан в печать 3 июня 1941 года. В РНБ (тогда Публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина) новинка, судя по каталогу, поступила 26 сентября 1941 года, то есть рассылка тиража (5125 экземпляров) началась примерно за десять дней до оккупации Орла. В итоге книга так и не дошла до читателя, весь тираж остался в типографии и был уничтожен фашистами.

Первое художественно-публицистическое книжное издание в Орле времён войны – сборник «За родину». Книга карманного формата была сдана в производство 5 июля, подписана в печать 19 июля, тираж составил 7 125 экземпляров. Название было распространённым – в годы войны в разных городах СССР вышло более 30 сборников «За родину» (вариант – «За родину!»), причём до 1943 года слово «родина» писали со строчной буквы, как, впрочем, и в годы первой мировой войны. Так, в Воронеже одноимённые сборники вышли в 1938 и 1944 гг., в Курске в 1939 году, в Саратове в 1941 и 1943 гг. и т. д.

Редактором книги (и одним из авторов) выступил руководитель издательства В. К. Соколов. Сборник открывала статья одного из главных большевистских публицистов Емельяна Ярославского «Великая отечественная война советского народа» (слово «отечественная» в этом и других случаях в 1941–1942 гг. писалось со строчной буквы). Очевидно, что текст не было эксклюзивно предложен автором орловским составителям. Так в изданной тогда в Москве Воениздатом брошюре «Великая отечественная вой-

на советского народа» (подписана к печати 29 июня) одноимённая статья Ярославского была напечатана на с. 6–16, сразу после текста выступления В. М. Молотова 22 июня по радио. В конце указывался источник: передовая статья газеты «Правда» за 23 июня.

В орловском сборнике был помещён очерк Е. Н. Герасимова (1903–1986) и М. М. Эрлиха (1901–1942) о полководце времён Гражданской войны Николае Щорсе. Это был отрывок (наиболее яркий, «боевой») из биографической повести «Щорс» (Орёл, 1939). Примечательно, что в то время Эрлих работал заместителем заведующего отделом печати и издательств ЦК ВКП(б). Труд двух авторов о Щорсе был весьма популярен и многократно переиздавался в разных вариантах (повесть, биографическая повесть, биографический очерк, очерк боевой деятельности и т. д. (М., 1936, 1937 – дважды, 1938, 1939 – дважды, 1941, 1945, 1946, 1950; Куйбышев, 1942, Красноярск, 1943)), причём в послевоенные годы имя Эрлиха (с началом войны он стал ответственным редактором газеты «На врага» 31-й армии Западного фронта, погиб в декабре 1942 года) как автора уже не указывалось.

В сборнике «За родину» были опубликованы также исторические очерки И. Богдашова «Под Стародубом», П. Лопатина «В деревне Шарикино» [правильно – Шарыкино], С. Белякова «Героические дни», В. Соколова «Орловцы в борьбе с Наполеоном», «Мценская оборона», «Тимур у Ельца», И. Вобликова «Битва на реке Зуша». Очерки Лопатина и Белякова были взяты из не так давно (1939) выпущенного издательством сборника «Разгром белых под Орлом».

Отметим некоторые отличия от издания двухлетней давности: так, отсутствовали традиционные портреты Ленина и Сталина на мелованной бумаге. Очерк Белякова был дан

не только с изменённым основным названием (в 1939 году было «В те дни»), но и с исключением названия одной из глав («Падение Орла»). Из очерка Лопатина «По местам боёв» был взят только один эпизод – меньше четверти первоначального текста.

Можно предположить, что у этой книги была весьма непростая судьба – её сразу из типографии отправляли не в книжные магазины, а в воинские части, политотделы, военкоматы. Примечательно, что в фонды РНБ орловский сборник поступил не в год издания, а только в сентябре 1944 года.

По отчётам, издательство эвакуировалось в Елец в начале октября 1941 года, однако фактически оно прекратило свою деятельность – все документы и материалы были просто оставлены в Орле, сотрудники, кто как мог, искали спасения. По существующим ныне каталогам можно судить, что ни одной книги в Ельце в 1942 году не было издано. Главным редактором издательства до мая 1942 года по-прежнему оставался В. К. Соколов, после чего его перевели на должность заместителя ответственного редактора «Орловской правды».

Найти замену оказалось непросто. В обкоме вспомнили о кандидатуре журналиста Михаил Братищева, который в предвоенные годы был редактором сельскохозяйственной литературы. Однако с семьёй он был эвакуирован в Кузнецк Пензенской области (сюда перебазировали орловский завод «Текмаш»). Братищев работал здесь в райкоме ВКП(б) пропагандистом, затем заведующим организационным отделом.

По решению Орловского обкома ВКП(б) и согласованию с ЦК Братищев был отозван из Кузнецка в Елец и в мае 1942 года назначен главным редактором областного издательства. Ему поручили сосредоточиться на теме партизан-

ского движения (именно в это время создаётся соответствующий орловский штаб). В письме секретаря Орловского обкома ВКП(б) Л. Ключника секретарю Пензенского обкома Морщинину (19 июля 1942 года) подчёркивалось:

«Тематическим планом Орловского областного книгоиздательства, утверждённым обкомом партии, предусмотрен выпуск литературы о боевых подвигах орловских партизан, действующих на территории, оккупированной немецко-фашистскими захватчиками.

Наше издательство уже подготовило к печати рукопись сборника «Орловские партизаны», рукописи брошюр «В партизанском крае», «На орловской земле» и т. д.

Но у нас в настоящее время не имеется возможности выпускать указанную литературу на месте ввиду отсутствия полиграфической базы.

Обком ВКП(б) просит Вас, тов. Морщинин, оказать содействие командируемому в г. Пензу главному редактору нашего издательства тов. Братищеву М. К. в выпуске в областной типографии сборника «Орловские партизаны» и других книг» [8].

Однако эти планы не были воплощены в жизнь. Можно предположить, что причиной тому не только обстоятельства военного времени или различные субъективные факторы. Дело в том, что к лету 1942 года только шло становление организованного партизанского движения, налаживалась связь отрядов с «большой землёй», создавалась сеть партизанских газет. Ещё не было полновесной летописи партизанского движения, насыщенных очерковых материалов о партизанах. При всей партийной привычке рапортовать о создании книг о партизанах в то время было делом будущего, хотя и относительно недалёкого. Тогда же силы жур-

налистов и издателей были сосредоточены на подготовке и выпуске листовок для населения оккупированных районов (в области было издано более 180 тысяч экземпляров таких листовок).

В октябре 1942 года Братищев перешёл на службу в НКВД, уже в декабре стал заместителем начальника политотдела областного управления милиции, спустя два года был назначен заместителем начальника этого управления по политической части.

В апреле 1943 года В. К. Соколов был освобождён от должности заместителя редактора «Орловской правды» и назначен редактором книжного издательства, причём не ответственным (главным), а рядовым. Вскоре Соколов вошёл в состав опергруппы Орловского штаба партизанского движения, где занимался изданием листовок. В мае 1943 года главным редактором Орловского областного книжного издательства был назначен Андрей Захарович Окороков (см. о нём отдельный очерк в этой книге).

После освобождения Орла 5 августа 1943 года в городе стала возрождаться издательская деятельность. Первой «ласточкой» стал **сборник материалов «О борьбе орловских партизан с немецко-фашистскими захватчиками»** (32 с., тираж 8 тыс. экз.). Его редактором выступил ответственный секретарь «Орловской правды» Н. П. Стрельников. На титульном листе был напечатан призыв «Смерть немецким оккупантам!». Сборник был выпущен по итогам состоявшегося в Орле 19 сентября масштабного (аналогичный прошёл в следующем году в Минске) митинга и парада партизан. В сборнике были напечатаны следующие тексты: «Боевой рапорт орловских партизан Сталину», «Обращение к Сталину трудящихся города Орла» (принято на митинге), «Обраще-

ние участников митинга к командующим Брянским, Западным и Центральным фронтами», «Обращение к трудящимся Татарской АССР», выступление начальника штаба орловских партизан, секретаря обкома ВКП(б) Матвеева, обращение к гражданам Орла Матвеева и председателя облисполкома М. Ромашина, речь председателя президиума Верховного Совета Татарской АССР Динмухаметова (Татария приняла на себя шефство над восстановлением Орловской области), речь партизанки-врача А. Угаровой, статья генерал-майора А. Горшкова «Боевые дела брянских партизан», статья секретаря Навлинского окружного комитета ВКП(б) А. Сафронова «Партийно-политическая работа в партизанских отрядах».

Выпуск брошюры был крайне сложным делом – город лежал в руинах, работа типографии только налаживалась. Современный исследователь может увидеть в тексте оттиски букв разного (по размеру и начертанию) шрифта. Косвенно можно было сделать вывод о том, что в кассе просто не хватало однотипных литер. На помощь пришло столичное издательство политической литературы. Здесь вышла в свет брошюра (подписана к печати 11 сентября 1943 года) «О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Орле и Орловской области» – текст доклада Чрезвычайной госкомиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Тираж издания составил 200 тысяч экз., к тому же в 1945 году брошюра была издана на коми языке в Сыктывкаре.

Аналогичные сборники были выпущены Политиздатом на материалах Ставропольского края (1943, 100 тыс. экз.), Карело-Финской ССР (1944, 20 тыс. экз.), Киева (1945, 30 тыс. экз.), а также эстонским издательством политической литературы (1945, 15,2 тыс. экз.), областными издательствами в Воронеже (1943, 10 тыс. экз.; затем здесь был издан ряд

других брошюр этой же тематики), Смоленске (1944, 5 тыс. экз.) и т. д. Можно сделать вывод, что тираж «орловского» издания превосходил вместе взятые тиражи шести аналогичных изданий. По всей видимости, именно этому докладу госкомиссии тогда было придано особое значение.

В Политиздате тогда же была издана и брошюра полковника А. Карпова «Орловская битва» (подписана к печати 24 сентября, тираж 200 тысяч экз.). Её редактором выступил Моисей Давидович Гильгулин (в последующие годы он стал автором и составителем нескольких изданных в Москве книг историко-политической тематики).

В Орле постепенно росли возможности полиграфической отрасли. Так, издательство газеты «Пензенская правда» отправило сюда комплект типографского оборудования (два железнодорожных вагона). Уже в ноябре 1943 года был издан отдельной брошюрой и достаточно большим тиражом (25 тыс. экз.) доклад И. В. Сталина «26-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции» (15 с.).

31 декабря 1943 года было принято решение облисполкома и бюро обкома ВКП(б) об организации областного Дома печати: «Организовать в г. Орле «Дом печати» с размещением в нём типографии «Труд», редакции газеты «Орловская правда», издательства обкома ВКП(б) и облисполкома, книжной редакции, обллита и управления издательств и полиграфии. Предложить горисполкому передать областному управлению издательств и полиграфии бывшее здание областной типографии «Труд» по ул. Ленина, 1 для размещения областного «Дома печати». Предложить областному управлению издательств и полиграфии: произвести капитальный ремонт здания к 1 февраля 1944 г., установить типографское оборудование и организовать указанные

предприятия с объёмом выпуска валовой продукции в год 300 тыс. руб. к 15 марта 1944 г.» [9].

Шло пополнение кадрового состава издательского дела. В том же декабре 1943 года недавний боец партизанского отряда и корреспондент партизанской газеты Василий Росляков (недолгое время работал в аппарате обкома комсомола) был назначен на должность технического редактора книжной редакции «Орловской правды» (впоследствии Росляков стал известным писателем). В характеристике обкома ВЛКСМ отмечалось: «За время работы в аппарате обкома ВЛКСМ в должности заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации по тылу врага с июня по декабрь 1943 года показал себя активным, добросовестным, дисциплинированным, политически грамотным, морально выдержанным комсомольским работником. Имея опыт партизанской борьбы, тов. Росляков уделяет много внимания работе комсомольских организаций в партизанских отрядах. Активно принимал участие в выпуске листовок для тыла т. е. оккупированной территории]. Им лично была написана брошюра о герое-комсомольце Владимире Рябок» [10].

Брошюры о В. С. Рябке (1914–1942) в фондах РГБ, РНБ и Орловской областной библиотеки имени И. А. Бунина нет, однако в фондах РНБ есть изданная в 1944 году «Молодой гвардией» почтовая карточка «Герой Советского Союза Владимир Рябок, один из молодых вожаков партизан Орловской области».

По состоянию на 1 января 1944 года, на территории Орловской области было восстановлено (частично) 57 типографий (в частности, ещё весной 1942 года Воронежский обком ВКП(б) передал в Орловскую область 9 печатных

машин). Однако даже наличие оборудования не позволяло быстро и качественно изготавливать печатную продукцию. В одной из докладных записок отмечалось, что «печатание газеты [«Орловская правда»] по-прежнему продолжается по 18–20 и более часов» [10] (причиной было и то, что на электростанции из-за неисправности и маломощности часто прерывалась подача энергии).

В 1944 году в Орле были изданы брошюры «В помощь директору МТС» (12 с.), «Письмо колхозников, колхозниц, работников МТС, совхозов и специалистов сельского хозяйства Орловской области председателю Государственного комитета обороны товарищу Сталину» (11 с.), небольшой сборник статей и речей М. И. Калинина «О пропаганде и агитации» (24 с.).

Подробнее расскажем о датированной тем же годом брошюре «Постановление IV Орловской областной конференции комсомола» (28 с., 3 тысячи экземпляров). Конференция состоялась в конце ноября 1944 года, однако, судя по изданию, и к этому времени типография в Орле ещё не преодолела трудностей восстановления. Так, во множестве случаев в тексте вместо прописной «О» стоит ноль – очевидно, это следствие элементарной нехватки литер в кассах для набора. Важно отметить, что руководители областного комсомола понимали важность выпуска печатной продукции, важность чтения: «Большинство изб-читален не имеют своих помещений, совершенно не оборудованы; во многих районах отсутствует пропаганда художественной литературы как одного из сильных средств воспитания молодёжи на лучших традициях нашего народа» [5, с. 7]; «Поручить обкому ВЛКСМ изучить и обобщить и распространить [так в тексте] опыт работы

звеньев высокого урожая в 1943–44 году [так в тексте] и издать в 1 квартале 1945 г. брошюру об опыте работы лучших звеньев» [5, с. 12].

Вышедшие в 1945 году в Орле брошюры можно разделить в основном на две темы: политическая и сельскохозяйственная: «Конституция СССР» (27 с.), «Положение о выборах в Верховный Совет СССР (24 с.), тексты выступлений И. В. Сталина прежних лет «О проекте Конституции СССР» [1936] (36 с.) и «Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы» [1937] (8 с.); М. И. Калинин «О колхозном строе и колхозницах» (16 с.), «Инструкция по восстановлению севооборотов в колхозах Орловской области» (26 с.).

Скудость книжного репертуара, самое скромное оформление печатной продукции, недостаточные тиражи и прочее – эти и другие приметы войны наглядно свидетельствуют о том тяжёлом положении, в котором оказалось издательское дело в Орле. Последствия войны и оккупации ещё долго сказывались на его развитии. Только к середине 1950-х годов, благодаря самоотверженному труду всех, кто обеспечивал выпуск книг, удалось выйти на стабильный и достаточно качественный уровень работы.

Издательство в 1950-е – начале 1960-х гг.

В Орле, городе, пережившем оккупацию и колоссальные разрушения, издательство газеты «Орловская правда» стало первым связующим звеном для литераторов региона. С 1948 года книжная редакция издательства возобновила ещё довоенное издание «Орловского альманаха». Вышло четыре номера, позднее были изданы сборники стихов «Ро-

димый край» (1952), «Наше утро» (1955), два литературно-художественных сборника «На родной земле» (1953, 1956). Здесь печатались произведения Дмитрия Блынского, Александра Германо, Василия Рослякова, Владимира Петропавловского, Анатолия Яновского и десятков других литераторов, что создавало реальную основу для учреждения в Орле профессиональной писательской организации (что и произошло в январе 1960 года). В целом же книжная редакция издательства «Орловская правда» ежегодно выпускала книги и брошюры общим тиражом около 500 тысяч экземпляров.

Как известно, в 1949 году Объединённое государственное издательство СССР было преобразовано в Главное управление по делам полиграфии, издательств и книжной торговли. На главк было возложено руководство отраслью независимо от ведомственной подчиненности предприятий. Дальнейшая централизации управления привела к тому, что Главполиграфиздат в 1953 году вошёл в состав Министерства культуры СССР.

Однако столичные новации практически никак не проявлялись в повседневной деятельности провинциальных издателей в послевоенный период. Да, стабильно рос спрос на книги – за годы войны было уничтожено много общественных и личных библиотек. Однако повышение качества сдерживал целый ряд факторов: низкое качество бумаги и других материалов, слабые возможности полиграфии, низкая квалификация кадров и т. д.

По сути, местное издательство в начале 1950-х годов являлось филиалом отдела пропаганды областного комитета КПСС. В аграрной области приоритет был отдан книгам и брошюрам, пропагандирующим передовой опыт сельскохозяйственного производства. К тому же в этой сфере в то

время активно действовало управление сельскохозяйственной пропаганды (в составе областного управления сельского хозяйства). С 1954 года оно стало именоваться несколько иначе – управление сельскохозяйственной пропаганды и науки, однако после 1955 года книги с грифом этого управления в Орле не издавались (взамен в управлении сельского хозяйства была введена руководящая должность «главный агроном по пропаганде»).

Практически не издавались книги научного профиля: труды Орловского пединститута и Шатиловской опытной сельскохозяйственной станции готовились к печати в ведомственных издательских отделах. Культурно-просветительская тематика освещалась в новых книгах в основном на примере села. Регулярно выходили в свет сказки для детей и сборники текстов песен. Таков был репертуар орловской книги в позднесталинский период.

Политическая оттепель постепенно стала воздействовать и на издательское дело в провинции. Функционеры КПСС всегда считали книгу средством формирования общественного сознания, распространения знаний, а потому содержательный и тематический состав издательской продукции находился под влиянием прежде всего идеологических установок. Реальные потребности населения в расчёт не принимались, не проводилось исследований состава покупателей, спроса на печатную продукцию. Теперь же партийные органы стали обращать внимание на низкую рентабельность (а то и убыточность) издательского дела.

Некоторая смена приоритетов привела к преобразованию в 1957–1958 годах книжной редакции «Орловской правды» в самостоятельное областное издательство. Эта перемена явно сказалась на репертуаре местной книги. Был заметен

рост числа изданий: с 15–17 (начало 1950-х гг.) и 40–50 (середина десятилетия) до 70–100 в последующие годы. В связи с этим, несмотря на довольно частый выпуск сельскохозяйственной литературы (два-три десятка названий в год), её удельный вес в книжном репертуаре в целом падает примерно в полтора раза. Издаётся значительно больше краеведческих книг (4–11 вместо прежней одной в год), «зелёную улицу» получают местные писатели (ежегодно число издаваемых ими названий книг достигает почти полутора десятков – чуть меньше, чем за несколько прежних лет в целом).

Помимо традиционной тематики (преимущественно сельскохозяйственной (30–60%) и педагогической (около 15%)) шире представлены книги по строительству, работе местных Советов, развитию общественных начал («Первые шаги (из опыта работы женских советов)» (1962), книги Д. И. Подольской «На общественных началах» (1962), И. А. Акимова «Орлу – зелёный наряд» (1962)), идеологической работе. Если в первые послевоенные годы в Орле издавались в основном тексты докладов партийных руководителей и официальные сборники партдокументов, то теперь это книги первого секретаря Орловского обкома КПСС Л. И. Крылова на злободневные политические темы «Крестьяне Болгарии прочно вступили на путь социализма» (1959), «Историческая деятельность КПСС и законы общественного развития (1961), книга начальника УВД В. В. Лукьянова «Случай на дороге» (1961).

Выходит в свет ряд сборников о замечательных земляках-современниках. Выпуском оперативных изданий производственной тематики теперь занимается не столько областное издательство, сколько специализированные конторы: издаются бюллетени, памятки, научно-методические

рекомендации и информационные листки Совнархоза, отделения Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов, железнодорожного и других ведомств.

Несмотря на довольно ограниченные ресурсы, издательство в Орле выпустило целую библиотечку русской и советской классики: «Сказки» А. С. Пушкина (1951), роман А. П. Чехова «Драма на охоте» (1957), «Крейцерова соната» Л. Н. Толстого (1958), «Алые паруса» А. С. Грина (1958), «Стихотворения» А. Н. Апухтина (1959), «Отец Сергий» Л. Н. Толстого (1959), «Нравы Растеряевой улицы» Г. И. Успенского (1959), «Леди Макбет Мценского уезда» Н. С. Лескова (1959), романы И. С. Тургенева «Отцы и дети», «Накануне» и «Рудин» (1960), «Мелочи архиерейской жизни» Н. С. Лескова (1960), «Южные поэмы» А. С. Пушкина (1961) и др.

Был издан широкий спектр произведений местных писателей: роман «Молодость» С. Р. Леонова (1951–1952), рассказы А. Н. Яновского «На подступах к городу» (1952), очерки В. В. Овечкина «На переднем крае» (1953, в это время планировался переезд Овечкина из Льгова Курской области в Орёл), «Повести и рассказы» Е. К. Горбова (1955), юмористические рассказы В. Е. Комова «Мы с Павлушей» (1955), сборник рассказов и очерков «Начало большого пути» (1955), сборник поэзии «Наше утро» (1955), поэтическая книга Д. И. Блынского «Сердцу милый край» (1957) и др.

Однако в середине 1950-х годов подобные объёмы издательской деятельности далеко не соответствовали авторскому предложению, некоторые пытались печататься и в соседних городах. Так, например, живший в Орле прозаик Евгений Горбов обращался в 1957 году к главному редактору Воронежского книжного издательства Петру Прудковскому: с июля 1955 года без движения лежит рукопись.

Горбов критиковал редактора издательства А. Кочербитова за равнодушие. Автор из Орла восклицал: «Почему же всё это так происходит? Неужели потому, что я живу в Орле, а не в Воронеже и слыву у Вас «чужим»? В таком случае стоит вспомнить, что я принадлежу к Воронежской писательской организации и состою на учёте в Воронежском отделении Союза писателей. Мне кажется, что совсем не обязательно ежедневно лично являться в издательство, чтобы быть когда-то и у Вас напечатанным» [2].

В последующие годы спектр изданий писателей в Орле заметно расширяется: повесть А. Н. Яновского «Двойники в пустыне» (1958), повесть Е. А. Зиборова «Лёнька-трубач» (1959, 1962), комедия В. В. Канивца «Жених с орденом» (1959), роман Е. К. Горбова «Дом под тополями» (1959), повести «Макар Навля» И. М. Патенкова (1960), рассказы Е. К. Горбова «Братья Бесфамильные» (1961), повесть «Горнисты идут впереди» А. Н. Яновского (1961), повесть В. А. Мильчакова «Мои позывные «Россия»» (1961) и т. д.

Как уже указывалось, с середины 1950-х годов намного чаще стала издаваться литература по истории родного края. В первую очередь, это сборники, готовившиеся под эгидой обкома КПСС: сборник статей «За власть Советов» (1957), сборники документов и материалов «Революционное движение в Орловской губернии в период первой русской революции 1905–1907 гг.» (1957), «Борьба трудящихся Орловской губернии за установление Советской власти в 1917–1918 гг.» (1957), сборник «Наши славные земляки» (1961), «Их родина – Орловский край» (1962). На массового читателя были рассчитаны сборники «Русские народные песни Орловской области» (1958), «Город Орёл» (1958), «Краеведческая работа в школе» (1958), «Школьный краеведческий музей»

(1958), краеведческие очерки «Ливны» (1959), «Мценск» (1959), «Болхов» (1960), «Дмитровск» (1960), «Природа Орловского края» (1961), миниальбом «Памятные места Орла в гравюрах А. И. Мищенко» (1962). Прочное место в репертуаре занимают издания по литературоведению, посвящённые писателям-землякам. Это путеводитель по Спасскому-Лутовинову (1954, 1961), сборник статей и материалов о «Записках охотника» И. С. Тургенева (1955), путеводитель по музею И. С. Тургенева (1958, 1960), книги «Литературные места Орловской области» Н. М. Чернова (1959), «Леонид Андреев» Л. Н. Афонина (1959), «Лев Толстой в Орловском крае» М. В. Минокина (1960), сборник статей и материалов «И. С. Тургенев (1818–1883–1958) (1961), «Светлый талант: очерк о писателе И. А. Новикове» Я. В. Волкова (1961), «Писатели-орловцы» (1961) В. А. Громова.

Резкое увеличение числа издаваемых книг далеко не всегда приветствовалось со стороны. Например, газета «Правда» в апреле 1959 года выступила с фельетоном по поводу не только низкого уровня местной литературы, но и того, что авторы, редакторы, рецензенты, оказывается, работают в одной газетной редакции и всячески друг друга поддерживают. Ю. Чаплыгин подчеркнул, что редактор «Орловской правды» Патенков «не только воспевает «Двойников в пустыне» [Яновского], но и редактировал их для издательства. И книгу В. Комова [сборник фельетонов «Аварийные гости»] он редактировал. И хвалил её в газете, которая выходит под его редакцией. И славой этот редактор тоже не обижен. Дважды воспета в возглавляемой Патенковым газете его собственная пьеса «Когда шумят леса»… Хорошо ещё, что Яновский, Комов и Патенков не руководят издательством, выпускающим учебники по истории изящ-

ной словесности. А то со свойственной им «скромности» они поставили бы себя в ряды классиков. Так, где-нибудь между Бальзаком и Тургеневым» [4].

Директор И. И. Солдатов в одном из своих отчётов указывал, что издательство стало работать рентабельно, «за два года тираж изданных книг и брошюр составил 1,5 миллиона экземпляров. Вокруг издательства формируется авторский коллектив писателей, журналистов, научных работников, специалистов промышленности и сельского хозяйства. Более двухсот человек выступили как авторы самостоятельных книг или коллективных сборников… Орловское издательство оперативно откликнулось на возникновение нового движения современности – соревнование за звание бригад коммунистического труда. Выпущенные в прошлом [1959] году брошюры написаны людьми, которые на своих предприятиях стоят во главе этого замечательного движения» [3]. Учитывая то, что сама идея бригад коммунистического труда появилась в Москве 11 октября 1958 года, можно только удивляться тому, с какой скоростью она воплотилась в форму книг в провинциальном городе. Добавим сюда и то, что в изучаемый период (1951–1964) в Орле было издано 26 наименований книг и брошюр «кукурузной тематики» (тогда как о пшенице – всего 2). Не случайно это и подобные ему увлечения конъюнктурой в ущерб изданию действительно интересной, полезной, востребованной литературы вызывали гневную реакцию талантливых писателей, вынужденных подолгу ждать своей очереди.

В рукописи сатирико-фантастической повести Е. Горбова «Антиграст-Н» есть глава с участием журналиста областной газеты Олега Сладковского: «Сладковский… побежал в издательство. Директор встретил его очень приветливо.

– Хорошо, что пришли. Будет деловой разговор. Вы давно работаете в газете – лет двадцать?

– Да, около того, – ответил Сладковский.

– У вас, наверное, пропасть опубликованных статей, очерков и всяких там фельетонов.

– Порядочно.

– Отлично! Давайте их издадим. План у меня большой, бумаги много, а опытных авторов – журналистов с хорошим багажом – маловато. Могу запланировать вам трёхтомник. Выпустим за полгода. На прекрасной бумаге, в коленкоровом или ледериновом переплёте» [1, л. 98].

Кто же определял (помимо партийных указаний) издательскую политику в Орле в то время? Директор издательства – уже упомянутый И. И. Солдатов. Главными редакторами работали Л. Н. Афонин (в 1958–1959 гг.), С. В. Коробков (1959–1960 гг.), А. И. Логутков (1960). Частую смену этих ключевых кадров можно объяснить только одной причиной – обком КПСС использовал специалистов по своему усмотрению, решая в первую очередь задачи укрепления руководства редакций газет (или, как вариант, ключевого музея области), при этом интересы собственно издательства учитывались в последнюю очередь.

Леонид Николаевич Афонин (1918–1975) – кандидат филологических наук, член Союза писателей СССР. Учился в ИФЛИ, участник Великой Отечественной войны, журналист дивизионной газеты. После войны Афонина назначили инструктором политотдела Советской военной администрации земли Саксония. С 1948 года был референтом по вопросам немецкой литературы Советской Контрольной комиссии. Один из основателей Общества немецко-советской дружбы, возглавлял художественный отдел Дома советской

культуры в Берлине. В начале 1950-х годов приехал в Орёл, в 1955 году ушёл в запас в звании майора. Работал библиографом областной библиотеки имени Н. К. Крупской, главным редактором Орловского книжного издательства, с 1959 по 1967 год – директор музея И. С. Тургенева, затем заведовал кафедрой пединститута.

Сергей Владимирович Коробков (1920–2014) – педагог по образованию, участник войны, комсомольский работник, сотрудник газеты «Орловский комсомолец». После работы в издательстве – заместитель редактора, редактор «Орловской правды».

Александр Иванович Логутков (1927–2006) – журналист, выпускник МГУ, после издательства – редактор «Орловского комсомольца», заместитель редактора «Орловской правды».

Зинаида Яковлевна Сидельникова (1920–1996) окончила ИФЛИ, с 1944 года – сотрудник Госполитиздата в Москве. Принимала участие в издании партийных и правительственных документов, приказов Верховного Главнокомандующего, различной политической литературы. С 1946 года в Орле, с 1948 года редактор книжной редакции издательства «Орловская правда». С 1958 по 1975 год – бессменный редактор Орловского книжного издательства, а затем Орловского отделения Приокского издательства. Редактировала практически всю выходившую в Орле художественную и краеведческую литературу, являлась автором-составителем ряда краеведческих изданий.

Вячеслав Алексеевич Пуршев – выпускник Елецкого художественного училища, художник газеты «Орловская правда» (см. о нём отдельный очерк в этой книге).

Несмотря на то, что весной 1960 года директор Солдатов был полон оптимизма относительно перспектив («По разде-

лу художественной и детской литературы будет издано 27 названий различных книг – в 1,5 раза больше, чем напечатано в истекшем году… С первыми книжками выступили молодые поэты-орловцы, студенты Литературного института имени М. Горького Г. Иванов и М. Беляев… Издательство ставит задачу значительно улучшить художественное оформление и полиграфическое исполнение изданий»), участь этого областного предприятия была предрешена. За рассматриваемый период областным издательством в Орле было издано 780 книг (т. е. около 60 в год). Становилось очевидно, что в каждой области невозможно иметь штат полнопрофильного издательства с редакторами, рецензентами, иллюстраторами и т. д. Издание книг доморощенных всезнаек (бесконечные темы повышения урожайности и надоев, развития новаторства в промышленности и т. д.) уже не интересовало ни аудиторию, ни отраслевое руководство, ни собственно обком КПСС, к тому же разделившийся на промышленный и сельский обкомы.

Издательство в Орле «исчезло» в 1964 году практически одновременно с отставкой Н. С. Хрущёва – по всей видимости, многие тогда восприняли это как завершение очередной из непродуманных реформ эпохи волюнтаризма. Роль литературного и маркетингового агентства, комбината подготовки и генерации всего спектра изданий для четырёх областей исконного центра России: Тульской, Брянской, Калужской, Орловской – взяло на себя Приокское издательство.

Примечания

1. Горбов Е. К. Антиграст-Н [Рукопись] // Орловский государственный литературный музей И. С. Тургенева (далее ОГЛМТ). Ф. 32. ОФ-6430.

2. Письмо Е. К. Горбова П. Н. Прудковскому // ОГЛМТ. Ф. 32. ОФ-6434.

3. Малец А. Слово об отце // Юность (Ярославль). – 1987. – 10 нояб.

4. Паустовский К. Патриоты своего города // Правда. – 1938. – 23 окт.

5. Постановление IV Орловской областной конференции комсомола 25–27 ноября 1944 г. [Текст] – Орёл, 1944. – 25 с.

6. Солдатов И. Больше хороших книг народу // Орловская правда. – 1960. – 4 марта.

7. Чаплыгин Ю. И звезда с звездою говорит… // Правда. – 1959. – 27 апр.

8. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 2.

9. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 1. Л. 31.

10. ГАОО. Ф. П-52. Оп. 2. Д. 920. Л. 71.

11. ОГЛМТ. Ед. хр. 6705ОФ.

12. ОГЛМТ. Ед. хр. 6738ОФ.

СОЗДАНИЕ МЕЖОБЛАСТНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ В 1960-е ГОДЫ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

В 1963 году высшее партийное руководство СССР приняло решение о создании на базе десятков областных издательств России чёткой сети издательств межобластных (зональных). В таком виде издающие о3рганизации функционировали четверть века, после чего на смену государственной системе издательств пришла частная. Ныне практически нет исследований причин реорганизации, её позитивных и негативных последствий. Попробуем проанализировать происшедшее на примере областей Центра России.

Очевидно, что основной предпосылкой укрупнения издательских структур являлась организация совнархозов по инициативе высшего руководства страны во главе с Н. С. Хрущёвым. Так, в июне 1957 года в РСФСР было создано 70 экономических административных районов, примерно соответствовавших границам административно-территориальных единиц. В ноябре 1962 года был создан Совнархоз СССР, в декабре стали образовывать более крупные экономические районы, включающие по несколько упраздняемых экономических административных районов; в каждом из них создавался совнархоз. Число районов (и соответственно совнархозов) сократилось со 105 до 43. Так, в РСФСР вместо 67 районов стало 24, в частности Приокский и Центрально-Черноземный совнархозы (созданы в декабре 1962 года).

Параллельно шёл процесс консолидации издательской отрасли: в мае 1959 года Главиздат, Главполиграфпром и Главкниготорг были объединены в Главное управление издательств, полиграфии и книжной торговли Министерства культуры СССР.

Началась неафишируемая подготовка к укрупнению издательств (более половины из них работали с убытком, на дотации из бюджета): участились ревизии областных издательств, в центральной печати всё чаще их продукция подвергалась безапелляционной критике. В то же время усиливался дефицит бумаги, картона, других переплётных материалов.

Показательна публикация директора Воронежского областного издательства А. П. Шапошника в журнале «Подъём» (1961, № 1): «Мне думается, что для улучшения работы по созданию новых книг надо укрупнить издательства. В небольших областных центрах следует издавать лишь краеведческую литературу, литературу о передовом опыте в промышленности и сельском хозяйстве. Выпуск же художественной литературы, научно-популярной и научной лучше сосредоточить в зональных издательствах.

Возьмём, например, наше Воронежское издательство. Оно может стать в полном смысле этого слова зональным. Ведь в вузах Воронежа работает большой отряд учёных. В нашей области Всероссийский институт сахарной свёклы, Институт сельского хозяйства Центрально-Черноземной полосы имени Докучаева, Институт экономики сельского хозяйства Центрально-Черноземных областей, много опытных сельскохозяйственных станций.

В Воронеже живёт 32 члена Союза писателей, десятки способных начинающих литераторов. В городе создан и успешно работает крупный полиграфический комбинат

газеты «Коммуна». В этом году вступает в строй второй полиграфический комбинат, оборудованный новейшими машинами.

Пусть не подумают издатели из других областей, что мы преследуем свои, местные интересы. Нет и нет. Анализируя деятельность нашего издательства, присматриваясь к работе других, мы пришли к убеждению, что зональные издательства могли бы с большим успехом выполнять стоящие перед нами задачи. Издательства Ростова, Новосибирска, Свердловска, безусловно, могут лучше делать книги, чем, скажем, издательства Ставрополя, Кемерово, Брянска. Укрупнение поможет ряду издательств отказаться от дотации государства, снизить себестоимость печатной продукции» [1, с. 153].

Областные издательства в этих условиях не могли «постоять за себя», каким-либо образом выступить в свою защиту. Их судьба решалась на уровне обкома и ЦК КПСС. Почему обкомы не протестовали против лишения их издательских прав? Во-первых, именно в это время все партийные органы были поделены на промышленные и сельские, а значит, неясен был вопрос, кто именно курирует издательское дело. Во-вторых, идеологическая сфера резко расширилась: появилось телевидение, росли тиражи газет, увеличивали приём студентов вузы, развивался иностранный туризм, в областях открывались отделения союзов журналистов и писателей, назревало создание общества охраны памятников (этот перечень можно продолжать). Очевидно, что руководители идеологических отделов обкомов не стремились удержать в зоне своего прямого влияния ещё и книгоиздательство.

К тому же сами издатели и авторы книг видели выгоду от выхода на более широкий рынок. Пример тому – обращение в декабре 1962 года руководителя Тульской органи-

зации Союза писателей РСФСР А. Лаврика к коллегам из Орла: «В Тульском книжном издательстве выходит очень содержательная и интересная книга нашего литератора Николая Милонова «Писатели Тульского края». Было бы очень желательно, чтобы вы обратились в свой книготорг с просьбой заказать в ближайшее время экземпляров двести-триста этой книги для вашей области» [2, л. 33].

В августе 1963 года в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР Главиздат был преобразован в Государственный комитет Совета министров СССР по печати (Госкомпечать). Тогда же ЦК КПСС принял постановление, которым предусматривалось укрупнение издательств. Вместо 62 центральных издательств (прежде подчинялись отраслевым министерствам) было создано около сорока новых в структуре Госкомпечати СССР, в РСФСР вместо 46 местных издательств образовано 20 укрупнённых по экономическим районам. Так, Приокское издательство было сформировано на основе областных издательств Тулы, Калуги, Орла, книжной редакции издательства «Брянский рабочий»; Центрально-Черноземное – соответственно, на основе областных издательств Воронежа, Белгорода, Курска, Липецка, Тамбова. Задачи новых структур были определены постановлением ЦК КПСС «О мерах по улучшению издательской деятельности и устранению недостатков в книжной торговле» (1964).

Идея централизации со стороны правительства была проста, более того примитивна – объединить имеющиеся ресурсы. Такие цели, как изучение читательского спроса, внедрение в регионах новейших технологий полиграфии, увеличение выпуска качественной бумаги для провинции, даже не декларировались.

Отставка Н. С. Хрущёва в октябре 1964 года стала катализатором свёртывания реформ. Уже в октябре 1965 года партийным руководством страны было принято решение об отказе от территориальной системы управления экономикой и возвращении к отраслевой системе. Созданные в ходе реформы экономические районы были упразднены; вместе с ними были ликвидированы советы народного хозяйства и восстановлены промышленные министерства. Однако в издательской сфере никаких контрреформ не произошло. При прежней схеме Центру было сложно вести координацию издательской деятельности с сотней обкомов. Значительно проще – с двумя десятками. Более компактная система управления издательским делом в провинции являлась куда более привлекательной.

Итак, на протяжении более четверти века орловские писатели издавали свои книги в основном в Туле (эпизодически книги выходили в Москве, в исключительных случаях – в других городах страны). Как складывалось взаимодействие? Анализ документов в архивном фонде Орловской писательской организации (Государственный архив Орловской области, ф. 3603) позволяет не только восстановить «картину», но и увидеть её в динамике. Судя по приглашениям и командировочным удостоверениям, в первые годы был установлен довольно тесный контакт писателей и межобластного издательства. Даже повышенная требовательность со стороны нового (межобластного) издательства воспринималась писателями, как естественная по сравнению с более комфортными условиями для авторов в издательстве «домашнем».

Уже в сентябре 1964 года состоялась двухдневная командировка ответственного секретаря Орловского отделения Союза писателей РСФСР В. А. Мильчакова в Тулу «для

личного контакта с тульским отделением СП и издательством». Традицию деятельного сотрудничества продолжил новый ответсекретарь – Е. А. Зиборов. В январе 1965 года он участвовал в работе редколлегии межобластного сборника «Приокские рассветы». Предшествовала поездке срочная телеграмма от писателя А. С. Козина из Брянска (15 января): «Командируйте представителя отделения в Тулу 18-го [января] для обсуждения литературного сборника четырёх областей. Срок четыре дня. Гостиница забронирована» [8, л. 17]. Судя по сохранившемуся командировочному удостоверению, Зиборов пробыл в Туле тогда четыре дня, а затем ещё три дня в феврале.

Регулярно работали в издательстве и другие орловские писатели, а также художники-иллюстраторы: автор книги стихов для детей В. М. Катанов выезжал в Тулу на два дня в феврале 1965 года, Е. К. Горбов – на три дня в феврале 1966 года, И. А. Рыжов – на два дня в июле 1966 года (для работы над рукописью), В. В. Рассохин – на три дня в апреле 1968 года (его первый поэтический сборник «Капель» был подписан в набор 6 мая), художник В. А. Пуршев – на три дня в марте 1966 года (для работы над оформлением книги Е. Зиборова).

Именно руководитель писательской организации Зиборов наиболее часто бывал тогда в Туле, оперативно решая все возникавшие издательские вопросы. Сохранилось, например, письмо (без даты) редактора детской литературы И. Ф. Панькина Зиборову: «Приокское книжное издательство просит Вас прибыть на неделю в г. Тулу для доработки рукописи 13 июля 1966 г.» [8, л. 39]. Судя по командировочному удостоверению, Зиборов пробыл в Туле с 13 по 16 июля. Ездил он в командировки в Тулу и в сентябре

1966 года (совещание ответственных секретарей в издательстве), в ноябре 1967 года (двухдневное совещание по плану на 1968–1969 гг.), в январе 1968 года (по вопросам издания рукописей орловских авторов), в апреле 1968 года (совещание по плану на будущий год), в октябре 1969 года (совещание по плану на будущий год) и т. д.

Как видим, во второй половине 1960-х годов взаимодействие Орловской писательской организации и Приокского издательства было весьма деловым. Однако при этом всё равно возникали вопросы. Например, старейший орловский писатель (стаж в СП СССР с 1945 года) Е. К. Горбов, пытаясь понять логику новых издательских чиновников (выбор авторов, очерёдность издания, количество печатных листов), пришёл к выводу о том, что преференции получает его бывший коллега по «Орловской правде» Анатолий Яновский. Переделывая свои старые произведения, он выдаёт их за новые, пользуясь тем, что его супруга работает редактором Орловского отделения издательства. В газете «Орловский комсомолец» в конце августа 1966 года появилась объёмистая публикация Горбова (довольно сложно определить её жанр – сатирическая рецензия, фельетон, памфлет?) «Верхом на канистре: размышления над тремя книгами» с критикой Яновского за непрофессиональное отношение к своему творчеству. Как вспоминают очевидцы, выступление газеты вызвало в Орле бурную реакцию. Подвести черту под конфликтом было призвано писательское собрание (в хранящейся в Госархиве Орловской области стенограмме дата собрания, увы, не указана), тем более что в редакционном послесловии говорилось: «Редакция надеется, что выступление газеты станет темой серьёзного разговора в Приокском книжном издательстве и в Орловском отделении Союза писателей РСФСР» [9].

В июле 1968 года Горбов потребовал от руководителя писательской организации Зиборова подписать совместное письмо в ЦК КПСС по поводу искусственных препятствий в Приокском издательстве на пути писательских рукописей к читателю [10].

В то время был принят ряд новых постановлений ЦК КПСС: «О серьёзных недостатках в организации книжной торговли в сельской местности» (1967), «О мерах по дальнейшему развитию советской детской литературы» (1969), «О повышении рентабельности книгоиздательского дела» (1970). В рамках внедрения новых методов хозяйствования было принято «Положение о социалистическом государственном издательстве», которое расширило оперативную самостоятельность издательств, предоставило больше возможностей проявлять инициативу в хозяйственной деятельности. Издательствам, перешедшим на новую систему планирования и экономического стимулирования, вышестоящие организации утверждали теперь всего одиннадцать показателей, в то время как ранее число утверждаемых показателей доходило до ста. Однако издательства так и не получили тогда права самостоятельно устанавливать тиражи, им запрещалось непосредственно вести коммерческую деятельность.

Значимый аспект взаимоотношений провинциальных писателей с издательствами затронул на собрании в Орле местный уроженец, а в то время ответственный работник столичного издательства, один из активных функционеров республиканского (РСФСР) литературного сообщества Николай Родичев. На собрании в Орле в марте 1971 года он отметил: «Часто приходится с горечью думать о том, что во многих областных центрах живёт большинство писателей, которые по уровню своей работы ещё не достигли того, что можно назвать большой

литературой. Многие из смолян, калининцев [речь идёт о писателях Твери. – А.К.], рязанцев – им некуда деваться [кроме] как в зональное издательство… Совсем недавно проходил [в Орле] семинар молодых писателей. Мы на свой страх отбирали рукописи, что можно предложить в Москве. У каждого из нас были объективные и субъективные взгляды. Мы повезли в Москву [рукописи] на проверку другими литературными работниками издательств, особенно многими заинтересовалось издательство «Современник». Этот заход оказался удачным. Почти каждая рукопись нашла положительную оценку и заинтересовала московские издательства» [11, л. 15].

Как видим, Родичев пытался смягчить уже зародившийся конфликт между писательской организацией и межобластным издательством. По сути, он предлагал не ждать в длинной очереди в Туле, а смело стучаться в двери столичных издательств. Примечательно, что тульское литературное сообщество не хотело отказаться от своего повышенного (по отношению к соседям) статуса. Так, уже в сентябре – октябре 1971 года в Туле состоялся межобластной семинар молодых писателей (от Орла в нём участвовало несколько человек). В августе 1977 года Тульское межобластное бюро пропаганды художественной литературы пригласило трёх орловских писателей (председателя писательской организации В. М. Катанова, а также А. С. Шиляева и В. П. Перкина) на литературный праздник, посвящённый 60-летию Октябрьской революции. Праздник должен был пройти в течение четырёх дней (8–11 сентября), причём мероприятия были запланированы не только в Туле (в частности, на промышленных предприятиях), но и в Ясной Поляне, в сельских районах области.

Выпуск литературы осуществлялся, исходя прежде всего из решения идеологических задач. Так, например, и без

того скромные возможности издательств резко сузились после выхода в 1975 году постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему упорядочению издания литературы, экономии и рациональному использованию бумаги для печати». На резкий рост спроса (выросли доходы населения, образовательный уровень, улучшились жилищные условия) издательства не могли ответить столь же энергично.

Все годы своей деятельности Приокское издательство специализировалось на массово-политической, производственно-технической, сельско-хозяйственной, художественной, детской, учебно-методической и краеведческой литературе. Выходили книжные серии «Земля родная», «О чудо-мастерах и добрых делах», «Отчий край», «Подвиг», «Приключения. Фантастика. Детектив», «Сельская библиотека Нечерноземья», «Тебе, искатель!» и «Школьная библиотека». В конце 1970-х годов ежегодно издавалось около 80 названий книг и брошюр общим тиражом более двух миллионов экземпляров.

Однако за большим объёмом скрывались серьёзные недостатки прошедшей реорганизации издательского дела. Теперь оно развивалось в условиях жёсткого централизма: было ликвидировано большинство местных издательств, при этом не принимались во внимание перспективы развития, культурные традиции регионов. Зональное издательство стало высокостатусным, практически недоступным для действенного влияния творческих сил из соседних областных городов (например, существовала негласная квота: в год издавали только две книги орловских поэтов).

К тому же зональные издательства почти прекратили выпуск научной и учебной литературы. Не спасало положение и введение в середине 1970-х годов планирования на

основе заявок книжных магазинов. Товароведы указывали в заявках количество экземпляров без изучения реального спроса, по интуиции, в спешке (перспективные планы с тысячами позиций поступали в магазины сразу не только от зонального, но и от десятков столичных издательств). Информация суммировалась с опозданием, к тому же приоритеты в издании определялись в итоге не спросом. Репертуар не удовлетворял значительную часть читающей публики, целые разделы ассортимента стали остродефицитными.

Своеобразной приметой 1970-х годов стало повсеместное учреждение областных литературных праздников. Однако увлечение писателей зрелищной стороной литературной жизни в какой-то степени тормозило решение имевшихся творческих вопросов. О них, в частности, шла речь на собрании Орловской писательской организации в июле 1979 года. Один из наиболее активных участников собрания (в скором будущем председатель организации) И. Г. Подсвиров вспомнил предыдущее собрание, где обсуждалась задержка с подготовкой сборника «Спасские аллеи»: «О том, что сборник задерживается, так и не понял, кто же его задерживает: здесь или там, в Туле» [12, л. 4]. Пояснение дал поэт, старший редактор областного отделения Приокского издательства В. П. Перкин: «Писательская организация затянула сроки сдачи рукописи «Спасские аллеи»» [12, л. 8]. Далее он посетовал на недобросовестность коллег по писательскому цеху: «Надо совместными усилиями … улучшать работу, чтобы ни в «Спасские аллеи», ни в любые другие издания не сдавали писатели вторые-третьи экземпляры, предварительно сдав первые [экземпляры] в другие издательства» [12, л. 9]. Однако участники собра-

ния не поддержали критический настрой редактора. Прозаик Н. Е. Калинин снова выступил с критикой: «Когда мы наведём порядок в издательском деле? Наверное, никогда. Никогда не вывешиваются планы» [5, л. 10]. Председатель организации В. М. Катанов пытался сгладить острые углы: «Калинин выступает: произвол в издательстве. Откуда это? Все рукописи рецензируются, рекомендуются писательской организацией. Некоторые, когда есть необходимость, – обсуждаются» [12, л. 11].

Казалось бы, задержка с подготовкой сборника (он вышел в свет только три года спустя, под названием «Рассвет над Окой») должна была заставить руководство писательской организации внимательно проанализировать взаимоотношения с издательством, обозначить болевые точки, найти пути решения проблем. Однако никаких действенных мер не было принято – так усиливался кризис, который спустя несколько лет привёл к полному разрыву отношений. Но тогда ещё какое-то время картина казалось вполне позитивной. Благодушием полна поздравительная телеграмма директору издательства В. М. Заломкину (1982 год):

«Дорогой Вениамин Михайлович!

Сердечно поздравляем Вас с пятидесятилетием!

В день Вашего юбилея желаем Вам всего самого доброго в личной жизни, успехов в издательской деятельности, здоровья и бодрости духа.

Два раза Вам по двадцать пять.
Был путь Ваш по работе ярок.
Мы просим искренне принять
Наш поэтический подарок.

Всё было: солнышко и дождь,
Цветы и снежные метели.
Вдруг не заметишь и не ждёшь,
Что дни так быстро пролетели.
Но всё, что было, позади,
Дало Вам крылья для полёта,
И жар волнения в груди,
И просветлённая работа.
И мы желаем Вам опять
(Пусть повторится эта фраза):
Два раза Вам по двадцать пять.
Ещё по двадцать пять два раза.
Орловские писатели (Подсвиров)» [13, л. 64].

Может быть, столь лапидарный текст вообще характерен для поздравления от людей творческих? Но всего десятилетием ранее поздравления в адрес издательских вожаков были куда проще и скромнее. В качестве примера приведём телеграмму от 1 декабря 1971 года – орловцы обращались к одному из редакторов Приокского издательства по поводу аналогичной даты:

«Панькину Ивану Фёдоровичу
Орловская писательская организация поздравляет Вас с 50-летием. Желаем счастья, здоровья, творческих успехов. Мильчаков» [14, л. 72].

По сравнению с 1960-ми годами в 1980-е резко сократилось личное общение писателей с издательскими работниками, к тому же во многом это общение становится формальным, ритуальным – просто участие в дежурных ме-

роприятиях. Так, глава орловских писателей Катанов приезжал в Тулу на три дня в июле 1981 года. Сохранилось письмо директора Заломкина новому председателю Орловской писательской организации Подсвирову с просьбой принять участие в работе редсовета 21–22 апреля. Письмо датировано 19 апреля 1982 года. Если учесть, что на доставку почтой потребовалось хотя бы два дня, то само отправление подобного приглашения выглядит неким казусом. Впрочем, и другие аналогичные письма (например, письмо главного редактора Л. А. Москалёва от 28 апреля 1983 года с просьбой командировать Подсвирова и Дронникова для участия в обсуждении тематических планов с 28 по 29 апреля; приглашение директора Заломкина от 15 марта 1984 года ответственному секретарю Шиляеву на заседание издательского совета ПКИ 15 марта) датированы днём начала совещаний. Можно предположить, что издательство приглашало писателей по телефону, а письменный вариант выдавался на руки уже на месте.

Ныне вызывает вопросы и формат встреч. Так уже не три или четыре дня в Туле длился обстоятельный разговор, а всего в три часа предлагалось вместить обсуждение сложной и многогранной темы. Например, орловские писатели получили датированное 15 ноября 1983 года письмо Заломкина о том, что в Туле 14 декабря в 14 часов состоится расширенное заседание редакционно-издательского совета с повесткой дня «Работа с молодыми авторами. Перспективы их творческого роста» [15, л. 83]. В частности, предполагалось обсудить вопросы:

– молодые авторы – резерв для расширения и пополнения писательских рядов;

– профессиональная подготовка литераторов и их учёба как залог повышения творческого мастерства;

– гражданская позиция молодых, творческий диапазон, тематика и художественный уровень произведений;

– молодые литераторы и наставничество.

Подтекст послания понятен – в регионах необходимо учить молодых литераторов, создавать условия для их профессионального роста. А издательство выступало уже лишь в роли ментора, пенявшего младшим коллегам на их недоработки. Однако на деле у самих авторов возникало всё больше и больше претензий к работе редакторов. Показателен ряд выступлений орловских писателей того времени. Так, делегат V съезда писателей РСФСР Иван Подсвиров, делясь с читателями в январе 1981 года впечатлениями о писательском форуме, отметил, что в основе книжного дефицита лежит то, что бумага идёт на издание ведомственной, служебной литературы. Писатель сетовал на то, что в Орле, городе с литературными традициями, нет альманаха. В это время рассматривался вопрос о создании литературного альманаха при Приокском издательстве. Подсвиров жёстко поставил вопрос: «Почему альманах, а не боевой ежемесячный журнал?» [3].

Эту же тему он продолжил на отчётно-выборном собрании в Орловской писательской организации (январь 1982 года): «Писатели, перебиваясь с хлеба на квас, едва сводя концы с концами, многие годы с тоской ждут выхода своих книг. Это нечестно, товарищи… Для поэта Игоря Крохина так и не нашлось места в планах Приокского издательства. Спасибо «Советскому писателю» и «Современнику», центральным журналам. По их публикациям отверженный поэт был принят в члены Союза писателей. Едва пробился сквозь кордоны с тоненькой, в два листа, книжечкой Николай Перовский, истратив последние нервные клетки

и прибавив себе новой седины в висках. Его стихи печатаются в «Новом мире», «Литературной газете», в «Октябре», в своё время о нём похвально отзывались Сергей Наровчатов и Дмитрий Блынский. Сладострастно терзали в издательстве и рукопись Николая Калинина, недавно успешно окончившего Высшие литературные курсы, пока он не взял её обратно… Добавлю, что только за последние месяцы у Калинина в московских журналах напечатано несколько рассказов, а в журнале «Подъём»– повесть. Так в чём же дело?.. Достойны детектива и приключения рукописи критика Александра Логвинова, между прочим, члена редсовета по критике Правления СП РСФСР. Перебрасывалась она из плана в план, год назад её набрали, но автору до сих пор не выдали аванс и книга не вышла» [4, л. 27].

Критика была аргументированной и объективной. Избрание Подсвирова на этом собрании председателем правления стало косвенным подтверждением того, что его жёсткая позиция поддержана большинством.

Однако были и другие мнения. Упомянутый Николай Калинин сетовал: «Недавно в Туле вышел первый орловский сборник поэзии и прозы – «Рассвет над Окой»… Сборник долго готовился, о нём было много разговоров. Но вот «страсти» позади, и стало ясно, что немногие авторы оказались требовательными к себе… Кстати сказать, раньше выходили и поэтические коллективные сборники, и в них также некоторые подборки были необязательны, откровенно слабы… Есть ли смысл в таком выходе к читателю? И объективны ли наши претензии к Приокиздату?» [5]

Отношения авторов и издательства обострились до предела с началом перестройки, о чём свидетельствуют и стенограммы собраний в Орле, и публикации в периодике.

Кто-то пытался объяснить очевидный издательский кризис упущениями самих писателей. Самодеятельный орловский поэт Василий Зеленченков, стоявший на учёте в парторганизации писательской ячейки, призывал: «Надо лучше пропагандировать книги наших орловских писателей в печати. Бюро пропаганды обязано больше уделять внимания пропаганде новых книг. Чаще работникам бюро заглядывать в учебные заведения и в библиотеки для организации там читательских конференций» [16, л. 1].

Другие видели причиной отсутствие гласности и коррупцию. Когда на партийном собрании в мае 1986 года поэт Л. К. Котюков воскликнул «Руководству нашей писательской организации надо больше гласности, а её, как и раньше, ещё мало» [17, л. 2], его поддержал прозаик, участник Великой Отечественной войны А. Н. Яновский, поднявший вопрос о деятельности недавно уехавшего из Орла на постоянное жительство в Москву бывшего редактора Перкина: «Гласности у нас, действительно, маловато. По этой причине у нас процветала коррупция. Так Перкин больше занимался самоизданием, воспользовался своим положением и делал, что хотел по изданию своих, как выясняется сейчас, не совсем доброкачественных стихов. И в Туле подобные факты имеются» [17, л. 2].

На другом собрании И. А. Рыжов также высказался критично: «Издательствам сейчас даны широкие права. И они этими правами пользуются сполна. Я уже не говорю о некомпетентном вмешательстве отдельных редакторов в текст. Хуже другое: длинная очередь в издательстве. Надо ждать годами выхода книги. И крайне плохо, когда подошла так называемая очередь и поэтам, например, всем поровну дают по два печатных листа» [18].

Прозаик Н. Е. Калинин делился наболевшим в периодике: «В Приокском издательстве поэту И. Крохину запланировали книгу в четыре печатных листа вместо двух привычных. И что тут началось. Под видом демократии два-три человека настояли обсудить этот вопрос на собрании. Обсудили, спорили два часа и вынесли решение: всех уравнять, всем сёстрам по серьгам. Удивительно, что в споре забыли – а каковы же сами стихи? Творческое начало оказалось побочным фактором. Сказалась застарелая привычка становиться в очередь и выпускать книжку в «свой» год независимо от её содержания» [19, с. 26]; «Дружеское рецензирование, взаимные уступки, кумовские отзывы и заискивания – все эти факторы не имеют ничего общего с настоящей литературой. Они ломают характеры, взгляды, разрыхляют душу, порождают зависть, мелочные обиды, а издательство не силах утешить недовольных. Более того, он само приспосабливается к этому потоку недозревших рукописей, если не сказать определённее: ему по душе неприхотливый автор, знающий свой шесток. Этот автор не возмутится, когда редактор книжки предложит подписать «голенький» бланк договора, он даже не будет считать себя униженным, если потом указанную сумму оплаты за авторский лист изменят ему в ущерб и вышлют полноценный договор, а именно так и бывает в Приокиздате» [5].

Даже обычное участие руководства писательской организации в согласовании издательского плана теперь трактовалось в Орле как некая интрига и борьба. На одном из собраний поэт А. С. Шиляев поблагодарил председателя правления Л. М. Золотарёва за то, что тот «по мере сил отстаивает наши книги на редакционном совете в Туле» [20, л. 3]. Действительно, Золотарёв в апреле 1986 года «на ос-

новании рекомендации бюро писательской организации выяснял вопросы планирования рукописей» к изданию, участвовал и в заседании редсовета в Туле в сентябре 1986 года.

Уже в конце 1986 года, как дань перестройке и отклик на недовольство творческой общественности, начался процесс преобразований в издательском деле, который получил название «периода демократизации книгоиздания». Это была попытка косметических перемен в организации редакционно-издательского процесса и усиления социальной ориентации книжного дела. Коллегия Госкомиздата СССР (преобразован из Госкомпечати в 1972 году) приняла постановление «О расширении прав и самостоятельности издательств и совершенствовании тематического планирования». Проанализировав состояние книгоиздания, выявив множество недостатков, обусловленных как идеологическими причинами, так и административными методами руководства, Госкомиздат постановил «предоставить издательствам право самостоятельно формировать и утверждать тематические планы выпуска литературы», а «утверждение тематических планов в Госкомиздате СССР отменить». На следующий год было принято ещё одно постановление – «О дальнейшей демократизации организационно-творческой деятельности издательств».

С острой критикой Приокского издательства нередко выступал прозаик А. С. Лесных: «В Туле мы на положении пасынков. У нас получается так: хозрасчёт для местных, провинциальных писателей – как петля на шее: пять лет вымаливаешь тираж и объём в 4–5 печатных листов. Не надо «возвращать» меня через 50–100 лет, а сейчас замалчивать. В Москве и в критике нас хвалят, мы, дети провинции, ходим с протянутой рукой, а все издательства, в том числе Приокское, печа-

тают «Детей Арбата». Идёт дискриминация местной печати. Хотелось бы привлечь внимание местных партийных органов к этому важному вопросу. Хотелось бы, чтобы издатели встречались в обкоме в присутствии писателей. Об этом говорилось на выездном заседании секретариата в Рязани. Мне дают один лист или два, пока живой» [21, л. 4].

Приводил негативные факты и В. Д. Зеленченков: «15 лет назад представил рукопись стихов – запланировали на 1985 год, перенесли на 1986-й, и снова не включили в план. У меня было 900 строк, сказали, что включим тебя в коллективный сборник, – Завалишин [Николай Николаевич Завалишин, 1948 г.р., с 1981 года работал редактором Приокского издательства [22, с. 137]. – А.К.] прислал мне положительную рецензию. Но когда вышел сборник, то в нём не оказалось лучших моих стихов. В 1985 году вышел коллективный сборник [произведений] участников войны, до сих пор [октябрь 1988 года] не заплатили гонорар. Прошу побеспокоиться за нас в обкоме КПСС» [21, л. 6].

Однако апелляции в адрес Орловского обкома не имели никакого результата: деятельность межобластного издательства не входила в его компетенцию. Критика и благие пожелания не могли улучшить работу издательств, в частности, Приокского. Судя по буклету издательства (1990), его руководство считало свою работу отличной: ежегодно выпускалось 90 названий книг, брошюр и альбомов общим тиражом 3 млн. экземпляров (т. е. менее экземпляра на одного жителя региона в год). Книги удостаивались первых премий на всероссийских конкурсах искусства книги. Популярны были серии «Отчий край», «Приокская проза», «Бессмертие», «Иной судьбы не хочу» (была адресована молодёжи), «Милее края нет…» (краеведение), «Приокский край:

перестройка в лицах». Был дан старт сериям «Литературная летопись Родины», «Прикосновение к былому» [6].

Несмотря на анонсы, продекларированная свобода стала трактоваться издателями не как возможность для достижения адресного учёта многогранных запросов аудитории, расширения книжного репертуара, а как путь для коммерциализации, издания и реализации низкопробной литературы огромными тиражами. Рукописи современных периферийных поэтов и прозаиков вообще удалялись из тематических планов (так было, например, со сборников стихов «Окоём» А. С. Логвинова, книгой И. К. Миронова об истории газеты «Орловская правда», записками краеведа В. Г. Емельянова). Взамен многотысячными тиражами в Приокском издательстве выпускались не имеющими отношения к региону книги массового спроса, например, «Осквернитель праха» У. Фолкнера (1988, 75 тыс. экз.), «На Западном фронте без перемен» Э. М. Ремарка (1988, 100 тыс. экз.), «В дебрях Борнео» М. Рида (1989, 100 тыс. экз.), «Человек, который смеётся» В. Гюго (1989, 160 тыс. экз.), «Похищенное письмо» Э. А. По (1989, 100 тыс. экз.), сборник «Анекдот – улыбка жизни» (1990, 365 с., 10 тыс. экз.) «Карты. Игры и пасьянсы» (1990, 58 с., 10 тыс. экз.), «Три товарища» Э. М. Ремарка (1990, 100 тыс. экз.), «Записки о Шерлоке Холмсе» А. К. Дойла (1990, 250 тыс. экз.), «Русская кухня» (1991, 288 с., 50 тыс. экз.) и т. д.

Естественно негативной оказалась реакция орловских писателей. Они вообще предлагали отказаться от услуг тульских издателей и создать в Орле собственное издательство. Инициатором выступил Л. М. Золотарёв, который от писателей-соседей узнал, что планируется осуществить аналогичный проект в Смоленске. Предложение вызвало горячий отклик орловцев.

А. Н. Яновский: «Дело о создании в Орле издательства товарищ Золотарёв затеял, безусловно, важное и нужное. И для государства местное издательство даже и в отношении бумаги не было бы убыточным» [17, л. 2].

В. М. Катанов (к тому времени сменил Перкина по посту редактора Орловского отделения Приокского издательства): «Издательство в Орле – хорошее дело. Но нам надо подумать, что издавать. Сейчас в руках у меня рукописи только Яновского и Золотарёва. Надо активно готовить рукописи… В издательство [имеется в виду Орловское отделение Приокского издательства. – А.К.] не поступило ни одной рукописи. Неужели нет готовых рукописей? Стихов, прозы, материалов по краеведению?» [17, л. 2–3].

И. А. Рыжов: «В один голос писатели говорят: необходимо издательство. Когда будет издательство, необходим литературный альманах» [20, л. 4].

Были и другие аналогичные отклики (А. С. Лесных, В. Г. Ерёмина, В. Д. Почечикина и т. д.). Предлагалось также учредить литературный альманах в Орле, открыть писательскую книжную лавку. Тема будущего областного издательства впервые оказалась в центре внимания на партийном собрании писателей в октябре 1986 года. Присутствовавший на нём представитель обкома КПСС, заместитель заведующего идеологическим отделом А. А. Лабейкин попытался направить писателей от деклараций к конкретным делам: «По издательству: первый секретарь обкома партии [Е. С. Строев. – А.К.] разделяет вашу тревогу, но вопрос затянулся в отделе пропаганды ЦК партии… Нужно послать обоснования в ЦК. Нужен тематический план, убедительный план. А кто этот план посмотрел? Я не специалист, те ли [книжные] серии Катанов определил? Целые пласты литературы нужно

издавать: сельскохозяйственную и т.д. Писатели должны обсудить это предложение Катанова и сделать это, засучив рукава. Предложения лежат, но их надо шлифовать… вплоть до того, чтобы поехать в Госкомиздат и не уходить оттуда, пока не решат. И первый секретарь [обкома КПСС], и я, отвечающий за ваше направление работы. У нас у всех одно желание, но нужны обоснования. Значит, нужно послать гонца в Смоленск, где уже открыто издательство. Этот вопрос требует очень детального обсуждения и творческой помощи в поиске особых аргументов» [20, д. 6].

В постановлении собрания тогда было записано: «Всем писателям-коммунистам принять активное участие в работе по организации местного книжного издательства» [20, л. 10].

Ныне, спустя сорок лет, удивляет некая инфантильность писателей. Ведь на самом деле никакого нового издательства тогда в Смоленске не было создано. До начала 1990-х годов книги в Смоленске по-прежнему выходили под маркой столичного издательства «Московский рабочий» (только в 1990 году в Смоленске появилось небольшое частное издательство «Товарищ»). Регион был «прикреплён» к «Московскому рабочему» ещё в середине 1960-х годов в ходе упразднения областных издательств. Новация второй половины 1980-х годов состояла лишь в том, что на титульном листе стали указывать не традиционные «Москва: Московский рабочий», а вначале «Москва – Смоленск: Московский рабочий», затем «Смоленск: Смоленское областное отделение издательства «Московский рабочий»». Повышение статуса отделения было вызвано, надо полагать, тем, что в 1975 году в Смоленске вошёл в строй один из крупнейших в СССР полиграфических комбинатов. Вполне логично, что книги готовились к печати и печатались на месте, минуя Москву.

Активность орловских писателей в вопросе об открытии местного издательства имела подоплёкой, как и в Смоленске, развитие типографской отрасли: на юго-западной окраине Орла в 1986 году началось строительство крупного газетно-журнального полиграфического комплекса. В ассортименте его продукции важное место должны были занять и книги (ежегодно до полумиллиона экземпляров в мягкой обложке) [23]. Однако, судя по документам, после бурного обсуждения на партсобрании в октябре 1986 года никаких конкретных шагов по созданию Орловского издательства не было предпринято, например, даже год спустя в отчёте с писательского собрания в областной газете констатировалось: «С тревогой говорилось на собрании о запутанности издательских дел… годами не обсуждаются рукописи писателей…Редакционный совет бездействует» [24].

В протоколе аналогичного форума в октябре 1988 года в приложении к постановлению («Перечень предложений и критических замечаний») снова звучали лишь благие пожелания:

В. П. Дронников: «Больше уделять внимания издательскому вопросу».

В. Д. Зеленченков: «Прилагать усилия по открытию в Орле своего книжного издательства».

И. А. Рыжов: «Продолжить борьбу за создание Орловского книжного издательства».

В. В. Рассохин: «Добиваться открытия местного издательства… Проверить соответствие продукции и планов Приокского книжного издательства» [21, л. 24–25].

19 октября 1989 года из Орла были отправлены телеграммы в правление Союза писателей РСФСР, в редакцию «Литературной России» и в Верховный Совет СССР:

«Орловские писатели убедительно просят вас поддержать просьбу многих литераторов провинции о возрождении книжных издательств в тех областях многострадальной России, где они в своё время были закрыты то ли по недомыслию, то ли по чьей-то злой воле. Возрождение издательств будет способствовать возрождению культуры, духовности, нравственности русских людей, особенно молодёжи» (подписи девяти писателей) [7, л. 12].

Очевидно, что бесславно и с множеством обид завершалась четвертьвековая история Приокского издательства. Конечно, имелись в этой истории и позитивные страницы: было издано множество книг орловцев, причём тираж распространялся на территории четырёх областей Центра России. Издательство дало путёвку в жизнь немалому числу местных прозаиков и поэтов, пополнило частные собрания и публичные библиотеки томами по краеведению и литературной истории, выпустило серию «Отчий край» с произведениями земляков-классиков. Однако установившийся в начале деятельности издательства живой и конструктивный диалог с писателями уже к концу 1970-х гг. был явно утрачен. Диктат рентабельности, отсутствие у издательства интереса к малотиражным проектам, идеологическая зашоренность и нехватка гласности, прочие причины привели к полной потере доверия. В свою очередь писатели, при всех благих пожеланиях, в условиях перестройки не смогли конструктивно работать в издательской сфере, найти своё место в создании жизнеспособного механизма продвижения рукописей к читателю.

Перестав быть частью общегосударственной системы издания и книгораспространения, отказавшись от ориентации на местные авторские и многообразные читательские запросы, Приокское издательство в условиях тяжёлого эко-

номического кризиса начала 1990-х годов резко снизило эффективность работы, стало нерентабельным и в итоге потеряло статус крупной межобластной издающей структуры, превратившись в небольшое коммерческое предприятие, которое в итоге было ликвидировано. Напротив, и в Туле, и в Брянске, Калуге, Орле в эти же годы появилось множество издательств, ориентированных на местные запросы в новых изданиях. Аналогичные процессы были характерны и для Центрального Черноземья.

Четверть века, на протяжении которой работали межобластные издательства, стала достаточно большим историческим отрезком для анализа их деятельности. Наряду с многими положительными гранями (повышение эффективности, консолидация издательской политики, стабильность, серийное издание книг, развитие межобластных культурных связей), выявились и отрицательные: слабый интерес к развитию творческих сил на местах, игнорирование локальных культурно-исторических интересов, приоритет прибыли за счёт отказа от реализации малотиражных проектов.

В итоге исторический опыт развития книги показал, что нельзя удовлетворить растущий многообразный спрос путём механического увеличения тиражей сравнительно небольшого числа названий книжной продукции. Сужение ассортимента ведёт к резкому росту спроса на отдельные издания. Решение этой задачи – в компетенции локальных, специализированных издательств, ориентирующихся на конкретные социальные или профессиональные группы в регионах.

Примечания

1. Шапошник А. Что волнует издателей // Подъём. – 1961. – № 1. – С. 152–156.

2. Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. 3606. Д. 32.

3. Подсвиров И. Ответственность писателя // Орловская правда. – 1981. – 11 янв.

4. ГАОО. Ф. 3606. Д. 131.

5. Калинин Н. Если бы молодость знала… // Литературная Россия. – 1984, 23 марта. – С. 14.

6. Приокское книжное издательство: буклет. – Тула: Приокское кн. изд-во, 1990. – 32 с.

7. ГАОО. Ф. 3606. Д. 186.

8. ГАОО. Ф. 3606. Д. 37.

9. Горбов Е. Верхом на канистре: размышления над тремя книгами // Орловский комсомолец. – 1966. – 28 авг.

10. Орловский объединённый государственный литературный музей И. С. Тургенева. Ед. хр. 6427 ОФ.

11. ГАОО. Ф. 3606. Д. 42.

12. ГАОО. Ф. 3606. Д. 57.

13. ГАОО. Ф. 3606. Д. 38.

14. ГАОО. Ф. 3606. Д. 32.

15. ГАОО. Ф. 3606. Д. 41.

16. ГАОО. Ф. 3606. Д. 59.

17. ГАОО. Ф. 3606. Д. 66.

18. Малыгина О. Активнее вторгаться в жизнь // Орловская правда. – 1988. – 29 сент.

19. Калинин Н. Откровенно о наболевшем // Политическая агитация (Орёл). – 1988. – № 6 (март). – С. 24–27.

20. ГАОО. Ф. 3606. Д. 78.

21. ГАОО. Ф. 3606. Д. 81.

22. Макаров Н. Писатели земли Тульской: биографический словарь. – Тула, 2017. – 367 с.

23. Пехтерев В. Будущий адрес «Орловской правды» // Орловская правда. – 1986. – 7 февр.

24. Бутузова Л. Откровения и недомолвки // Орловская правда. – 1987. – 1 окт.

II.
ЛЮДИ И КНИГИ

Творцы и сочинители

Книга земского статистика
Забытый русский писатель
80 книг семейства Португаловых
Василий и Афанасий Петрищевы
Вячеслав Алексеевич Пуршев

Издательское дело

Александр Николаевич Чудинов
Станислав Станиславович Окрейц
Александр Васильевич Гаврилов

Книжная торговля

Семейство Кашкиных

Библиография и библиофильство

Владимир Яковлевич Закс
Михаил Козьмич Хлопцев
Виталий Георгиевич Сидоров

Изучение книжного дела

Михаил Константинович Лемке
Николай Сергеевич Каринский
Андрей Захарович Окороков
Александр Алексеевич Говоров

КНИГА ЗЕМСКОГО СТАТИСТИКА

Иван Петрович Белоконский (1855–1931) – журналист, писатель, участник революционного движения, автор книг «По тюрьмам и этапам», «Дань времени». «В годы бесправия» и других. Орловский период в жизни Белоконского – 1886–1895 годы, когда он работал в Орловском статистическом бюро, сотрудничал в «Орловском вестнике». Книга рассказов И. П. Белоконского «Деревенские впечатления» вышла в Петербурге в типографии М. М. Стасюлевича в двух томах в 1900–1903 гг., следующие тома этого своеобразного собрания сочинений – третий и четвёртый под заголовком «Рассказы», были изданы в Ростове-на-Дону в 1905–1907 гг.

Имеющийся в областной библиотеке имени И. А. Бунина экземпляр «Деревенских впечатлений» отмечен печатью «Библиотека Саратовской уездной земской управы», соответствующая аббревиатура БСУЗУ вытеснена на корешке переплёта. Книга, в которой 310 страниц, состоит из 15 очерков. Написанных в разные годы. В частности, это такие очерки, как «Из подворной переписи», «Мужицкие господа». «Деревня печальная». «Волостная статистика», «Деревенская интеллигенция и народ», «На развалинах», «В родовом гнезде И. С. Тургенева». «Барин», «Настоящий мужик» и т. д.

Строго говоря, это не очерки, а сравнительно небольшие, в основном безадресные зарисовки (обычно 10–15, реже 20 страниц), перенасыщенные описаниями сельских сходов, убогих деревень, дворов. Основное содержание – безмерно длинные, похожие один на другой диалоги, повествующие о житье-бытье крестьян. На этом фоне заметно выделяются три очерка, посвящённые отнюдь не деревенским реалиям, а ситуации в промышленных районах. Причём адреса повествований в двух очерках были не орловские и даже не курские или калужские. В очерке «Баташёвы» речь идет о принадлежавшем этой семье промышленном районе на границе Владимирской и Рязанской губерний, в очерке «Сибирский помещик» – о купце Кольчугине, владельце Абаканского железоделательного завода. Наиболее крупный очерк «промышленной серии» – «Край «долбни» и «картошки»» посвящён Мальцовскому промышленному району. Объём очерка – 55 страниц, т. е. он занимает шестую часть книги (с. 204–258). В начале повествования автор поясняет название: картошка и долбня (обрубленное полено, которым вбивают клин в надрубленное дерево) служат средством выживания населения, которое в период экономического кризиса может рассчитывать только на свои огороды и на подёнщину во время заготовок леса.

Восхищают Белоконского знаменитые Брянские леса, которые, как он сообщает читателю, упоминаются в сказках и о которых слагались народные песни. Однако от поэзии автор скоро переходит к прозе, пытаясь выяснить причины крайней отсталости местного населения. Белоконский предлагает детальное описание центра мальцовских владений – села Дятьково: парка, церкви, убранства дома Маль-

цева. Приведены подробные сведения о населении села, его заработках и материальном положении.

Всюду в Мальцовском районе автор отмечает приметы глубокого кризиса, в частности, на примере положения населения в Чернятине. Остановилось производство – люди остались без средств к существованию. Белоконский скрупулёзно называет цифры: рабочим платили мизерное пособие из расчёта 2,7 копейки в день на ребёнка, 5,5 копейки – на взрослого. Ужасающая бедность Бытошинского. Петровского заводов и Маховой Гуты подтверждается цифрами: «Из Маховой Гуты разошлось в разные стороны 26% всего населения, из Бытоши 45%, а из Петровского Завода – 50%».

На этом фоне вполне резонно звучит заключение Белоконского о настоятельной необходимости объективного изучения ситуации в губерниях. «Обращаясь к причине краха Мальцевских владений, невольно бросается в глаза внезапность и неожиданность этого печального события… Только что слышали о чудесах на заводах, только что читали о необычайном, редком благоденствии населения – и вдруг! Вот в полном неведении и кроется бедствие. Много было похвал и ни одного настоящего исследования! Если бы обширный край этот был изучен, быть может, нетрудно было бы предупредить беду, но этого сделано не было».

Симпатии Белоконского были обращены в сторону индустрии нового типа, которую в лесном краю представляло детище Петра Губонина – Брянский рельсопрокатный завод. Впечатляло даже то, что предприятие было построено на болоте, в явно невыгодных условиях по сравнению с Мальцовскими заводами, обеспеченными всем необходимым, – это неудобство со временем было компенсировано тем, что

Брянский завод стал получать по железной дороге с Украины руду, а затем там же, на Украине, были построены рельсопрокатный и чугунолитейный заводы акционерного общества «Брянский завод».

В описании гиганта литератор не жалеет красок; «Проезжая по Риго-Орловской железной дороге тёмной ночью возле станции Бежица… нельзя не обратить внимание на довольно сильный свет, проникающий в вагон… Из высоких труб и доменных печей подымаются голубоватого цвета огненные языки, освещая значительное пространство, на котором выступают тёмные силуэты больших зданий. Это – Брянский рельсопрокатный завод, одно из громаднейших и богатейших предприятий в целой России. Оно поставлено на совершенно европейских началах и представляет единственное в Брянском уезде, в строгом смысле слова, капиталистическое предприятие, резко отличающееся как от строя заводов мельниковских, так и от мальцевского хозяйства».

Белоконский особо отмечает не только индустриальную мощь, но и прогресс в социальной сфере: «В новом промышленном центре… имеется пять школ, библиотека, клуб. магазины. выписываются в значительном количестве газеты. журналы. устраиваются народные чтения с туманными картинками (Белоконский был одним из энтузиастов народных чтений в Орле. – А.К.), имеется больница, организовано общество потребителей и т.д. и т.д.».

И хотя автор не скрывает своей досады по поводу очень большого рабочего дня, невыносимых жилищных условий на Брянском заводе, читателю становится очевидно: в тщательно выстроенной автором триаде» патриархальная деревня – Мальцов (Мельников. Баташёв, Кольчугин и др.) – Губонин последний вариант явно предпочтительнее.

Кажется, не будь цензурных препон, Белоконский не удержался бы и от главного вывода: от Брянского завода рукой подать до социализма. Однако финал очерка размыт. Автор, снова возвращаясь к мальцовским заводам, пишет: «Перешедшие на Брянский завод с бывших Мальцовских только мечтают о том моменте, когда урегулируется земельный вопрос на старом пепелище и улучшатся дела старого района, чтобы перекочевать обратно и там, занимаясь хозяйством, в то же время работать и на заводах, чтобы, во-первых, разнообразить свой труд, или, по крайней мере, не всех членов семьи на всю жизнь обрекать на заводскую работу. и чтобы, во-вторых, иметь обеспечение на случай возможных приостановок заводской работы или даже крушения всего предприятия».

Белоконский, столь ярко описавший невзгоды рабочего класса, самой логикой повествования вынужден предложить свой рецепт выхода из социального кризиса: «наделение рабочего населения землёю и возможно полное регулирование заводского труда». Нет ни гневных филиппик в адрес властей предержащих, ни экономических перспектив, ни размышлений о том, что терпение рабочих может однажды лопнуть.

В самом сборнике очерков отсутствуют предисловие, послесловие, какое-либо обобщение. Складывается впечатление, что Белоконский попытался предложить в сборнике разрозненный набор пёстрых картин русской жизни, из которого проницательный читатель мог сложить масштабное полотно, полное определённого смысла. Если учесть, что названная книга находилась в библиотеке Саратовского уездного земства в те годы, когда пост саратовского губернатора занимал П. А. Столыпин, можно предположить, как она воздействовала на оценки и взгляды земцев. Впрочем, это тема уже для другого исследования.

ЗАБЫТЫЙ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Судьба Павла Россиева складывалась весьма непросто. Она была полна странствий, надежд и разочарований, большого труда, и, наверное, главным в ней было обретение веры. Итоговая точка в жизнеописании этого человека долго не была поставлена – последние сведения о нём были датированы 1919 годом. Россиев исчез, пропал без вести на юге России – время было военное, смутное. Окажись он в эмиграции, наверное, появились бы новые очерки и книги, но с тех пор эта фамилия уже не встречалась на свежих обложках.

Только в 1990-е годы соотечественники вспомнили о забытом писателе. В составе сборника к 850-летию города «Святые покровители града Москвы» (М., 1996) была переиздана повесть «Великий печальник за родину Патриарх Гермоген» (М.,1912), затем вышла историческая повесть для юношества «Святитель Алексий» (СПб., 1999). А когда в сентябре 2011 года крестный ход прошёл по пути народного ополчения Минина и Пожарского из Нижнего Новгорода в Москву, на Красную площадь, его участники раздали более десяти тысяч иконок святителя и три тысячи брошюр Павла Россиева «Великий печальник за родину Патриарх Гермоген» (репринтное издание). Заново напечатанные книги Россиева постепенно занимают достойное место в библиотеках, их можно найти в Интернете, очерки с интересом изучают и цитируют историки, краеведы, географы. И это, по-моему, лишь начало. Внимание современного общества к наследию замечательного литератора Павла Россиева бу-

дет только расти – ведь он писал не на потребу публике, его большой труд даже век спустя оказался незаменим, на удивление, прочен и полезен.

До последнего времени были неизвестны место и точная дата рождения будущего мастера русского слова. В ряде источников, как наиболее вероятные указывались город Орёл и 1873 год. Поиск в Госархиве Орловской области позволил автору этих строк внести необходимую ясность в биографию Россиева: он родился 22 января 1873 года в Шлиссельбургском уезде Петербургской губернии [1]. Отец его Амплий (Амплей) Тимофеевич именовал себя в разных случаях кронштадтским мещанином или орловским купцом – ему принадлежала в Орле одна из городских гостиниц. Павел Россиев в 1883 году поступил в первый класс 1-й Орловской губернской мужской гимназии. Учёба не задалась – из-за болезней и каких-то других причин ему довелось четырежды оказываться во второгодниках.

Воспоминания Россиева о гимназических годах стали частью мемуарного сочинения «Силуэты», опубликованного в журнале «Исторический вестник» (1909). Несмотря на явные проблемы с учёбой, свою гимназию Россиев называл «великолепным типом школы». Большое влияние на ученика оказал Иван Михайлович Белоруссов, который работал директором и преподавателем гимназии. Белоруссов был не только хорошим педагогом, но и признанным учёным-филологом, автором книг, сделавшим его имя известным всей просвещённой России. Бывший школяр два десятка лет спустя называл его тонким филологом, великолепно знавшим все изгибы латинского и греческого языков, оживлявшим их на уроках. В то же время Белоруссов был истинным поборником чистоты русского языка. Вместе с учениками

он молился перед началом занятий, пел в церковном хоре, был по-суворовски прост и сердечен.

Добрые слова нашлись у Россиева и для того, чтобы рассказать о великолепном знатоке географии и истории Николае Ивановиче Горшечникове, о словеснике-добряке Николае Андреевиче Вербицком, других учителях Орловской гимназии. Но кумиром его, конечно же, навсегда остался Белоруссов. Павел Россиев писал: «Помнятся живые, осмысленные уроки, на которых улавливались, с помощью Ивана Михайловича, все изгибы и извивы «божественной эллинской речи», её полнозвучность и полновесность, и когда мы чувствовали в гомеровских рапсодиях музыкальную характерность языка наших былин; мы углублялись в тонкость Ксенофонтова «Анабазиса» и над какой-то частицей, недостойной ударения, а только придыхания, останавливались с той серьезностью, с какой ботаник останавливается над клеткой или живой протоплазмой. Искусный преподаватель по-своему, кратко и удобопонятно предлагал синтаксические и грамматические мудрости… Основой воспитательной и педагогической мысли Белоруссова было беспрестанное возбуждение, укрепление и усиление сознательной и свободной деятельности учащихся, можно сказать, – самообразование, построенное на твердой воле и сознательном труде, как святом долге каждого человека… Для Белоруссова русский язык стал солнцем, которое не только согревало его душу, но и являлось источником литературно-педагогической энергии, а эта, в свою очередь, была источником его интеллектуальной жизни» [2].

Не лишённый литературный способностей, Павел Россиев с юных лет публиковал очерки в газете «Орловский вестник»: «Старуха (из уличных силуэтов)» (1893), «Жесто-

кое слово» (1895), «Белые ночи» (1896) и т. д. Здесь же печаталась с продолжением небольшая пьеса «Карась: Сцены из дачной жизни в 3-х действиях», которая вышла отдельным изданием в 1895 году. О «достоинствах» этого драматического опуса можно было судить уже по перечню действующих лиц: Сморчков, его жена и дочь, Пульхерия Алексеевна Запеканкина, а также Антон Петрович Македонский, Перепетуя Егоровна Разносилова. Названия действий: «Бури и мели», «Шторм», «У пристани»…

Россиев был корреспондентом «Орловского вестника» на крупных российских выставках, в частности, летом 1896 года провёл в Нижнем Новгороде почти месяц и опубликовал в газете серию статей о знаменитой XVI Всероссийской выставке и ярмарке.

А между тем он всё ещё не имел гимназического аттестата. Переехав весной 1892 года в Петербург, продолжил учёбу в одной из престижных гимназий на Васильевском острове, но смерть отца нарушила привычный ход вещей. Россиев снова захворал, забросил учёбу и на целый год перебрался в деревню. А уж из глуши снова вернулся в Орёл и в 1897 году сдал экстерном выпускные экзамены в родной гимназии.

В конце столетия переехал в Москву. Один за другим выходят сборники его рассказов, тексты пьес. Увы, эти блёклые по содержанию издания вряд ли стоили того труда, который тратил на них автор. Апатия, безверие, усталость – унылое настроение русского общества конца XIX – начала XX века до сих пор по-уездному глухо дремлет в строках давно пожелтевших страниц. Вот сборник рассказов и очерков «Общие знакомые» (М., 1901): «Блажь», «Заморыши», «Барин», «Фрося», «Перекати-поле» и т. д. – больше десятка незамысловатых мещанских историй. Продолжение темы – в сбор-

нике «Без героев» (М., 1903). «Конец Лукича» – предыстория смерти бывшего крепостного Касьяна Лукича Хренова, доживавшего свой век в барском флигеле. Столь же печальны «Гаврюшка оглашенный», «Хозяин» – былички в стиле первых очерков юного Ивана Бунина в «Орловском вестнике». «Поздняя любовь» – о безрадостной жизни мещан, «В обители» – монастырские зарисовки. А ещё «В деревне», «На Чёрном море», «Уголок Парижа» (из брюссельских воспоминаний), маленькая повесть «Около любви» – о смерти актрисы Валентины Багрянцевой, болевшей чахоткой и отравившейся мышьяком из-за несчастной любви.

При всём интонационном единстве, не похож на общий строй рассказ «Христос Воскресе» – о поездке 40-летнего Елисея Петровича Гусятникова в Иерусалим, ко гробу Господню. Описание, по всей видимости, с натуры Святого огня, встреч с монахами, описание живое, профессионально-литературное и содержательное – свидетельство того, что будущая работа в этом жанре станет истинным призванием Россиева…

Главный герой, приехавший к святым местам, прозревает: «Когда даже у себя самого нет веры, когда не знаешь и не умеешь ни к чему приложить своих сил, – к чему проповеди? На камне не родится хлеба […] И снова ему стало тяжко, скучно, одиноко среди ликующей толпы» [3]. Автор с грустью замечает, что Светлой пасхальной ночью может наступить серенький день. Эта история, по сути, кульминация сборника, в целом ничем не выдающегося на фоне столь же безликих творений массы русских беллетристов.

Представим: начало XX века, живёт 30-летний литератор Павел Россиев в первопрестольном граде, в доме по Доброслободскому переулку у Земляного вала, есть у него собственный кабинет, даже небольшой склад для книжной

продукции есть. Ведёт переписку с такими видными деятелями русской культуры, как Пётр Бартенев, Евтихий Карпов, Алексей Суворин и Аполлон Коринфский… Пишет тексты день за днём, а то и по ночам, выходят одна за другой книги, печатаются рассказы, а славы, да что там славы, даже более менее прочного признания со стороны читающей публики нет как нет. Что делать? Благо, кто-то из сведущих друзей посоветовал покончить с унылой беллетристикой и драматургией, а взор обратить на историческую литературу, на подробное описание собственных путешествий по достопамятным местам. В итоге с годами сложились не только серии добротных очерков в периодике, но и целая библиотечка написанных Россиевым книг: церковно-историческая повесть о событиях времён Ивана Грозного «На севере диком» (1904), церковно-историческая хроника «Палладий Роговский» (1906). Особо стоит сказать об исторической повести для детей-подростков «Святитель Алексий» (1901, 1902) – масштабном полотне, где были живо и достоверно показаны реалии московской жизни XIV века, сложные взаимоотношения Руси и Орды: «1304 год… Нашествие татар, словно буря, всколыхнуло гладь русской жизни, произвело великие невзгоды… Уходила Русь древняя, нарождалась новая Русь. Москва манила к себе князей и бояр, особенно после того, как перенесли в неё из Владимира первосвятительский престол. В тот год и родился у знатного боярина Феодора Бяконта сын Елевферий…» Главным героем повести стал митрополит московский Алексий, сыгравший определяющую роль в развитии русской государственности. Как подчёркивал автор, именно православная вера давала митрополиту силы и мудрость для принятия судьбоносных решений [4].

По примеру плеяды замечательных русских писателей-очеркистов Россиев отправляется в долгие поездки, чтобы рассказать читателям о дальних краях и странах. Одна из первых книг этого рода – «Северная Русь: Очерки и картинки» (М., 1903). Её главы: «На Печоре», «Архангельск», «Поездка в Холмогоры»… Автор охотно делится с читателем увиденным: «Грязь на пароходе татарская… Уж только чтобы не видеть её, станешь любоваться Северной Двиной и расстилающимся за нею простором… Красавица-река. Бежит в зелёных берегах, минуя леса, деревни, сёла. Вечер. Солнце заходит. Золотом да янтарём залит горизонт, алыми мазками кто-то тронул контуры белых облачков, раскидавшихся в сонном воздухе» [5]. И далее снова, как пристани по течению реки, главы: «Пароход «Ломоносов», «Полярный день», «Александровск». Александровск?! Что-то знакомое слышится современному читателю в этом названии. Но о каком же городе здесь идёт речь?

Известно, что в начале 1890-х годов правительством России рассматривался вопрос о строительстве в Екатерининской гавани Кольского залива военного порта. Инициатором проекта был министр финансов С. Ю. Витте, совершивший поездку на Мурман (в своих мемуарах он писал: «Такой грандиозной гавани я никогда в жизни не видел»). Однако из-за смерти Александра III реализовать идею тогда не удалось. Коммерческий порт Александровск (название – в честь императора) на берегу Екатерининской гавани был заложен летом 1896 года, а уже через три года, 24 июня 1899 года, поселение по указу Николая II получило статус города и стало центром Александровского (ранее Кольского) уезда. Город насчитывал 500 жителей, к началу XX века были построены православная церковь и школа, налаже-

но освещение электричеством. Дальнейшее развитие, увы, было затруднено отсутствием регулярного сообщения с внутренними районами России. В те годы Николай II высказал пожелание о проведении на Мурман железной дороги – для завершения «великого пути России от океана к океану – от Владивостока и Порт-Артура до Архангельска и Мурманска», однако нехватка средств не позволила осуществить этот проект вплоть до первой мировой войны.

И вот читаем описание изначального Александровска у Россиева: «Набережная змеится от «горы Энгельгардта», по ней прошли шоссейная и железная дороги системы Дековиля (переносная цельнометаллическая узкоколейка. – А.К.). Площадь вокруг собора, в котором есть работы Васнецова и Коровина. Сгруппировались обычные городские учреждения, училище, казначейство, сберегательная касса, больница, полицейское управление и почтово-телеграфная контора. […] Я поворачиваю направо. Стоит ряд домов с камерой мирового судьи в центре. Дома одноэтажные, деревянные, разных цветов. Говорят, раньше все дома были серы, и поэтому александровцы путали их и частенько попадали в чужой – вместо своего. Мудрёного мало, так как в городе всего 32 дома, а фонарей всего три-четыре и светят они тускло» [6]. Заметим, что описанный Россиевым Александровск ныне носит название Полярный – теперь это база Северного флота, город воинской славы России.

Другие главы «Северной Руси»: «До Колы», «Лопари», «Ночёвка в становище», «Печенегский монастырь» (весьма подробное описание, помещено несколько фотоиллюстраций), «Северные пастухи», «У карелов». Затем очеркист направляется на иной край земли, итогом его путешествия стала книга очерков «На Дальнем Востоке» (М., 1905). Ав-

тор знакомил читателей с жизнью простых китайцев, причём красной нитью проходила мысль о том, что у русских много общего с китайцами – мы «обречены» на долгую дружбу. В тот же год из печати выходит ещё одна книга Павла Россиева – «Гнездо орлов: Путевые впечатления в Черногории» (М., 1905). Повседневная жизнь южных славян показана с симпатией и братским теплом. Читатель знакомится с песнями, легендами и преданиями. Православных церквей мало, а те, что есть, тесны, священники бедны. Не упустил Россиев и то, что повсеместно в Черногории развита народная медицина. Автор подмечает: «Черногорское спокойствие, достоинство, которые никогда не покидают ни взрослых, ни детей, право, поразительны» [7], «Сознание своего «я» развито донельзя. Если прежние черногорцы были только горды и чувствительны к оскорблению их чести, то современные, кроме того, ещё честолюбивы и тщеславны» [8].

В книге – подробный рассказ о детях черногорского князя Николая, причём отмечается, что престолонаследник Даниил – крестник российского императора Александра II. Рассказывает Россиев и о своём визите к русскому этнографу и публицисту Павлу Ровинскому с самыми лестными словами о его замечательном труде «Черногория в её прошлом и настоящем». Всюду в очерках подчёркивается славянское братство: местные жители искренне приветствуют русских. Примечательно, что это повествование стало широко известно не только в России, но и стало популярным у черногорских читателей.

Во время первой русской революции Россиев снова уезжает далеко из России. В 1907 году в Москве в университетской типографии вышла его книга «Фэрерские острова» («фэрерские» – такова тогда была транскрипция названия).

В основу книги был положен большой путевой очерк, опубликованный в № 9 и 10 журнала «Естествознание и география» за 1906 год.

Судя по датам, путешественник-очеркист побывал в дальней стороне в самый разгар Первой русской революции. Не случайно Россиева так влекли в смутное время далёкие и почти неизвестные Фэрерские острова. Он был восхищён натурой обитателей этого сурового края: «Фэрерцы – нравственный, честный народ; они правдивы и как бы составляют единую тесную семью; обманщик и вор, заклеймённые общим презрением, не могли бы оставаться на островах; от них бы всяк отвернулся» [9]. Сквозь строки видна симпатия к островной жизни – простой и многотрудной, но куда более спокойной, чем в объятой революцией России.

Россиев писал: «Атлантический «мункен» напоминает о монахах, которые, взяв кошницы с семенами евангельских истин, поплыли к северным язычникам и стали сеять среди них» [10]. И пояснял «Мункен (монах) – уединённый выдающийся риф Сумбё-Стейнер» [11]. Есть в книге и такое любопытное наблюдение: «Ни оркадцы, ни фэрерцы не боятся, что когда-нибудь от их гнёзд останется только воспоминание, – океан возьмёт и разрушит острова… Нет, нет, этого не может произойти: не допустят ангелы-хранители» [12].

Павел Россиев постоянно сравнивал острова с чем-то похожими на них архангельскими пределами, описанными в его недавней книге «Северная Русь: Очерки и картинки» (М., 1903). Однако при всей симпатии к фэрерцам, писатель никак не мог заглушить в своей душе тоску по многострадальной родине. И книгу закончил такими словами: «Манила из гиперборейской дали страна льда Исландия, но с ещё большей силою влекло не на север, а на юг, к родным преде-

лам, хотелось на простор, не скованный никакими скалами, хотелось в настоящий дремучий лес или бор, хотелось подышать воздухом широкой русской нивы…» [13]

Россиев в те годы активно публиковался в периодике: в «Историческом вестнике», «Русском архиве», «Русском паломнике» (ряд его книг вышел в качестве приложений), «Биржевых ведомостях», в журналах «Вестник литературы», «Природа и люди», а также в знаменитом словаре Брокгауза и Ефрона. В журнале «Живописная Россия» (1903) были напечатаны очерк «Ливны и ливенцы», а также путевые заметки о Кашинских минеральных источниках в Тверской губернии, не уступавших по целебной силе кавказскому Железноводску. Путешествуя по Сибири, Россиев не мог не побывать в знаменитом имении Таракановка купца Юдина под Красноярском – там его ждали несметные книжные сокровища. Довольно богатый предприниматель Геннадий Васильевич Юдин в поездках по России и за границей разыскивал и приобретал ценные и редкие издания, рукописи. Юдин понимал значение раритетов и не жалел на них денег. В его собрании были рукописи Н. В. Гоголя, А. С. Грибоедова, Г. Р. Державина, И. С. Тургенева, А. П. Чехова. Особенно обширен был раздел, посвящённый истории, народностям, населяющим Сибирь, её природным богатствам. Здесь же были дневники старинных путешествий, доклады первопроходцев, комплекты всех местных газет. Юдинская библиотека стала гордостью Восточной Сибири, знатоки считали её второй после собрания Томского университета. Однако старея и слабея, Юдин всё больше тревожился о своём детище. Опасался пожаров, того, что после смерти его книги разойдутся по рукам. Он хотел продать библиотеку научному учреждению, давал объявления в газеты, обратился к царю с предложением про-

дать коллекцию за 150 тысяч рублей – во много раз меньше номинальной стоимости. Николай II наложил на эту просьбу резолюцию: «Из-за недостатка средств отклонить».

В это драматичное время и посетил Павел Россиев сибиряка Юдина, последовавшая публикация с рассказом об уникальном книжном собрании [14] была призвана пробудить интерес общества, подтолкнуть его к решению непростого вопроса. Однако доброхотов так и не нашлось: юдинскую коллекцию в 1907 году купили американцы для библиотеки конгресса США всего за 40 тысяч долларов, хотя её ценность неизмеримо выше – взять только богатейшую информацию о месторождениях Сибири!

Для бытописателя Россиева не прошли даром уроки его учителя литературоведа Ивана Белоруссова. Его перу принадлежат не утратившие своего значения и по сей день статьи «Учитель Пушкина» («Вестник литературы», 1905), «Несколько строк в биографию А. П. Чехова» («Исторический вестник», 1907), «У И. С. Тургенева» (запись рассказа неизвестного о посещении им Тургенева перед смертью в Буживале, «Русский архив», 1908), «Памяти Добротворского» («Исторический вестник», 1908), «А. С. Пушкин – актёр-любитель» («Биржевые ведомости», 1911) «Артистический кружок в Москве» («Исторический вестник», 1912) и другие статьи, посвящённые, в частности, драматургу Сухово-Кобылину (1910). А ещё были краеведческие публикации «Из воспоминаний о Сарове» («Русский паломник», 1903), «Забытые могилы московских кладбищ» («Исторический вестник», 1906), «Около театра (Листки из записной книжки)», «Из записок театрала 40–60-х годов» («Ежегодник Императорских театров», 1910, вып. IV, VII). В рукописном виде до наших дней дошли записки Россиева

«Октябрь 1905 года в Москве» (ныне хранятся в Российском госархиве литературы и искусства), «Объяснение восьми слов, слышанных в разных губерниях (1913)» (Словарная картотека Института русского языка РАН (СПб)).

Сразу после смерти Ф. Н. Плевако была напечатана биографическая статья Россиева о знаменитом юристе [15]. Она куда более полно, чем все вышедшие в те годы публикации, освещала мировоззрение и основные события жизни этого незаурядного человека. Россиев отмечал, что в личности Плевако сочетались разночинский нигилизм и религиозность, житейская простота и разгульное барство. Плевако устраивал гомерические пиры на зафрахтованных им пароходах от Нижнего Новгорода до Астрахани и в то же время имел уникальную библиотеку, был автором сатирических произведений в прозе и стихах и в сорокалетнем возрасте предпринял в Москве издание собственной газеты «Жизнь». Опровергая свидетельства современников о пренебрежительном отношении Льва Толстого к Плевако, Россиев подчёркивал, что Толстой направлял ходоков именно к Плевако со словами: «Фёдор Никифорович, обелите несчастных!»

С 1909 года Россиев жил в приморском Сочи, возглавлял здесь Тюремный комитет. Современному читателю вряд ли понятно, чем занималось это заведение. Заверим, что писатель не был начальником надзирателей. Тюремные комитеты тех времён вели исключительно благотворительно-филантропическую деятельность, направленную на «попечение об освобождённых из тюрем, облегчение участи семей заключенных и преимущественно их детей, трудоустройство освободившихся». Известен был Россиев и как председатель совета Свято-Николаевского братства, активнейший руководитель комитета по постройке одноимённого

храма и совместной с министерством народного просвещения общеобразовательной школы. А ещё Россиеву принадлежала инициатива улучшения торговли книгами для народа и другой литературой.

В Сочи он задумал серию книг «для простого народа», приуроченную к столетию Отечественной войны 1812 года. В канун юбилея в знаменитой типографии товарищества И. Д. Сытина в Москве были изданы три брошюры Россиева. Примечательно, что все три книги малого формата были оформлены в едином стиле и открывались портретом императора Александра I на коне. Первая – «Сожжённая Москва: Рассказ о людях и делах 1812 г.» (М., 1912). Вторая книжечка – «Изгнание двадесяти язык». Третья – «Русские освобождают Европу».

В марте 1913 года сорокалетний П. А. Россиев обратился к городскому старосте с инициативой отметить 75-летие Сочи в памятный день закладки здесь форта Александрия. В дни празднования в газете «Сочинский листок» появились статьи Россиева об истории Сочи, возможно, это были едва ли не первые опубликованные заметки о будущем всемирно известном курорте. Россиев писал: «Французский учёный Е. А. Мартель назвал Сочи Канном. Слышите? У нас – свой Канн, где равномерный и мягкий климат обусловлен защитою гор с одной стороны, и близостью моря с другой. И что за красивые эти горы, под покровом лазоревых небес! Они блестят вершинными снегами, с белизною которых спорят пышные цветы высоких магнолий. Магнолии, олеандры, пальмы, кактусы – всё под открытым небом; розами затканы садовые ограды, кипарисовые аллеи… Зима теплее петербургского лета. В январе зацветают фиалки […] В 9 верстах от Сочи – Мацеста с её целебным источником. Прогулка на

Мацесту по шоссе доставляет истинное наслаждение. Шоссе изгибается над морем и ползёт мимо красивых дач. В яркий полдень жара вас не томит: веет береговой ветерок. Не желаете идти – садитесь в линейку – и почтовые лошади довезут вас до источника […]

Кто приехал в Адлер, тот непременно побывает на Красной Поляне.

Красная… почему красная? Это в смысле: красивая, прекрасная поляна.

Действительно, на всей Русской Ривьере вряд ли найти другое, столь же полное красоты и живописности место. Прославленные виды Швейцарии бледнеют пред краснополянскими ландшафтами.

Здесь соединились и суровые величественные картины альпийской природы, и живописные, блещущие солнцем и яркими красками виды благодатного юга. Высоко кругом, куда ни кинешь взгляд, высятся горные исполины, одетые по склонам яркою зеленью лесов, а вверху покрытые снеговыми шапками; внизу же – цветут благоухающие сады» [16].

В канун мировой войны Россиев побывал в южной Италии. Случайность или зловещее предзнаменование, но в его путевых заметках встречаем рассказ о так называемом «царстве мёртвых» – храме в сицилийском городе Палермо, чьи галереи на протяжении трёх веков служили кладбищем для прихожан, причём трупы зачастую хоронили без гробов. Посетитель видел здесь бесчисленные мумии в разнообразных одеяниях, пугающие гримасами иссушенных лиц. «Издевательство Смерти над властью, пышными санами, красотой, молодостью» [17] – сказал об увиденном Россиев.

Начавшуюся войну он считал призванной дать подлинную свободу западным и южным славянам. В периодике

появляются его «Очерки Боснии и Герцеговины. Заметки русского путешественника». Автор показывал, как пришедшие на смену туркам австрийцы превратили этот благословенный край в зону отдыха для богачей и развлечений: «Те, кто доселе были притесняемы турецким чиновничеством и были бичуемы Кораном, нетерпимым к христианству, узаконяющим рабство, унижающим женщину, стали не менее прежнего переносить от гражданских австро-венгерских властей и воинствующей римско-католической церкви […] Проходят десятилетия за десятилетиями, а в судьбе «рабыни Боснии» никакой перемены, если не считать того, что турецкое ярмо заменено австро-венгерским. Исстрадавшаяся райя (земледельцы-христиане), не порвавшая с верою своих дедов, и отчаивается, и верит. Как в семидесятых годах прошлого столетия православные босняки и герцеговинцы, не видя просвета, «умоляли» христианскую Европу забросить их в леса и вообще в даль Америки, так и теперь, до войны, тридцать пять лет спустя, они готовы были затеряться там, ибо шваб похуже турчина. С другой стороны, теперь, как и тогда, теплится в их сердцах надежда на Россию. «Должна же она, великая majka (мать), освободить своих детей из тягостной неволи! Кто же, если не она?!» Преемственно, от старых священников к молодым передаётся эта надежда, и служители алтаря сами живут этой надеждой и поддерживают её в народе. Понятно, поэтому, что духовные отцы находятся в подозрении у Вены и Будапешта. С точки зрения правительства, попы – опаснейшие агитаторы и демагоги. Отчасти это справедливо, если иметь в виду близость славянского духовенства к народу и то, что поп становился, в минуту надобности, также и военным вождём: сам он бросался с оружием на врага и увлекал за собою в битву vojnik'ов

(т.е. воинов). Он воспевал победы и умел, служа царю царей, рыдать под игом неволи и гнёта, да так, что кто слышал его богослужение, призадумывался и, как говорится, мотал себе на ус». Завершая повествование, Россиев обещал читателю: «По окончании войны будет начало иным очеркам об иных уже Боснии и Герцеговине. Не рабынях!» [18]

В 1914–1916 годах Россиев издавал «Известия Сочинского Свято-Николаевского братства». Редакция обратилась с просьбой к священнослужителям, сельским учителям и всем, кто интересовался народной жизнью, рассказывать о народных обычаях, обрядах, верованиях края, записывать даже песни и игры. На страницах журнала появляется информация о проекте Россиева – с помощью дарителей из среды православного братства и всех сочувствующих собрать материалы по истории города и открыть в Сочи краеведческий музей. С шестого номера «Известий…» публиковались имена дарителей музею и перечни даров. Сам Россиев подарил портреты адмиралов Корнилова и Нахимова, генерала Г. С. Розена, пионеров освоения черноморского побережья А. В. Верещагина, Н. Н. Мамонтова и других деятелей. Иные дарители жертвовали будущему музею книги, иконы, старинное оружие, фотографические коллекции, наборы открыток.

В 1917–1918 годах Павел Россиев был участником Собора Православной Российской Церкви от мирян Сухумской епархии. В последний раз его имя встретилось в списке делегатов Юго-Восточного Русского Церковного Собора, проходившего в мае 1919 года в Ставрополе. Осенью 1920 года он был арестован чекистами в Сочи по обвинению в «редактировании статей контрреволюционного характера» и 12 октября приговорён к расстрелу.

Примечания

1. ГАОО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 828. Л. 34.

2. Подробнее см.: Россиев П. Иван Михайлович Белоруссов (По поводу 40-летия его педагогической деятельности) // Исторический вестник. – 1915. – № 6. – С. 934–942.

3. Россиев П. Без героев. – М., 1903. – С. 108, 110.

4. Подробный разбор повести см.: Антонова М. В. «Исполните не словом только, но делом» (О повести для юношества П. А. Россиева «Святитель Алексий») // Всероссийская научно-практ. конференция «Вклад земляков-орловцев в развитие и становление российской национальной культуры и образования». Материалы пленарного заседания. – Орёл, 2003. – С. 47–54.

5. Россиев П. Северная Русь: Очерки и картинки. – М., 1903. – С. 17.

6. Там же. С. 59.

7. Россиев П. Гнездо орлов: Путевые впечатления в Черногории. – М., 1905. – С. 42.

8. Там же, с. 44.

9. Россиев П. Фэрерские острова. – М., 1907. – С. 17.

10. Там же. С. 8.

11. Там же. С. 7.

12. Там же.

13. Там же. С. 28.

14. Россиев П. Книгохранилище Г. В. Юдина // Известия книжных магазинов товарищества М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. – 1904. – № 11–12. – С. 110–113.

15. Россиев П. Памяти Ф. Н. Плевако // Исторический вестник. – 1909. – № 2. – С. 682.

16. Россиев П. Наш лазурный край // Природа и люди. – 1910. – № 52.

17. Россиев П. Золотая раковина // Природа и люди. – 1914. – № 27 (8 мая).

18. Россиев П. Очерки Боснии и Герцеговины // Исторический вестник. – 1915. – № 9.

80 КНИГ СЕМЕЙСТВА ПОРТУГАЛОВЫХ

Изучение истории книги в России – процесс многогранный, с использованием самых разных методов и технологий. В качестве одной из форм познавательной деятельности могу предложить изучение не только изданий, издательств, библиотек, биографий авторов и деятелей книжного дела. Весьма плодотворной, на мой взгляд, может быть работа в таком направлении, как изучение вклада той или иной большой семьи в развитие отечественной книжной культуры. В качестве первого примера назову семью Португаловых (один из ее представителей – основатель Тургеневского музея в Орле Михаил Вениаминович Португалов). Их имена, несмотря на некую необычность для нашей обыденности этой фамилии еврейского происхождения, нередко встречаются в истории русской культуры и науки.

Врач, общественный деятель и публицист Вениамин Осипович Португалов (1835–1896) родился в Полтаве в зажиточной семье лубенского купца. На раннее детство пришлась эпидемия чумы, борьба с которой, вполне вероятно, определила выбор будущей профессии. Тогда, в 1844 году, в Полтаве власти учредили губернский комитет по борьбе с болезнью, разделили город на шесть частей, надзор поручили попечителям из дворян, а в помощники им были определены купцы-христиане и евреи. Купцы Давид Оршанский, Габай Зекель, Иосиф Португалов и Давид Зеленский подали прошение, в котором говорилось: «При тяжелом испытании, которым Провидению, по неисповедимым путям его, угодно было посетить наш город, мы,

движимые долгом верноподданных и чувством человечности, хотим отвратить жестокость удара и уменьшить число жертв умирающих, не от лютости болезни, а большей частью от несвоевременного преподания помощи, почему у нас, два первых Давид Оршанский и Габай Зекель приняли на себя попечение над хозяйственной частью, то есть сбор денег из добровольных приношений и распределение их для закупки необходимых медикаментов и найма людей для преподания помощи, а из нас два последних приняли на себя попечение во исполнение преподания помощи» [4]. Благодаря общим усилиям тогда удалось спасти 16 из 20 заболевших.

С 1854 года Вениамин Португалов изучал медицину в Харьковском университете. Участник и библиотекарь тайного студенческого общества, организованного в 1855 году. Принимал участие в студенческих беспорядках в 1858 году, после чего перевелся в Киевский университет. Здесь под руководством профессора П. В. Павлова занимался организацией воскресных школ. В феврале 1860 года был заключен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, в июне отправлен в III Отделение и, после строгого внушения и вменения в наказание содержания в крепости, получил разрешение перейти в Казанский университет, который окончил со званием лекаря.

Работал врачом в городе Пирятине Полтавской губернии, в сентябре 1862 года был вновь арестован за участие в политических кружках украинофильского направления и заключен в Петропавловскую крепость, из которой в декабре отправлен к петербургскому обер-полицмейстеру для перевода под надзор полиции в город Шадринск Пермской губернии, затем в Чердынь.

Не имея права заниматься врачебной практикой, Португалов взялся за перо. Первый его очерк («Шадринск и Чердынь») был помещен в журнале «Архив судебной медицины»; затем он принимал деятельное участие в «Деле» и «Неделе», преимущественно по вопросам гигиены. Получив возможность возвратиться на службу, Португалов стал красноуфимским городовым врачом, потом заведовал на Урале двумя горнозаводскими врачебными участками. Изучал быт и санитарное положение горняков, результатом чего стал очерк «Гигиена рудокопов».

С 1870 года служил в Самарской губернской земской больнице и в том же году был освобожден от надзора, в 1872 году получил разрешение на въезд в столицы. На руках у Португалова умер известный писатель-фольклорист, уроженец Орловской губернии П. И. Якушкин. Несмотря на все усилия врача, спасти именитого странника он не смог – Португалов подробно рассказал о тех печальных событиях в своем очерке «Последний этап Якушкина», опубликованном в сборнике сочинений Якушкина (СПб., 1884).

В 1874 году Португалов был губернским земским врачом в Вятке. Осенью того же года арестован и отправлен в Казань, освобожден в мае 1875 года. Затем служил в Черкассах Бугурусланского уезда Самарской губернии, в Камышлове, позже – в Самаре.

Живя в Самаре, принимал энергичное участие во всех просветительных и благотворительных учреждениях города. Вот как вспоминал о нем современник: «Одним из самых известных в Самаре врачей, ученых, теоретиков и практиков земской медицины был Вениамин Осипович Португалов. Интересный и просвещенный человек, «редкий фантаст и разгильдяй», как о нем, не без иронии, от-

зывался председатель Дворянского собрания А. Чемодуров. Но таланта лечебной и организаторской медицинской работы у Португалова было не отнять… Это был трудяга, настоящий земец и энтузиаст. В 1870-е гг. разработал важнейший принцип земской медицины как участковой, был автором самого фантастического в России по тем временам термина «социальная гигиена». Выступал за превращение микробиологии в отдельную науку… Добился от земства переноса больницы из старых домов за город. Согласно мнению Португалова, «выздоровление за городом, на воздухе будет идти, несомненно, лучше»» [5].

В 1872–1873 гг. в Самаре началось строительство новой больницы павильонного типа по проекту академика архитектуры И. В. Штрома. Португалов посещал Штрома в Санкт-Петербурге и участвовал в составлении проекта.

Разрабатывая устав новой губернской земской больницы, Португалов еще в 1872 году был инициатором совещаний земских врачей и участвовал в качестве секретаря в Первом земском губернском съезде врачей [1, с. 226]. Позже съезды проводились почти ежегодно. С женой Розалией Исааковной вел частный прием на квартире на Саратовской улице, чтобы прокормить и дать образование десяти своим детям.

Принимал самое деятельное участие в борьбе с эпидемией холеры в 1892 году. В последние годы жизни В. О. Португалов основное внимание уделял устройству народных чтений в Самарском городском театре. Его статьи печатались в «Русском богатстве», «Русской мысли», «Вестнике воспитания», «Медицинском вестнике», «Русской жизни», «Стране», «Молве», «Земском враче», «Медицинском обозрении», «Южнорусской медицинской газете», «Фельдшере», «Одесских новостях» и многих других столич-

ных и провинциальных изданиях. Широк круг изданных им книг и брошюр. Еще в 1870 году в Петербурге вышла в свет в русском переводе книга Карла Реклама «Популярная гигиена. Настольная книга для сохранения здоровья и рабочей силы в среде народа» со вступительной статьей Португалова. В 1868–1872 гг. напечатал в журнале «Дело» серию статьей, составивших в итоге сборник «Вопросы общественной гигиены» (СПб., 1873). Статьи в «Самарском справочном листке» вошли в брошюру «Предохранительные меры против холеры» (Самара, 1884). Перевел книгу Жана Батиста Лаборда «Школьная гигиена» (Одесса, 1896). Один из первых в России стал бороться с недугом пьянства, выпуская популярные брошюры: «Санитарное значение спиртных напитков» (СПб., 1882), «О пьянстве» (Чернигов, 1888), «Пьянство – пагуба человека» (СПб., 1891), «Борьба с пьянством» (Одесса, 1895), «Школа в борьбе с пьянством» (Одесса, 1896). Просто перечислим другие издания: «Причины болезней» (СПб., 1869), «Краткое руководство по гигиене для фельдшеров и сельских врачей» (Вятка, 1875), «Врачебная помощь крестьянству» (СПб., 1883), «Очерк последних успехов гигиены» (М., 1885), «Успехи знания» (Одесса, 1885), «Повальные чудачества (по поводу увлечения толстовской теорией «непротивления злу»)» (СПб., 1889), очерки «По Европе» (Саратов, 1890), «Знаменательные движения в еврействе» (СПб., 1884).

В еврейском вопросе Португалов придерживался ассимиляторских взглядов. Еще в молодости он проникся народническими представлениями о негативной роли евреев в хозяйственной жизни российского крестьянства. Эти представления легли в основу догматов иудео-христианского движения 1880-х гг., одним из видных участников которого

стал В. Португалов. В еврейских погромах тех лет он видел выражение протеста крестьян и городской бедноты против социальной несправедливости, а решение еврейского вопроса считал возможным при осуществлении социально-религиозной реформы быта евреев на началах общечеловеческой религии, освобожденной от обрядности (точнее, на началах русского сектантства). По мнению В. О. Португалова, еврейство может существовать и развивать культуру и цивилизацию, лишь растворившись в европейских народах (подразумевался русский народ). Он призывал правительство бороться с еврейским ритуалом; в «Судебной газете» (1894) требовал репрессий со стороны властей против еврейских обрядов.

Его старший сын Осип Вениаминович Португалов (1866–1936) – юрист, присяжный поверенный. Написанные им очерки печатались в «Юридической газете» в 1903–1904 гг., вошли в сборник «Мужичья преступность (Эскизы с натуры)» (Саратов, 1907). Автор книг: «Закон двенадцати таблиц» (Саратов, 1895) «Преступление – кража по действующему уголовному закону. Краткий юридический очерк» (Самара, 1901), «Н. А. Некрасов как народный поэт» (Саратов, 1903), «Разграничение властей в конституционном государстве» (Саратов, 1905), «Как производятся политические выборы в государствах Запада и Северо-Американских Соединенных Штатах?» (Саратов, 1906). Сын Осипа Вениаминовича Сергей (1892–1971) – известный врач, доктор медицинских наук.

Александр Вениаминович Португалов (1870, Екатеринбург – после 1932) – профессор, ученый в области агрономии и зоотехники. Работал земским губернским агрономом во Владимире, а затем в Нижнем Новгороде, в 1913–1918 гг.

прочел на Общедоступных кооперативных курсах в Нижнем Новгороде цикл лекций о кооперации. Автор ряда докладов и брошюр о земледелии и животноводстве, изданных во Владимире, Нижнем Новгороде, Саратове, Москве.

После революции жил в Нижнем Новгороде, был преподавателем и профессором агрономии в сельскохозяйственном и педагогическом институтах. 16 октября 1930 года был арестован, 10 мая следующего года приговорен к 5 годам ИТЛ с заменой высылкой в Восточную Сибирь на тот же срок и отправлен в Иркутск (обвинение по статье 58–11). Работал агрономом в краевом земельном управлении.

В марте 1933 года к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью его сестра Надежда Португалова.

«Екатерина Павловна.

Год тому назад я писала Вам по адресу Кр[асного] Пол[итического] Кр[еста] и не получила ответа.

Теперь позволяю себе беспокоить Вас по личному адресу, это, м[ожет] б[ыть], дерзко, простите меня великодушно!

В своем теперешнем письме, как и в первом, я прошу Вас принять участие в судьбе моего брата, профессора агрономии в Нижнем Новгороде, Александра Вениаминовича Португалова, 63 лет, кот[орый] выслан в Иркутск на вольное поселение на 5 лет. Он уже прожил там 1½ года, работая все время в Крайзу, но это больной человек, страдающий диабетом, и жизнь в Иркутске, в полном одиночестве, без семьи, очень тяжело ему дается. А и жить-то остается немного, и напоследок просит он дать ему возможность дожить ее если не в родном городе, то поближе к Волге. М[ожет] б[ыть], в Ваших силах, Екатерина Павловна, оказать содействие по пересмотру дела и уменьшении срока ссылки.

Помогите мне, Екатерина Павловна, мне, Вашей землячке, в классе которой Вы когда-то давали восьмиклассницей пробный урок, мне, дочери доктора, который лечил когда-то Вас и Вашу мать. Тяжело и стыдно просить о чем-нибудь почти незнакомого человека, но ведь я прошу не за себя, а за больного старика!

Впрочем, я верю, что Вы откликнитесь, если сможете, если же Вы не в силах посодействовать, забудьте о моей навязчивости и не судите меня строго; кроме Вас, мне не к кому обратиться с моим безысходным горем, не к кому пойти, а ведь еще Достоевский сказал устами Мармеладова: «Каждый человек со своим горем должен же к кому-нибудь пойти!»

Н. Португалова.

Ленинград-24.

8-я Советская, 54, кв. 11.

Надежде Вениаминовне Португаловой» [5].

Сын Александра Португалова Петр (1907–1941) известен как краевед, автор десятка путеводителей по Москве; внук Константин Петрович (1932–2013) – музыкальный педагог и радиожурналист, автор книг «Музыка и дети» (М., 1969), «Серьезная музыка в школе» (М., 1974, 1980), хрестоматия для учащихся старших классов «Русская и советская музыка» (М., 1977, составлена совместно с В. М. Блоком), «Открыть для себя мир музыки» (М., 2014).

Другой сын земского врача – публицист и общественный деятель Виктор Вениаминович Португалов (1873–1930). Учился на медицинском факультете Казанского университета, был исключен за политические убеждения. С 1902 года печатался в губернских изданиях. С 1906 года – член редак-

ции политического журнала «Без заглавия». В 1904–1917 гг. под псевдонимом Ф. Маловер печатался в петербургских газетах «Современное слово», «Наша жизнь», «Товарищ». Короткое время был редактором двух последних изданий. Полемизировал с В. И. Лениным. С 1906 года – неонародник, член Трудовой народно-социалистической партии, член Союза защиты свободы печати.

Октябрьскую революцию не принял. В 1918–1920 гг. сотрудничал в антибольшевистских газетах в Киеве и Ростове-на-Дону. Эмигрировал в Югославию. Входил в организованный Б. В. Савинковым Народный союз защиты родины и свободы. С 1920 года по приглашению Савинкова и Д. В. Философова стал редактором газеты «Свобода» (затем «За свободу») (Варшава). В 1920–1921 гг. член Союза возрождения России, Русского политического комитета в Варшаве. С 1925 года активист Демократической группы русских эмигрантов в Польше. Организатор и лидер группы «Крестьянская Россия», руководитель варшавского отделения «Крестьянской России» (Трудовой Крестьянской Партии), делегат I съезда «Крестьянской России» в декабре 1927 года в Праге, был избран в Совет партии. В 1926–1927 гг. редактор еженедельника «Родное слово», издававшегося в Варшаве членами «Крестьянской России» и Республиканско-демократического союза.

В 1926–1929 гг. варшавский корреспондент парижских «Последних новостей» и рижской газеты «Сегодня». В 1929 году переехал в Париж. Сотрудник «Последних новостей». Член Союза русских писателей и журналистов в Париже. В 1929 году в Республиканско-демократическом объединении и парижской группе «Крестьянской России» выступал с докладами о русской эмиграции в Польше. Наи-

более известные публикации: «Союзы рабочих в России» (М., 1906), «Царствование последнего Романова» (Пг., 1917), «Идейные вожди социал-демократии» (Нижний Новгород, 1917). Похоронен на кладбище Тиэ в пригороде Парижа.

Жена В. В. Португалова – Зинаида Николаевна Журавская-Португалова (1870–1937), журналист, переводчик, пианистка. Урожденная Лашкевич, родилась в селе Остроглядово Стародубского уезда Черниговской губернии (ныне Брянская область). Окончила Александровский институт благородных девиц. Работала в петербургских издательствах, в журналах «Русская мысль», «Мир Божий», «Вестник Европы» и др. Сотрудничала в издательстве «Всемирная литература». Редактор журнала «Солнце России» (1910–1916), здесь печатались Аркадий Аверченко, Саша Черный, Борис Ефимов.

В 1920 году эмигрировала через Константинополь в Югославию, затем переехала в Польшу. Зарабатывала на жизнь музыкой, играла в ресторанах, аккомпанировала. Сотрудничала в варшавской газете «За Свободу» и других изданиях. Переводила для русских издательств Р. Тагора, Ш. Де Костера, П. Истрати и др. В 1929 году перебралась во Францию. Зарабатывала литературными переводами с европейских языков на русский, сотрудничала в газете «Последние новости». Похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Юлий Вениаминович Португалов (1876–1932), психолог, публицист. Становление его как психиатра началось в петербургской больнице Всех Скорбящих – колыбели русской психиатрии – в 1899 году, после окончания Казанского университета. Позже работал в Одесской психиатрической больнице.

В 1906–1910 гг. возглавлял психиатрическое отделение больницы в Оренбурге. За это время организовал психологическое и психопатологическое общество, которое активно работало, вело переписку с И. П. Павловым. Отличался инициативой, энергией, широкими теоретическими интересами. Подготовил несколько публикаций в петербургском журнале «Вопросы психологии». Читал в Оренбурге лекции на историко-филологическом отделении высших курсов А. О. Киселева – там же издал сборник «К психологии русских литературных течений эпохи 1860–1890-х годов» (Оренбург, 1908).

Эта книга – один из первых опытов социально-психологического изучения литературного творчества, изложение содержания 28 лекций. Ссылаясь на труды философов и естествоиспытателей (Гегеля, Фейербаха, Маркса, Дарвина и др.), автор бегло проанализировал творчество таких именитых литераторов, как Добролюбов, Писарев, Михайловский, Салтыков-Щедрин, Достоевский, Л. Н. Толстой. Кстати, Тургенев в книге помянут лишь единожды, в самом начале, как представитель такого типа писателя, «который влияет наиболее на социально-эстетическую сторону» жизни общества [3, с. 1]. Зато более 20 страниц (с. 120–142) посвящено конспективному изложению учения Маркса. Стиль Португалова-психолога многосложен и витиеват, что, наверное, и привело в итоге к забвению его авангардных трудов. В качестве примера приведем один из заключительных тезисов сборника – об итогах 1890-х гг.: «В смысле личного направления воли культивировался (у лучших элементов) закал, самообладание, отречение от «буржуазных благ»… Впрочем, симулянтствующие марксисты скоро сумели обойти эти суровые требования, они обозвали их буржуазным служением долгу и, ссылаясь на

белые перчатки Лассаля, пустились в самый обывательский оргиазм, оставив от сурового учения лишь платоническое почтение к приоритету экономики в делах политики, поэзии, музыки и пения» [3, с. 149].

Ю. В. Португалов поместил в «Вестнике психологии» статьи «Чехов как психолог» (1905, № 6), «О психологии творческой работы Л. Н. Толстого» (1911, № 4). Перевел книгу В. Маньяни «Вырождающиеся» (Санкт-Петербург, 1903; предисловие В. М. Бехтерева). В послереволюционные годы – профессор, заведующий кафедрой психиатрии медицинского факультета Самарского государственного университета. Под его редакцией вышли сборники «Вопросы психиатрии», «Детская психология и антропология» (Самара, 1925).

Будущий основатель Тургеневского музея Михаил Вениаминович Португалов (1879–1927) родился в Самаре, окончил Самарскую гимназию. Давал частные уроки. Будучи студентом Московского университета, распространял нелегальную литературу. Был арестован, заключен в Бутырскую тюрьму и через две недели выслан в Самару. За хранение революционной литературы и попытку организационного собрания самарских студентов арестован вторично, три месяца провел в тюрьме. С 1905 года начал публиковаться в самарских газетах. После окончания в 1906 году университета преподавал в Москве и Ростове-на-Дону. Был членом Московского общества любителей российской словесности и литературного кружка «Никитинские субботники» [1, с. 226–227].

Наиболее известные его дореволюционные публикации: хрестоматия, составленная Португаловым и с его обширным предисловием «Женщина в русской художественной литературе XIX века (1823–1876)» (СПб., 1914), «Поэзия любви

и горькой думы (Песни и думы А. В. Кольцова)» (Ростов-на-Дону, 1909).

Казалось бы, человек со стороны, но его вклад в создание музея И. С. Тургенева в Орле трудно переоценить. Увы, местное общество достаточно равнодушно относилось к памяти о классике-земляке, свидетельством чему отрывок из мемуаров одного горожанина тех лет: «Что касается литераторов, уроженцев Орла и Орловской губернии, то о них знали, хотя и не упоминали, и почему-то не гордились. Даже Тургеневской улицы не было» [2, с. 22].

Несмотря на слабое здоровье, Португалов сумел в тяжелейших условиях революционного и военного времени создать новое мемориальное учреждение, объединить энтузиастов в Орле, наладить тесные отношения со столичными структурами в сфере культуры и науки. Был профессором Орловского университета, в 1922 году был избран преподавателем русской и западноевропейской литературы Воронежского университета, где наездами в 1923–1924 гг. читал лекции.

Примечательно, что помимо вклада в виде организационной деятельности в становление Тургеневского музея в Орле, он передал в дар музею десятки ценных книг из личной библиотеки. Им были изданы «Тургениана» (Орел, 1922), «По тургеневским местам» (М., 1924).

И несколько слов (имеющиеся сведения крайне скупы) о сестрах тургеневеда-основателя: Надежда Вениаминовна Португалова (1881–1942), писательница, Зинаида Вениаминовна Португалова (1884–1942) (обе жили в Ленинграде, погибли во время блокады – в январе и феврале 1942 года), Лидия Вениаминовна Португалова, Мария Вениаминовна Португалова.

Любопытно, что дальним-дальним родственником всех этих Португаловых был другой потомок полтавских купцов – поэт, актер и режиссер Валентин Валентинович Португалов (1913–1969). Однокурсник Константина Симонова по Литературному институту, он был дважды репрессирован. После освобождения в 1956 году жил в Магадане, издал здесь с десяток репертуарных сборников для самодеятельности и первую книгу стихов – «Северо-Восток», по рекомендации Симонова его приняли в Союз писателей СССР. Вернулся в Москву, где спустя несколько лет умер (посмертно вышло еще пять его книг). В не так давно изданном двухтомнике документов ««Мы предчувствовали полыханье…». Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны» (М., 2015) опубликовано судебно-следственное дело В. В. Португалова (с. 547–590).

Мы видим, что Португаловы на протяжении полутора веков выступили в качестве авторов восьми десятков книг самой разной тематики (медицина, право, политика, поэзия, литературоведение, краеведение, искусствоведение, мемуары и т. д.), в качестве журналистов, переводчиков, редакторов периодики и научных сборников. Широка издательская география: столицы, зарубежье, Украина, города Поволжья и Урала, Вятка, Владимир, Магадан, Ростов-на-Дону, Оренбург, Орел… Конечно, утверждать, что данное семейство уникально для русского общества конца XIX – начала XX вв., мы не можем. Но эпитет «выдающееся» здесь вполне применим. Надеемся, что дальнейшее соединение биографических и книговедческих исследований поможет выявить еще ряд столь же неординарных примеров, характерных для того периода в истории нашей страны.

Примечания

1. Историко-культурная энциклопедия Самарского края: персоналии [Т. 3]: М–См / [ред.-сост. Н. Д. Курдина]. – Самара, 1995.

2. Матвеев Н. К. Воспоминания о губернском Орле и послетургеневском Мценске / запись и литературное редактирование и комментарий Н. М. Чернова. – Орел: [издатель Воробьев А. В.], 2003.

3. Португалов В. Ю. К психологии русских литературных течений эпохи 1860–1890-х годов. – Оренбург, 1908.

4. https://www.liveinternet.ru/users/rinarozen/post413386797

5. http://pkk.memo.ru/letters_pdf/002055.pdf

6. https://samsud.ru/blogs/hroniki-samarochki/-chelovek-ne-znayuschii-sna-veniamin-osi.html

ВАСИЛИЙ И АФАНАСИЙ ПЕТРИЩЕВЫ

В 1939 году в СССР отмечалось 125-летие со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова. К этой годовщине в Орле, в издательстве обкома ВКП(б) и оргкомитета Президиума Верховного Совета РСФСР по Орловской области была издана небольшая книга «М. Ю. Лермонтов». Событие, казалось бы, вполне заурядное – можно предположить, что аналогичные издания появились и в других областных городах, «по шаблону», заведённому ещё в дни, когда в Советском Союзе отмечали 100-летие смерти А. С. Пушкина. Однако обращение к библиографическим спискам показывает, что в соседних городах (Курск, Тула, Калуга, Тамбов, Воронеж) к юбилею М. Ю. Лермонтова в 1939 году книг не было издано, в лучшем случае, опубликованы газетные статьи. Кто же был В. Петрищев – автор орловской книги о великом поэте?

Весной 2008 года во время субботника в редакции газеты «Орловская правда» на антресолях была обнаружена пачка ещё довоенных трудовых книжек журналистов. Была здесь и ничем не примечательная трудовая книжка Петрищева. В ней значилось, что декабре 1938 года Василий Афанасьевич Петрищев принят на должность редактора-консультанта Орловского издательства при обкоме ВКП(б) [1]. В книжку была вложена служебная записка на бланке заведующего издательством. Содержание записи в трудовой книжке и самой служебной записки практически одинаково. Процитируем текст второго документа: «Петрищев Василий Афанасьевич (все три слова подчёркнуты. – А.К.). Образование среднее (последнее слово подчёркнуто дву-

мя линиями. – А.К.). Год рожд. 1912. Трудовой стаж 10 лет, подтверждён документами 8 лет 2 месяца, остальное со слов. В издательстве обкома ВКП(б) назначен редактором-консультантом с 13/XII 38 г. (Неразборчивая подпись)».

Возник ряд вопросов. Почему Василий Петрищев в 26 лет, не имея высшего образования, стал одним из ведущих сотрудников издательства обширной области? А главное, как сложилась его дальнейшая судьба: имя Петрищева никогда не упоминалось среди тех, кто погиб на войне, и среди тех, кто вернулся после Победы.

В областной библиотеке имени И. А. Бунина удалось узнать, что В. А. Петрищев – автор изданных в Орле книг «Брянск» (1938), «Обновлённый город [Дятьково]» (1938), уже упомянутой «М. Ю. Лермонтов» (1939), «Игнат Фокин» (1939), сборника рассказов «Победитель» (1940), соавтор книги «Гигант индустрии социализма» (1940, к 75-летию комбината «Красный Профинтерн»). В литературно-художественном сборнике «Юность» (1938) был опубликован рассказ В. Петрищева «Бессмертие» (такое же название имел его сборник рассказов, изданный в Смоленске в 1938 году, его редактором был Николай Рыленков), в первом выпуске «Литературного альманаха» (1939) – подборка «Семь рассказов». Петрищев был редактором книги «Как выбирали в Государственную думу» (Орёл, 1939), написал обширное предисловие «Великий обличитель» к сборнику сказок Салтыкова-Щедрина (Орёл, 1939).

Брянский литературовед В. П. Парыгин упоминал: «Петрищев писал, и порой не такие уж и плохие стихи, конечно, в духе того времени, ура-патриотические, и в брянских газетах 20–30-х годов публиковался, особенно в «Брянском рабочем», почти на каждой «Литературной странице»» [2]. Оказалось, что в юные годы Василий Петрищев был одним

из активистов Брянской ассоциации пролетарских писателей. Например, на литературном вечере в Центральной библиотеке Брянска в декабре 1928 года В. Петрищев выступал со своей прозой [3], был избран делегатом первой конференции пролетарских писателей Западной области (всего от бывшей Брянской губернии на эту встречу было направлено 11 человек) [4]. В альманахе Брянской ассоциации пролетарских писателей «Звенья» (1929) опубликован его рассказ «Следы»…

Петрищев явно был не лишён литературных способностей. На его творчество откликались не только в провинции, но и в столице. К примеру, в опубликованной «Литературным обозрением» рецензии на орловский «Литературный альманах» (1939) Я. Эйдельман писал: «В. Петрищев поместил в альманахе цикл рассказов, связанных единством темы и действующих лиц. Тема – героика гражданской войны, самоотверженность отцов и детей, для которых существует единственный закон – закон революции. Не все рассказы Петрищева одинаково удачны. Но всем им присущ мужественный стиль, драматическая насыщенность» [5].

Важным этапом в творческой биографии Василия Петрищева стал сборник рассказов «Победитель». Книга вышла в издательстве Орловского областного Совета депутатов трудящихся в 1940 году. В начале апреля 1941 года бюро областной литературной группы и Центральная библиотека города Орла провели обсуждение книги «Победитель»: «Читальный зал библиотеки переполнен. Сюда пришли студенты, учащиеся, рабочие, преподаватели школ и служащие. Большинство из них знакомы с произведениями тов. Петрищева, вдумчиво читали их. Они активно участвуют

в обсуждении творчества молодого писателя, высказывают свои мысли, впечатления, замечания, советы.

– Книга Василия Петрищева, – говорит учащийся Орловской средней школы № 3 тов. Галахов, – правдиво изображает нашу советскую действительность, по-своему воздействует на читателя, воспитывает чувства патриотизма» [6].

Отмечали участники читательской конференции и «недостаточно отшлифованные образы, неряшливые формулировки»: «Читатель тов. Новиков говорит, что ему не понравился рассказ «Простое дело». Чувствуется, что автор плохо знает жизнь и работу чекистов». «Несмотря на […] недостатки, книга В. Петрищева в Орле пользуется большим успехом. Выступивший в заключение тов. Петрищев согласился с большинством замечаний, рассказал о том, как он работал над книгой, и о своей дальнейшей творческой деятельности».

Василий Петрищев был арестован в Орле 20 июня 1941 года управлением НКГБ. В следственном деле упоминалось, что до переезда в Орёл (декабрь 1938 года) он жил в Смоленске, где работал в редакции областной газеты «Рабочий путь», и в Дятьково, где был ответственным секретарём районной газеты «Фокинский рабочий» (конкретные даты пока неизвестны). Из материалов дела следовало, что Петрищев – уроженец Брянска, беспартийный, холостой, проживает в Орле по адресу: улица Комсомольская, 123. В анкете арестованного, хранящейся в уголовном деле, в пункте 21 «Состав семьи» было записано:

«Отец – Петрищев Афанасий Борисович, 65–67 лет, проживает в Париже.

Мать – Петрищева Холия Максимовна, 63–65 лет, проживает в Ленинграде.

Брат – Константин Афанасьевич, 40 лет, проживает в Ленинграде.

Брат – Николай Афанасьевич, 28 лет, учитель, проживает в Ленинграде.

Сестра – Татьяна, 35–37 лет, библиотекарь, проживает в Ленинграде с матерью.

Сестра – Зоя, 30–35 лет, проживает в Брянске, работает библиотекарем».

Обращает на себя внимание то, что Василий Петрищев указывает возраст некоторых ближайших родственников приблизительно. Можно предположить, что после революции семья фактически распалась, братья и сёстры не общались.

Характерны сведения об отце в том виде, в каком сообщил их следователю Василий: отец происходит из семьи купца города Брянска. В конце 1890-х годов в Карачеве он окончил учительскую семинарию и выехал в область войска Донского учительствовать. Там же начал работать в редакциях газет и на поприще журналистики сделал карьеру – был приглашён редактором журнала «Русское богатство» В. Г. Короленко в редколлегию, где трудился до 1918 года, то есть до закрытия издания. Октябрьскую революцию А. Б. Петрищев, по словам сына, встретил в Брянске, после чего оставил семью и выехал один в Петроград (в следственном деле указан Ленинград), где работал в различных издательствах. В 1924 году за контрреволюционную деятельность А. Б. Петрищев, опять же по словам сына, был арестован органами ОГПУ, под стражей находился около двух месяцев, а после освобождения выслан за границу [7].

Следствие предъявило Петрищеву обвинение в контрреволюционной агитации.

Невероятно тяжёлой гирей на весах Фемиды военного времени стала биография отца – Афанасия Борисовича Петрищева (1872–1951). Писатель и общественный деятель А. Б. Петрищев в период первой русской революции редактировал журналы «Весть» и «Щит», участвовал в сборнике «Смена вех», был весьма плодовитым публицистом. В условиях безбрежного либерализма вышла в свет его книга «Триста лет 1606–1906», критикующая всех Романовых по очереди. Книга выдержала четыре издания.

В 1906 году Афанасий Петрищев стал одним из основателей партии народных социалистов, был членом её организационного комитета. Эта партия сформировалась на базе правого крыла эсеровской партии. Её отцы-основатели требовали создания легальной партии, осуждали «аграрный террор». Особенно резко они выступали против программного пункта эсеров о диктатуре рабочего класса, который, по их мнению, представлял собой «состязание с социал-демократами». Среди целей новой партии: демократические свободы, 8-часовой рабочий день, охрана труда, организация профсоюзов, постепенная национализация земли (т. е. выкуп её у владельцев).

С 1908 года А. Б. Петрищев вёл общественно-политический отдел «Хроника внутренней жизни» в журнале «Русское богатство». В годы первой мировой войны – «оборонец», активно участвовал в объединении народнических сил. В 1917 году поддерживал Временное правительство. На II съезде Трудовой народно-социалистической партии (Петроград, 21–23 июня 1917 года) был избран членом её Центрального комитета. С 1917 года – редактор газеты «Народное слово», с ноября – издатель газеты «Слово в цепях». Резко осудил Октябрьский переворот. После 1917 года заве-

довал культпросветотделом Брянского союза кооператоров. В 1921 году был вызван из Брянска в Петроград «т. Луначарским для литературной работы».

Но уже в июле 1922 года В. И. Ленин в письме в ЦК партии потребовал «решительно «искоренить» всех энесов» и в числе первых четырёх назвал Петрищева. Арестовали его 16 августа, освободили 21 сентября 1922 года «ввиду отъезда его заграницу 15 ноября с. г.» (это был тот самый «философский пароход»).

В эмиграции А. Б. Петрищев сотрудничал в еженедельнике «Дни» (Париж), издававшемся А. Ф. Керенским. В 1937–1939 гг. сотрудничал в журнале «Русские записки» (Париж – Шанхай), издававшемся П. Н. Милюковым; в 1945–1949 гг. – в газете «Новое русское слово» (Нью-Йорк) [8].

17 сентября 1941 года, за 16 дней до вступления фашистов в Орёл, военный трибунал Орловского военного округа по статье 58 пункт «а» УК РСФСР приговорил В. А. Петрищева к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, с поражением в правах на 5 лет, «без конфискации имущества за отсутствием такого». Василий Петрищев был полностью реабилитирован прокуратурой Орловской области 18 ноября 1992 года.

Такова судьба (или точнее сказать, только её часть) забытого автора орловской книги о Михаиле Лермонтове. Хотелось бы надеяться, что с течением времени станет известно больше о Василии Петрищеве, его писательской биографии и окружении. Но уже сейчас можно сказать, что, сложись его жизнь иначе, он мог бы написать ещё немало книг, стать крупным писателем, издателем или литературоведом.

Примечания

1. Текущий архив редакции газеты «Орловская правда».

2. Парыгин В. Реабилитирован посмертно (1920–1930). – Брянск: Товарищество «Придесенье», 1994. – С. 104.

3. Брянский рабочий, 1928, 1 дек.

4. Брянский рабочий, 1930, 2 февр.

5. Эйдельман Я. Орловский альманах // Литературное обозрение (Москва). – 1940. – № 8. – С. 40.

6. Комсомолец (Орёл), 1941, 9 апр.

7. Архивная справка Управления ФСБ РФ по Орловской области № 10/4853 от 2 октября 2009 г.

8. Подробнее о А. Б. Петрищеве см.: Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923. – М.: Русский путь, 2005. – С. 86, 475–476; Сыпченко А. Петербургский публицист Афанасий Борисович Петрищев // Вестник архивиста. – 2006. – № 6. – С. 385–392.

ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ ПУРШЕВ

Будущий художник книги Вячеслав Алексеевич Пуршев родился в семье учителей в июле 1935 года. Его малая родина – село Плоская Казьминка (Кузьминка) Липецкого района Воронежской области (по современному административному делению – Липецкая область). С 1951 по 1955 год учился в Елецком художественном училище. По окончании учёбы приехал в Орёл, год работал механиком строительного отдела Орловского филиала института Гипромашприбор. С мая 1956 года – в «Орловской правде».

Областная газета в то время была средоточием всей литературной и издательской жизни региона, ведь большинство действующих авторов книг работали в редакции, да и роль областного издательства в первые послевоенные годы выполняла книжная редакция «Орловской правды». В журналистском коллективе, куда пришёл трудиться молодой художник, признанными авторитетами были член Союза писателей СССР Е. К. Горбов, будущие писатели И. М. Патенков, В. Е. Комов, Е. А. Зиборов, А. Н. Яновский…

Ничего удивительного в том, что уже вскоре Пуршев взялся за такой новый жанр, как книжная иллюстрация: с 1957 года в Орле стали издаваться книги, где в выходных сведениях скромно значилось «Художник В. Пуршев». Начав как живописец, он занимался акварелью, увлекался офортом. Работа над книгами шла параллельно основной – газетной (сам Пуршев своё корпенье над рисунками для будущих изданий порой в шутку называл «халтуркой», но халтуру он терпеть не мог!). Вячеслав Алексеевич – автор портретов многих сотен орлов-

цев: героев газетных очерков, зарисовок и репортажей. Журналист Геннадий Харитонов вспоминал в конце 1980-х: «Для него, казалось бы, рядовой рисунок в газету не был обычным ремеслом. Он [рисунок] как песня рождался для того, чтобы чем-то удивить. Ободрить, возвысить человека, не оставить его равнодушным к себе». Пуршев часто бывал в поездках по области вместе с сотрудниками «Орловской правды». Те готовили текстовые материалы, художник – иллюстрации с натуры.

Особенно он подружился с поэтом Дмитрием Блынским, который работал в «Орловской правде» в начале 1960-х годов. Владимир Муссалитин, бывший журналист газеты «Орловский комсомолец», вспоминал: «Их связывала общая любовь к живописи. Слава Пуршев был отличным художником-графиком, иллюстрировал книги не только местных авторов, но и многих известных советских писателей, в том числе одну из книг Константина Георгиевича Паустовского. Дима же Блынский в своё время окончил Федоскинскую художественную школу. И, конечно же, Блынскому и Пуршеву было о чём говорить!»

А когда Блынский вернулся в Москву, он помог наладить деловые отношения Пуршева со столичными издательствами (в то время орловский художник учился в Московском заочном полиграфическом институте, закончил его с отличием в 1965 году). Заказы на рисунки Пуршева поступали из многих городов страны – из различных издательств, редакций журналов. Пуршев был участником практически всех выставок в Орле, стал участником Всесоюзной выставки художников-оформителей в Москве, его приняли в кандидаты в члены Союза художников СССР.

Пуршев хорошо знал историю родного края, историю создания знаменитых литературных произведений

писателей-орловцев. Был дружен с литературоведом Леонидом Афониным, иллюстрировал многие его публикации в «Орловской правде». А ещё очень любил петь, любил «Дворянское гнездо» в Орле – часто приходил сюда с друзьями, работал с этюдником.

Может быть, немного высокопарно ныне звучат его слова, но прислушаемся к ним: «Художник всегда должен помнить, что он ответствен перед теми, кто жил до него и кто будет жить после, за бережное отношение к поэтической душе народа, за глубину художественного осмысления и воплощения его жизни».

В сентябре 1966 года город Орёл праздновал 400-летие со дня основания. Юбилейный номер «Орловской правды» с большим вкусом и выдумкой оформил, конечно же, Вячеслав Пуршев. Друживший с ним будущий писатель и краевед, а в ту пору журналист «Орловской правды» и детский поэт В. М. Катанова так вспоминал о художнике: «Светлый, чистый человек с очень живой и весёлой душой. Лучше всего ему удавались детские книги». А ещё вспомнил Катанов о том, как цыганка нагадала приехавшему в Болгарию Пуршеву: «Погибнешь от воды…»

Очень тяжело переживал Вячеслав Алексеевич безвременную смерть Дмитрия Блынского. Когда в газете «Орловский комсомолец» готовили специальную страницу памяти поэта (она вышла ровно через месяц после его ухода из жизни), Пуршев нарисовал для неё прекрасный портрет своего друга. Работа над той страницей очень сблизила его с журналистами молодёжной газеты. «Слава вспоминал, какие совместные планы они намеревались осуществить. И обескураженно разводил руками. Откровенное страдание было написано на лице Пуршева. Мы понимали, как трудно сейчас

ему. Как могли подбадривали. И спустя какое-то время заметили, что он понемногу приходит в себя… – вспоминал Владимир Муссалитин. – А весной как кувалдой по голове: Слава Пуршев в отделении нейрохирургии областной больницы имени МОПРа… В коме… Между жизнью и смертью. Оперируют третий час кряду. Чем закончится, неизвестно. Мы, не сговариваясь, кинулись в больницу. Мы знали, что в отделении нейрохирургии этой больницы работает наш автор, хороший писатель Георгий Шумаров, который считался и хорошим хирургом. Он-то, оказалось, и делает операцию нашему бедовому товарищу, решившему доказать некоей стервозной знакомой свою правоту и прыгнувшему прямо в одежде вниз головой с обрывистого берега Орлика… Мы стояли в оцепенении вдоль лестницы, ведущий в отделении нейрохирургии, ожидая исхода затянувшейся операции, надеясь на чудо, веря, что крепкий, здоровый организм Славы не подведёт. Но тут совершенно неожиданно к нам вышел донельзя усталый и трудно узнаваемый из-за своего хирургического облачения Георгий Шумаров и сказал как-то странно: – Ребята, Славка кончился… Нас, крепких, молодых мужиков, прямо-таки разметало по лестнице в глухих рыданиях…»

Загадочное, трагическое совпадение: несколько лет назад именно Пуршев был иллюстратором первой книги Шумарова под названием «Парень, живи!». И вот такой исход… Свои соболезнования по поводу смерти Пуршева выразили журналисты и художники, редакция журнала ЦК ВЛКСМ «Комсомольская жизнь», орловские писатели и коллектив Приокского книжного издательства: «Мы его хорошо знали, как прекрасного человека и друга, талантливого художника. Книги, иллюстрированные им, приносили праздник читателям. Творческий путь его только на-

чинался. Сколько бы он ещё мог подарить радости и детям, и взрослым!»

В опубликованном 30 мая 1967 года в «Орловском комсомольце» некрологе говорилось: «Он прожил мало – 31 год Он многое ещё не успел сделать. Но то, что он подарил людям – взрослым и маленьким читателям, – будет помниться долго. В доме каждого орловца найдётся книжка, которую иллюстрировал наш друг Слава Пуршев. Его рисунки часто появлялись на страницах «Орловского комсомольца» и «Орловской правды». Его талантливый карандаш рисовал светло и радостно. Орловцы с нетерпением ждали каждую его новую работу. Мы гордились тем, что росла его популярность, что его имя стало в ряд лучших молодых художников-иллюстраторов России. Слава Пуршев был не только талантливым художником, но и талантливым человеком. Его душа всегда была щедро открыта людям. Мы любили Славу Пуршева и мы сохраним эту верность и любовь».

Город прощался в Вячеславом Пуршевым в выставочном зале Художественного фонда (улица Московская, 28). Похоронили художника на Крестительском кладбище. Уже посмертно Пуршев стал участником зональной выставки «Край Чернозёмный» и областной выставки, посвящённой 50-летию Октябрьской революции.

Прошло много лет с тех пор, как художник проиллюстрировал свою последнюю книгу. Современному заурядному читателю его имя вряд ли о чём говорит. Да и сама роль книжного иллюстратора отступила на второй, а то и на третий план под натиском компьютерной графики. Однако за все эти годы никто на Орловщине не смог добиться таких творческих высот в иллюстративном деле, как когда-то Пуршев. Тем более печально, что ныне об этом замечательном человеке знают

очень мало. Неизвестно даже точное число книг, которым он дал путёвку в жизнь, ведь в большом количестве книжных изданий того времени вообще не указывалась фамилия иллюстратора. Работа автора данной статьи в фондах и каталогах Российской национальной библиотеки и Орловской областной публичной библиотеки имени И. А. Бунина позволила выявить ряд книг, проиллюстрированных В. А. Пуршевым. В списке (понятно, пока далеко не полном) более 30 книг. Пополнить его и сделать исчерпывающим можно только при кропотливой работе с архивами ныне не существующих издательств, в первую очередь Орловского областного и Приокского – во внутренней документации на издание книг обязательно указывалось имя иллюстратора. Но, видимо, это дело будущего, впрочем, как и солидный труд искусствоведов с анализом творчества В. А. Пуршева.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ЧУДИНОВ

Когда итожишь сделанное Александром Чудиновым, нельзя не удивиться необычайной широте его книжных и филологических талантов: издатель и редактор, журналист и переводчик, библиотекарь, педагог, исследователь, автор словарей и учебников.

Александр Николаевич Чудинов родился 26 февраля (10 марта) 1843 г. в селе Синеоковке Золотоношского уезда Полтавской губернии, в дворянской семье. Учился в Киевском кадетском корпусе, а затем на филологическом факультете Киевского университета. В течение года находился в заграничной командировке, преимущественно в Великобритании. Преподавал в одной из гимназий Киева [1].

С самого начала учительской карьеры Чудинов занимался вопросами методики преподавания, в результате издал ряд учебных пособий по русскому языку и словесности, например, «Опыт учебника элементарной грамматики русского языка» в 2-х частях (Киев, 1867, 1870), а также брошюру «Трехсотлетний юбилей Шекспира» (Киев, 1863). С 1865 по 1887 г. Чудинов был одним из наиболее деятельных сотрудников воронежского журнала «Филологические записки», в котором поместил около 30 оригинальных и переводных статей и рецензий – больше, чем любой другой

автор (кроме редактора журнала А. А. Хованского). Судя по публикациям, Чудинова весьма интересовали история зарубежной культуры, история развития языка и литературы, он переводил с французского и английского крупные работы Э. Ренана, С. Милля, Г. Тэна.

В 1875 г. Чудинов отредактировал сборник классических иностранных произведений в переводах русских писателей, изданный «Филологическими записками». Также в Воронеже вышли из печати книги Чудинова «Очерки истории языкознания. Развитие грамматических теорий в средние века» (Воронеж, 1871), «О преподавании отечественного языка. Очерк истории языкознания в связи с историей обучения родному языку» (Воронеж, 1872), составленное Чудиновым «Учебное пособие при изучении литературных образцов. Отдел 1. Первая группа басен» (Воронеж, 1880).

В конце 1860-х гг. Чудинов приехал в Орел, где в течение 12 лет преподавал словесность в Орловской Бахтина военной гимназии. После преобразования военных гимназий в кадетские корпуса перешел в Александринский институт благородных девиц. В Орле, а затем в Санкт-Петербурге вышел несколькими изданиями написанный Чудиновым «Учебник элементарной грамматики».

Чудинов вел в Орле большую просветительскую деятельность, нередко выступая с публичными лекциями. Так, серия лекций в марте 1871 г. была посвящена женским литературным типам. Цикл состоял из шести лекций (Древнерусская женщина-язычница; Период допетровский; Эпоха Петра Великого; Век Екатерины II; Женские типы времен Карамзина и Пушкина; Женские типы нового времени). Загадкой для современного исследователя остается вопрос, почему Чудинов не смог прочесть орловской публике по-

следнюю лекцию. Официальной версией считается внезапная болезнь докладчика [2]. Однако рискнем предположить, что провинциальное общество было просто не готово выслушивать декларации в духе идей В. Г. Белинского. А потому с выводами лектора можно было познакомиться лишь в печатных текстах – лекции (более 200 страниц) публиковались в «Филологических записках» и затем вышли отдельными изданиями (Воронеж, 1871, 1872; СПб., 1873, 1889).

Листая эти книги, невольно ловишь себя на мысли о том, что Чудинов был достаточно объективным человеком: подробнейше рассматривая все периоды развития отечественной литературы, не сбился на комплиментарный пассаж, посвященный земляку Тургеневу, – тому отведено лишь две с небольшим страницы. Зато выводы лектора весьма четкие и не утратили значения по сей день. Достоинство Тургенева как художника Чудинов видел в том, что он является «верным выразителем современного ему умственного и нравственного состояния общества» [3]. Высоко оценивал «Записки охотника», отметил, что писатель «впервые самыми симпатичными красками описал внутреннюю жизнь нашего крестьянина, с особенною силою останавливаясь на чувствах, которые волнуют и двигают ее» [4]. И восклицал: «Тургенев представляет нам едва ли не самую полную и лучшую в русской литературе галерею женских типов» [5].

В марте 1874 г. Чудиновым была прочитана лекция о литературной деятельности И. С. Тургенева – первая лекция о великом писателе на его малой родине. Текст выступления «Тургенев и значение его литературной деятельности» первоначально был напечатан в «Филологических записках»,

в 1875 г. вышел отдельным изданием в Воронеже, несколько раз публиковался как послесловие к роману «Рудин» (СПб., 1908, 1914, 1917).

Чудинов в Орле поставил перед собой цель: начать издание местной газеты. В 1871 г. он обратился к И. С. Тургеневу с предложением о сотрудничестве. 5 января 1872 г. Тургенев писал Чудинову из Парижа: «Спешу заявить Вам, что охотно принимаю Ваше столь лестное для меня выраженное предложение. Не говорю уже о том, что каждому человеку свойственно сделать что-нибудь особенное для своего родного города; но задачи Вашей программы такого рода, что я не могу им не сочувствовать – и весьма был бы рад способствовать по мере сил к их осуществлению» [6].

Однако газета была разрешена с начала 1873 г. лишь в виде еженедельного листка о местных делах. Издателем «Орловского справочного листка» стал Н. С. Тарачков – давний знакомец редактора «Филологических записок» А. А. Хованского. Чудинов продолжал добиваться разрешения на издание большой местной газеты. За его деятельностью с сочувствием следил Тургенев. «Ваша программа обещает очень многое – и я ото всей души желаю, чтобы в родном моем городе нашлась достаточная поддержка Вашему полезному предприятию» [7], – писал он в феврале 1875 г. Лишь после долгих и упорных ходатайств министр внутренних дел разрешил «Орловскому справочному листку» издаваться по расширенной программе. С 21-го номера 1876 г. газета переименовывается в «Орловский вестник», ее издателем становится известный благотворитель князь Н. Н. Оболенский, а редактором А. Н. Чудинов.

В 1876 г. Чудинов выкупил «Орловский вестник» у Н. Н. Оболенского и стал издателем и одновременно ре-

дактором. Редакция первоначально располагалась в доме А. Н. Чудинова, газета печаталась в типографии Н. Н. Оболенского. В апреле 1877 г. появилась собственная типография – она разместилась на Борисоглебской улице, а с 1881 г. редакция и типография занимали деревянный дом на Зиновьевской улице [8].

Первые выпуски «Орловского вестника» вместе со своими лекциями Чудинов отправил в Париж Тургеневу. В мае 1876 г. Тургенев писал ему: «Позвольте поблагодарить Вас за высылку ко мне в Париж Вашей газеты, которую я читаю с большим интересом – а также и за несколько томов Ваших сочинений, которые получены мною сегодня утром. Не сомневаюсь в удовольствии, которое они мне доставят» [9].

Тургенев сдержал свое обещание сотрудничать в орловской газете: в декабре 1876 г. в «Орловском вестнике» была напечатана 3-я глава романа «Новь». «Орловский вестник» под редакторством А. Н. Чудинова постоянно сообщал читателям о новостях, связанных с жизнью и творческой деятельностью И. С. Тургенева, о замыслах писателя [10]. Отрывки из первых писем И. С. Тургенева к А. Н. Чудинову по поводу сотрудничества в орловской газете были напечатаны в «Орловском вестнике» в 1883 г., а затем в 1910 г.

Беллетристический раздел «Орловского вестника» стал местом публикации множества очерков и рассказов, отрывков из повестей Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, Д. Н. Мамина-Сибиряка, В. Г. Короленко, Г. И. Успенского. Газета постоянно публиковала произведения Ч. Диккенса, Д. Бокаччо, У. Теккерея, А. Дюма, Э. По, А. Доде, Э. Золя, Ги де Мопассана и других писателей, откликалась на важнейшие события литературной жизни. За десять лет тираж существенно вырос, газета стала ежедневной, с отделами общественной

жизни, политики, литературы. А это значило, что затеянный Чудиновым эксперимент удался.

Редакция организовала книжный магазин и публичную библиотеку с весьма обширным фондом [11]: более 3000 названий книг и около 120 названий журналов и газет. Помимо этого, редакция выполняла и роль книжного издательства. В типографии «Орловского вестника» в задуманной Чудиновым серии «Для лёгкого чтения» были напечатаны драма Ж. Санд «Мопра», комедия П. Бомарше «Севильский цирюльник» (1880, все в переводе А. Н. Чудинова), «Декамерон» Д. Боккаччо (1881). Были изданы также комедия А. А. Потулова «Воин» (1885), очерк Н. П. Барышникова «Императрица Екатерина II в Орловской губернии» (1886).

Иногда печатался в своей типографии и сам Чудинов. Так, в 1880 г. здесь была выпущена отдельной брошюрой его речь «25-летие царствования Его императорского величества Александра Николаевича», произнесенная 9 февраля 1880 г. на торжественном акте в Александринском институте. Кажется не совсем логичным то, что с юбилейной речью выступил не губернатор и не директор института, а учитель словесности. Однако для современников в таком выборе не было ничего удивительного: Чудинов вполне благонамерен и уважаем в Орле, имеет чин статского советника, а его красноречие пришлось как нельзя кстати. Говоря об основных вехах царствования (освобождение крестьян, строительство железных дорог, реформы, внешнеполитические успехи и т. д.), Чудинов подчеркнул: «В эти четверть столетия литература и журналистика получили небывалое доселе развитие» [12]. Правление Александра II он сравнил со временем Петра Великого.

И все-таки, несмотря на столь высокопарные заявления, Чудинов так и не смог добиться полного доверия властей. К примеру, когда в конце 1870-х гг. А. А. Хованский предложил Чудинову стать соредактором «Филологических записок», тот согласился, но Главное управление по делам печати было категорически против [13].

В 1888 г. Чудинов переехал в Петербург, здесь он был инспектором Мариинской женской гимназии, затем директором классической гимназии в Пярну (в Лифляндии, ныне – Эстония). Основал в Петербурге историко-литературный журнал «Пантеон литературы» и научно-популярный литературный журнал «Семейная библиотека», поставив цель знакомить русское общество с творениями мировых гениев всех времен и народов.

«Пантеон литературы» выходил с 1888 по 1895 г., редактором-издателем сначала был Чудинов, а с 1891 г. издателем стал Федор Трозинер (с 1893 г. – редактор-издатель). Содержание журнала составляли избранные и полные собрания произведений преимущественно лучших зарубежных писателей, а также русских литераторов, историко-литературные статьи и современная летопись. Были опубликованы поэмы Оссиана, «Калевала», «Песнь о Нибелунгах», пьесы Бомарше, «Баян» – сборник произведений современных славянских поэтов, сочинения В. П. Боткина, «Современная эстетика» Ж. М. Гюйо, «Персидские письма» Ш. Монтескье, произведения А. Данте, Ж. Ж. Руссо, Р. Шеридана, П.-Ж. Беранже, Г. Х. Андерсена, В. Гюго, А. Мюссе, Ф. Петрарки, А. Теннисона, Дж. Мильтона и др. Авторами статей историко-литературного характера были А. Н. Веселовский, Я. К. Грот, Ф. И. Буслаев, А. И. Кирпичников, А. С. Архангельский и др.

Журнал «Семейная библиотека» выходил в Петербурге с 1890 по 1892 г. Редактором-издателем с момента основания был Чудинов, а с февральского номера 1891 г. полномочия издателя перешли к Ф. Трозинеру.

В начале 1890-х гг. Чудинов развил свою орловскую идею десятилетней давности: если в типографии «Орловского вестника» были напечатаны только несколько выпусков из серии «Для легкого чтения», то с 1891 г. в Петербурге издатель взялся за редактирование сразу двух серий «Русской классной библиотеки»: первая (28 выпусков) содержала лучшие произведения русской литературы с комментариями, а вторая (26 выпусков) – классические произведения иностранной литературы в переводах русских писателей.

Рассказ об этой весьма содержательной библиотеке заслуживает отдельного очерка, здесь назовем лишь несколько ее книг: сборник былин (два издания – 1893, 1904), «Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет», «Домострой», «Русская народная лирика» (1894, 1910), сборник сербских песен, «Песнь о Роланде» (в переводе А. Н. Чудинова, в его переводе вышли также рассказы Г. Х. Андерсена, А. Доде, Э. Золя – сборник «Картины жизни», 1886), сборники произведений И. А. Крылова, А. Кантемира, А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина, Д. И. Фонвизина, А. С. Грибоедова, В. А. Жуковского, А. В. Кольцова, В. Г. Белинского и других писателей. В числе издателей книг и журналов Чудинова были А. С. Суворин, И. И. Глазунов, И. А. Гольдерберг, В. И. Губинский, воронежец В. А. Гольдштейн.

Результатом многолетних трудов Чудинова явилась и серия словарей. Например, «Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» выдержал несколько изданий. В первом (СПб., 1894) и втором (СПб., 1902) было

примерно по четыре тысячи слов, а третье (СПб., 1910) отразило серьезные перемены в общественной сфере России, его состав превысил пять тысяч слов, появился подзаголовок: «Значительно дополненный преимущественно социально-политическими терминами, вошедшими в жизнь в последние годы». Под редакцией Чудинова вышли «Справочный общедоступный энциклопедический словарь», созданный на основе ряда лучших зарубежных и отечественных словарей (СПб., 1901) и двухтомник «Справочный словарь орфографический, этимологический и толковый русского литературного языка» (СПб., 1899, 1901).

Свершив много, еще многое Александр Николаевич Чудинов сделать не успел. Он умер от разрыва сердца 14 декабря 1908 г. в поселке Дуббельн (ныне Дубулты – часть города Юрмалы в Латвии), похоронен на кладбище Петропавловского братства.

Позади была эпоха Великих реформ с ее бурным развитием печати и книжности. И Чудинов оказался удивительно созвучен этой ушедшей эпохе – энциклопедист, изобретатель новых форм книжного просвещения и самозабвенный труженик провинции и столицы. Его деяния на благо русского общества достойны того, чтобы современные издатели, филологи и журналисты не забыли своего могучего предшественника.

Примечания

1. Биографию А. Н. Чудинова см.: Писатели Орловского края: биобиблиогр. слов. Орел, 1981. С. 180–183; Деятели книжной культуры Орловского края: биобиблиогр. указ. Орел, 2003. С. 137–139.

2. См.: Чудинов А. Н. Очерк истории русской женщины в последовательном развитии ее литературных типов. СПб., 1873. С. 213.

3. Там же. С. 207.

4. Там же. С. 201.

5. Там же.

6. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. М.; Л., 1965. Т. 9. С. 207.

7. Там же. М.; Л., 1966. Т. 11. С. 33.

8. Жукова Ю. В. Книжное дело Орловской губернии: конец XVIII – начало XX вв.: справочник. Орел, 2005. С. 28.

9. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений. Письма. М.; Л., 1966. Т. 11. С. 258.

10. Подробнее см.: Курляндская Г. Б. И. С. Тургенев и «Орловский вестник» // И. С. Тургенев (1818–1883–1958): статьи и материалы. Орел, 1960. С. 571–592.

11. Подробнее см.: «Орловский вестник», газета: каталог русских и иностранных книг Публичной библиотеки «Орловского вестника». Орел, 1883. III, 99 с.

12. Чудинов А. Н. 25-летие царствования Его императорского величества Александра Николаевича: речь, читанная 19-го февраля 1880 г. на торжественном акте в Орловском Александринском институте А. Н. Чудиновым. Орел, 1880. С. 7.

13. Ласунский О. Г. Литературно-общественное движение в русской провинции: (Воронежский край в «эпоху Чернышевского»). Воронеж, 1985. С. 200.

СТАНИСЛАВ СТАНИСЛАВОВИЧ ОКРЕЙЦ

Выдающийся деятель отечественной печати Станислав Станиславович Окрейц (1836–1922) родился в городе Повенец Олонецкой губернии в семье чиновника. Детство прошло в Петербурге, окончил Витебскую гимназию и сельскохозяйственный вуз. Был чиновником, библиотекарем. Литературную деятельность начал в 1860-х гг. в Могилёве (где жил в 1859–1862 гг.) и Вильно. Служба в разных должностях дала ему некоторые знания жизни и толкнула на стезю журналистики. Он вспоминал: «Из Могилёва я посылал статейки в «Искру» и в «Экономический указатель» Вернадского» [1]. Заметим, что молодой литератор Николай Лесков в ту же пору – осенью 1860 года – начал постоянное сотрудничество с журналом «Экономический указатель».

В 1867 году Окрейц написал роман «Последний язычник» и отправил его в «Отечественные записки» А. А. Краевского. В этом журнале Окрейц и попытался начать сотрудничество по приезде в Петербург в 1868 году. Однако Н. А. Некрасов отклонил роман. Обидевшийся Окрейц ушёл в редакцию «Дела» и, «разумеется, не мог уже писать для «Отечественных записок»» [2].

В конце октября 1870 года петербургский издатель П. А. Ландсберг продал журнал «Библиотека дешёвая и общедоступная» «отставному коллежскому секретарю Станиславу Станиславову сыну Акрейцу» и «содержателю типографии Юлию Андреевичу Штауфу» [3]. Совет Главного управления по делам печати отказался утвердить Окрейца

редактором «в виду частных сведений, не вполне благоприятных» для него и «совершенной неизвестности Акрейца в литературе». В марте 1871 года редактором журнала был назначен Б. И. Сестрженцевич-Богуш. В июле того же года он приобрёл у Штауфа право на половину журнала. Однако Сестрженцевич-Богуш оставался номинальной фигурой. Всеми делами журнала руководил Окрейц. 21 января 1872 года Сестрженцевич-Богуш передал Окрейцу свою долю в издании, оставшись лишь редактором. Журнал целиком перешёл к Окрейцу.

Как отмечает исследователь истории периодики Д. А. Барабохин, «Дешёвая библиотека для лёгкого чтения» была фактически альманахом, сборником преимущественно переводной беллетристики [4]. Окрейца такое положение явно не устраивало. Он надеялся расширить программу «Библиотеки», ввести отделы, присущие «толстым» журналам. Однако власти разрешили лишь помещать «полемические ответы прочим изданиям» и изменить название журнала на «Библиотеку дешёвую и общедоступную».

Окрейцу удалось привлечь к участию в журнале Г. И. Успенского, А. И. Левитова, Д. Д. Минаева, Ф. М. Решетникова и других писателей. Они печатались здесь, несмотря на грошовый гонорар, предложенный издателем. Как вспоминал Окрейц, он платил Минаеву по гривеннику за строку [5],Успенскому – «по 30 р. с<еребром> с листа» [6].

Весьма интересной (даже с точки зрения современного состояния российской журналистики и перспектив её развития) была идея журналистской артели, а точнее – широко обсуждавшийся тогда вопрос о том, кому собственно принадлежит издание и каким должен быть механизм возможного распределения доходов среди издателей, именитых авторов

и т.д. Окрейц декларировал: «Признавая право собственности, и не думаем дарить наш журнал нашим сотрудникам, превращать наше экономическое предприятие в коммунистическую попытку» [7]. Он также отмечал: «Нам всегда казалась несправедливою мысль, высказанная некогда Писаревым, повторенная Жуковским и Антоновичем, приведённая в брошюре Соколовым и даже бледно и искажённо будто бы осуществившаяся в «Неделе», – журнал есть собственность сотрудников, иначе: всякая фабрика – собственность рабочих, дом тех, кто его построил; далее: земля – тех, кто её обработал, всякая вещь – того, кто взял…» [8]. Выступая против коллективной собственности, Окрейц в то же время не признавал права на неё со стороны нескольких лиц, руководивших изданием.

Произведения писателей-демократов в «Библиотеке» рисовали суровую жизнь бедного люда города и деревни. Д. Д. Минаев в поэме «Дешёвые углы» описывал ночлежку в Петербурге, где «в каждом углу роковая нужда заявляла свой голос открыто». А. И. Левитов в очерке «В деревне» показывал противоположность интересов работников и хозяина, который только и думает, как «посходнее изморить» их [9].

Редакция с глубоким огорчением откликнулась на безвременную кончину Ф. М. Решетникова: в третьем номере за 1871 год был напечатан некролог. В сноске к нему указывалось: «Редакция надеется поместить в следующей книжке подробную биографию Ф. М. Решетникова, обещанную одним из наших литераторов». Речь шла, видимо, о Глебе Успенском, который взял на себя труд написать биографию Ф. М. Решетникова. Она появилась, однако, позднее и не в «Библиотеке…», а как вступительная статья к сочинениям писателя (СПб., 1873).

Направление «Библиотеки» было немедленно замечено властями. Как вспоминал Окрейц, сотрудничество в журнале писателей-демократов «уже само по себе лишало кредита доверия в глазах Лонгинова (руководителя Главного управления по делам печати. – А.К.)» [10]. Посыпались бюрократические кары. Тогда Окрейц купил у М. Хана журнал «Всемирный труд» с приложением «Домашняя библиотека», которая выходила ранее самостоятельно.

Таким образом, в начале 1872 года Окрейц стал хозяином трёх изданий: журнала «Всемирный труд» с приложением и «Библиотеки дешёвой и общедоступной». По мнению Д. А. Барабохина, особые надежды он возлагал на бесцензурный «Всемирный труд» [11], где опубликовал ряд статей. Однако журнал вскоре получил три предостережения, был приостановлен на полгода, а затем по высочайшему повелению прекращён вообще.

Окрейц, потеряв и эту надежду, в 1874 году уехал из Петербурга в провинцию, занялся беллетристикой. Под псевдонимом С. Орлицкий на протяжении жизни он издал более десяти романов разного художественного уровня — от откровенно бульварных («Преступник», «Крах») до остропублицистических («Кто виноват?», «Мыканье»), а также исторические романы («Драма 11 марта 1801 года», «Воскресшая Россия» (о Смутном времени)) и др. Язвительно отзывался о романах Окрейца Максим Горький. В его рассказе «Книга» есть такие строки: «Мы оба были страстными любителями чтения, мы читали книги с ненасытной жадностью, день и ночь, в свободные часы. Книги были для нас просветами в мир действенной жизни из мира мёртвой пустоты… Долго маялись мы в поисках хороших книг, но не находили ничего, кроме романов Окрейца, ста-

рой «Нивы» и тому подобной нищеты». А антисемитизм Окрейца попал на заметку Антону Чехову – он именовал его не иначе, как «Юдофоб Юдофобович Окрейц».

С новыми демократическими веяниями М. Т. Лорис-Меликова Окрейц вернулся в Петербург и начал выпускать журнал «Луч» (с 1880), а затем с 1890 года и одноимённую газету. Сотрудничал в журнале «Наблюдатель», в 1897–1898 гг. редактировал газету «Гласность». По замыслу Окрейца, издания должны были, наряду с образцами лучшей отечественной беллетристики, давать «беспристрастное освещение происходящих в империи событий». Окрейц чётко указывал угрозу обществу: «нигилизм и революция». Обличая «лживо-широкие мировые идеи» социалистов-космополитов, он предлагал проекты по обустройству «тех маленьких уголков земли русской, из которых слагается самоё государство» [12] — это решение вопросов местного самоуправления и образования, поддержка крестьянского хозяйства как противовес люмпен-пролетаризации.

Один из образцов публицистики Окрейца тех лет – некрологическая заметка, посвящённая Н. С. Лескову: «За его прекрасный и правдивый роман «Некуда», в котором он вовсе не становится на сторону консерваторов (о ретроградстве и помину нет), яростные семинаристы предали его остракизму. Большой талант, крупный ум, трудолюбие и наблюдательность – ничего не спасло Лескова от людей бездарно-либеральных, от систематического замалчивания о его произведениях, якобы критики, от трактования его иронически в повременной прессе […] Но публика всегда знала и любила Лескова. Загляните в любую библиотеку (жаль, что отчеты их не печатают) – и вы увидите, что Лесков был всегда в числе наиболее читаемых авторов. Десят-

ки раздутых известностей и якобы гениев теперь исчезли. Кто их читает?! Кому нужны Гаршины, Короленки, Чеховы, Решетниковы, Засодимские, Бажины, Слепцовы, а книги Лескова и теперь дороги читающему русскому человеку. Но вы найдёте в отделах критики о всех вышеупомянутых писателях (некоторые талантливы, но не более) целые сотни листов разборов, оценок, философствований – и едва отыщете небрежных десяток строк о Лескове. Да, критика русской литературы после смерти Белинского (последний из беспристрастных ценителей…) не отдала многим должного, а в числе их на первом месте, между обойдёнными, стоит большое имя умершего романиста» [13].

Перед тем, как стать редактором газеты в Орле, Окрейц испытал немало трудностей: скитался по городам, служил в винной лавке в Хамовниках, жил в одесском приюте для неимущих литераторов (здесь стал свидетелем восстания на броненосце «Потёмкин», о чём напечатал в 1907 году очерк «Южнорусская республика (Из истории освободительного движения)» в журнале «Исторический вестник»). Одно время редактировал в Москве «Журнал общества счетоводов», но постоянно сотрудничал во множестве газет и журналов. Периодически появлялись в печати отрывки воспоминаний Окрейца о литературной и издательской жизни: здесь современный читатель может встретить немало персонажей: от Фаддея Булгарина, Крестовского, Шеллер-Михайлова, Н. И. Костомарова до Я. П. Полонского, Глеба Успенского, Левитова, Некрасова. Накануне первой русской революции Окрейц издавал в Петербурге газету «Речь», пытаясь продолжить в ней то, что начал в «Луче» четверть века назад. Широк был круг псевдонимов плодовитого литератора: А-ц; Дед Пафнутий; Окр-ц; С.С.; С. С. Ок-ц; Homo Novus и т. д.

В своих воспоминаниях Окрейц писал: «Меня в те поры занимала идея основать в одной из внутренних губерний независимый (по возможности свободный от местных административных внушений) правый орган. Господствовало мнение, что правый орган самостоятельно существовать не может; подписки у него не будет. Издателю придётся ежегодно на покрытие дефицита прибегать к субсидиями. А это поведёт к предварительной цензуре губернаторов. Не говоря уже о том, что губернатор (даже превосходнейший), наверное, окажется плохим руководителем газеты, важно было и то, что субсидируемый правый орган, таким образом, всё же будет изданием, выходящим под предварительной цензурой, а его противники, левые всякой марки, будут изданиями, выходящими без предварительной цензуры. Публика, несомненно, пойдёт налево… Предварительную цензуру у нас не терпят. Да и пользы от неё не было и быть не может» [14].

Окрейц рассчитывал получить правительственную субсидию на издание газеты в размере 5–6 тысяч рублей, а также некое покровительство со стороны кого-либо из высших сановников. В итоге, благодаря знакомствам в петербургских кругах, он попал на приём к П. А. Столыпину. Однако сама встреча, состоявшаяся в водовороте больших и малых забот руководителя правительства, не оправдала надежд будущего редактора. Окрейц вспоминал: «Столыпин взял прошение и подал руку. Высокого роста, брюнет, с выразительным, но измученным лицом, он произвёл на меня тяжёлое впечатление. Слушая, он едва ли что-либо слышал. Семь часов подряд принимать и всё разных людей. […] Предо мною был измученный, изжелта-бледный человек, напоминавший больного, а никак не человек, которого можно было бы в чём-либо убедить, что-либо ему выяснить» [15].

Получив одобрение, 74-летний Окрейц отправился в Орёл и занялся подготовкой к выпуску нового издания. Девизом газеты он избрал триаду: «Бог, Отечество и царь». Заметим, что почва для нового консервативного издания в Орле была приготовлена уже давно: в 1904 году произошло отделение от «Орловских губернских ведомостей» неофициальной части, переименование её в газету «Телеграммы «Орловских губернских ведомостей»». С 1 декабря 1905 года издание было преобразовано в ежедневную газету «Орловская речь» под эгидой Союза законности и порядка (партии «октябристов»). Первым редактором был недавний правитель канцелярии губернатора и цензор Н. Н. Верёвкин, издателем – представитель весьма известной дворянской фамилии Н. Г. Теплов, которому 25 ноября 1905 года Главным управлением по делам печати было разрешено издавать «Орловскую речь». В феврале 1906 года редактором-издателем стал Василий Васильевич Кудрявцев [16] (газета печаталась в его частной типографии в Орле). Основное направление издания – правительственный официоз, публиковалось большое количество обращений «К русскому народу», «К крестьянам», призывы губернатора прекратить беспорядки и погромы помещичьих имений, хуторов зажиточных поселян.

При редакции был образован «особый литературный комитет», в состав которого вошли практически все активисты союза – А. Я. Померанцев, Н. С. Попов, С. А. Володимеров, И. М. Белоруссов, В. Э. Ромер, В. Н. Лясковский, Я. Н. Горожанский и другие [17]. Учредители печатного органа заявляли, что он «является противовесом тому революционному направлению в известной части местного общества, которое поддерживалось и продолжает поддер-

живаться представителями местной прессы крайне левого направления – «Орловским вестником»».

Резкий тон «Орловской речи» нередко встречал противодействие в местном обществе. Например, статья помощника командира пожарной дружины А. Ф. Сугакевича по поводу 20-летия Орловского вольно-пожарного общества, опубликованная 2 июля 1908 года, был расценена городской управой Орла как оскорбительная и клеветническая по отношению к ряду членов управы. Орган власти был вынужден обратиться к присяжному поверенному для того, чтобы привлечь к судебной ответственности редактора газеты [18].

Газета прекратила существование после смерти В. В. Кудрявцева в декабре 1910 года. Но вскоре в свет вышел первый номер «ежедневной политической и литературной газеты» «Орловская жизнь», под руководством Окрейца продолжившей дело своей предшественницы.

Редакция «Орловской жизни» размещалась на улице Введенской (ныне 7 ноября), газета печаталась в губернской типографии. Постоянно подчёркивалось патриотическое и даже националистическое направление издания: «Россия для русских, равенство перед законами, собственность и спокойствие». Духовенству и «сельским правлениям» предлагалась скидка в 10% на подписку (плата на год составляла пять рублей).

В 1911 году в качестве приложения к газете выходили «Телеграммы Российского телеграфного агентства», в 1913-м – еженедельный живописный сборник «Улей». Подписчики газеты также могли стать обладателями изданной в 1913 году в Орле книги Окрейца «Страшное время» (исторический роман из эпохи 1812 года).

В 1914 году «Орловская жизнь» получила правительственную субсидию в размере 9,6 тысячи рублей. Это была довольно крупная сумма: существенно меньшую поддержку правительства в тот год имели такие газеты, как «Рижский вестник», «Казанский телеграф», «Голос Кавказа», «Волга» (Саратов) и ряд других [19].

В самый канун первой мировой войны, 19 июля 1914 года «Орловская жизнь» в передовой статье (автор – Окрейц) подчёркивала: «Нет сомнений, что момент ныне нами переживаемый – исторический момент. Переворачиваются карты великой книги исторической жизни народов, настает новая эпоха, как то было в начале XIX века, когда на мировую сцену выступил великий корсиканец (далее автор перечислял реалии последних десятилетий, показывает агрессивную сущность Германии и Австрии. – А.К.). Руки прочь, или – да будет война! Таков лозунг политики тройственного соглашения. Война – великое бедствие, но всё же и война сноснее и желательнее длительного разорения народов, именуемого вооружённым миром. Европе надоели прусская казарма и иезуиты Вены» [20].

«Орловское редакторство» в биографии Окрейца закончилось летом 1915 года, когда он вернулся в северную столицу. Во главе газеты встала М. Н. Вильнер, бывшая до того секретарём редакции. Но на редакторском мостике ей предстояло быть относительно недолго – «Орловская жизнь» выходила лишь до конца 1915 года.

После Февральской революции Окрейц переехал из Петрограда в Витебск, жил в нищете, называл себя одним из тех неразумных несчастливцев, которые «так усердно добивались переворота». В 1919 году переселился на хутор в Черниговской губернии, где умер в богадельне в августе 1922 года.

Составленная Окрейцем рукопись трёхтомной «Истории революции в очерках и рассказах» бесследно исчезла.

За долгую жизнь Станислав Станиславович Окрейц не снискал себе славу талантливого писателя. Однако его многолетний труд в редакциях, публикации в периодике, книги, воспоминания в сумме составили достаточно весомый массив сведений о литературе и журналистике России второй половины XIX – начала XX вв. Без изучения этого наследия невозможно иметь достаточно полное представление об истории отечественной, в том числе орловской, периодической печати.

Примечания

1. Окрейц С. С. Литературные встречи и знакомства // Исторический вестник. 1916. № 6. С. 620.

2. Окрейц С. С. Из литературных воспоминаний // Исторический вестник. 1907. № 4. С. 81.

3. Барабохин Д. А. Глеб Успенский и русская журналистика (1862–1892). Л., 1983. С. 22.

4. Там же.

5. Окрейц С. С. Литературные встречи и знакомства… С. 620.

6. Окрейц С. С. Из литературных воспоминаний // Исторический вестник. 1907. № 4. С. 79–80.

7. Дешёвая библиотека для легкого чтения. 1871. № 4–5. С. III.

8. Там же. С. V.

9. Подробнее см.: Барабохин Д. А. Указ соч. С. 23.

10. Окрейц С. С. Из литературных воспоминаний // Исторический вестник. 1907. № 5. С. 417.

11. Барабохин Д. А. Указ соч. С. 24.

12. Подмарькова М. В. Окрейц Станислав Станиславович // Русские писатели. 1800–1917. М., 1999. Т. 4. С. 416.

13. Окр-цъ С. С. Н. С. Лесков (Некролог) // Луч. 1895. № 16. 25 февр.

14. Окрейц С. С. Аудиенция у П. А. Столыпина и катастрофа 12-го августа // Исторический вестник. 1913. № 3. С. 864.

15. Там же. С. 873.

16. Дело о переходе издания газеты «Орловская речь» от Н. Г. Теплова к В. В. Кудрявцеву (1906) // ГАОО. Ф. 580. Д. 3296.

17. Подробнее о Союзе законности и порядка в Орле см.: Реестр о деятельности обществ и союзов по Орловской губернии (1910) // ГАОО. Ф. 2. Д. 435; Балакин Ю. Н. Горькая память. Орёл, 1992. С. 89–98.

18. Журнал заседания городской управы о привлечении к судебной ответственности редактора газеты «Орловская речь» за оскорбление членов городской управы // ГАОО. Ф. 593. Д. 1089.

19. Есин Б. Русская газета и газетное дело в России. М., 1981. С. 100.

20. Орловская жизнь, 1914, 19 июля.

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ГАВРИЛОВ

Будущий историк и управляющий Синодальной типографией Александр Васильевич Гаврилов родился 18 января 1844 г., о чем свидетельствует запись в сохранившейся до наших дней церковной книге [1]. Он был четвертым сыном (из шести) священника Иоанно-Богословской церкви села Салтановки Трубчевского уезда Орловской губернии (ныне Навлинский район Брянской области). С 1852 по 1861 г. он учился в 1-м Орловском духовном училище, затем в Орловской духовной семинарии.

Как вспоминал Гаврилов позднее, занятия в основном сводились к заучиванию наизусть богословских текстов на русском, латинском и греческом языках [2]. Школяры упражнялись также в написании сочинений. Например, Гаврилов работал над такими темами, как «Краткий очерк характера Василия Великого» и «Значение слова человеческого вообще и пастырского в особенности». По требованию ректора семинарии Палладия [3] лучшие сочинения трижды в год зачитывались на собрании учеников и преподавателей. Такой чести был удостоен и Гаврилов. Благодаря способностям и трудолюбию семинарист из Салтановки вошел в число «старших» – актива, который контролировал учебу и поведение остальных учеников. Весьма реальным было направление на дальнейшую учебу в Киевскую духовную академию (туда в основном и поступали лучшие выпускники из Орла). Однако все изменил случай: во время очередного разноса, который делал ректор семинарским разгильдяям, успешный ученик Гаврилов позволил себе… улыбаться. В наказание

Палладий лишил его права поступления в академию [4], что обрекало на постоянное пребывание в провинции и участь сельского священника. По всей вероятности, через отца или других родственников Александр Гаврилов, гостивший дома, узнал о возможности поступления в С.-Петербургскую духовную академию, но для этого предстояло в конце июля 1867 г. поехать в Орел за документами.

Палладий отказался выдать аттестат, сославшись на то, что прошение о поступлении следовало подать в мае, а уже наступил август. Тогда вчерашний семинарист набрался храбрости и пошел на прием к Орловскому и Севскому епископу Поликарпу [5]. Тот принял его весьма милостиво, но посетовал, что сроки миновали: надо было с просьбой обратиться в конце весны, тогда уже был бы принят в Киевскую академию. В утешение Поликарп дал Александру 10 р. Такой исход беседы с пастырем весьма удручил юношу, но тогда он не знал, что это была его последняя встреча с Поликарпом – спустя несколько дней епископ умер.

Гаврилов пошел на хитрость: попросил в семинарии аттестат для поступления в С.-Петербургский университет. Присоседившись к приятелю, он доехал до Москвы, где посетил святыни первопрестольной: ходил, например, по лесам строившегося храма Христа Спасителя. По железной дороге добрался до Петербурга. По решению ректора Петербургской духовной академии И. Л. Янышева [6] был зачислен в академию.

В столичном учебном заведении он проявил себя успешным учеником, более того со 2-го курса стал публиковаться в периодических изданиях. Первую тему ему предложил профессор М. О. Коялович – «Чем объяснить быстрое обрусение Литвы в XIII веке» [7]. Затем последовали статьи

для кандидатского сочинения, тему которого («Святейший патриарх Иоаким») предложил профессор И. Ф. Нильский: «Литературные труды патриарха Иоакима» [8], «Проповедники немецкой веры в Москве и отношение к ним патриарха Иоакима» [9], «Отношение патриарха Иоакима к Киевской митрополии и киевским ученым в Москве» (СПб., 1873). В первой работе был проведен подробный анализ трудов Иоакима, их стиля и содержания. Показывая, как патриарх боролся с раскольниками, Гаврилов делал вывод о его проповедях: «Уступают проповедям Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого, зато доступны простым христианам '…' Это был пастырь – борец за чистоту и неповрежденность Русской Православной Церкви. Стоя на границе древней и новой России, патриарх Иоаким предвидел те печальные последствия, какие могли произойти в Русской Церкви от слишком усердного сближения с иностранцами» [10]. Третьей работой стало монографическое исследование весьма сложного вопроса об отношениях с малороссами в XVII в. Автор демонстрировал свою однозначно великорусскую позицию, делая вывод: твердость Иоакима привела к победе московских ученых над южнорусскими.

Гаврилов окончил учебу в академии 1871 г. кандидатом-магистрантом, был причислен к канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода «для приготовления к должности секретаря духовной консистории». Последовательно занимал должности младшего секретаря, старшего секретаря, обер-секретаря. Его служба на протяжении десятилетий складывалась так, что он постоянно занимался изучением древностей и организацией печатного дела. Более того, когда в 1875 г. Янышев учредил при С.-Петербургской духовной академии журнал «Церковный вестник», заведующим кан-

целярией был назначен Гаврилов. А в 1877 г. он вошел в состав высочайше учрежденной комиссии при Синодальном архиве. В этом качестве составил и подготовил к изданию три тома «Описания документов и дел Синодального архива» – за 1724 г. (СПб., 1880), 1727 г. (СПб., 1881) и 1770-е гг. (СПб., 1914), а также два тома, 3-й и 4-й, «Полного собрания постановлений и распоряжений по ведомству Православного вероисповедания Российской империи» за 1746–1762 гг. (СПб, 1912). Заметим, что в этих фолиантах указаны многие тысячи документов, есть масса приложений, представляющих интерес и для современных исследователей.

В 1878 г. Гаврилов был в первом наборе Археологического института Н. В. Калачова. Он провел в этом учебном заведении два года. Как отмечал в «Историческом вестнике» один из исследователей начала XX в., «чтения и беседы, руководимые таким опытным юристом и историком, каким был Н. В. Калачов, много способствовали объединению первых молодых работников-институтцев в одну тесную и дружную семью, члены которой скоро дали знать о себе рядом ценных научных работ» [11]. Далее следовало перечисление семи фамилий «ближайших учеников основателя института»: Гаврилов в этой когорте значился на третьем месте как автор «Историко-археологического описания Белогостицкого монастыря» (СПб., 1880). В годы учебы в институте им были подготовлены и вышли из печати «Дело о поступках архиепископа Могилевского Варлаама во время нашествия французов» [12] и «Дополнительные сведения к делу Могилевского архиепископа Варлаама во время нашествия французов в 1812 году» [13]. Гаврилов был отмечен и в числе восьми выпускников Археологического института, которые создали наиболее весомые труды в по-

следующие годы: здесь он значится на пятом месте [14] как автор труда «Постановления и распоряжения Святейшего Синода о сохранении и изучении памятников древностей (1855–1880) [15].

Гаврилов окончил институт с золотой медалью [16] и званием его действительного члена, позднее заслуги подняли его на еще более высокую ступень – он был избран почетным членом Археологического института. В его брошюре «Древности Толгского монастыря» (СПб., 1881), как и в описании Белогостицкого монастыря, приведена масса сведений о храмах, иконах, книгах, грамотах, а также имеется запись: «Печатано по распоряжению директора Археологического института Н. Калачова, типография Академии наук».

В 1884 г. по распоряжению обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева Гаврилов принимал участие в издании бумаг покойного митрополита Московского Филарета. Издание выходило под названием «Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам» (в 1885–1887 гг. вышло восемь томов).

В 1888 г., когда был учреждён журнал «Церковные ведомости», Гаврилову поручили заведовать хозяйственной часть и экспедицией журнала. В этом издании он поместил также несколько своих статей – в основном некрологического содержания. Печатался в журналах «Христианское чтение», «Русский паломник», «Русский мир», «Правительственный вестник» и других.

5 июля 1896 г. Гаврилов был перемещён на должность управляющего Синодальной типографией. Руководство одной из лучших в России типографий было главным, итоговым делом жизни, которому он отдавал все свои умения

и силы, более того, со следующего года даже поселился «при типографии» до конца своих дней.

Что представляло собой это полиграфическое предприятие и какие нововведения принадлежали Гаврилову? По утвержденному 20 апреля 1896 г. штату администрацию типографии составляли управляющий, заведующий типографскими работами с двумя помощниками, делопроизводитель и бухгалтер с двумя помощниками [17] (в целом штат достигал почти 300 человек). В новом здании на Кабинетской улице, куда типография была переведена в октябре 1888 г. (современный адрес – ул. Правды, 15), к началу XX в. работали самые современные печатные машины. В 1899 г. прежние паровые двигатели были заменены электрическими. Во всех мастерских отопление было устроено паро-водяное, освещение электрическое от своей динамо-машины; залы наборного и машинного отделений снабжены принудительной вентиляцией; для подъема и спуска тяжестей устроена винтовая машина, проходившая через все четыре этажа здания [18].

Структура типографии была многопрофильной. Центральное место занимала Правильная палата, сотрудники которой выполняли научную, редакторскую и корректорскую работу, осуществляли наблюдение за правильностью и точностью текста священных и богослужебных книг, сверку с первоисточниками. Штат состоял из справщика, двух помощников, двух правщиков и чтеца, почти все – с высшим образованием. При палате имелась библиотека, состоявшая более чем из 4500 книг и других изданий (в том числе книг XVI–XVIII вв.) с двумя «подвижными каталогами» – алфавитным и систематическим [19].

В наборном отделении работало от 35 до 60 наборщиков, до 20 учеников. Наиболее способные ученики (от 8 до 15

человек) обучались на средства Святейшего Синода в школе печатного дела при Императорском техническом обществе. В 1898 г. в состав наборщиков было допущены женщины, для которых отведено особое помещение. Отделение располагало следующим оборудованием: реалом для акцидентных работ, 11-ю реалами и 92-мя кассами для славянских шрифтов, 62-мя реалами и 467-ю кассами для гражданских и иностранных шрифтов, 11-ю кассами для нотных знаков, 6-ю кассами для линеек и 34-мя формо-реалами. Имелись шрифты: славянские 832 пуда, гражданские русские 3150 пудов, иностранные (латинские, греческие, еврейские, болгарские, чешские, алтайские, бурятские и монгольские) 375 пудов, нотные знаки – церковные и итальянские 90 пудов, и разного наборного материала 1630 пудов, а всего 6077 пудов. Шрифты постоянно пополняли с помощью собственной словолитни. Кроме того, имелось значительное количество гравированных на дереве и меди, а также гальванопластических священных изображений, заставок и других клише.

Штат печатного отделения состоял из 4-х мастеров и 5-ти их помощников, 3-х печатников, 20-ти накладчиков, 18-ти приемщиков, 2-х счетчиков, одного мочильщика и 6-ти подъемщиков – всего 59 человек. Оборудование отделения включало 2 ротационные машины с переменными форматами (производительность каждой от 3000 до 5000 двусторонних оттисков в час), двухкрасочную машину большого формата и при ней краскорастирательный прибор, 19 скоропечатных машин разных величин и форматов, глазировальную машину, для мелких работ – одну американку и 4 печатных ручных станка, 17 скоропечатных машин. Большинство машин было изготовлено на фабриках Кенига и Бауера, на Аугсбургской фабрике. Для сатинирования отпечатанных

листов имелись 2 гидравлических пресса фабрики Яра и 2 ручных винтовых пресса.

Стереотипное отделение со штатом – мастер и 4 помощника – имело оборудование для отливки как обыкновенных, так и круглых стереотипов. Кроме того, был в наличии гальванопластический аппарат для изготовления клише. Стереотипов в течение года изготавливали свыше 2000 пудов, а также до 800 печатных листов матриц.

В словолитне, оборудование которой составляли 2 французские комплект-машины, 4 ручные словолитные машины, печь для ручной отливки наборного материала, работали мастер, 5 словолитчиков и 5 шлифовщиков, а также ученики.

Самым многочисленным был штат переплетного отделения – мастер, его помощник, закройщик, 12 переплетчиков, 3 позолотчика, 17 брошюровщиков, 7 учеников, 66 фальцовщиц. В начале XX в. отделение расширилось за счет надстройки нового этажа над зданием типографии, что увеличило его площадь на 100 кв. саженей. Работники имели в своем распоряжении 2 пресса, один паровой золотильный пресс и 2 ручных; а также машины фабрики К. Краузе: 2 папкорезательные и 3 бумагорезательные, 4 проволочносшивательные для брошюровки и 2 для переплета, одну фальц-машину и одну машину для округления корешков.

Книжный склад с канцелярией и помещением для упаковки размещались в четырехэтажном флигеле, соединенным с главным зданием переходами. Для противопожарной безопасности все перекрытия были сделаны из железобетона по системе французского инженера Франсуа Геннебика. Помещение склада было снабжено подъемной машиной, к которой проложили рельсы для передачи печатных листов

и книг в вагонетках из главного здания. На складе была сосредоточена рассылка синодальных изданий иногородним покупателям, а для продажи книг в С.-Петербурге имелись две синодальные книжные лавки (одна в здании Синода, другая – в здании типографии). При складе состояли: книгохранитель, его помощник, два писца и пять укупорщиков; при лавках – две продавщицы и два сторожа.

Для рабочих и служащих в 1892 г. была учреждена ссудо-сберегательная касса, давшая возможность не только делать сбережения, но и получать за небольшой процент ссуду и, в случае нужды, безвозмездное пособие. Для рабочих участие в кассе было добровольным, к концу 1899 г. вкладов в кассе состояло на 2975 р. 90 к. Святейший Синод ежегодно на пособия отпускал 300 р., впоследствии сумма была увеличена до 500 р. В 1897 г. открыли столовую для рабочих, обед и ужин (для вечерней смены) стоили в пределах 8–10 к., бедные ученики питались бесплатно [20].

В годы заведования Гаврилова в Синодальной типографии ежегодно печаталось более пяти миллионов экземпляров православных книг и журналов. Его труды неутомимого исследователя и организатора печатного дела были по достоинству отмечены: Гаврилов был награжден орденами Анны I и III степени, Владимира IV степени, Станислава I степени, медалями, пожалован чином действительного статского советника [21]. В то же время само руководство типографии постоянно подчеркивало, что «своим преобразованием и расширением типография обязана высокому вниманию Святейшего Синода и попечительной заботливости Г. Синодального Обер-Прокурора К. П. Победоносцева» [22].

Из печатных трудов Гаврилова, вышедших в начале XX в., необходимо выделить две книги. В 1907 г. в Санкт-Петербурге

был издан подготовленный им небольшой сборник «Константин Петрович Победоносцев в его письмах» [23].

Публикацию писем составитель предварил такими словами: «Не стало незабвенного Константина Петровича Победоносцева. Отошел в вечность, в иной мир муж совета, обладавший умом проницательным, сердцем, бившимся горячей любовью к России, и волей, воспитанной в строгом повиновении долгу» [24]. Называя своего многолетнего наставника сфинксом и великим книжником, Гаврилов познакомил читателей с выдержками из писем Победоносцева по поводу издания тех или иных книг, различными благодарностями, пожеланиями типографии успешной работы.

Истинным же итогом подвижнической деятельности Гаврилова стала написанная им история Синодальной типографии (как видим, даже на высоком посту он не мог оставаться только администратором, но и по-прежнему занимался исследованием минувшего). Этот труд Гаврилов подготовил к 200-летию типографии: ее основание стало началом печатного дела в северной столице, поэтому смело можно утверждать, что речь шла о 200-летии петербургского книгопечатания. Знакомство с книгой «Очерк истории Санкт-Петербургской синодальной типографии. Вып. I. 1711–1839» (СПб., 1911) впечатляет: подарочное издание большого формата на отличной бумаге, 401 страница основного содержания и 102 страницы приложений. На шмуцтитуле напечатан портрет Петра I (в книге подробно показана роль самодержца в основании печатного дела, так как изначально это была государственная типография, переданная в ведение Синода только в 1720 г.

Но дело не только в державной символике титула, формате и качестве бумаги. В первую очередь, это серьез-

ный академический труд, снабженный примечаниями, иллюстрациями, списком всех книг, изданных за указанный период, подробнейшими аннотациями, уникальными сведениями о затратах на издание, тиражах, условиях печати и так далее, в котором в хронологической последовательности рассмотрены все этапы становления и развития издательской деятельности типографии. В приложении помещены отчеты начала XVIII в., подробный указатель имен, предметный указатель. Весьма скромно позиционируя себя на этом величественном фоне, неутомимый труженик-составитель писал, обращаясь к читателю: «Немалым побуждением к составлению очерка служили признательность к учреждению, в котором составитель очерка работал не один год, и сознание той мысли, что всякое учреждение, правительственное ли то, общественное или частное, если оно содействовало, хотя бы и в малозаметной доле, культурному росту страны, не имеет нравственного права сведения о ходе своей культурной работы оставлять навсегда в помещениях Архивов» [25].

Продолжения этой книги не последовало. Александр Васильевич Гаврилов умер в 1915 г. Военные невзгоды и последовавшие социальные потрясения быстро заслонили от современников и новых поколений соотечественников незаурядные труды этого деятеля печати, самородка-исследователя, вышедшего из российской глубинки и так много сделавшего для науки и просвещения. Пора вернуть эту фигуру из тьмы забвения. Яркий пример его трудолюбия, пытливости, научной добросовестности еще послужит историкам, архивистам, исследователям книжного дела и издателям [26].

Примечания

1. Государственный архив Брянской области. Ф. 248. Оп. 1. Д. 156. Л. 14.

2. Гаврилов Александр Васильевич, член высочайше учрежденной комиссии по разбору и описанию архива Святейшего синода. Пг., 1915. С. 4.

3. Пьянков Павел Егорович ((1816–1882), в монашестве Палладий (с 1846 года)), будущий епископ Олонецкий и Петрозаводский, автор нескольких «Толкований…», «Обозрения Пермского раскола», с июля 1864 г. – ректор духовной семинарии в Орле.

4. Гаврилов Александр Васильевич, член высочайше учрежденной комиссии … С. 6.

5. Епископ Орловский и Севский Поликарп (в миру – Радкевич Феодосий Иоаннович, 1798–1867) в начале карьеры был профессором и ректором ряда духовных семинарий. С 1836 г. – настоятель российской посольской церкви в королевстве Греческом. В это время он посетил Иерусалим, ряд стран Ближнего Востока, перевел с греческого языка на русский «Толковую Псалтырь» Евфимия Зигабена, толкования библейской книги «Песнь песней», 1-ю часть толкований святителя Григория Богослова, составленных митрополитом Никитой Серрским. С апреля 1853 г. служил викарием Херсонской епархии – епископом Одесским. Во время Крымской войны Поликарп пришел в осажденный Севастополь и всеми силами помогал его защитникам. Был награжден орденом Анны I степени, в июле 1858 г. назначен епископом Орловским и Севским.

6. Янышев Иоанн Леонтьевич (1826–1910) – уроженец Калуги, церковно-общественный деятель, ученый-богослов,

с 1866 г. – ректор С.-Петербургской духовной академии, с 1883 г. – духовник императорской семьи.

7. Г-в А. [Гаврилов А. В.]. Чем объяснить быстрое обрусение Литвы в XIII в.? // Вестник Западной России. 1870. Т. I. Кн. II. Отд. II. С. 41–74.

8. Гаврилов А. В. Литературные труды патриарха Иоакима // Странник, 1872. Т. 1. Ч 1. С. 89–112; затем напечатано отдельным изданием – Гаврилов А. В. Литературные труды патриарха Иоакима. СПб., 1872.

9. Гаврилов А. В. Проповедники немецкой веры в Москве и отношение к ним патриарха Иоакима // Странник. 1873. Т. 1. С. 125–140.

10. Гаврилов А. В. Литературные труды патриарха Иоакима. СПб., 1872. С. 23.

11. Рудаков В. Е. Два археологических юбилея (по поводу 35-летия Императорского Археологического института) // Ист. вестн. 1913. № 3. С. 964.

12. [Гаврилов А. В.] Дело о поступках архиепископа Могилевского Варлаама во время нашествия французов (Из Архива Святейшего Синода) // Сборник Археологического института / Под ред. Н. В. Калачова. Кн. 2. СПб., 1879. Отд. II. С. 93–111.

13. Гаврилов А. В. Дополнительные сведения к делу Могилевского архиепископа Варлаама во время нашествия французов в 1812 году // Сборник Археологического института / Под ред. Н. В. Калачова. Кн. 3. СПб., 1880. Отд. III. С. 3–10.

14. Рудаков В. Е. Указ. соч. С. 970.

15. Гаврилов А. В. Постановления и распоряжения Святейшего Синода о сохранении и изучении памятников древности (1855–1880) // Вестник археологии и истории. Вып. 6. СПб., 1886. С. 51–73.

16. Гаврилов Александр Васильевич, член высочайше учрежденной комиссии … С. 12.

17. Краткий обзор С.-Петербургской синодальной типографии и каталог синодальных и других изданий. СПб., 1902. С. 15.

18. Там же. С. 12.

19. Там же. С. 15–22.

20. Там же. С. 12–13.

21. Гаврилов Александр Васильевич, член высочайше учрежденной комиссии … С. 2.

22. Краткий обзор С.-Петербургской синодальной типографии … С. 14.

23. Текст первоначально напечатан в журнале: Церковные ведомости. 1907. № 12. С. 541–552.

24. Гаврилов А. В. Константин Петрович Победоносцев в его письмах. СПб., 1907. С. 3.

25. Гаврилов А. В. Очерк истории Санкт-Петербургской синодальной типографии. Вып. I. 1711–1839. СПб., 1911. С. I.

26. Добавим, что Александр Гаврилов не был единственным замечательным представителем семейства сельского священника из села Салтановка. Племянник петербургского издателя – видный деятель православия архиепископ Феофан (в миру Федор Георгиевич Гаврилов) (1872 (1873 по новому стилю) – 1943), тоже выпускник Орловской духовной семинарии, епископ Курский и Обоянский. В 1920 г. он вывез из своей епархии чудотворную икону Курской Коренной Божией Матери. В эмиграции был членом Синода Русской Православной церкви за рубежом, жил и умер в Белграде.

СЕМЕЙСТВО КАШКИНЫХ

Мимо этого старинного здания на Ленинской улице в Орле ежедневно проходят сотни людей. Если провести своего рода эксперимент и опросить всех, то едва ли хотя бы один или два прохожих поведают нам о том, что когда-то здесь располагался один из лучших в центральной России книжный и музыкальный магазин. А заведовал им любимец орловской публики Владимир Кашкин. Впрочем, так уже сложилось, что и другие Кашкины прочно вошли в историю отечественной культуры…

Владимир Дмитриевич Кашкин родился в 1845 году в Воронеже, в большой семье купца, владельца книжной лавки. Отец его, Дмитрий Антонович, к моменту рождения сына был, по меркам того времени, уже довольно пожилым человеком – давно разменял шестой десяток лет. Обитали в старом родовом доме, в центре Воронежа. Усадьба досталась Дмитрию Кашкину по наследству от матушки. Женился он на Любови Васильевне Поляковой – отпущенной на волю крепостной крестьянке. Став грамотной и начитанной женщиной, она всецело занялась домом и воспитанием детей.

Потомственным занятием Кашкиных являлась торговля хлебом, но Дмитрий Антонович, немало потрудившийся на

этом поприще, со временем к нему охладел. Был он, по свидетельству современников, «человек с поэтической настроенностью, воспитанный на переводных романах и на школе сентиментальных русских писателей». Рисовал, играл на фортепиано и… на гуслях, писал стихи, «любил рассуждать о философии и искусстве».

Неудивительно, что Кашкин одним из первых в Воронеже занялся книжной торговлей. Он был одним из тех книжников на Руси, которые принесли в народ печатное слово. Его магазин-библиотека являлся культурным центром города (в прямом смысле – иных аналогичных заведений в Воронеже долгое время попросту не было). Здесь, в лавке на углу Сенной (затем её назвали Щепной) площади бывали все воронежские любители чтения. Часто посещал её И. С. Никитин – Иван Саввич и сам вскоре по примеру Кашкина завёл книжную лавку…

Воронежский общественный деятель М. Де-Пуле, собиравший материалы о Д. А. Кашкине ещё при его жизни, писал, что Кашкин «достигнул замечательных, по времени, успехов в самообразовании… он был оригинален, т. е. вполне самобытен, прям и, при случае, резок. Многие его побаивались, многие, конечно, не любили, но большинство уважало его, как человека с независимым характером… С таким-то человеком свела судьба юного Кольцова, – и понятно, что это знакомство было для нашего поэта первою образовательною школой». Добавим ещё одну деталь к характеристике торговца Дмитрия Кашкина – в своё время по делам хлебной торговли он частенько бывал в Одессе и, по утверждению профессора Ю. Г. Оксмана, был связан с одесским «Обществом Независимых», разделявшим идеи декабристского «Общества соединённых славян».

Воронежский старожил Ф. Д. Трясоруков вспоминал: «В 1825 году я видал в этой лавке мальчика лет 15-ти, небольшого роста, незавидной наружности, в нагольном засаленном полушубке, рассматривающего книги или читающего что-нибудь новое… Будучи сам страстным любителем чтения, я с особенным вниманием смотрел на него и, признаюсь, более потому, что наружность и костюм его не соответствовали такому занятию, особенно в то время. Видевши его часто в лавке, я скоро с ним сошёлся и узнал, что он сын нашего прихожанина, Василия Петровича Кольцова, прасола, человека самого простого образования, и что он как один сын у отца должен помогать ему по всем его торговым занятиям».

В романе воронежского писателя Владимира Кораблинова «Жизнь Кольцова» сцена встречи книгопродавца и будущего поэта – одна из начальных в повествовании. Хорошо знавший характер чернозёмного купечества, биограф даёт сочный портрет Кашкина, и, тем не менее, не теряет к нему симпатии, пишет так: «В его «кабинете» лет пять тому назад Кольцов прочёл первые поэтические опыты, те, которые Белинский потом назвал «чудовищными пиесами», и после читал всё, что бы ни сочинил, и Кашкин видел, как быстро растёт этот сероглазый мальчик, и с радостью после каждого удачного кольцовского стиха говорил, потирая руки:

– Эх, и силища зреет!…»

Прасольскому сыну Кашкин постоянно помогал советами и книгами (подающий большие надежды подросток мог взять в лавке на время любую книгу совершенно бесплатно), в придачу подарил ему «Русскую прасодию, или Правила, как писать русские стихи, с краткими замечаниями о разных родах стихотворений».

По словам литературоведа Н. Н. Скатова, «на протяжении пяти лет кашкинская книжная лавка была для Кольцова и училищем, и гимназией, и университетом, а сам Кашкин – литературным пестуном, наставником и критиком». Мать В. Д. Кашкина Любовь Васильевна была хорошо знакома с семьёй Кольцовых, во всех подробностях знала обстоятельства жизни родителей, сестёр Алексея Васильевича. Позднее Владимир Кашкин записал её рассказы о Кольцовых – их теперь используют в своих исследованиях самые авторитетные знатоки биографии народного поэта. Вот одна из таких записей: «Когда он попадал в приятное для себя общество, делался живым, подвижным, весёлым, много рассказывал, был совершенно откровенен и выкладывал перед слушателем все свои помышления, шутил, острил и т. д. Незнакомого общества как бы боялся и уходил в себя, как улитка в раковину… Бывал у нас совершенно запросто, т. е. во всякое время заходил и при отце и без отца, пили чай и пр. Отца он очень чтил и уважал, считал его как бы старшим».

Оставил воспоминания о Кольцовых и сам В. Д. Кашкин (ныне они хранятся в Институте русской литературы (Пушкинском доме) Академии наук). Например, он так вспоминал об отце поэта: «Василий Петрович был толстый, жирный, лоснящийся, ездивший всегда на беговых дрожках. Одевался он в длинный купеческий сюртук, а сверху – чуйка (длинный суконный кафтан халатного покроя, который носили купцы и мещане. – А.К.), подпоясанная кушаком; шаровары, конечно, в сапогах и т. д.»

Особая тема – сыновья Дмитрия Антоновича Кашкина.

Николай (родился в 1839 году) – играл на фортепиано, прекрасно пел, приятельствовал с Иваном Никитиным (вдвоём они вели литературно-музыкальные вечера в Во-

ронеже, один читал стихи, другой играл на фортепиано). Николай в юные годы замещал больного, ослепшего отца в книжной лавке, а потом уехал из родного города. Иван Никитин тогда упоминал о нём в одном из писем в Воронеж: «В Москву я приехал вместе с Н. Д. Кашкиным. Он – отличный малый, и я был душевно рад, если бы ему нашлось место приказчика в книжном или музыкальном магазине. При его способностях можно составить себе очень хорошую карьеру». В Москве Николай Кашкин брал уроки у пианиста и композитора А. И. Дюбюка, принимал активное участие в деятельности Русского музыкального общества, со временем стал музыкальным критиком и педагогом, профессором Московской консерватории, в 1875 году издал учебник элементарной теории музыки. В числе его друзей были П. И. Чайковский и А. Н. Апухтин.

Лев (по другим сведениям Леонид) – владелец книжного магазина и библиотеки в Твери, в 1916–1917 гг. состоял членом дирекции Орловского отделения Русского музыкального общества.

Александр – купец, гласный (т. е. депутат) Воронежской городской думы.

После смерти отца (умер в 1862 году) и брата Александра (умер в 1871 году), отъезда из Воронежа и других братьев, юный Владимир Кашкин перебрался в Москву, поближе к Николаю, и открыл на Лубянке книжный магазин и библиотеку. Но московская торговая среда не позволила крепко стать на ноги. Спустя несколько лет Владимир Кашкин вернулся в провинцию, но уже не на малую родину, а в Орёл. С 1880 года он жил здесь в Узком переулке Введенской улицы (кстати, одно время в этом же переулке квартировал Иван Бунин).

Сразу по приезде в Орёл, в мае 1880 года Кашкин подал прошение орловскому губернатору К. Н. Боборыкину с просьбой об открытии на улице Болховской в доме напротив Сретенской церкви книжного магазина с кабинетом для чтения (т. е. библиотеки). К прошению было приложено соответствующее свидетельство московского губернатора князя В. А. Долгорукого. Орловский губернатор наложил резолюцию: «Спросить московского обер-полицмейстера». Отзыв оказался вполне положительный: Кашкин политически благонадёжен. В том же году магазин принял первых покупателей (ныне это дом № 19 по улице Ленина).

С 1884 года книжный магазин Кашкина, помимо Орла, начал работать и в Курске. Ассортимент товаров был достаточно широк: книги, атласы, глобусы, карты, фотографии, гектографы, музыкальный инструменты, игрушки, канцелярские товары. Кашкин снабжал книгами библиотеки гимназии, кадетского корпуса, института благородных девиц. В 1900 году был издан каталог библиотеки Кашкина: более 6,5 тысячи книг, практически вся русская и мировая классика. Библиотека эта являлась платной: в зависимости от разряда (их было четыре) взнос составлял от 5 до 12 рублей в год (соответственно можно было брать на дом от двух книг в неделю до пяти). Занимался Кашкин и издательской деятельностью: вышли в свет музыкальные произведения, комплекты открыток с видами Орла. В «Материалах для описания Орловской губернии» (1905) было отмечено: «Кашкин Владимир Дмитриевич, владелец лучшего книжного и музыкального магазина в г. Орле, талантливый пианист и композитор, пользуется большой известностью в музыкальных сферах г. Орла».

Кашкин сочинял романсы («На заре», «Под твоим окном я тебе спою»), причём под псевдонимом. Орловские

любители музыки покупали инструменты непременно у него. Частенько бывал здесь и будущий композитор Василий Калинников (в 1884 году он писал матери своей невесты Н. С. Ливановой в Дмитровск: «Вам же самим ехать в Москву за роялью не стоит… уж лучше съездить в Орёл и купить новый у Кашкина»).

Кстати, Кашкины сыграли особую роль в творческой судьбе Калинникова. Когда будущий композитор поехал в Москву поступать в консерваторию, с него за первый год обучения потребовали 200 рублей. Он дал телеграмму отцу, но пришедший вскоре ответ, как и ожидалось, оказался неутешителен. Вот как описывал Василий дальнейшие события в письме отцу из Москвы в августе 1884 года (пунктуация подлинника сохранена): «Ехать домой мне казалось немыслимым. Пошёл за советами к Евлановым. Те приняли меня, обласкали и успокоили. Долго обсуждали моё положение, наконец решили идти мне к профессору Кашкину, который, говорят, добрый человек и покровительствует беднякам. Ольга Вас[ильевна] говорила, что он вообще любит земляков (ибо он тоже орловец), и потому сильно надеется на успех. Тем более что Кашкин имеет большой вес в консерватории. Я поблагодарил их за совет и отправился к Кашкину, имея впрочем очень мало надежды. Днём не застал его дома, я застал его уже вечером. Вошёл в переднюю и испугался. Слёзы почему-то полились, мысли спутались… Вышел Кашкин. Я объяснил ему, кто я, и рассказал своё положение со слезами. Он позвал меня в кабинет, и мы начали толковать. Он очень и очень любезно и ласково говорил со мною, так что я говорил с ним, как с отцом»…

Николай Дмитриевич под свою ответственность «устроил» орловского самородка в музыкальный вуз, и в одном из

последующих писем Василий Калинников писал в Орёл: «По теории, моей специальности, я учусь у Кашкина, который прекрасно говорит лекции и вообще благороднейший и добрейший человек». А в 1901 году в «Русской музыкальной газете» В. Д. Кашкин опубликовал свои воспоминания о Василии Калинникове, к тому времени уже ушедшему в мир иной. В 1921 году в книге «Русская поэзия в русской музыке» Борис Асафьев писал о Калинникове: «Это – Кольцов русской музыки с той разницей, что родиной его была не Воронежская, а Орловская губерния». Кольцов, Калинников, Кашкины – очень тесен мир русской провинции…

Более 25 лет Владимир Дмитриевич Кашкин был гласным Орловской городской думы, в 1887 году его избрали казначеем комитета народных чтений. Состоял В. Д. Кашкин и в обществе любителей изящных искусств, немало сделал для организации в Орле выставки художников-передвижников (декабрь 1896 – февраль 1897 года).

Владимир Дмитриевич Кашкин умер 8 июня 1913 года в селе Хотетове под Орлом. Вся жизнь его была каждодневным трудом. И подвигом духовным. В то время, когда отпрыски богатых семей затевали «хождение в народ», Владимиру Кашкину, впрочем, как и его отцу, как брату Николаю, не требовалось придумывать никаких планов путешествия в глубинку. Они всегда работали на благо просвещения, помогали встать на крыло талантам из народа – помогали без показной патетики и революционной бравады. Прошли многие десятилетия, и этих людей мы теперь по праву называем родоначальниками русской провинциальной интеллигенции.

ВЛАДИМИР ЯКОВЛЕВИЧ ЗАКС

Владимир Яковлевич Закс родился 21 июня (по старому стилю) 1885 года в городе Порхове Псковской губернии в семье врача. Два года учился в 6-й Петербургской гимназии, которая размещалась в здании министерства народного просвещения и имела филологический уклон. Среди выпускников гимназии – библиограф И. А. Бычков, поэт С. М. Городецкий (учился с разницей в один год с Заксом), чекист В. Р. Менжинский, искусствовед А. А. Павловский, директор Публичной библиотеки в Петрограде Э. Л. Радлов и десятки других крупных деятелей науки и искусства.

Затем Владимир Закс шесть лет учился в Псковской гимназии. Окончил её в июне 1903 года, поступил на отделение естественных наук физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Окончил его с дипломом 2-й степени по специальности «биология».

В Санкт-Петербурге Закс женился на Елене Владимировне Поссе (1888–1969). Её отец Владимир Александрович Поссе (1864–1940) – публицист, переводчик, общественный деятель. В эмиграции в Лондоне в начале XX века издавал журнал «Жизнь», выпустил ряд брошюр. Вернувшись в Россию, издавал «Библиотеку рабочего», редактировал газету «Трудовой союз», затем издавал журнал «Жизнь для

всех», который в 1918 году был закрыт ВЧК в числе «буржуазных и мелкобуржуазных изданий». В журнале печатались Л. Н. Толстой, М. Горький, И. Г. Эренбург.

Весной 1918 года В. А. Поссе возглавил отдел коллективных хозяйств Наркомата земледелия, но после поездки по губерниям отказался от этой должности. Весной 1922 года совершил поездку в Поволжье от ЦК Помгола. Автор мемуаров (1923–1933).

Несомненно, семья Поссе, а также сотрудничавшие с изданиями В. А. Поссе литераторы, публицисты и учёные оказали мощное воздействие на становление будущего библиографа Закса. Так, например, руководителем отдела самообразования в редакции журнала был известнейший книговед, библиограф, писатель Н. А. Рубакин (1862–1946). Его книга «Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы (Опыт статистической характеристики сословно-классового населения русского государства» (СПб., 1912), без сомнения, определила и круг интересов молодого исследователя Владимира Закса. Уже в следующем, 1913 году бесплатным приложением к «Жизни для всех» вышла книга «Начатки познания России» В. Я. Закса и С. А. Басова с иллюстрациями А. В. Барченко [2]. Кратко расскажем о сотоварищах по созданию книги – это были незаурядные, выдающиеся люди.

Сергей Александрович Басов (Басов-Верхоянцев) (1869–1952) – уроженец Тульской губернии. Дебютировал, как лирический поэт при содействии И. А. Бунинав газете «Орловский вестник» (1892). Автор стихотворных сказок «Конёк-Скакунок» (её высоко оценивал В. И. Ленин), «Чёрная сотня», «Сказка дядюшки Тараса», «Король Бубен» и других.

Александр Васильевич Барченко (1881–1938) – уроженец Ельца. Был известен не только как художник и писатель,

но и как оккультист, гипнотизёр, исследователь телепатии (в 1920-е гг. занимался этой тематикой в спецотделе ОГПУ).

Книга начиналась словами: «На карте земного шара Российская империя лежит в виде бесформенной исполинской глыбы, удлинённой с запада на восток. По размерам своим она является одним из самых больших государств мира и уступает по величине только Великобритании» [2, с. 3]. А вот начало «земледельческого» раздела: «Россия искони была земледельческой страной. Её равнины, плодородие чернозёмных земель, почти полное отсутствие полезных ископаемых в центральной части, заселённой значительно раньше окраин, – всё это способствовало развитию земледелия… Земледелие является в России тем основанием, на котором утверждаются все другие отрасли промышленной деятельности населения» [2, с. 198].

Много внимания в издании было уделено экономике: главы «Кредит», «Взаимопомощь» (кооперация и профсоюзы), «Общий народный доход и его распределение», «Обрабатывающая промышленность и горное дело». Имелась масса цифровых сравнений по регионам России, с другими странами.

При всей познавательной нацеленности книга содержала немало острых социально-политических граней. Так, с искренней болью говорилось, например, о нерешённости в России земельного вопроса. Или о громадном отставании просвещения простого народа. Приведя в соответствующей таблице ряд убедительных цифр, авторы подытоживали: «Как видно из этой таблицы, огромное большинство учащихся нашей средней школы – дети дворян, чиновников и купцов (4/5), тогда как крестьяне составляют едва 1/10 всех учеников» [2, с. 189–190].А вот завершающие книгу

слова, которые служили комментарием к таблице с данными о доходах на душу человека в восьми ведущих странах мира: «Русский, как видно из приведённых цифр, самый бедный человек среди всех обитателей цивилизованных стран» [2, с. 302].

В книге «Начатки познания России» Закса и Басова современный читатель найдёт подробнейшую картину хрестоматийного известного 1913 года – с чем Россия вступила в полосу войн и революций. Что же предлагали авторы? Самые радикальные призывы – развивать кооперацию и профсоюзы. В какой-то мере это отражало общую растерянность русской интеллигенции, не знавшей тогда, что же всё-таки делать?..

Так совпало, что в том же, 1913 году семья Заксов переехала в Воронеж. В это время здесь создавался первый в Черноземье сельскохозяйственный институт. Владимир Закс стал первым библиотекарем, а затем директором библиотекиСХИ имени Императора Петра I. Закс заложил основы первой в обширном регионе вузовской библиотеки, внёс большой вклад в развитие библиотечного дела и библиографии всего Черноземья.

Человек широко образованный, владеющий иностранными языками, Закс сумел создать обширную фундаментальную библиотеку, в условиях мировой войны наладил связи с зарубежными странами по обмену литературой. Большую ценность для института представляли собрания фирменных каталогов и иностранных журналов за сто лет.

Основные свои интересы сам Закс определял как библиотековедение и библиография. Он активно занимался регистрацией литературы по проблемам сельского хозяйства России и внёс значительный вклад в развитие краеведения.

В мае 1918 года в Воронеже при Союзе инженеров и техников была организована Вольная Ассоциация, которая для экономического исследования Воронежского края предложила составить библиографический указатель литературы, отражающий экономико-хозяйственную сторону жизни губернии.

В библиографию включались книги, брошюры и статьи из журналов и газет. Литературный материал в основном охватывал период последних пятидесяти лет с включением небольшого количества изданий более раннего времени. Задача ассоциации состояла в регистрации статистической и экономической литературы, но в процессе работы составителям(их было 14, в том числе Владимир Закс и его супруга) пришлось включить в указатель некоторые книги исторического характера, содержащие ценные сведения и имеющие отношение к географии, геологии, медицине, народным промыслам, климату, торговым отношениям, сельскому хозяйству и многому другому. В перечень были включены книги, целиком посвящённые изучению Воронежской губернии, и книги общего характера, косвенно затрагивающие край. Для составления «Woronica» [5] были просмотрены книги из библиотек губернского земства, сельскохозяйственного института; музея и ряда частных.

Книга вышла в 1919 году, тираж составил всего 200 экземпляров.В предисловии отмечалось, что книгохранилище и публичная библиотека не могли быть использованы во всей полноте, потому что затруднён доступ к книгам, которые в силу неразберихи послереволюционных лет были разбросаны по нескольким зданиям и не разобраны. Всего в указателе насчитывалось 1365 названий. Составители отмечали также то, что библиографический указатель пе-

чатается в сокращённом виде, в будущем предполагалось издание в значительно расширенном и дополненном виде. К каждой книге и статье планировалось добавить краткую характеристику и содержание, а также систематизировать позиции по темам.

Масштабность интересам и планам Владимира Закса, конечно же, придавало негласное интеллектуальное соревнование с братом Артом.

Арт Закс (1878–1938) был одним из организаторов Центрального музейно-экскурсионного института в Москве (1921–1923), а затем – Бюро школьных экскурсий Наркомпроса (1923–1930) и Центральной детской экскурсионной станции. В 1923–1931 гг. возглавлял Институт методов внешкольной работы и Центральную опытно-показательную экскурсионную базу Наркомпроса.

Как знатоку литературы о крае Особая комиссия по восстановлению ЦЧО при Госплане РСФР поручила Владимиру Заксу создать указатель литературы по Центрально-Чернозёмной области.

В 1925 году он начал работу над этим указателем. В самые сжатые сроки им был собран огромный материал, имеющий большую научную ценность.

В 1928 году в Воронеже был издан первый том указателя [3], второй том вышел в 1931 году [4]. Библиографический материал, представленный в указателе, касался Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской губерний – местностей, вошедших в ЦЧО.

В указателе было учтено около 11,5 тыс. книг, статей из сборников, журналов, докладов губернских и уездных земств. Весь материал разбит на большие разделы, содержащие литературу, посвящённую изучению климата, полезных

ископаемых, почв, флоры и фауны, садоводству и огородничеству, полеводству, лесоводству, статистике, промышленности, кооперации, торговле, строительству и другим отраслям хозяйства обширного региона.

Для современных специалистов библиографии интерес представляет то, что Закс расписывал в 1-й части указателя (5728 пунктов) источники не строго хронологически, а по периодам в десять лет, причём первый период всегда был больше десяти лет, а последний равен всего шести годам. Это давало большую экономию места.

По Орловской губернии были использованы: «Бюллетень Орловского губстатбюро», «Вестник Орловского общества сельского хозяйства», «Известия Общества для исследования природы Орловской губернии», «Известия» и «Труды» Шатиловской опытной сельскохозяйственной станции, издававшиеся в Орле и Ельце одноимённые журналы «Наше хозяйство».

Основной трудностью для составителя оказалась «громадность» материала, содержавшегося в земских изданиях. Поэтому он не делал роспись приложений к докладам.

В предисловии к первому тому (тираж 850 экземпляров) Закс жаловался на бесконечные трудности в отыскивании материала в провинции (но дело, конечно, было не только в провинции – сказывались, в первую очередь, революция, две войны, разруха и нищета). Звёздочкой отметил все те издания, которые не видел лично. Была сохранена орфография подлинника. Не упускались из виду и географические рамки, так, буква О в квадратных скобках означала, что материал данной статьи относится к Орловской губернии.

Закс сообщал читателям, что даже во время печати первого тома нашлось ещё 200 пунктов дополнений, и эти запи-

си были в итоге даны приложением. Особо извинился за то, что изначально не использовал сборник «Природа Орловского края» под редакцией В. Н. Хитрово.

Составитель призвал специалистов участвовать в исправлении ошибок, для этого дал свой рабочий адрес (ВСХИ).

Во втором томе (нумерация была продолжена – последняя запись под № 11541) в предисловии «От составителя» было отмечено, что книга «задержалась» в типографии около двух лет. Закс обещал к началу 1932 года сдать в печать ещё один том, охватывающий период с 1926 по 1930 гг. включительно, но признавал, что надежды на издание 3-го тома нет. Не удалось ему тогда напечатать предметный указатель и полный перечень периодических изданий. Зато был составлен внушительный по объёму указатель авторов – на 20 страницах убористого шрифта в три колонки. «Орловские» имена в нём Н. Азбукин, Г. Беннигсен, С. С. Бехтеев, С. Н. Введенский, П. Лисицын, В. В. Петиков, В. Петрищев, А. Г. Пупарев, Н. Русанов, А. С. Тарачков и множество других.

Несмотря на очевидные заслуги, Закс попал в разряд «неблагонадёжных». В июле 1930 года у него дома прошёл обыск по делу «Трудовой крестьянской партии». Тогда обошлось без последствий, но 28 апреля 1935 года Закса арестовали [Подробнее см.: 1]. Допрашивали и жену. Особое совещание при НКВД 29 июля 1935 года приговорило его к ссылке на три года в Казахстан – в Алма-Ату, а затем в Кустанай. Работал там картотетчиком-таксатором в областном аптекоуправлении. 15 ноября 1937 года был арестован повторно. Якобы участвовал в конспиративных встречах. Расстрелян 27 ноября.

Почти 20 лет спустя после его гибели, 7 июля 1957 года, определением Военного трибунала Воронежского военного

округа постановление от 29 июля 1935 года было отменено, дело за недоказанностью обвинения прекращено. Полная реабилитация состоялась в конце 1970-х гг.

«Указатель литературы о природе и хозяйстве Центрально-Черноземной области», подготовленный Заксом, и ныне является одним из основных источников для изучения экономики, природы, сельского хозяйства, истории Черноземья XIX – первой четверти XX вв. Этот фундаментальный труд принёс ему славу «лучшего знатока литературы по ЦЧО».

Примечания

1. Акиньшин А. Н. Подозрительные краеведы: (Воронежские библиографы В. Я. Закс, В. В. Литвинов) // Библиография. – 1993. – № 2. – С. 83–88.

2. Басов С. А., Закс В. Я. Начатки познания России: с картой Российской империи. – СПб.: Издание «Жизни для всех», 1913. – 302 с.

3. Указатель литературы о природе и хозяйстве Центрально-Черноземной области, 1800–1925: [в 2 т.]. Т. 1 / Госплан РСФСР. Особая комиссия по восстановлению ЦЧО. Воронежское бюро; сост. В. Я. Закс. – Воронеж: Облплан, 1928. – XY, 326 с.

4. Указатель литературы о природе и хозяйстве Центрально-Черноземной области, 1800–1925: [в 2 т.]. Т. 2 / Областная плановая комиссия ЦЧО; сост. В. Я. Закс. – Воронеж: Облплан, 1931. – 287, Y с.

5. WORONICA: перечень литературы, имеющей отношение к экономической и хозяйственной жизни Воронежской губернии. – Воронеж: Издательство Воронежского Союза Потребительских обществ, 1919. – 71 с.

МИХАИЛ КОЗЬМИЧ ХЛОПЦЕВ

Судьба Михаила Козьмича Хлопцева во многом типична для русской интеллигенции начала XX века. Верные идеалам просвещения, деятельные и озабоченные благом всего общества, они были полны надежд на развитие провинции, однако в годы социально-политических потрясений оказались в числе «бывших людей», были лишены практически всего и незаметно для мира закончили свой земной путь.

Родился Михаил Хлопцев 22 января 1873 года в селе Знаменском Липецкого уезда Тамбовской губернии в семье бывшего крепостного крестьянина. Отец отдал его на учёбу в Задонское духовное училище. По его окончании 14-летний юноша поступил в Воронежскую духовную семинарию. Завершив здесь учёбу в 1893 году, на протяжении пяти лет служил надзирателем Воронежского духовного училища, затем был назначен настоятелем Покровской церкви в селе Остренькое Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии.

В одном из писем Хлопцев вспоминал: «С 15-летнего возраста я полюбил книгу и начал покупать книги. Учась и содержа себя уроками, я покупал книги, сначала медленно, за скудостью средств, но с 20 лет – усиленно. За 30 дет я приобрёл библиотеку, состоявшую из всех русских писателей, иностранных (в переводе) и по всем отраслям знания. Не только корифеи науки и литературы, но и третьестепенные их представители занимали место на полках моей библиотеки, переплетённые, занумерованные, тщательно и с любовью читанные и перечитанные и мною, и всеми моими знакомыми. В библиотеке были и редкости, а также

и рукописи. Для меня не было такой дорогой книги, которую я не купил бы, лишь бы она стоила того по своему содержанию. В библиотеке был целый отдел революционной литературы заграничного и подпольного происхождения. Там были и легальные издания, например, «Былое», воспитавшие и вдохнувшие энергию рассказанной правды тысячам. Наконец, там были и мои рукописи, черновики и бесчисленные заметки по сельскому хозяйству» [1].

Заметим, что себя Хлопцев называл «хозяином-практиком и сельскохозяйственным писателем». Он активно занимался агрономией, его статьи печатались в петербургских журналах «Хутор», «Хуторское хозяйство» (в том числе в 32-х номерах – очерк «Из практики моего хозяйства»), московском журнале «За трезвость», в елецком журнале «Наше хозяйство», а также в других журналах и газетах («Вестник воспитания», «Дон», «Биржевые ведомости» и др.).

Так, накануне революции 1917 года в нескольких десятках номеров журнала «Наше хозяйство» печатались с продолжением очерки Хлопцева «Записки сельского хозяина». Речь шла о том, как обычный сельский священник распорядился предоставленными ему государством 33 десятинами земли. Он не сдал их в аренду, а постепенно создал на этом участке образцовое хозяйство, которое со временем стало обеспечивать хозяев из Воронежской, Орловской, Курской и Тамбовской губернии элитными семенами и посадочным материалом. Приведём отрывки из тех публикаций.

«Собравшись с духом и собственными мыслями, я начал свой выезд и набег на представителей хозяйства. Передо мной проходила целая галерея живых и в высшей степени оригинальных портретов и даже типов, которые так и просились на бумагу для их увековечения. Да и себя я не забыл при-

числить в этой галерее с милым Павлом Ивановичем Чичиковым, хотя цель его и моих знакомств была различна. Долго я путешествовал по уезду, о многом говорил, много расспрашивал и узнавал. Духовенство давало мне разные советы, но все заявляли, что полевое хозяйство только разоряет…» [2]

«Вспомнил я про данный мне помещиком каталог книг по хозяйству, развернул его и весь погрузился в его изучение. Боже мой! Сколько книг, сколько плакатов, сколько журналов выходит ежегодно! И все про хозяйство. Мне хорошо известна литература по многим наукам, и эту литературу я имею в своей библиотеке. Философия, психология, зоология, даже астрономия, которая вертится в бесконечном неисследованном небесном пространстве, – все они и многие другие науки не имеют такой обширной литературы, как сельское хозяйство» [3]. Далее следовал подробный разбор изданий сельско-хозяйственной тематики, того, насколько они применимы в повседневной практике. В итоге автор высказал массу критических замечаний по целому ряду конкретных книг и пособий.

Конечно, автор очерков в елецком журнале имел полное право выносить свои суждения на общественный суд. Ведь сам он был к тому времени обладателем весьма солидного книжного собрания. Хлопцев писал: «Моя библиотека была полна, красива, содержательна и полезна всем желавшим и любившим книги, как и мой небольшой домашний садик, взращенный лично мною, – в нем было всё красиво, богато и полезно для всех. В книгах, садике было все мое богатство духа, богатство и содержание жизни, вся моя любовь, утешение, радость, дававшие мне силу и охоту быть полезным другим. В моём небольшом хозяйстве перебывали десятки агрономов, фотографировали, узнавали, брали экспонаты

для выставок, в сад присылали даже студентов Сельскохозяйственного института в Воронеже для справок практического характера» [4].

Идиллия закончилась после революции 1917 года. В ноябре следующего года был издан декрет Совнаркома «О порядке реквизиции библиотек, книжных магазинов и складов и книг вообще». Хлопцев вспоминал: «Явились двое, посланные из отдела народного образования; они грубо перевязали бечёвкой мои шкафы и варварски намазали на дорогих изящных шкафах горячий сургуч, и приложили печать. Я писал и просил возвратить мне, как сельскохозяйственному писателю, хотя бы часть моей библиотеки, хотя бы справочные издания. Ответом был увоз библиотеки из моего дома на нескольких подводах в Нижнедевицк, в библиотеку. Здесь моя библиотека долго лежала на полу; публика по книгам ходила; книги оказались разрозненными, попорченными; рукописи пропали. Тот, кто сам собирал 30 лет сокровище и вдруг потерял его без пользы для другого, тот поймет всю скорбь, страдание, которое я пережил и переживаю до сих пор, не имея под рукой и десятка книг» [5].

В ноябре 1925 года Хлопцев был лишён избирательных прав. Он продолжал службу в храме. Тогда священника обложили неподъёмным налогом и за долги затем отобрали всё имущество. Изложив эти факты в своём обращении в Священный Синод православных церквей, Михаил Козьмич закончил просьбу о помощи такими словами: «В квартире стоит один стул и кухонный стол, посуда, книги, бельё – всё лежит на полу единственной комнаты; продуктов очень мало; дети без молока, т.к. базаров у нас нет и купить сейчас в селе труднее, чем в городе; вся семья спит на полу» [6].

Удивительно, но даже в этих нечеловеческих условиях Хлопцев не оставлял надежды снова собрать библиотеку. Против него дважды возбуждали уголовное дело, в итоге в 1930 году Хлопцев с семьёй вынужден был покинуть свой храм (тот был закрыт) и переехал в Орёл. Бывший священник организовал здесь производство свечей для церковных нужд, но вскоре вынужден был отойти от дел. В Орле он продолжал на свои мизерные доходы покупать книги.

6 февраля 1935 года Михаил Козьмич умер. Его вдова, Евдокия Ивановна, с дочерьми Ириной и Валентиной, уехала в Воронеж, куда забрали личную библиотеку. Однако и это собрание книг постигла печальная участь: они погибли в 1942 году, когда Воронеж стал центром многодневных боевых действий.

Михаил Козьмич Хлопцев – даровитый русский самородок, предприниматель и просветитель, человек бескорыстно и трепетно любивший книги. Могила его в Орле не сохранилась до наших дней, но важно, чтобы осталась память для будущих поколений.

Примечания

1. Плач по погибшим книгам / Публикация А. В. Блюма; послесловие А. Н. Акиньшина и А. В. Блюма // Филологические записки (Воронеж), 1996, вып. 6, с. 227.

2. Наше хозяйство (Елец), 1916, № 13, с. 7.

3. Наше хозяйство (Елец), 1916, № 14, с. 4.

4. Плач по погибшим книгам… С. 227–228.

5. Там же.

6. Там же. С. 231.

ВИТАЛИЙ ГЕОРГИЕВИЧ СИДОРОВ

Подвижник орловской культуры и краеведения, видный деятель библиотечного дела Виталий Георгиевич Сидоров родился в Орле 7 декабря 1930 года в семье служащих. Окончил среднюю школу № 19 в 1949 году, Московский государственный библиотечный институт в 1953 году (МГБИ, ныне Московский государственный университет культуры). По распределению Министерства культуры РСФСР был направлен на работу в Орловскую областную библиотеку имени Н. К. Крупской.

В 1952–1953 гг. в орловскую библиотеку приехали выпускники МГБИ А. И. Каржаневич, М. И. Шуф, Р. С. Мухина, М. Н. Беспалов, Э. К. Виноградова (Беспалова), И. И. Ковалёва (Самодурова), выпускница ЛГИК Г. М. Коган (Шевелева). Эти годы были интересными и напряженными. Книжный фонд библиотеки сильно пострадал во время Великой Отечественной войны, в первое послевоенное время он комплектовался стихийно: сохранились в разрозненном виде ценные части старого фонда, в том числе книги и периодические издания XIX века. Что-то было собрано в разрушенных зданиях, сами орловцы приносили в библиотеку найденные книги. Помощь оказывали и коллеги из тех республик и областей, которые не пострадали от войны и собирали фонд помощи библиотекам, бывшим на оккупированной территории. Всё это требовало приведения в систему, усиленного внимания к каталогизации отдельных частей фонда и созданию новых каталогов.

Сидоров вначале занимал должность заведующего методическим кабинетом, затем возглавлял научно-методический и справочно-библиографический отделы. В библиотеке для скорейшего пополнения кадрами книгохранилищ области, прежде всего районных и сельских, были организованы и проводились в эти годы десятимесячные курсы на базе среднего образования – все специалисты библиотеки стали преподавателями (в том числе и Сидоров). В указанном партийным руководством русле пропаганды библиотечно-библиографических знаний в 1950-е гг. Сидоров стал печатать статьи и заметки в «Орловской правде» и «Орловском комсомольце», а также статьи об истории библиотек Орла (в соавторстве с заместителем директора библиотеки имени Н. К. Крупской М. Н. Беспаловым: К истории областной библиотеки // Орловский комсомолец, 1955, 5 июля; Из истории библиотеки имени И. С. Тургенева //Орловский комсомолец, 1956, 5 февр. и т. д.).

Сотрудники часто выезжали в командировки в районы области, причём командировки касались не только сугубо библиотечных вопросов, но и массово-политической работы, организации уборки урожая, кинофикации и лекционного обслуживания населения. Много времени и сил отнимало строительство нового здания библиотеки (введено в строй в 1958 года), однако решение вопроса достойного размещения книжного фонда в итоге позволило поставить библиотечную работу на необходимую высоту. Сидоров исполнял обязанности заместителя директора, с 1967 года по 1991 года являлся директором областной библиотеки. Благодаря его профессионализму, страстной преданности библиотечному делу и трудолюбию главная библиотека региона сформировалась и развивается как интеллектуальный, информационный и культурный

центр. Под руководством Сидорова библиотека за лучшую постановку обслуживания населения была награждена переходящим Красным знаменем Министерства культуры РСФСР.

Лично мне довелось познакомиться с Виталием Георгиевичем во второй половине 1980-х годов. По темам своей журналистской работы в идеологическом отделе «Орловской правды» (культура, просвещение, исторические даты, военная патриотика и т. д.) я постоянно нуждался в консультациях специалистов, знатоков местной истории. В то время общался с В. А. Громовым, В. А. Власовым, Л. В. Дмитрюхиной, П. В. Сизовым, В. П. Ерёминым, В. А. Ливцовым, нередко заходил в музеи и архивы. Конечно, возникали и такие вопросы, за ответом на которые я обращался к директору библиотеки Сидорову – или звонил по телефону, или заглядывал на четверть часа в его микроскопический служебный кабинет.

Помнится, общение с Виталием Георгиевичем поначалу было непростым. Он достаточно сдержанно отвечал на дилетантские вопросы, не чувствовал во мне «своего брата-краеведа», быть может, даже с опаской смотрел на молодого журналиста, который так и ищет какую-нибудь сенсацию на ровном месте. Постепенно всё стало на свои места – Сидоров прочитал мои первые публикации на краеведческие темы, при встречах высказал свои оценки и советы на будущее. Так я был принят в сообщество «Орловского библиофила». О нём надо сказать особо.

Будучи редким книголюбом, блестящим знатоком книжной культуры. Виталий Георгиевич в 1980 году вместе с орловским библиофилом А. С. Захаровым организовал при областной библиотеке книжно-краеведческий клуб «Орловский библиофил», с 1991 по 2008 год на общественных началах являлся бессменным председателем клуба. За три десятиле-

тия клуб стал заметным общественным институтом, играющим важную роль в исследовательской работе, распространении историко-краеведческих, книговедческих знаний. На заседаниях клуба рассматривались различные краеведческие вопросы, обсуждались книги исследователей региональной истории. Перечислим темы ряда выступлений Сидорова на заседаниях клуба «Орловский библиофил»: «Орёл в старинных книгах XVIII века» (май 1980 года), «Редкие книги и рукописи в фондах областной библиотеки имени Н. К. Крупской» (июль 1980 года), «Орловские прижизненные издания произведений В. И. Ленина» (сентябрь 1982 года), «Орёл в открытках и старых книгах» (ноябрь 1982 года), «Книги, опалённые войной» (август 1983 года), «Орёл и Мценск накануне революции» (октябрь 1987 года), «Сокровища областной библиотеки имени Н. К. Крупской» (декабрь 1987 года), «Чтение и распространение книги в Орловской губернии в конце XIX – начале XX вв.» (февраль 1988 года), «Памятные книжки и адрес-календари Орловской губернии» (апрель 1991 года), «Старый Орёл глазами очевидцев» (декабрь 1991 года), «История орловских кладбищ» (декабрь 1992 года), «Орловское общество середины XIX столетия по рукописным и печатным источникам» (октябрь 1994 года), ««Орловским епархиальным ведомостям» 130 лет» (январь 1995 года), «История благотворительности на Орловщине» (декабрь 1995 года), «История помещичьих усадеб Орловского края и судьба их библиотек» (февраль 1997 года), «Орловская областная библиотека в годы Великой Отечественной войны» (апрель 2006 года), а также выступления, посвящённые орловским краеведам Г. М. Пясецкому, А. Г. Пупареву, П. И. Кречетову и другим.

Когда я стал членом клуба «Орловский библиофил», в мой домашний почтовый ящик регулярно стали приходить

конверты с повесткой очередного заседания (тогда телефоны были далеко не у всех, о заседаниях информировали по почте, благо, конверт стоил пять копеек). Более того, Сидоров дублировал приглашение и по телефону, дружески высказывая просьбу, чтобы я написал по итогам предстоящего заседания клуба в газету. Увы, у меня почему-то хватало других забот. Сборы книголюбов казались скучноватыми по сравнению с иными событиями в городе той бурной поры. В итоге я частенько пропускал встречи, а заметку мимоходом просил написать нашу активную внештатницу Евгению Неделину. Это была удивительная русская женщина, которых не часто встретишь: скромная, вдумчивая, искренняя, всей душой преданная орловской старине. Свои заметки из библиотеки она подписывала псевдонимом «Е. Михайлова». До сих пор не верится, что Жени-Женечки так давно нет с нами…

На моё удивление, Сидоров весьма спокойно реагировал на «прогулы», просто в очередной раз при встрече напоминал: «Обязательно приходите, Алексей Иванович! Будет интересно, это как раз по вашей теме». Я ушёл из «Орловской правды», занимался издательским делом, «информационных поводов» стало поменьше. И походы на «Орловский библиофил» теперь казались мне куда нужнее: здесь виделся со всеми краеведами, узнавал много нового и полезного. Более того, когда стал работать на областном радио, брал с собой и репортёрский магнитофон, записывал выступления на плёнку и на их основе делал сюжеты для воскресных радиопередач. Так стал завсегдатаем «Библиофила» и уже рисковал иногда выступить с небольшими сообщениями на заседании клуба.

Когда весной 1994 года я стал работать в пресс-службе областной администрации, походы на заседания «Библио-

фила» оказались желанной и долгожданной отдушиной: после служебных забот так благостно было вынырнуть в тихие сумерки из бокового выхода Дома Советов (заседания проходили по вторникам в пять часов вечера) и спустя пять минут оказаться в привычном зале, среди живых летописцев Орловщины. Наши новые книги, архивные находки, привезённые издалека издательские новинки, журнальные публикации в столицах, замыслы, идеи, уточнения и подсказки, споры – настоящее пиршество!

После выхода на заслуженный отдых Виталий Георгиевич продолжал трудиться в библиотеке ведущим библиографом-краеведом. Напомню, что дата его рождения практически совпала с тем рубежом, который у нас в стране многие десятилетия с пафосом называли годом «Великого перелома». А ведь были ещё и две мировые войны, революция, Пролеткульты, ревтрибуналы, Союзы безбожников, «тройки», хрущёвский смерч, порушивший немало церквей, «социалистическая реконструкция городов»…

Эти события еще в юные годы многое определили во взглядах и логике поступков будущего библиофила. Увидев, как рушится привычный мир, он волей-неволей стал Хранителем. Утрачены были усадебная культура, губернский Орёл, довоенный Орёл. Утрачены, но Сидоров их сохранил. Точнее сказать, как археолог нашёл и сберёг детали потерянного: старинные открытки и фотографии, газеты, книги, визитные карточки… Главным увлечением стало коллекционирование почтовых открыток с видами городов Орловской губернии, значков, медалей, жетонов с орловской тематикой.

Материалы его коллекции, главным образом уникальные открытки, которых насчитывается около тысячи, широко используются исследователями, журналистами для иллюстра-

ции статей и очерков, книг, буклетов, подготовки телепередач. Сидоров вёл рубрику «Памятные места Орла» в телепередаче ОГТРК «Музикон». Основной темой краеведческих исследований Сидорова являлась история библиотечного и книжного дела в Орловском крае. В местной периодической печати им систематически публиковались статьи по эти вопросам, которые впоследствии вошли в различные сборники.

Вспоминаю, с каким интересом мы, орловские краеведы и библиофилы, общались с книголюбами всей страны, когда в мае 1996 года они съехались на большую встречу в Бунинке! Неофициально форум был приурочен к 60-летию Олега Григорьевича Ласунского, не менее важную роль сыграло и всеобщее стремление побывать в гостях у Сидорова. Признаюсь, в приватных юбилейных мероприятиях я тогда «по малолетству» не участвовал. Зато при возможности вовсю общался и с Ласунским, и с другим воронежцем – Александром Николаевичем Акиньшиным, и с питерскими книголюбами. Я рассказывал им о своих находках, о планах (у меня к тому времени вышла в свет первая книга и вчерне была готова кандидатская диссертация). Старшие коллеги при общении в Бунинке не просто поддерживали или приободряли меня, их доброе отношение буквально окрыляло – именно в эти дни родился замысел написать вторую книгу («Время странствий: эпохи и судьбы»). Лихие 90-е – так сейчас говорят о том очень трудном времени. Но в том времени были настоящие люди, и была неповторимая атмосфера искреннего, полного идей и полёта мысли общения…

Виталий Георгиевич, видя, как я вышел на широкую дорогу краеведческого писательства, буквально взял надо мной шефство. Помогал найти тот или иной раритет, статью в старом журнале, разобраться в загадках библиографии, со-

риентироваться в дореволюционных энциклопедиях. А узнав, что я задумал книгу о Ростопчине, категорично сказал: «На днях жду вас с полным списком предполагаемых источников – работать так работать». И вот я собираю из всех своих разрозненных записей, ксерокопий чужих статей, библиографических справочников солидную картотеку (под сто наименований) книг, где есть существенный материал о Ростопчине. Оставляю Сидорову, а день или два спустя он приглашает меня в библиотеку и демонстрирует несколько стопок старых-старых книг: это и есть те самые книги. И извиняется: примерно пятой части искомых раритетов просто нет в фондах Бунинки, погибли в годы войны.

Я с головой окунаюсь в это обилие текстов XIX века, быстро продвигаюсь в написании книги. И даже отсутствие некоторых томов и журналов почти не останавливает: обращаюсь к сестре Людмиле, которая работает в библиотеке Воронежского университета, там в фонде редких книг находится почти всё остальное… Так рождалась «Жизнь Ростопчина».

Сидоров был консультантом серии «Золотая книга Орловщины», выпущенной частным издателем А. В. Воробьёвым. Её целью стало введение в научный оборот и представление широкому кругу читателей практически незнакомых и недоступных прежде публикаций по истории Орловского края (в 2000–2005 гг. увидели свет десять выпусков серии). Сидоров – инициатор переиздания ряда редких книг, в частности, «Истории города Орла» Д. И. Басова, сборника «Былые чудаки в Орловской губернии», брошюры, посвящённой празднованию на Орловщине 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина.

На протяжении многих лет Виталий Георгиевич принимал участие в издании справочников, указателей област-

ной библиотеки – в качестве составителя, редактора, а также в качестве консультанта или рецензента готовящихся к печати работ сотрудников библиотеки. При его непосредственном участии, под его редакцией издано большое количество книг, справочников по истории Орловского края. Сидоров являлся редактором каталога выставки книг, рукописей, изобразительных материалов из собрания коллекционеров «История Орловского края до Великой Октябрьской социалистической революции» (1985), библиографического указателя Л. К. Андреевой «И. С. Тургенев и Орловский край» (1989), библиографического указателя Р. И. Реуцкой и Л. П. Хоменковой «В. И. Ленин и Орловский край» (1991), биобиблиографического справочника В. П. Ерёмина, А. В. Гольцовой и Р. И. Реуцкой «Орловские краеведы» (1993), входил в состав редакционной комиссии «Сборника Орловского церковного историко-археологического общества» № 1 (4) (1999). Данный сборник после почти векового перерыва продолжил традицию издания литературы по истории православия на Орловщине. В «Слове к читателю» говорилось: «Приняв старое название, мы вместе с этим принимаем на себя большую ответственность, ибо мы не имеем права опускаться ниже той высокой планки, которая была установлена нашими предшественниками». Была в предисловии и ещё одна весьма важная мысль: составители заявили о своём желании публиковать такие статьи, которые отличаются «от безликого наукообразия, к которому мы привыкли…» Сидоров в своей редакционно-издательской деятельности всегда был противником канцелярского наукообразия. Прошедшие через его руки работы в опубликованном виде всегда конкретны, точны, весомы по содержанию, содержат новые, неизвестные прежде сведения. Образца-

ми краеведческих книг стали работы Сидорова «Орёл вчера и сегодня» (два издания, в соавторстве с О. Н. Поповым и А. И. Лысенко), «Церкви и монастыри года Орла» (три издания, в соавторстве с О. Н. Поповым и Р. И. Реуцкой). В соавторстве с Р. И. Реуцкой Сидоров подготовил биобиблиографический справочник «Деятели книжной культуры Орловского края» (Орёл, 2000, 2003).

Виталий Георгиевич Сидоров был удостоен ряда государственных и общественных наград: почётного звания «Заслуженный работник культуры РСФСР» (1983), ордена Трудового Красного Знамени, Почётного знака Министерства культуры СССР «Отличник культурно-просветительной работы» и других. Он являлся председателем областного редакционного совета по истории библиотечного дела, членом общества книголюбов, Орловского краеведческого общества, Совета областного отделения ВООПИК, Орловского церковного историко-археологического общества.

Он знал, что такое быть интеллигентным – без «дежурного» пребывания в президиумах, без учёных степеней и званий, без издания собраний сочинений. Просто быть. Обладание книгами в древние времена вызывало подозрение. Что-то настораживающее в отношении обывателей к хранителям книжных сокровищ порой проскальзывает и доныне: не таится ли где крамола? Сидоров не был чернокнижником. Он был рыцарь книги, благородный служитель книжной музы. Помогал ли тем, кто знал меньше его и хотел узнать больше? Да, но без заискивания перед молодыми «копателями», без превозношения достаточно скромных первых итогов. Потому что знал – на этом пути вряд ли ждет слава. Впереди – большой, нескончаемый труд, редкие открытия, после иных из которых оторопь берет – почему

общество столь безжалостно и по-варварски беспощадно к своему культурному наследию? Для него это была Судьба – прийти в мир книг и навсегда остаться здесь. Для многих он был проводником в бесконечных лабиринтах того, что ум человеческий создавал веками, – ныне большинство наших современников соприкасаются с библиотекой не в поисках истины и смысла жизни, а в чисто утилитарных целях: надо учиться, разузнать что-то для дипломной работы или диссертации, подготовить дочке или внуку доклад на конференцию. Сидоров не сетовал на такое потребительское отношение окружающих к книге. Ведь никому не запрещено возвращаться к стеллажам снова и снова, так, словно идёшь аллеями Спасского, и навещают новые и новые мысли, созвучные твоему настроению, твоим мечтам и раздумьям, твоему пути в этой жизни…

Человек высокой культуры и энциклопедических знаний, Виталий Георгиевич Сидоров, как и подобает русскому интеллигенту, был прост и доступен в общении. Он остался в памяти коллег и друзей как остроумный собеседник и увлекательный рассказчик. Виталий Георгиевич отличался скромностью, житейской мудростью, душевной открытостью и доступностью. Это делало его авторитетнейшим наставником и учителем, как молодых специалистов, так и профессионалов библиотечного дела.

Виталий Георгиевич Сидоров умер 8 июня 2008 года после тяжёлой продолжительной болезни. Его жизнь была посвящена служению её величеству Книге. И этому своему призванию этот замечательный человек был верен до последнего дня.

МИХАИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ ЛЕМКЕ

В истории отечественной журналистики особое, весьма почётное и значимое место занимает публицист и историк Михаил Константинович Лемке (1872–1923). На рубеже XIX и XX веков он трудился в губернской газете в Орле, а в последующие годы стал ведущим специалистом в деле изучения истории отечественной журналистики.

М. К. Лемке писал в автобиографии в 1905 году: «Летом 1898 года я решил, взяв продолжительный отпуск, оставить навсегда военную службу... 18 августа поступил на 35 рублей счётчиком в Орловское губернское статистическое бюро, а 29 августа был приглашен заведовать редакцией «Орловского вестника», незадолго перед этим купленного А. И. Аристовым. Оставил статистику и с головой окунулся в газету, в которой и работал почти 3 года… Очень часто в одном номере помещались две, три, а то и четыре работы сразу, характер их самый разнообразный» [1].

«Орловский вестник» в те годы был газетой либерального направления, интересной и влиятельной, поднимавшей актуальные проблемы русской жизни. Страстные, эмоциональные материалы Лемке органично вошли в «оркестр» «Орловского вестника». Новый автор имел широкие контакты с литераторами и журналистами из многих городов,

постоянно стремился к творческой оригинальности. В период с 1896 по 1906 год Лемке опубликовал в «Орловском вестнике» более 300 очерков и корреспонденций, которые обычно подписывал псевдонимами «Lemus», «Не Козьма Прутков, но К°», «М.Л.». Статьи Лемке на орловские темы периодически появлялись также на страницах столичных изданий «Сын Отечества», «Русские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», «Русская мысль».

Провинциальную прессу конца XIX века Лемке делил на три вида:

1. Подражающая «столичным», переносящая на свои полосы «столичный» материал и гордящаяся этим.

2. «Профессорская», с компилятивным изложением материалов.

3. Совмещающая в себе серьёзную работу двух первых, но понимающая, что «читатель наш большой индивидуалист и эгоист, приросший к данному месту и живо интересующийся всеми местными мелочами – не лишает его этих мелочей, стремится отозваться на всякий сравнительный пустяк и, привлекая этим читателя, заставляет его поневоле, понемногу, может быть, и по чайной ложке, но всё же переваривать и серьёзную пищу. Терпимость к слабостям читателя обязательна, по-моему, ради скорейшего решения и проведения в жизнь культурных задач» [2].

Лемке оставлял за столичной печатью право разрабатывать общеимперские проблемы церкви, самоуправления, высшего образования, потому что у неё есть возможности для теоретической разработки этих вопросов и масса компетентных работников. В задачу же провинциальной газеты Лемке включал «не столько освещать эти последние, сколько давать для такого освещения яркие факты и явления местной жизни» [3].

Лемке был одним из самых деятельных сотрудников «Орловского вестника», он ввёл рубрику «Между прочим», был автором циклов «Провинциальные мотивы», «Из дневника публициста» (эти публикации имели собственную нумерацию), формировал раздел «Письма в редакцию» («острый отдел», по его определению), который отличался смелостью суждений. Публицистическая манера Лемке, на наш взгляд, своей эмоциональностью напоминает стиль В. Г. Белинского.

В частности, перу Лемке принадлежат большая статья «Неотложные вопросы народного образования в Орловской губернии» (Орловский вестник, 1897, № 312–322), статья (подписана Lemus) «Памяти Н. С. Лескова (1895–1900 г.)» (Орловский вестник, 1900, № 49) о значении творчества писателя. В числе других произведений Лемке орловской поры тёплый очерк о коллеге по перу – внештатном сотруднике «Орловского вестника» Степане Андреевиче Шмидте (1853–1899), бывшем участнике революционного кружка в Петербурге, узнике царских тюрем, который после скитаний оказался в декабре 1886 года в Орле, на должности осмотрщика вагонов Орловско-Витебской железной дороги. Шмидт умер от туберкулёза, памяти публициста было посвящено посмертное издание сборника его очерков «Картинки железнодорожной жизни» («Мне хочется поскорее бежать из этих мест повального грабежа и нравственного растления», – цитата из этой книги). Предисловие (фактически некролог Шмидта) к сборнику, выпущенному редакцией «Орловского вестника» в 1900 году, написал Лемке.

Лемке на страницах «Орловского вестника» не раз делился с читателями своим видением проблем русской журналистики того времени: «Провинциальная газета должна принимать все меры к наивозможно широкому привлече-

нию на свои страницы всех лучших местных сил. Она должна питаться ими, чтобы не вариться в собственном соку и не выходить однобокой и слепой» [4].

О своей работе по ведению рубрики «Провинциальная жизнь» Лемке писал: «Моя обязанность быть вполне беспристрастным летописцем и настойчиво собирать материал, который дают почти 120 газет, предоставленных мне… Хотя это и большой труд – дать всю жизнь провинции за месяц, но, признаться, очень я его люблю. Заберешься в кучу газет – откуда только не приходят – и, точно поездил по широкому простору матушки России и всех и все увидел. Ничто не укроется от твоего взора, всё как на ладони» [5].

Задача печати – «учить, но не давать чувствовать этого самолюбивому современному человеку, – только тогда и может быть выполнена, когда она будет держаться на положении честного, хорошо подготовленного собеседника. А это значит, во-первых, иметь гражданское мужество выслушивать до конца своего читателя и, во-вторых, уметь на убеждение отвечать убеждением, а не гаерством и кулаком» [6].

Он предостерегал авторов от «монополии на кару, преследование и посмеяние» Не давая обвиняемому слова для ответа, «вы бьёте связанного, а иногда и лежачего. А как это не по-рыцарски и не трудно!» [7] «Тенденциозность – враг истины и общественного прогресса, […] ломает и гнёт всё на свой шаблон. Держитесь определённых взглядов на коренные вопросы времени, имейте твёрдо выработанную, но безусловно доброкачественную и устойчивую программу – это обязательно, но не избегайте никаких корректив к вашим мнениям, зная, что они должны подлежать ходу общего прогресса. Тенденциозный орган неизбежно однобок

и теряет объективного, т.е. самого дорогого читателя. Задача печати – создать широкую общественность и устранить рознь социальных элементов. Тенденциозность же разбивает общество на никогда не соединимые элементы» [8].

Приведём несколько опубликованных в орловской газете суждений Лемке по поводу литературных вопросов. По его убеждению, русская литература «никогда не замыкалась в сфере чисто художественных интересов, а наоборот, всегда была, и, конечно, ещё долго будет как бы кафедрой, с которой раздаются горячие проповеднические слова. Возьмите любого сколько-нибудь заметного писателя – и вы увидите, что в каждом своём произведении, которыми вы так зачитываетесь, он выступает с учительным словом, отзывается на известные потребности своего общества, разъясняет их, иллюстрирует, комментирует, дополняет […] И русское общество поняло конструкцию своей литературы, потому что само её создало; по крайней мере её творцов, являющихся плотью от плоти общества, духом от духа того же общества» [9].

Высоко оценивая деятельность Н. А. Некрасова на посту редактора журнала «Современник», Лемке писал: «Некрасов опытной рукой вёл корабль литературы, провозя на нём груз высокохудожественных произведений, составляющих ныне общепризнанную гордость литературы и светлых мыслей, постепенно ставших общим достоянием и частью вошедших в самую жизнь» [10].

В рецензии на книгу Д. Линёва (псевдоним Далин) «Не сказки» Лемке подчеркнул: «Самое главное, к чему стремился автор, как и всякий публицист, – твёрдое, убеждённое решение быть самому честным, интеллигентным человеком» [11]. Если у читателя не только зарождается это ощущение, но и переходит постепенно в девиз его жизни, «тогда публицист

может высоко поднять и гордо носить свою голову, потому что он исполнил своё призвание, свою жизненную задачу!.. Как церковный проповедник не должен знать лучшей награды своей жизни, так публицист может быть уже удовлетворён, если, прочтя его, читатель встаёт с верой в лучшее будущее, активным созидателем которого он решает сделаться […] прежде всего обязанность каждого человека, а тем более каждого публициста – не фальшивить, а быть всегда искренним и правдивым. Писатель и ещё более – публицист, исследующий явления общественной жизни, только и должен видеть то, что мешает или стесняет её развитие, её правильный ход. Поэтому-то всё его внимание и обращается в сторону препятствий, преград, всевозможных сдержек» [12].

Автор публицистических статей в «Орловском вестнике» не разделял сетований по поводу современного состояния литературы. Не теряя надежды, он говорил читателю: «Жалобы на упадок современного романа слышатся давно и настойчиво. Но вполне ли они основательны? Конечно, мы не видим теперь художников слова, родных, так сказать, Тургеневу или Толстому, но ведь Тургенев и Толстые и не у нас только редкие исключения. А вместе с тем, если смотреть на нашу литературу без предвзятостей, в группе современных беллетристов мы выделим немало крупных талантов. Всё зависит от того, что называть литературой. Если всякая порнография, обандероленная «романом», есть стоящая внимания литература, то тогда, конечно, правы господа, обрушившиеся на неё с всевозможными проклятиями» [13]. Лемке не принимал «господ декадентов в искусстве», утверждавших, что именно они её передовая часть: «Они безусловно впереди, но от такого переда, избавь нас, Боже, – лучше вспять повернуть» [14].

Постоянный интерес к литературе помог Лемке в его последующей работе над историей литературы и журналистики XIX века, в огромном труде по подготовке к изданию первого полного собрания сочинений А. И. Герцена.

3 августа 1901 года в «Орловском вестнике была опубликована статья Лемке из цикла «Из дневника публициста» о борьбе за два типа женских идеалов в России. А 8 августа в рубрике «Письма в редакцию» было напечатано его письмо, в котором Лемке извещал редакцию и читателей о том, что оставляет работу в «Орловском вестнике» и становится редактором екатеринославской газеты «Приднепровский край». Далее процитируем несколько строк из автобиографии Лемке: «В апреле 1902 года переехал в Петербург и занялся журнальной работой, имея в виду специально заняться изучением истории русской цензуры и журналистики XIX века. С января 1904 года был приглашён заведовать историческим отделом молодого книгоиздательства М. В. Пирожкова, открытым по моему совету и плану» [15].

Работа Лемке в «Орловском вестнике» стала серьёзной школой в его творческой биографии. О буднях провинциальной редакции он подробно рассказал в своей первой книге «Думы журналиста» (1903). Его статьи и очерки печатались в «Русском богатстве», «Мире божьем», «Былом», «Современном мире», «Русских ведомостях» и других столичных журналах и газетах.

Период наибольшей творческой и исследовательской активности М. К. Лемке связан с Петербургом. Здесь он написал фундаментальные, получившие широкую известность исследования по истории русской журналистики и цензуры: «Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия» (1904), «Эпоха цензурных реформ

1859–1865 гг.» (1904), «Политические процессы Михайлова, Писарева и Чернышевского» (1907), «Очерки освободительного движения шестидесятых годов» (1908), «Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг.» (1909) и др. Под его редакцией вышли полное собрание сочинений Н. А. Добролюбова в 4-х томах (1911), сборник «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке» в 5-ти томах (1911–1913), полное собрание сочинений А. И. Герцена (1919–1925). М. К. Лемке – автор «Указателя новейшей русской журналистики» (сюда вошло около 25 тысяч статей из 23 журналов), редактор петербургского критико-библиографического журнала «Книга» (1906–1907), «Вестника Всероссийского общества книжного дела» (1912–1914).

Необходимо признать, что с течением лет Лемке во многом разочаровался в «прогрессивной» журналистике, образцом которой мог прежде служить «Орловский вестник». Ещё более усилило его пессимистический настрой состояние русского общества в годы первой мировой войны. В 1915–1916 гг. Лемке служил военным цензором в ставке верховного главнокомандования (его дневники того времени были опубликованы в 1920 году под названием «250 дней в царской ставке»). Он был вынужден признать: «За десять лет после революции 1905 года газетное дело стало выгодным, обратилось в доходную профессию неучей и окончательно выкинуло за борт мечты об общественной кафедре, с которой ещё недавно люди моего времени работали за меньшие вдесятеро гонорары и были горды своей деятельностью» [16]. Вездесущим стал такой типаж журналиста, как «Шумский – типичный газетчик нашей пореформенной эпохи, когда идеи стали дёшевы, а информация, сенсация и наглое, но авторитетное невежество заполонили прессу»

[17]. Однако виной всему Лемке считал вовсе не внутреннее состояние пишущей братии, а прежде всего характер социальных отношений в русском обществе:

«Всё базируется на страшном, общем народном недовольстве своей жизнью, на сознании, что всё равно никакими жертвами во время войны не купить новой жизни, нового её строя. В России человек потерял себя и сделался крайним индивидуалистом, не видя ничего от общества и ближних. Совершенно атрофировал он в себе сознание связи общего блага с огромным целым; он сознаёт, что в этом целом им никто не дорожит, что он стоит только в счету вагонов пушечного мяса. Ведь любовь к родине отходит в нашем внутреннем сознании всё дальше и у многих миллионов совершенно атрофировалась, заменившись самым свинским эгоизмом. Если бы не это ужасное отмирание высокого чувства, у нас не было бы повального воровства, повального игнорирования общих интересов, повального устройства своих собственных личных благ, чего бы они ни стоили родине» [18].

В 1917 году Лемке стал учредителем и председателем общества изучения истории освободительного и революционного движения в России, создал журнал «Книга и революция» (1920). Был председателем правления треста «Петропечать», незадолго до смерти вступил в РКП(б).

С полным основанием можно сделать вывод о том, что «Орловский вестник» сыграл большую роль в становлении М. К. Лемке – не только публициста и редактора, но и теоретика русской печати. Работа в провинциальной редакции стимулировала эволюцию его взглядов на отечественную действительность, литературу и журналистику.

Примечания

1. Автобиография М. К. Лемке // Книга: исследования и материалы. Сб. XXIX. М., 1974. С. 178–180.
2. Орловский вестник, 1899, № 29.
3. Орловский вестник, 1899, № 335.
4. Орловский вестник, 1899, № 29.
5. Орловский вестник, 1899, № 85.
6. Орловский вестник, 1899, № 29.
7. Орловский вестник, 1899, № 29.
8. Орловский вестник, 1899, № 335.
9. Орловский вестник, 1899, № 271.
10. Орловский вестник, 1900, № 275.
11. Орловский вестник, 1900, № 60.
12. Орловский вестник, 1900, № 60.
13. Орловский вестник, 1899, № 97.
14. Орловский вестник, 1901, № 176.
15. Автобиография М. К. Лемке… С. 178–180.
16. Лемке М. К. 250 дней в царской ставке. Минск, 2003. С. 109.
17. Там же. С. 221.
18. Там же. С. 240.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ КАРИНСКИЙ

В Москве 31 октября 1873 года в семье чиновника, надворного советника Сергея Ивановича Каринского родился сын Николай – будущий адвокат, редактор, прокурор, губернатор и председатель самых разных обществ и комитетов. Его мать – Вера Семёновна Каринская (урождённая Грузова) была дочерью священника церкви Казанской Божией Матери в московском Сущёве.

Николай Каринский с десяти лет учился в кадетском корпусе, во 2-й московской гимназии, затем на юридическом факультете Московского университета. Будучи студентом, работал в статистическом отделении городской управы в Москве, служил во Владимирской губернской земской управе помощником заведующего отделом статистики. Там же, во Владимире, с сентября 1898 года был помощником присяжного поверенного (т. е. адвоката).

Летом 1900 года семейство Каринских перебирается в Курск, а вскоре – в Орёл, где Николай Сергеевич занимается адвокатской практикой (он быстро снискал репутацию преуспевающего юриста) и работает в статистическом отделении губернской земской управы,

Поначалу Каринский всё же отдал дань юношеским земским увлечениям. Об этом мы можем судить по одной из книг, хранящихся ныне в Орловской областной библиотеке имени И. А. Бунина. В самом начале XX века статистическое отделение губернской земской управы провело масштабное исследование чтения (проверили почти 1300 крестьянских семей) и по его итогам напечатало соответствующий отчёт

[1]. Труд статистиков показал, что более двух третей дворов имели книги (в среднем по десятку экземпляров). Каринский, комментируя цифровые выкладки, дополнял, что собирались крестьяне не только для чтения литературы, но нередко и для «слушания газет». Из периодики самым популярными были «Сельский вестник», «Нива», «Родина», «Биржевые ведомости», а также «Орловский вестник» – губернскую газету выписывали как крестьяне, так и мастеровые. Корреспонденты земства подмечали, что собираются селяне большей частью «в осенние и зимние вечера», «в одной хате до 30 человек», «и просиживают иногда за чтением до полуночи». В частности, из Орловского уезда сообщалось: «В летнее время, праздниками, собираются человек 10–15, и кто-нибудь читает газету». Причём селяне к этим сборам относились с большим вниманием: «Когда читают, то прекращаются всякие разговоры». Две трети корреспондентов подчёркивали усиление любви крестьян к чтению, а основным препятствием виделась нехватка литературы и периодики: «Надо предполагать, что при надлежащем материале для чтения и возможности иметь газету – интерес к чтению пойдёт более верными и скорыми шагами».

Конечно, молодой правовед, да к тому же московский интеллигент Николай Каринский не мог ограничиться ролью простого комментатора массы цифр. Примечательна одна из его ремарок, касающаяся репертуара чтения селян: «За последнее время Сытина принято отделять от остальных лубочников. Правда, в его роскошном книжном магазине в Москве, на Никольской, лубочных изданий, пожалуй, и не найдёшь, да и многие из его лубочных изданий переделаны к лучшему. Но тем не менее его небольшая лавка у Никольских ворот (излюбленное место московских лубочников) сохранилась и продолжает пичкать население всё

той же чепухой, что и прежде, когда вся торговля Сытина ограничивалась этой лавкой» [2].

Обширная статья Каринского изобиловала ссылками на книгу видного публициста-этнографа А. С. Пругавина «Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания» – это был весьма содержательный том, о чём говорит даже беглое перечисление названий глав («Вольные крестьянские школы или домашние школы грамотности», «Публичные чтения для народа», «Газеты и журналы в народной среде», «Народные библиотеки и читальни», «Что и как читает народ?» и т. д.).

Каринский был не чужд прогрессивных идей. Он писал: «Крестьяне покупают то, что им предлагают – в значительной части то же, что предлагали 30–40 лет назад. Но за эти годы произошли на Руси большие перемены. Россия покрылась целой сетью школ, ежегодно выпускающих массу учеников, требования которых к литературе должны быть выше, чем у остальной массы населения, не бывшей в школе» [3]. «Тем или иным путём, хотя и в недостаточном числе и с не совсем ладным содержанием книги всё же доходят до народа и здесь они уже не залеживаются, каково бы ни было их содержание. Если же книга хоть мало-мальски интересна, то скоро сделается известной и малограмотным, и даже вовсе неграмотным, так как будет прочитана вслух» [4].

Известный революционер, а в то время сосланный в Орёл студент Петербургского горного института Борис Перес (1879–1945) в своих воспоминаниях [5] не раз упоминает Николая Каринского, называя его «крупным» интеллигентом.

Дальнейшая жизнь Николая Сергеевича Каринского изобилует яркими событиями, в которых отразились все перепитиии, изломы, трагедии, потери и обретения XX века с его революционным духом, военным лихолетьем и жиз-

нью в эмиграции… Успешный харьковский адвокат, прокурор Петроградской судебной палаты в период Временного правительства, губернатор Черноморской губернии и управляющий МВД Южнорусского правительства при генерале А. И. Деникине, редактор русских эмигрантских газет и председатель Зарубежного Союза русских судебных деятелей в США. Умер 8 августа 1948 года, похоронен в городе Ньютон (штат Нью-Джерси).

В Орле о Николае Каринском за минувшие сто с лишним лет прочно забыли. Но, глядя на фотографии этого человека – умного, деятельного, немного авантюрного, наверное, как многие и многие русские, – я думаю о том, что мне он чем-то знаком и по-своему известен. Вот снова кто-то в провинции мечтает открыть газету или сайт в Интернете, кто-то выступает с декларацией в городском собрании, кто-то идёт на выборы или удачно участвует в судебном процессе. Имена действующих лиц разные, но характеры, исконные натуры передаются из поколения в поколение и, похоже, не подвластны натиску перемен. А там, глядишь, и золотые погоны лягут на плечи, и высшая инстанция призовёт на куда более масштабное дело…

Примечания

1. Каринский Н. С. Что читает крестьянское население Орловской губернии и как оно относится к книге // Сборник статистических сведений по начальному народному образованию в Орловской губернии за 1900–1901 учебный год. – Орёл, 1902. – С. 98–114.

2. Там же. С. 108.

3. Там же. С. 113.

4. Там же. С. 119.

5. Перес Б. С. Партийная работа в Орле (1902–1903 гг.) // Пролетарская революция. – 1923. – № 5.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВИЧ ОКОРОКОВ

Будущий профессор и именитый исследователь истории печати Андрей Захарович Окороков родился в селе Ламское Ефремовского уезда Тульской губернии в сентябре 1916 года в семье крестьянина [1] (в 1928 году село стало центром Волынского района Елецкого округа ЦЧО, ныне входит в состав Становлянского района Липецкой области). Окончил неполную среднюю школу, с 1933 года работал инспектором районного отдела народного образования, с мая по август 1937 года – кредитным инспектором в районной конторе Госбанка, а затем был направлен в Орёл на Центральные курсы по подготовке ответственных работников системы Госбанка.

Окончил курсы в июне следующего года и до августа 1940 года был экономистом по кредитованию машиностроительной и пищевой промышленности Орловской областной конторы Госбанка. В это же время получил среднее образование в одной из вечерних школ Орла, вступил в ВКП(б). В сентябре 1940 года Окороков был направлен на учёбу в Украинский коммунистический институт журналистики (г. Харьков), но проучился там меньше года – по просьбе руководства всесоюзной «Финансовой газеты» был переведён на работу в редакцию в качестве собственного корреспондента.

С началом Великой Отечественной войны «Финансовая газета», как и ряд отраслевых изданий, была закрыта. Окороков, освобождённый от воинской службы, вернулся в Орёл, в контору Госбанка. После эвакуации в Елец в октябре 1941 года был назначен главным бухгалтером Орловско-

го обкома ВКП(б). С 30 марта 1942 года – инструктор отдела пропаганды и агитации (в это время до октября 1942 года периодически исполнял обязанности начальника областного управления по охране государственных тайн в печати), с 11 января 1943 года – заведующий сектором печати отдела пропаганды и агитации Орловского обкома ВКП(б).

В мае 1943 года Окороков по совместительству был назначен главным редактором Орловского областного книжного издательства. По необходимости он также выполнял обязанности заведующего промышленным, партийным отделами редакции «Орловской правды», направлялся в командировки на оккупированную фашистами территорию. Редактор партизанской газеты «Народный мститель» (1943).

В ноябре 1943 года Окороков уехал из Орла в Москву на курсы газетных работников при ЦК ВКП(б). В последующие годы получил высшее образование, работал в газете «Правда», в журнале «Вопросы истории КПСС», был редактором Госполитиздата, в 1952 году защитил кандидатскую диссертацию по истории на тему «Большевистская печать Украины в борьбе за перестройку и дальнейший подъём партийной работы на селе (1945–1950 гг.)». Окороков стал составителем сборников «В. И. Ленин о печати» (М., 1959), «Ленин – журналист и редактор» (М., 1960), «О коммунистическом отношении к труду» (М., 1962, 2-е изд. – 1963). К сборнику «Партизанские были» (М., 1965) Окороков написал большую вступительную статью. И выступил здесь не только в качестве историка – его участие в борьбе с фашистами было отмечено медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и орденом Отечественной войны II степени.

Особая страница в составительской деятельности Окорокова – подготовка к печати книги И. Д. Сытина «Жизнь для книги» (М., 1960). Сборник вышел в свет в Государственном издательстве политической литературы в серии «Из истории книги и издательского дела в Москве» (серия была основана в канун юбилея первой печатной книги Ивана Фёдорова). Коллегой Окорокова по работе над изданием стал Николай Никандрович Накоряков (1881–1970) – известный публицист, один из организаторов книгоиздательского дела, член Союза писателей СССР. Накоряков был участником революционного движения, в 1907 году организовал на Урале выпуск газеты «Екатеринбургский листок». Был выслан в Сибирь, в 1911 году эмигрировал в США, был редактором социал-демократической газеты «Новый мир». После революции Накоряков служил в белой армии, затем стал сотрудничать с большевиками: с 1922 года работал в Госиздате, участвовал в основании издательства «Советская энциклопедия», был директором издательства «Международная книга», в 1932–1937 гг. руководил Государственным издательством художественной литературы.

В своём предисловии Н. Н. Накоряков писал о рукописи И. Д. Сытина: «В 1922 году автор представил её в Госиздат с просьбой – «просмотреть». Она была прочитана многими руководящими работниками советского издательства того времени… Но печатание книги было отложено до более удобных времён. В последующее время в советском издательском мире не раз вспоминали о поучительном труде известного книгоиздателя дореволюционной России, но рукопись не могли обнаружить, она затерялась в несовершенных тогда архивах. И только вот теперь сын покойного автора

обнаружил один из экземпляров рукописи среди бумаг отца и представил её вниманию издательства» [2].

Вполне понятен был интерес Окорокова к работе над книгой: в 1914 году «Товарищество И. Д. Сытина» дало стране свыше четверти всей печатной продукции [3]. Помимо рукописи самого издателя, в сборник включили солидный раздел «И. Д. Сытин в воспоминаниях и письмах современников», куда вошли письма М. Горького, А. Чехова, Н. Телешова, Д. Мамина-Сибиряка, Н. Рубакина, Вл. Немировича-Данченко, А. Кони, воспоминания В. Черткова, М. Семёнова, Ф. Батюшкова, П. Бирюкова, К. Мазина, М. Соловьёва. Были подготовлены комментарии, именной указатель. Книга вышла в свет тиражом 100 тыс. экз. на прекрасной мелованной бумаге.

А. З. Окороков в течение десяти лет руководил кафедрой журналистики Высшей партийной школы при ЦК КПСС [4], написал широко известную монографию «Октябрь и крах русской буржуазной прессы» (М., 1970), был одним из инициаторов издания серии книг «Библиотечка журналиста», выходившей в издательстве «Мысль» в 1970-е гг. Редактор книг «Работа над словом. Язык, стиль и литературное редактирование газеты» (М., 1971), «В. И. Ленин, КПСС о печати. Сборник документов и материалов» (М., 1974), «Газета, автор и читатель» (М., 1975), «Газета – орган партийного комитета» (М., 1976), составитель сборников «Шаги революции. Великий Октябрь глазами современников» (М., 1967), «Советские писатели и журналисты о газетном труде» (М., 1975), «Ленин и книга» (М., 1987).

Окороков являлся также главным редактором выпущенной в 1971–1981 гг. издательством «Мысль» книжной серии под общим названием «Партийные публицисты». Вышли в свет брошюры А. К. Белкова «В. В. Воровский»; А. А. Кру-

глова «А. В. Луначарский»; Б. П. Верёвкина «М. С. Ольминский» и «М. Е. Кольцов»; В. В. Шарова «И. И. Скворцов-Степанов»; А. И. Мельникова «С. М. Киров»; Г. В. Булацкого «П. Н. Лепешинский»; И. В. Кузнецова «В. А. Карпинский»; Е. И. Бреслав «А. М. Коллонтай»; Г. П. Панушкина «Г. И. Крумин»; Х. А. Барсегяна «С. Г. Шаумян»; Д. М. Руднева «В. Э. Кингисепп»; В. Ю. Стеклова и Ю. К. Филоновича «Ю. М. Стеклов»; П. С. Вайткунаса «Ф. Э. Дзержинский»; А. А. Круглова «Г. М. Кржижановский»; С. В. Каравашкова и Л. Д. Дюжева «К. Н. Самойлова»; И. М. Ховратовича «Г. В. Чичерин»; Г. И. Вартанова «Я. А. Галан» и др.

Серия была посвящена публицистическому творчеству выдающихся деятелей коммунистической партии, публицистов ленинской школы. Каждая брошюра содержит очерк жизни и творчества публициста, его высказывания о прессе, даются образцы публицистического мастерства. Главное внимание в серии уделялось анализу публицистического творчества и его значения для воспитания и обучения кадров советских журналистов. Как отмечалось в одной из диссертаций [5], кафедра журналистики Высшей партийной школы при ЦК КПСС проделала большую и плодотворную работу в этом направлении.

В последние годы жизни А. З. Окороков работал профессором факультета журналистики Кишинёвского госуниверситета. В это время вышла в свет его книга «Энергия газетной строки» (Кишинёв, 1981), под редакцией Окорокова был издан сборник «Очерки истории печати, радиовещания и телевидения Молдавской ССР» (Кишинёв, 1986).

Даже эти скупые сведения позволяют сделать вывод о том, что Андрей Захарович Окороков оставил заметный след в деле изучения истории отечественной печати.

Примечания

1. Личное дело А. З. Окорокова // ГАОО. Ф. П-52. Д. 1857.
2. Сытин И. Д. Жизнь для книги. – М., 1960. – С. 3.
3. Сытин И. Д. Жизнь для книги. – М., 1960. – С. 12.
4. Окороков А. З. Энергия газетной строки. – Кишинёв, 1981.
5. Булацкий В. Г. Виктор Алексеевич Радус-Зенькович – революционер, журналист, публицист. Автореферат дисс. на соискание учёной степени канд. ист. наук. – Минск, 1984.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ГОВОРОВ

В числе выдающихся уроженцев Орловщины, оставивших заметный след в книжной культуре СССР и России, необходимо назвать и имя Александра Говорова – книговеда и историка книги, писателя, доктора исторических наук. Многие годы он работал в Московском полиграфическом институте, изучал историю книжной торговли и книгораспространения, выступил автором и соавтором 120 научных работ, 15 учебных пособий и учебников, в том числе первого в мире учебника для антикваров-букинистов.

Александр Алексеевич Говоров родился 19 августа 1925 года во Мценске в семье школьных учителей. О своих корнях он говорил так: «Род Говоровых в исторических источниках упоминается в 1606 году при Лжедимитрии, отчего мы предпочитаем называть его, Гришку, осторожно – Названный Дмитрий. В нашем роду много знаменитостей – святой затворник и учитель Пушкина, прославленный маршал и харьковский учёный-врач» [13].

Спустя пять лет, на волне коллективизации и ужесточения политического диктата семья Говоровых была вынуждена покинуть родные места и найти прибежище в Москве. Александр учился в московской 7-й образцовой школе, затем в 528-й школе. Здесь учителя развили в нём интерес к истории и литературе, творчеству.

Во время войны работал на строительстве оборонительных сооружений, трудился на военном заводе. В армии из-за болезни служил недолго – по сведениям родственников [15], в 1943–1945 гг. был миномётчиком, подхорунжим 1-й

Варшавской Польской пехотной дивизии им. Тадеуша Костюшко, хотя сам Говоров в воспоминаниях указывал, что на фронте не был [13].

Работал продавцом в букинистических магазинах, пробовал стать художником, дипломатом, юристом, писал стихи (первое стихотворение «Имя вождя» опубликовано в газете «Педагогические кадры» 5 января 1946 года). Учился в нескольких вузах, но в итоге остановился на педагогическом институте, который, однако, окончил значительно позже намеченного срока. Причиной послужило уголовное дело в связи с обнаружением рукописей двух его повестей: «Книга бытия» и «По ту сторону ночи». В 1948 году был осуждён по статье 58–10 (пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти). Отбывал наказание в Бутырской тюрьме, в лагерях Воркуты и Мордовии, освобождён в 1953 году.

По окончании исторического факультета Московского городского педагогического института имени В. П. Потёмкина (1955) некоторое время работал воспитателем в детдоме. После безуспешных попыток устроиться на должность школьного учителя с ноября 1955 года работал в букинистических и книжных магазинах Москниготорга, затем стал главным товароведом по книжной торговле Центрального Союза потребительских обществ СССР. Одновременно с 1958 года занимался преподавательской деятельностью в Московском кооперативном институте. В это время много ездил по стране, изучал передовой опыт книжной торговли в глубинке, опубликовал ряд брошюр [1; 6; 8]. Несколько позже появились первые учебные пособия [2; 4; 12], была защищена кандидатская диссертация [5].

С 1963 года преподавал в Московском полиграфическом институте (с 1993 года – государственная академия печати), заведовал кафедрой управления и экономики книжной торговли (с 1982), кафедрой букинистической торговли и истории книги (1988–1996). Защитил докторскую диссертацию по истории [3], автор свыше 120 научных публикаций и 15 учебных пособий [9; 10; 11 и др].

Важно отметить, что Говоров стал не только признанным специалистом в сфере книговедения, но и автором ряда широко известных художественных произведений на темы истории, в том числе истории книгоиздания. Причём исток его писательской деятельности – в весьма трагических обстоятельствах начала 1950-х гг. Он вспоминал: «Когда сидел я на Малой Лубянке, но уже на выход (т. е. перед освобождением), условия были сносные, одно плохо – одиночка! Надзиратель на мои жалобы угрюмо шутил: не наловили ещё… Так, я от нечего делать мерил камеру шагами и придумывал сюжеты исторических романов. Ей-богу, не шучу – я до сих пор выполняю эту программу и пока целиком её не реализовал. Конечно, я не продумывал конкретных героев или конкретные коллизии, скорее это был перечень тем, которые я, по моим убеждениям, пристрастиям или познаниям, мог бы поднять» [13].

Спустя семь лет нашёлся повод «реализовать фантазии». Вот отрывок из воспоминаний Говорова: «Однажды в 1960 году был я в командировке на целине с Самиулом Ефимовичем Миримским из издательства «Детская литература». Случайно оказались мы вместе в гостинице, и нас там задержал многодневный буран. Я признался попутчику, что грешу писательством, много мы спорили и рассуждали. Сам прекрасный писатель (под псевдонимом С. Полетаев), он понял меня и говорит: «На-

пиши нам на пробу какую-нибудь главичку, приходи, потолкуем». Приехав домой, я сел писать главичку, но так и не смог встать из-за машинки, пока не получился «Алкамен – театральный мальчик». Пришёл в издательство с рукописью уже в конце зимы. Миримский говорит: «Что же ты пропал? Повесть целую принес? Какой чудак ты, право!»» [13].

В итоге Говоров получил известность как автор семи исторических романов и повестей: написанных в 1960-е – 1970-е гг. «Алкамен – театральный мальчик», «Флореаль», «Последние Каролинги» (в 1975 году был принят в Союз писателей СССР), а также написанных в 1980-е – 1990-е гг.: «Жизнь и дела Василия Киприанова, царского библиотекариуса», «Санкт-Петербургские кунсткамеры, или Семь светлых ночей 1726 года», «Смирдин и сын», «Византийская тьма». Литературная критика тех лет не уделила пристального внимания прозе Говорова, однако весьма красноречив отзыв о ней одного из читателей: «Умение и желание увлекательно рассказывать, мастерство в придумывании стремительно летящих сюжетов, прекрасный язык, чувство юмора, незаурядный ум и острая эрудиция» [14]. Эти произведения многократно переиздавались, вошли в четырёхтомное собрание сочинений (М.: Терра, 1993; 50 000 экз.).

Среди исторической прозы Говорова выделим роман «Жизнь и дела Василия Киприанова, царского библиотекариуса». Автор признавался: «Я избрал своим жанром так называемый профессорский роман, то есть художественное произведение, написанное учёным, знатоком в своей области, однако написанное без какой-нибудь зауженности, по вольным законам литературного творчества… Я не мастер писать про царей и императоров, все-таки дитя советского мышления, я республиканец в душе. Библиотекариусы,

кузнецы, купцы, типографщики, их дочери, жены, свояченицы – вот мои излюбленные герои. Я не сяду писать, пока досконально не вызнаю все про реалии быта и психологии людей, изображаемых мною, и это готов защищать я, как некую диссертацию» [13].

Весь богатейший опыт в сфере книжного дела писатель вложил в создание многопланового полотна жизни и деятельности интереснейшего исторического персонажа, причём органически вкрапил в это повествование ряд мценских страниц. Конечно же, это был авторский вымысел, но вполне логичный и художественно оправданный, так как реальных сведений о родственных корнях Василия Киприанова до наших дней не дошло. Таким образом Говоров отдал дань памяти своей малой родине, которую считал уникальным историческим местом. Неслучайно он любил повторять, что, «по словам этнографов, Орловщина – колыбель великорусской цивилизации» [13].

Нетрудно подсчитать, что Мценск в романе упомянут три десятка раз (а, например, Орёл, Болхов или Новосиль – ни разу). Вот несколько цитат:

«Прошло ещё время, съездил Василий Онуфриевич Киприанов в укреплённый городишко Мценск, что стоит на форпосте засеки, от злых крымчан московский край оберегает. Там, в Ямской слободе над полноводной Зушей, что несёт барки с хлебом в матушку-Оку, нашел он свою полоняночку, которая его ждала. Затем, как водится, была свадебка, затем родился младший Киприанов, этот самый Бяша, затем житьё-бытьё в Москве – в скудельных Кадашах» [7, с. 34–35].

«Жители Мценска, сиречь амчане, люди общительные, радушные, что не наедят, то напьют, что не выпросят, то так утащат. Недаром говорят, что Мценск цыганы за семь вёрст

объезжают. А то ещё, когда кто хочет кому несчастье накликать, желает тому: «Амчанин тебе во двор!»» [7, с. 35].

«Польщённая баба Марьяна наградила шалуна пунцовым яблоком из Мценска» [7, с. 127].

« – А у нас во Мценске, – сказала полуполковница, – ряженые на святках уж таково-то забавно представляют. Трёх волхвов изображали, зубастых, страшенных, меня от испуга аж на два дни икота схватила!» [7, с. 129].

Умер Александр Алексеевич Говоров в Москве 26 сентября 2003 года. Похоронен на Хованском кладбище.

Научное и художественное наследие профессора Говорова имеет несомненное значение для русской культуры. Уроженец благодатной мценской земли, он по праву занял достойное место среди писателей-орловцев и деятелей книжной культуры. Пройдя тернистый путь от юного продавца букинистического магазина до крупного учёного и популярного писателя, он остался верен главной теме своего неиссякаемого интереса – книжному делу. Отличный пример для новых поколений книговедов!

Примечания

1. Говоров А. А. Дружим с книгой: (Очерк о работе нар. книжного магазина в поселке Корма Гомельской обл.). – М.: Экономика, 1964 (Передовой опыт в потребительской кооперации).

2. Говоров А. А. Из истории книгоиздательства и книжной торговли за рубежом в XVI–XIX вв: Учеб. пособие / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Моск. полиграф. ин-т. – М.: Б. и., 1970.

3. Говоров А. А. Историко-книговедческое исследование строительства социалистической книжной торговли в СССР: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. – М., 1980.

4. Говоров А. А. История книжной торговли: Учеб. пособие для книготорг. и кооп. техникумов. – М.: Книга, 1966.

5. Говоров А. А. История книжной торговли как научная дисциплина: (Методология. Историография): Автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук / Моск. полигр. ин-т., Кафедра книжного дела. – М., 1969.

6. Говоров А. А. Книгу – целинникам: (Из опыта работы кн. магазина Новоишимского совхозрабкоопа Целиноградской обл.). – М.: Изд-во Центросоюза, 1962 (Передовой опыт в потребительской кооперации).

7. Говоров А. А. Книжники петровской поры: Ист. романы. – 2-е изд., [испр. и] доп. – М.: Изд-во МПИ, 1989. Содерж.: Жизнь и дела Василья Киприанова, царского библиотекариуса; Санктпетербургские кунсткамеры, или Семь светлых ночей 1726 года.

8. Говоров А. А. Любовь к книге, внимание к покупателю: Очерк о работе кн. маг. Энбекши-Казах. райпотребсоюза Алма-Атинской обл. – М.: Изд-во Центросоюза, 1960 (Передовой опыт в потребительской кооперации).

9. Говоров А. А. Основы формирования товарных запасов в книжной торговле: Конспект лекций для спец. «Книговедение и орг. кн. торговли». – М.: МПИ, 1985.

10. Говоров А. А. Программированное ценообразование на букинистическую книгу / Говоров А. А., Кожевников Г. В., Позднеев М. В. – М.: Кн. палата, 1988 (Книжная торговля: Обзор. по информ. обеспечению отрасл. науч.-техн. программ и основным направлениям развития отрасли / На-

уч.-произв. об-ние «Всесоюз. кн. палата», Науч.-информ. центр по изд. делу, полигр. пром-сти и кн. торговле («Информпечать»); Вып. 1).

11. Говоров А. А. Теория и организация книжной торговли: Обзор отеч. литературы (1968–1972 гг.) / Гос. ком. Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Всесоюз. книжная палата. Центр. бюро науч.-техн. информации и техн.-экон. исследований по полигр. пром-сти, изд. делу и книжной торговле (ЦБНТИ по печати). – М.: Книга, 1974.

12. Говоров А. А. Торговля книгами: [Учеб. пособие для продавца книжного магазина потребкооперации]. – М.: Экономика, 1965.

13. Говоров Александр https://www.rulit.me/authors/govorov-aleksandr

14. Книга моего детства https://76–82.livejournal.com/5122956.html

15. Говоров Александр Алексеевич («Бессмертный полк). URL: https://www.moypolk.ru/soldier/govorov-aleksandr-alekseevich (дата обращения: 25.02.2025).

III.
ИЗ ИСТОРИИ ЦЕНЗУРЫ

Н. А. Мельгунов о цензуре и гласности

Петербургский цензор
и орловский вице-губернатор В. Н. Семёнов

С. М. Степняк-Кравчинский
о цензуре и свободе печати

Цензура в Орловской губернии
в 1870-е – 1900-е годы

Цензура в годы
Первой мировой войны

Цензура в 1920-е годы

Цензура фронтовой области
(Орловский облит в годы
Великой Отечественной войны)

Н. А. МЕЛЬГУНОВ О ЦЕНЗУРЕ И ГЛАСНОСТИ

Уроженец Ливенского уезда Орловской губернии Николай Александрович Мельгунов (1804–1867) принадлежал к интеллектуальной элите России первой половины XIX века, с юности был хорошо знаком с П. Я. Чаадаевым, а несколько позже – с В. Г. Белинским, был дружен с А. С. Пушкиным и Д. В. Веневитиновым, М. И. Глинкой и Т. Н. Грановским.

Выпускник Благородного пансиона при Петербургском Педагогическом институте, служитель Московского архива Коллегии иностранных дел, Мельгунов стал одним из основателей кружка «любомудров». С младых лет в нём крепло стремление стать издателем журнала. Ещё в январе 1831 г. он получил от министерства народного просвещения разрешение на издание в Москве журнала «Журналист». В конце 1832 г., намереваясь приступить к изданию, он подал прошение в Московский цензурный комитет «о перемене названия и программы не в сущности, а в форме, по плану, приложенному к поданному им прошению». Тогда это ведомство (отношение от 14 декабря 1832 г. за подписью члена комитета И. М. Снегирёва) запросило архив Министерства иностранных дел о личности Мельгунова и «о способности издателя выполнять принимаемую им на себя обязанность, также и о нравственной его благонадёжности». Хотя архив и был исстари одним из центров московской образованности, всё же категорический запрос цензурного комитета поставил его руководство в затруднительное положение, и оно поспешило списаться с Петербургом. 19 декабря

1832 г. было отправлено письмо в департамент хозяйственных и счётных дел Министерства народного просвещения, суть которого в следующем: «Архив хотя и аттестует г. Мельгунова как чиновника весьма способного в службе и поведения отлично-хорошего, но, не находя себя ни в праве, ни в возможности принять ответственность ручательства в издавании журнала, покорнейше просит департамент хозяйственных и счётных дел, по новости сего случая, довести сие обстоятельство до сведения высшего начальства». Письмом от 30 декабря 1832 г. департамент хозяйственных и счётных дел рекомендовал архиву ответить Московскому цензурному комитету, что «начальство не может принять на себя ручательство за издаваемые подчинёнными его журналы и тем подвергает себя ответственности в деле, для него совершенно постороннем», и советовал препроводить в комитет формулярный список [1].

Пробовал свои силы Мельгунов и в изящной словесности. Как беллетрист он был известен главным образом повестями и путевыми очерками. Он был автором исторического романа «Тьма и свет», героями которого стали просветитель Николай Новиков, молодой Карамзин, митрополит Платон. Мельгунов умел легко и приятно высказывать серьёзные мысли, разнообразить наблюдения и описания довольно интересными набросками повестей, «по духу времени и вкусу» умеренно романтических.

В 1837 г. в Германии вышла книга Г. Кёнига «Literarische Bilderaus Russland» («Очерки русской литературы»), написанная им на основе бесед в Ганау с вышедшим в отставку с государственной службы Мельгуновым (частью под его диктовку). Книга эта впервые в широкодоступной форме познакомила европейского читателя с главными представи-

телями новой русской литературы и сыграла значительную роль в её популяризации за рубежом. «Очерки…» были первым полным обзором русской литературы на немецком языке, в котором вместе с историческим очерком содержалось и подробное описание её современного состояния.

«Очерки…» имели успех в Европе: книгу переиздали в Германии, перевели на чешский и голландский языки, во французских и английских журналах были помещены подробные рецензии (имелись также сведения о переводе книги на французский и датский языки).

Однако жёсткие нападки со стороны консервативных русских литераторов настолько сильно подействовали на Мельгунова, что у него появилось стойкое отвращение к «журналистике». С горечью он говаривал порой: «Матушка Россия и сиротка литература русская» [2].

Судьба Пушкина вдохновила Мельгунова на полное гражданственности и оптимизма определение сути русского писателя: «Он должен быть, конечно, человек с талантом, но при том и ещё более – человек с твёрдым убеждением, с крепкой волей, с душою чистою. Он больше, чем писатель… От него требуют не одного дарования, но и благородства; надобно, чтобы слово его, которое имеет всю важность поступка, могло, как поступок, быть подвергаемо суду мнения и смело выдерживать его критику» [3].

Когда к 1842 г. произошло окончательное размежевание западников и славянофилов, Мельгунов в накалённой идеологической обстановке пытался выступить примирителем противоборствующих мнений. Он поддерживал дружеские отношения как с «западниками» (П. Я. Чаадаев, А. И. Герцен, Т. Н. Грановский), так и со «славянофилами» (И. В. Киреевский, А. С. Хомяков), более того, Грановского называл

в числе чистых и благородных людей, даровитых, много сделавших и «ещё более обещающих». Мельгунов сотрудничал как в «Москвитянине», так и в «Отечественных записках» и обновлённом «Современнике». Себя он считал изгнанником, не принадлежащим ни к одной из партий.

Мельгунову был не по душе вечный спор в стане русских литераторов, он писал по этому поводу: «Мне тяжело видеть какой-то разлад между литераторами и дух исключительности, вследствие усиливающейся наклонности к кружкам. Рад я, что сам не принадлежу ни к одному приходу и держал себя независимо от партий. Плохо отказываться от независимости своих убеждений ради такого или такого общественного лозунга; вдесятеро хуже играть ими и своей свободой из-за приходских интересов. Роль благочинных, попов и причта, право, не к лицу писателям» [4].

Мельгунов горячо поддержал первый роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди» (1846) – «одно из украшений современной литературы нашей», был сторонником не уничтожения, а уравнения собственности, сторонником в первую очередь религиозной благотворительности. Примечательно, что в политику он шёл через… литературу: мечтал написать большой роман, который должен был поведать читателю не только об отношениях западников и славянофилов, но о том, что в России должна появиться третья, высшая партия, которая примирит и тех, и других. Это и была его главная цель – примирить непримиримых. Он писал: «Не Запад гниёт, а Восток процветает, но и на Западе и на Востоке одна часть народа, и самая значительная, носит в себе возможность возрождения и великого будущего, а другая, меньшая часть, действительно, гниёт и идёт к своей погибели […] Чем больше я знакомлюсь с крестьянами, с *народом* разных стран, тем более общего нахожу

между ними […] Сколько здесь (среди крестьян Нормандии. – А.К.) простоты, чистоты нравов и сердечности» [5].

В конце 1840-х гг., когда умер отец, Мельгунов-младший оказался в окружении хозяйственных и финансовых забот. Вникая во всю сложность русского крестьянского и хозяйственного мира, пришёл к выводу о том, что в России нужно резко уменьшить количество принудительных мер и посторонних внушений для практичного и ловкого русского мужика. Он негодовал по поводу запрещения «Современника» и «Русского слова», мечтал о журнале для народа, о дешёвых народных изданиях.

Крымская война, поражение в ней России были потрясением для Мельгунова. Он видел в этих трагических событиях вселенский вызов русскому обществу. А потому выступил на стороне реформаторов, восхищался «Историко-политическими письмами» М. П. Погодина (написаны в период Крымской войны) и усиленно распространял их в московских и петербургских кружках [6]. Историк и публицист К. Д. Кавелин привлёк Мельгунова к написанию статей для изданий Герцена. Мельгунов становится посредником между инициаторами создания рукописной либеральной литературы и Герценом, одним из деятельных корреспондентов «Колокола» в 1857–1858 гг. Когда «подпольщик» по секрету сообщил об этом Чичерину, тот был крайне удивлён: «Признаюсь, я тут получил более высокое понятие о Мельгунове, чем имел» [7]. Так Кавелин, Чичерин и Мельгунов первыми из либералов использовали лондонскую типографию.

В 1-й книжке «Голосов из России» (Лондон, 1856) Мельгунов анонимно напечатал знаменитые «Мысли вслух об истекшем тридцатилетии России», где изложил взгляды либеральной оппозиции. По его мнению, охранительная система

и механизм управления государством были заимствованы Николаем I в Австриии были обусловлены страхом перед возможной революцией. Мельгунов критиковал политику правительства в минувшее царствование («Подавление всякого самостоятельного проявления мысли как в литературе, так и в обществе и надзор над нею» [8]) и доказывал настоятельную необходимость изменения правительственного курса, однако, по мнению В. Н. Розенталь, «как критика прошлого, так и планы намечаемых преобразований носили крайне осторожный и умеренный характер» [9].

Подробно касаясь цензурных вопросов, Мельгунов вначале делал небольшой исторический экскурс: «С Петра, и особенно с Екатерины, литература, цвет народного ума, развилась у нас вместе с общим развитием просвещения, чему много содействовала мягкая, снисходительная цензура. Но по мере того, как увеличивались объём и значение литературы, действия цензуры становились всё строже и строже и дошли в последнее время до неимоверной придирчивости, мелочной, тупоумной. История русской цензуры была бы весьма поучительна. Из неё можно б было видеть, как смирительный камзол суживался постепенно вместе с расширением мысли» [10].

Автор с возмущением восклицал: «В настоящее время не только что запрещается перепечатывать целиком многие из сочинений, вышедших при Екатерине или при Александре; но есть книги, появившиеся лет пять или десять тому назад, которых не дозволяется издавать вновь. Первоначальный цензурный устав, довольно снисходительный, почти отменён вследствие бесчисленных дополнений секретных предписаний. Огромная ответственность, которой подвергаются цензоры, разнуздывает их произвол донельзя. Пове-

рять ли через 20, будем надеяться, даже через 10 лет, что в поваренных книгах зачёркивается техническое выражение «в вольном духу» […], что исправляются исторические надписи, имена урочищ и т. д., согласно с какими-то непонятными или непонятыми предписаниями; что при печати исключаются целые места из драматических пьес уже просмотренных театральной цензурой; что подвергаются пересмотру и исправлению даже газетные объявления…» [11]

Знаток литературно-политической кухни, Мельгунов приоткрывал некоторые секреты цензурной практики читателю: «Не будем, однако, слишком строги к бедным цензорам, поставленным под перекрёстный огонь различных ведомств. Вспомним, что над их головами висят десятки дамокловых мечей. Министр просвещения со своими чиновниками, III Отделение, высший или негласный цензурный комитет, и – для разнообразия столько еще отдельных цензур, сколько отдельных ведомств. Ведь у нас не только законом установленные цензуры – гражданская, духовная, военная, медицинская, театральная, полицейская; но и цензуры […] такого-то министра, статс-секретаря и т. д. Где ж в этом хаосе найтись людям, по большей части не отличающимся богатством соображений и справедливо думающим, что строгость не подвергает их ни малейшей ответственности, а снисходительность подвергает огромной?» [12]

Примечательно, что Мельгунов указывал на неблагоприятное влияние цензуры не только на книгоиздание и публицистику, но и на научную среду: «Критика и полемика у нас подавлены вовсе, потому что в них легко проявляется самостоятельность и даже резкость тона, а этого-то всего больше и боятся. Наши учёные труды ограничиваются теперь сухим изложением предмета, с робкой оценкой и взглядом испод-

лобья. Столько предметов исключено из круга учёной и литературной деятельности, что на каждом шагу становится в тупик, озирается и спрашиваешь себя: пропустят ли это, или не пропустят? Цензурные оглядки стесняют грудь, откуда исходить голос, и цепенят руку, которая пишет […]

Гасильная система принимает у нас огромные размеры. Она касается не одной литературы, но объемлет всё – в чём только проявляется стремление к образованности, выходящей из тесной казённой рамы» [13].

В качестве примера абсурдности правительственных мер Мельгунов приводил эпизод несостоявшейся тотальной ревизии книжных собраний (в том числе, надо полагать, и домашних): «…требовали осмотра всех библиотек в целой России, чтоб увериться, сколько у кого запрещённых книг, и таким образом определить благонамеренность или неблагонамеренность каждого. Стеснение личности и её прав на перемещение, совести и её прав на проявление себя, должно было довершиться стеснением собственности, где бы докапывались, что происходить в совести и в уме образованного сословия.

Знаете ли кто, судя по слухам, помешал чудовищным планам наших Торквемад?

Не учёный, не высокообразованный человек, а пуще всего – не питомец истекшего царствования, но старый воин времени Александра (князь А. Ф. Орлов. – А.К.), теперешний председатель государственного совета. Честь и слава доблестному мужу александровских времён! Только люди того времени и умели сколько-нибудь отстаивать прежние права и вечные требования справедливости» [14].

Мельгунов сформулировал важный тезис органической чуждости цензуры русскому национальному характеру:

«Власть, которая дорожит общим уважением, никогда и ни в чём не должна поддаваться страсти; ибо всякое величество (а власть величество) стоить выше страсти; ибо строгость раздражает и вызывает к противодействию. Контрабанда там и сильна, где господствует запретительная система. Русскому уму, который всегда любил простор и, право, уже достиг совершеннолетия, тесно и душно в детских пелёнках секретных дополнений к цензурному уставу; он рвётся наружу и, находя законный путь преграждённым для себя, ищет проложить боковое ложе. Такие уклонения от естественного пути могут быть опасны» [15].

Смело размышляя о будущем России, автор публицистических заметок предугадал и случившийся полвека спустя перенос столицы страны из Санкт-Петербурга (он называл его северным Вавилоном) в Москву. Этот шаг, по его мнению, предопределён не только географическими, но нравственными (!) обстоятельствами: «Есть и другого рода необходимость в смягчении цензуры и в допущении хоть ограниченной гласности. Через её отсутствие правительство отнимает у себя возможность знать правду. Вокруг него теперь всё молчит или вторит. Оно знает лишь Россию официальную, у которой всё затянуто в мундир: и талия, и ум, и чувство, и выражение их в слове. Оно живёт и править на краю России, на берегу Финского залива, в географическом и нравственном отчуждении от зерна государства; живёт и правит посреди чуть не идеальной сферы, куда действительность проникает лишь сквозь груды докладов и отношений. Пора бы ему, наконец, ознакомиться с Россией настоящей, наивной, искренней, которая бы говорила, что думает, не льстила, не лицемерила, не скрывала своих потаённых мыслей под лживым фразёрством. Мундирная

Россия не скажет правды; напротив, она скрывает истину, потому что в этом её выгода.

При ненормальном положении и России, и её правительства, роль Москвы чрезвычайно важна. Она – главная хранительница нашего наивного начала, хранительница русской оригинальности. Это значение её, правда, понемногу стирается, особливо с тех пор, как Петербург стал перетягивать к себе все её лучшие силы, и железная дорога довершает дело поглощения. Но тем настоятельнее поддерживать в ней, через большой простор мысли, развитие свежего, неискажённого начала русской жизни. Почти всё, что наша журналистика, литература, наука, даже администрация представляют дельного и серьёзно образованного, является в Москве или присылается Москвою. Поэтому вправе Москва ожидать поощрения и приволья, которого лишилась. Самостоятельность нужна для неё, как и она для самостоятельности. В тяжкие времена литературы она почти заменяла нам её онемевший язык. Путём же гласности древняя столица ознакомит и Петербург с настоящим положением народа и страны» [16].

Главной ошибкой внутренней политики Николая I, по мнению Мельгунова, являлось «недоверие к своим подданным и стремление оградить империю от новых восстаний и бунтов». Теперь же «время заговоров и тайных обществ прошло невозвратно» и уже не надо бояться революции, зато нужно развитие железных дорог, торговли, частной инициативы. Мельгунов выступал против консерватизма – такой же крайности, как радикализм. Нужно найти легальный выход для накопившегося общественного недовольства и тем самым укрепить порядок в стране: [правительство] «чувствует, что для паровой машины необходим клапан и что этот клапан – есть гласность» [17].

Такую же мотивировку необходимости гласности давал тогда и Чичерин: «гласность является лучшей опорой порядка […] Английские государственные люди утверждают, что гласность есть клапан, необходимый для предупреждения взрывов» [18].

Статья завершалась призывом к немедленному действию: «Долго ещё оставаться в губительном застое? Пора встрепенуться. Но чтоб нас разбудить и вызвать к полезной деятельности, для того нужна – повторяем опять и готовы повторять беспрестанно – нужна гласность.

Да будет свет!

Гласность! Великое слово! Злоупотребления ничего не доказывают: чего не злоупотреблял человек! Даже Божий свет; а гласность есть тот же свет.

Да озарится Россия светом гласности, да не укроются от неё и злые и добрые дела! Одна гласность в силах оградить нас от беззакония правосудия, отженить от нашего языка лесть, ложь и лицемерие, поднять нас и облагородить» [19].

В этой же книжке «Голосов из России» была напечатана статья «Россия в войне и в мире». Автор развивал здесь тезис о порочности николаевской системы, о губительности войны и необходимости скорейшего заключения мира даже на невыгодных для страны условиях, необходимости проведения назревших реформ. Мельгунов писал: «нам настоятельно нужно обратить строгое и неуклонное внимание на необходимость преобразований по всем отраслям государственного хозяйства, нам настоятельно нужно это сделать, если не хотим, чтоб Россия, сведённая уже по внешнему значению на степень державы второго разряда, не сошла так же низко и в своём внутреннем могуществе» [20].

Как подчёркивала В. Н. Розенталь, «взамен доверия либералы ожидали от царя сочувственного отношения к общественному мнению» [21]. Панацеей от всех зол Мельгунов опять же называл гласность. Он видел в ней не самоцель, а один из путей развития страны. В заключение статьи он писал: «Повторим вкратце наши благие пожелания: мир с внешними врагами; необходимость досуга для зрелых всеобъемлющих преобразований; всепрощение заблудшим и непримиримая вражда с заклятыми внутренними врагами» [22].

Следующая статья – «Приятельский разговор» – была напечатана во 2-й книжке «Голосов из России» (Лондон, 1856). Она построена в форме диалога между Чиновником и Нечиновником – двумя старыми приятелями, бывшими студентами Московского университета. Содержание беседы – оценка положения дел в стране и первых мер нового царствования. В отличие от первой статьи, в «Приятельском разговоре» было выражено некоторое недовольство колеблющейся политикой Александра II в начале его царствования. Это была попытка оказать давление на правительство. Мельгунов, как опытный полемист, демонстрировал читателю общеизвестные примеры: «Знаешь кое-что только от приезжих, да из иностранных журналов. Это напоминает мне недавний случай: мы, русские, узнали о назначении графа Орлова и барона Брунова русскими уполномоченными на парижские конференции – как ты думаешь, через какой журнал?» [23]

И снова он, будто откликаясь на страхи боящихся непредсказуемых последствий открытости, однозначно выступал за признание гласности нормой государственного управления: «А мы ратуем исподтишка с благородной дамой – с гласностью, принимая её за какое-то пугало. Почему бы нашему

правительству не вспомнить, что еще недавно сочинения Гоголя, даже Пушкина, считались зловредными, что принимались строжайшие меры против слов: народ, свобода, вольный дух и т. д. И что же? Вот вышли в свет и сочинения Пушкина, и сочинения Гоголя, даже вторая часть его «Мёртвых душ»; слова: свобода, народ, конституция, вольный дух и пр. печатаются даже не в поваренных книгах; политически газеты черпают известия не только из «Инвалида», но из разных [зарубежных] радикальных журналов […]

А между тем, сколько известно, не взбунтовалось ещё ни одно хоть бы самое маленькое помещичье именье; нет нигде и самого миниатюрного заговора, и Россия по-прежнему спокойна, любит своего царя, послушна перед властями, точно как будто б не было на свете ни Гоголя, ни Пушкина, ни статей, ни книг, запрещённых прежней цензурою и дозволенных нынешней; скажу более – точно как будто б не было даже рукописных статей. Удивительно, непостижимо!» [24]

Прямых указаний на авторство Мельгунова публикации «Циркуляр министра внутренних дел (от 10 апреля 1856 года)» нет, но по косвенным признакам ей можно рассматривать как продолжение его статьей. Читатель находит те же призывы к отмене охранительной системы, ослаблению цензурного и политического гнёта: «Пользуясь своею силою, правительство довело нас до такой степени подчинения, что мы лишились всякой энергии, сделались равнодушны не только к общему делу, но и к частным предприятиям, и сидим, скрестя руки, во всём полагаясь на верховное попечение. Нужно бы, кажется, вызвать в народе энергию, самостоятельность, чувство собственной силы и независимости, и тогда пробудится в нём и промышленный дух, который один может дат толчок производительным средствам государства, а правительство

продолжает твердить нам о покорности! Да мы и без того покоряемся, никто и не думал бунтовать» [25].

Доказано авторство Мельгунова в отношении всего нескольких публикаций в изданиях Герцена. Однако влияние либерального автора на лондонскую редакцию было достаточно велико, о чём можно судить по сохранившейся обширной переписке Мельгунова с Герценом, опубликованной в одном из томов «Литературного наследства» [26] в 1955 г. Например, Мельгунов сообщал Герцену об успехе первых двух книжек «Голосов из России» и подчёркивал, что они совершенно изменили отношение к лондонской типографии [27]. Без сомнения, перу Мельгунова принадлежат и другие тексты, в частности, на близость по содержанию «Шнуровой книги обличений» (опубликована в 3-й книжке «Голосов из России») к статьям Мельгунова указывала В. Н. Розенталь [28].

Хотя, например, Чичерин критиковал цензурный гнёт куда более резко, чем Мельгунов, автор «Мыслей вслух…» оказался публицистом «даже и в то богатое талантами время далеко не из последних» [29]. Тот же Чичерин вспоминал: «Политические статьи, напечатанные в «Голосах из России» показывают, что он вовсе не был лишён дарования. Они написаны умно, последовательно, живо, в умеренном тоне, местами даже с некоторым красноречием. Ясно, что это было его настоящее призвание. Если бы он ему последовал, то с его образованием и его основательностью он мог бы занять довольно видное место в нашей литературе. Но он поднялся на это уже на старости лет, и его хватило лишь на несколько статеек» [30].

Спад общественной активности в России после 1861 г. стал закатным временем и для Мельгунова, который «принялся писать романы, ожидая от них большой прибыли»

[31]. К тому времени он продал свои имения. Жил на гонорары, письма к редакторам униженно подписывал «Ваш батрак». Нищета одолевала его в последние годы жизни. Впрочем, таковы судьбы многих интеллигентов в России.

Для потомков осталось наиболее важно то, что либерал Мельгунов нашёл в себе силы печатно выступить против консервативных методов правления империей, в защиту гласности и свободы печати. Многое пережив на своём веку, отлично зная провинцию и высший свет, взгляды правых и левых, Россию и Европу, он чётко сформулировал новые принципы устройства русской жизни, энергичного развития хозяйства и общества. Вполне возможно предположить, будь они воплощены в жизнь, России удалось бы шесть десятилетий спустя избежать революционной катастрофы. И в этом смысле идеи Мельгунова не утратили своего значения и в XXI веке.

Примечания

1. Кирпичников А. И. Между славянофилами и западниками. Н. А. Мельгунов // Кирпичников А. И. Очерки по истории новой русской литературы. 2-е изд. Т. 2. М., 1903. С. 157–158.
2. Цит. по: Кирпичников А. И. Указ соч. С. 185.
3. Кирпичников А. И. Указ. соч. С. 182.
4. Цит. по: Кирпичников А. И. Указ. соч. С. 215–216.
5. Там же. С. 203.
6. Розенталь В. Н. Комментарии к статье «Мысли вслух об истекшем тридцатилетии России» // Голоса из России: Сборники А. И. Герцена и Н. П. Огарева: 1865–1860 (репринтное изд.). Вып. 4. Кн. X. Коммент и указ. М., 1975. С. 68.

7. Чичерин Б. Н. Воспоминания / Сост. С. Л. Чернова. М., 1991. С. 119.

8. [Мельгунов Н. А.] Мысли вслух об истекшем тридцатилетии России // Голоса из России. Ч. 1. Лондон, 1856. С. 70.

9. Розенталь В. Н. Комментарии к статье «Мысли вслух об истекшем тридцатилетии России» // Голоса из России: Сборники А. И. Герцена и Н. П. Огарева: 1865–1860 (репринтное изд.). Вып. 4. Кн. X. Коммент и указ. М., 1975. С. 70.

10. [Мельгунов Н. А.] Мысли вслух об истекшем тридцатилетии России // Голоса из России. Ч. 1. Лондон, 1856. С. 135.

11. Там же. С. 135–136.

12. Там же. С. 136–137.

13. Там же. С. 137–139.

14. Там же. С. 140–141.

15. Там же. С. 142.

16. Там же. С. 144.

17. Там же. С. 147.

18. Русский вестник, 1856. Т. V. Кн. 2 (октябрь). С. 677.

19. Там же. [Мельгунов Н. А.] Мысли вслух об истекшем тридцатилетии России // Голоса из России. Ч. 1. Лондон, 1856. С. 145.

20. [Мельгунов Н. А.] Россия в войне и в мире // Голоса из России. Кн. IV. Лондон, 1857. С. 145.

21. Розенталь В. Н. Комментарии к статье «Мысли вслух об истекшем тридцатилетии России» // Голоса из России: Сборники А. И. Герцена и Н. П. Огарева: 1865–1860 (репринтное изд.). Вып. 4. Кн. X. Коммент и указ. М., 1975. С. 188.

22. [Мельгунов Н. А.] Россия в войне и в мире // Голоса из России. Кн. IV. Лондон, 1857. С. 157.

23. [Мельгунов Н. А.] Приятельский разговор // Голоса из России. Ч. 2. Вып. 1. Лондон, 1856. С. 22.

24. Там же. С. 23–24.

25. [Мельгунов Н. А.?] Циркуляр министра внутренних дел (от 10 апреля 1856 года) // Голоса из России. Кн. 4. Лондон, 1857. С. 39.

26. Литературное наследство. Т. 62: Герцен и Огарев. II / АН СССР. Отд-ние лит. и яз.; [Арх.-текстол. и ред. подгот. А. Н. Дубовикова, Л. Р. Ланского, Н. А. Роскиной и Н. Д. Эфрос]. М., 1955.

27. Там же. С. 326, 328, 364.

28. Розенталь В. Н. Комментарии к статье «Мысли вслух об истекшем тридцатилетии России» // Голоса из России: Сборники А. И. Герцена и Н. П. Огарева: 1865–1860 (репринтное изд.). Вып. 4. Кн. X. Коммент и указ. М., 1975. С. 142.

29. Кирпичников А. И. Указ. соч. С. 214.

30. Чичерин Б. Н. Воспоминания / Сост. С. Л. Чернова. М., 1991. С. 120–121.

31. Там же. М., 1991. С. 120.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНЗОР И ОРЛОВСКИЙ ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОР В. Н. СЕМЁНОВ

Василий Николаевич Семёнов родился 22 ноября 1801 г. в селе Урусове Раненбургского уезда Рязанской губернии (ныне Липецкая область). Его родственники были незаурядными личностями. Младшая сестра матери – поэтесса и переводчица Анна Петровна Бунина (1774–1829); старший брат – поэт и драматург Пётр Николаевич Семёнов (1791–1832), офицер, автор нескольких водевилей, пародийных произведений, переводчик либретто опер; племянники (сыновья П. Н. Семёнова) – географ, путешественник, государственный и общественный деятель Пётр Петрович Семёнов-Тян-Шанский (1827–1914) и обер-прокурор, сенатор, учёный-естествоиспытатель, публицист и переводчик, отмеченный Пушкинской премией Академии наук, Николай Петрович Семёнов (1823–1904).

В 1813 г. родные привезли Василия в Санкт-Петербург к Анне Буниной, и в январе следующего года по её протекции он был принят в только что открывшийся Царскосельский лицейский пансион, а спустя некоторое время переведён в непосредственно в Лицей. Здесь познакомился и подружился с А. С. Пушкиным (на протяжении всех последующих лет они общались «на ты»).

Анна Бунина видела во взрослевшем племяннике родственную душу (творческая натура, мягкие манеры, энциклопедические знания), благоволила ему и, по возможности,

помогала в продвижении по службе. Однако успехи Василия Семёнова поначалу оказались невелики. После лицея он был отправлен на военную службу, но не в гвардейский полк, а в обычный. Несмотря на все усилия тётушки перевести его в Измайловский гвардейский полк, где служили старшие братья Василия Семёнова, этот план так и не был осуществлён – можно предположить, что причиной тому стали многочисленные упущения Семёнова-младшего по службе, его частые нарушения военной дисциплины.

Неудачливого офицера всё больше увлекала литература. В это время он взялся хлопотать о разрешении цензуры напечатать трагедию старшего брата Петра «Митюха Валдайский» – пародию на «Дмитрия Донского» В. А. Озерова. Обращался за помощью к цензору А. И. Красовскому, но тот отказался цензуровать пьесу, и она, после нескольких других попыток, так и осталась неизданной до 1860-х гг.

Осенью 1824 г. 23-летний Василий Семёнов уволился с военной службы. И уже в феврале 1825 года не без участия тёти был определён сверх штата в учреждённую месяцем ранее канцелярию министра народного просвещения. Карьера была стремительной: спустя месяц принят в штат, через год – помощник столоначальника, ещё через полгода – столоначальник. Залогом продолжения успешного служебного роста стала женитьба на Александре Ивановне Уваровой, двоюродной сестре Я. И. Ростовцева (1803–1860), тогда младшего офицера, а в последующем – главы ведомства военно-учебных заведений и одного из идеологов крестьянской реформы.

Именно у Ростовцева с Семёновым встретился студент, будущий профессор и цензор А. В. Никитенко, который сделал одну из первых записей в своём дневнике 7 января 1826 года: «Я между прочим познакомился у него ещё

с В. Н. Семёновым, который мне показался очень добрым человеком. Он служит при министре народного просвещения и сам вызвался поговорить обо мне с нашим ректором, с которым хорошо знаком» [1].

В мае 1826 г. был учреждён Комитет устройства учебных заведений, и в марте 1827 г. Семёнов был назначен членом комитета. Однако спустя два месяца он подал прошение о желании служить ещё и в Главном цензурном комитете, где появилась вакансия цензора. Основанием для этого могли оказаться не только усердие и прилежность. В отзыве директора канцелярии министра П. А. Ширинского-Шихматова председателю Главного цензурного комитета генерал-лейтенанту Л. Л. Карбонье д'Арситу говорилось, что Семёнов «отличался всегда благородным поведением и особенным усердием к службе», а потому – «при необыкновенных способностях и основательном знании иностранных языков» [2] совершенно заслуживает занять место цензора.

Назначение последовало в июле 1827 г., однако без жалования, так как Семёнов оставался на прежней должности в канцелярии министра. И уже в декабре того же года он просил отпуск на полгода «для поправления здоровья». Получив на эти цели две тысячи рублей, уехал на Кавказ и пробыл там до ноября 1828 г. А вернувшись в Санкт-Петербург, сразу подал прошение об отставке с должности цензора, впрочем, оставаясь причисленным к министерству народного просвещения. Но вскоре уволился и отсюда, став начальником I отделения Департамента уделов (по совпадению, во II отделении помощником столоначальника тогда служил Н. В. Гоголь – здесь они и познакомились). И снова увольнение – в декабре 1830 г. Однако ещё в июле того же года Семёнов был принят на должность «стороннего цензора»

в Главный цензурный комитет, заместив К. С. Сербиновича (1796–1874) [3], ставшего начальником отделения в министерстве народного просвещения.

Подытоживая деятельность Семёнова в контрольном ведомстве, автор биографической статьи о нём К. Я. Грот с сожалением писал: «Цензорская служба, сама по себе очень беспокойная и утомительная, принесла Василию Николаевичу множество волнений, служебных неприятностей, а также разочарований, так как он, одушевлённый наилучшими надеждами и стремлениями, натыкался беспрестанно на проявления и выпады того тупого и узкого по отношению к литературе гасительного направления правительства, того безнадежного обскурантизма, которые царили тогда у нас во всём государственном режиме, а в частности и особенно в цензуре. Применяться к цензурным требованиям было для него нравственно тяжёлой задачей, а между тем желание принести пользу литературе и её деятелям заставляло его терпеливо нести это бремя и даже подвергаться всяким служебным внушениям и карам за недостаточную строгость и за проявление некоторой снисходительности и более широких и просвещённых воззрений в исполнении своих обязанностей» [4].

Рассмотрим подробнее, в чём заключалась деятельность Семёнова на этом беспокойном поприще и какие недоработки ставились ему в вину. Едва Семёнов вступил в должность (21 июля 1830 г.), как вначале августа ему было поручено цензурирование «Литературной газеты» Дельвига (с № 46 от 14 августа). Уже в конце октября развернулась интрига (подробно эта история изложена в статье Н. К. Замкова [5]) вокруг помещённого в № 61 четверостишия Казимира Делавиня, сочинённого для памятника жертвам Июль-

ской революции в Париже. Консервативно настроенные читатели «Литературной газеты» увидели в этих строках прославление революции 1830 г. К тому же появилась жалоба Булгарина Бенкендорфу в связи с пропуском в «Литературной газете» (№ 59) замечаний о ложности ряда известий в «Северной пчеле». Как оказалось позднее, к этой истории был причастен… сам Бенкендорф.

В итоге Семёнов получил строгий выговор (объективности ради уточним, что тот не был внесён в формуляр). Участь Дельвига оказалась куда трагичнее – Бенкендорф вызвал его на беседу, в результате чего «Литературная газета» была вначале запрещена, а затем её издание было разрешено лишь под редакцией О. М. Сомова. Дельвиг тяжело заболел и умер в январе 1831 г. Семёнов после этого попросил уволить его от цензурирования «Литературной газеты», которое вновь перешло к цензору Н. П. Щеглову. Однако и тому не суждено было долго оставаться в этой роли – Щеглов умер 26 июня 1831 г. [6]

В мае того же года Семёнову пришлось держать ответ за опубликованную в «Северной пчеле» юмористическую статью Булгарина «Станционный смотритель». Министр народного просвещения князь К. А. Ливен увидел в этой публикации и воззвание к бунту, и выходку против себя лично. В «Дневнике» Никитенко писал 22 мая, что Ливен сделал доклад Николаю I, чтобы отрешить цензора Семенова и наказать автора. За Булгарина вступился Бенкендорф, соответственно, под защиту был взят и Семёнов. Уже 28 мая Никитенко записал: «Дело о цензоре Семёнове решено благоразумно: оно оставлено без уважения. Бедный Семёнов, однако, сильно натерпелся в эти дни. Ныне немногие могут похвалиться твёрдостью духа не на словах только, но и на деле» [7].

Семёнов теперь всё более склонялся к тому, чтобы в не ясных для него случаях пытаться разделить цензорскую ответственность. Когда в Петербург приехал его давний приятель М. П. Погодин со своей трагедией «Пётр I» – требовалось разрешение на публикацию, Семёнов обратился с этим вопросом к руководству комитета. То, в свою очередь, адресовало вопрос в Главное управления цензуры. И уже оно вынесло судьбу трагедии на суд царя. Последовало указание о категорическом запрещении печати пьесы. Благо, Погодин не посчитал Семёнова виновным в принятии такого вердикта.

В конце 1832 г. Семёнов представил в Цензурный Комитет прошение о разрешении ему издавать ежемесячный «Энциклопедический журнал, – извлечение из лучших иностранных периодических издании о ходе наук, искусств и промышленности». 7 декабря он писал: «Смею надеяться, что самое звание цензора, каким удостоило меня начальство, может служить достаточным удостоверением в познаниях, требуемых от меня, как от издателя журнала, и верной порукою в том, что в издании сем не встретят ничего противного правилам цензуры, ни одной даже несколько вредной для общественного порядка мысли. Единственная цель моя – способствовать трудами моими успехам просвещения, основанного на чистейших правилах веры и нравственности, на преданности к властям и уважении к законам отечества» [8].

К прошению была приложена программа журнала: «С быстрым распространением просвещения в отечестве нашем потребность книг и журналов, сообщающих известия о ходе наук, искусств и промышленности становится с каждым днём ощутительнее. Для удовлетворения по возможности сей потребности с начала 1833 г. будет издаваться в С.-

Пб. «Энциклопедический журнал, – извлечение из лучших иностранных периодических изданий о ходе наук, искусств и промышленности. Само название сего журнала показывает, что в состав оного не могут входить ни известия политические, ни сочинения оригинальные, ни даже разборы произведений отечественной нашей словесности. Обнимая, подобно иностранным обзорам (Revues), все отрасли человеческих познаний и заимствуя материалы свои исключительно из иностранных периодических изданий, «Энциклопедический журнал» будет заключать в себе только статьи переводные, а именно извлечения и отрывки из любопытных путешествий, археологические изыскания, биографии известных писателей, разборы их произведений, педагогические и технологические опыты, учёные рассуждения, библиографию всех вновь вышедших сочинений с кратким разбором оных, известия о заседаниях иностранных академий и учёных обществ, учёные задачи, предлагаемые на разрешение и, наконец, известия о всех открытиях и улучшениях по части наук, искусств и промышленности. Более сорока отличных иностранных журналов, получаемых в редакции, доставят издателю возможность выбирать из оных только самое новое, самое занимательное. Редактор льстит себя надеждою, что, передавая русским читателям всё лучшее и полезное в европейской литературе, он трудами своими будет хотя несколько содействовать успехам просвещения в любезном ему отечестве» [9].

Цензурный комитет передал ходатайство Семёнова в Главное цензурное управление. Однако дальнейшего развития этот проект не получил: широкий и детальный разговор о путях прогресса был преждевременным для того состояния русского общества.

Семёнов составил и издал литературный сборник «Комета Белы. Альманах на 1833 год». В нём приняли участие 27 литераторов. Название книге дал фантастический рассказ Погодина о комете Биэлы (названной в честь немецкого астронома Вильгельма Биэлы, открывшего её «в третий раз» в 1826 г.), об астрономе Галлее и его ученике Джемсе. Акцент на космической теме не случаен – именно в то время в газетах появились версии, будто в 1833 г. комета столкнётся с Землёй, что вызовет колоссальные бедствия.

Кроме Погодина, в отделе прозы альманаха приняли участие Шевырёв, Греч, Сенковский, Булгарин и Глинский (псевдоним Петра Вяземского), а стихи дали Ф. Н. Глинка, Деларю, М. Дмитриев, Козлов, Языков, Крылов, Кукольник, С. Раич и другие. Этот круг литераторов в значительной степени совпадает с кругом автором произведений, попадавших тогда на цензорский стол Семёнова. В этом числе «Путешествие в Арзрум» Пушкина, мистерия «Ижорский» Кюхельбекера, трагедия Хомякова «Дмитрий Самозванец»… По свидетельству современников, «во время пребывания Гоголя в Петербурге он был знаком и часто посещал Семёнова, бывшего в то время цензором; Гоголь часто читал Семёнову свои произведения не только как хорошему знакомому, но и как цензору, спрашивая его о том, удобно или неудобно прочитанное к печати» [10]. Действительно, Семёнов выступил цензором «Арабесок» Гоголя. Ныне довольно трудно представить, сколь сложной была задача цензора, стремившегося помочь собратьям по перу и в то же время соблюсти все требования почти полицейского бдения. Как иллюстрацию подобного противоречия приведём историю с публикацией репортажа Ф. Н. Глинки.

Герой антинаполеоновских войн, известный поэт, драматург и публицист Фёдор Николаевич Глинка (1786–1880) был широко известен читающей публике как автор «Писем русского офицера», главный редактор «Военного журнала» (к тому же его брат Сергей являлся основателем журнала «Русский вестник»). Находясь в ссылке как участник выступления декабристов, Глинка в 1830 г. был переведён из Петрозаводска в Тверь, а затем в Орёл (декабрь 1832 г.). Ему явно хотелось пристально вглядеться в, образно говоря, лицо России. Что есть власть, что есть провинция? Какую роль играет армия в жизни общества и государства? Готова ли страна к новым испытаниям? Возможность поразмышлять об этом, поделиться мыслями с читателями предоставили военные учения в Орле осенью 1834 г. О них Глинка решил написать в «Русский инвалид». При всей кажущейся простоте и замысла, и его осуществления (описание манёвров, длившихся всего несколько дней) перед Глинкой стояла весьма сложная задача. С какой точки зрения строить повествование? С позиции достаточно высокопоставленной должности государственной службы (советник губернского правления)? Но в таком случае пришлось бы назвать множество цифр, поделиться скрытыми от публики сведениями и в итоге пойти на разглашение конфиденциальной служебной информации.

С позиции испытанного военного аналитика и историка? Но тогда объективности ради пришлось бы обращать внимание и на негативные моменты, просчёты в проведении манёвров. К тому же Глинка не мог не учитывать непростые обстоятельства, в которых оказался, – свой статус ссыльного.

С позиции художника? Ограничиться большой стихотворной картиной автор явно не хотел – в диалоге с читателем для

него были важны факты, реальные подробности, масштабные аналитические выводы военно-политического характера.

И Глинка нашёл оригинальный вариант – «Письмо к другу». Стилизация сняла почти все эти вопросы, дала автору волю в эмоциональных оценках и использовании риторических приёмов. К тому же Глинка сразу оговорился, что, собственно, в манёврах участия не принимал по причине болезни и потому передаёт на бумаге впечатления горожан. Внимательный читатель и воочию, и «между строк» мог прочесть ряд важных вещей, например, о том, что речь идёт о первых итогах начавшейся модернизации армии (артиллерия, понтоны, новая организация подразделений и т. д.). Смотр должен был показать, насколько умело руководят дивизиями и полками недавно назначенные командиры, причём имелись в виду не рядовые, а элитные части Русской армии – например, 1-й полк 1-й дивизии (Московский драгунский).

Можно предположить, что Глинка строил текст в расчёте и на отечественного, и на зарубежного читателя. Он не супился на факты и краски, чтобы показать мощь и военную доблесть реформируемых войск (к тому же в учениях в Орле принимали участие прусский и австрийский посланники, два военных агента иностранных держав и их свита [11]).

Глинка написал свой репортаж достаточно быстро – в конце текста стоит авторская дата «Октября 12 дня, 1834 года» (т. е. чуть более двух недель с момента завершения манёвров). Столь же спешно рукопись была подготовлена в печать – на обороте титульного листа брошюры (отдельного оттиска публикации в «Русском инвалиде») указано: «Печатать позволено. С.П.бург. 4 ноября 1834. Цензор В. Семёнов». Конечно же, у Семёнова должны были возникнуть опасения, не раскроет ли публикация некие военные

секреты. Однако контрпропагандистский пафос репортажа перевешивал возможные издержки. По всей вероятности, это и предопределило причину особой оперативности цензора в работе с рукописью.

Миролюбивый и деликатный, «добродушный говорун» [12] Семёнов нередко выступал в роли примирителя среди коллег, ведущих яростную борьбу. Вот один из эпизодов, рассказанный в 1834 г. Н. И. Гречем на его «четвергах» и взятый на заметку В. П. Бурнашёвым: «Это было на новоселье Смирдина. Обед был на славу. Нам с Булгариным привелось сидеть так, что между нами сидел цензор Вас. Ник. Семенов, старый лицеист, почти однокашник Александра Сергеевича. Пушкин на этот раз был как-то особенно в ударе, болтал без умолку, острил преловко и хохотал до упаду. Вдруг заметив, что Семёнов сидит между нами, двумя журналистами, которые, правду сказать, зато, что не дают никому спуска, слывут в публике за разбойников, крикнул с противоположной стороны стола, обращаясь к Семёнову: «Ты, брат Семёнов, сегодня словно Христос на горе Голгофе». Слова эти тотчас были всеми поняты; я хохотал, разумеется, громче всех, аплодировал и посылал летучие поцелуи Пушкину, который кричал мне: «Вы, Николай Иванович, не сердитесь?» Я отвечал ему громко: «Я был бы непростительно глуп, если бы сердился на эту милую шутку, которая нашему брату журналисту вовсе и не обидна, потому что нам то и дело, что приходится разбойничать по общим понятиям публики, т. е. лаяться, острить, отбиваться, нападать, даже хищничать. Я понимаю значение журналиста и никогда эпитетом разбойника не обижусь!» [13]

Характерную концовку той истории встречаем в воспоминаниях Н. Н. Терпигорева: «Греч зааплодировал, а все мы

расхохотались – один Булгарин, подойдя к Семёнову, сказал: «Вам и быть-то между нами не следует». – «Почему это?» – спросил Семёнов. «А потому, что вы литературный палач [в тексте «Русской старины» по цензурным соображениям значилось «паяц». – А.К.]… Греч прямо тут же объявил, что это сказано Булгариным потому, что ему хотелось сорвать на Семёнове свою досаду на Пушкина, которого, как известно, он побаивался» [14].

Семёнов, как профессиональный литератор, в это время пробовал силы в переводе, в частности, переложил в стихах трагедию Раупаха «Земная ночь». Пьесы немецкого драматурга Эрнеста-Беньямина-Соломона Раупаха (1784–1852) пользовались большим успехом в Берлине. Несколько лет (1816–1822) он был профессором философии и истории Петербургского педагогического института (с 1819 г. – университета), но в итоге оказался уволен за вольнодумство вместе с А. И. Галичем и шестью другими профессорами (в Германии высланного из Петербурга Раупаха воспринимали как несправедливо осуждённого в России), Пьеса была написана Раупахом ещё в 1819 г. (примечательно, что именно в тот год он должен был стать ректором вуза по выбору корпорации, но по настоянию министра итоги выборов были пересмотрены [15]) на сюжет из венецианской истории о вечной «борьбе сердца и обязанностей». Семёнов перевёл текст белым пятистопным ямбом, являвшимся тогда обычным для драм размером (пример – пушкинский «Борис Годунов»). Очевидно, что Семёнов здесь подражал Пушкину, причём в расчёте на будущую постановку сделал значительные сокращения и добавления, опубликовав их в виде приложения к тексту пьесы. Однако труды переводчика-поэта были напрасны. К. Я. Грот заметил: «Можно только пожалеть, что

этот большой и добросовестный труд и те несомненные литературные дарования, которые вложил В. Н. Семёнов в исполнение своей задачи, – из-за не особенно удачного и благодарного выбора её – не увенчались должным признанием и успехом» [16].

Весьма насыщен событиями оказался 1835 г., предпоследний в цензорской карьере Семёнова. Именно тогда он, в сотрудничестве с П. И. Кеппеном, издаёт «Санкт-Петербургские ведомости»: Семёнов редактирует русский вариант ежедневной газеты, Кеппен – немецкий [17]. 2 февраля Никитенко, упомянув в дневнике о своих неурядицах на цензурном поприще, отметил: «Семёнов также сделал промах. В одном из последних номеров «Сына Отечества» напечатана статья о французских и английских романах, где одна святая названа представительницей слабого пола. Цензор получил от министра строгий выговор. Тем пока всё кончилось» [18].

Несколько позже произошёл другой случай, который должен был окончиться теперь уже «строжайшим выговором» Семёнову. В «Северной пчеле» (№ 245) опубликовали объявление о готовящемся Булгариным издании книги «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях». Эта новость вызвала сильное раздражение министра народного просвещения С. С. Уварова. Он обратился с письмом в Петербургский цензурный комитет: «Книга сия, по изъяснённой в объявлении программе, должна касаться столь важных политических и правительственных предметов, что прежде всего представляется вопрос: может ли частное лицо входить в рассуждения о сих предметах и притом в так названной «Ручной книге», предназначенной для «Русских всех сословий»? Цензор,

надворный советник Семёнов, рассматривавший сие объявление, обязан был сообразить, что в означенной книге будет говориться об отношении Верховной власти к Государству, о правах Верховной власти, об отношениях Церкви к Государству, что обратится внимание на политический вес Государства в ряду прочих держав […] Но излагать всё это частному человеку для русских всех сословий не только не может дозволить цензор, но и высшее над цензурой начальство. На основании цензурного Устава гг. цензоры обязаны в сомнительных случаях обращаться в Цензурный комитет и испрашивать от оного разрешения. Неоднократно приказано было от меня, чтоб гг. цензоры, при встречающихся случаях непосредственно испрашивали и от меня наставлений; несмотря на всё сие, цензор Семёнов решился пропустить сам собою вышеназванное объявление.

Я предлагаю заступающему ныне место председателя в здешнем Цензурном комитете сделать от имени моего цензору Семёнову за пропуск сего неприличного объявления и за несоблюдение данных наставлений строжайший выговор с подтверждением, чтобы впредь был осторожнее и внимательнее к служебным обязанностям под опасением полной по закону ответственности» [19].

Неизвестно, был ли в итоге вынесен очередной, «строжайший» выговор Семёнову, однако указанная книга вскоре была издана без всяких препятствий. И всё же чаша терпения получившего уже далеко не первое взыскание цензора оказалась переполнена: очередная заурядная, казалось бы, ссора издателей и журналистов, привела в итоге к окончательной отставке Семёнова.

Началось всё с того, что в «Северной пчеле» появилось письмо издателя «Энциклопедического лексикона»

Плюшара. Дадим далее слово Никитенко, записавшему в дневнике 10 марта 1836 г.: «Плюшар напечатал в «Северной пчеле» письмо с обвинением Смирдина в том, что тот неисправно доставляет подписчикам 3-й и 4-й тома «Энциклопедического лексикона»: по уговору он должен их рассылать. Смирдин в своё оправдание представил Цензурному комитету расписку Плюшара, из которой видно, что эти тома им самим получены лишь в то время, когда, по словам Плюшара, они должны были бы уже находиться в руках подписчиков. Так как Плюшар такою ложью, очевидно, намеревался подорвать торговый кредит Смирдина, последний подал на первого жалобу генерал-губернатору. Но кто главный виновник этой интриги? – Греч. Он поссорился с Сенковским и подбил Плюшара напечатать вышеупомянутое письмо. Цензор Семенов должен от этого выйти в отставку» [20].

21 марта 1836 г. Семёнов подал прошение об увольнении его от цензорской должности – по плохому состоянию здоровья – и о причислении к министерству народного просвещения, выражая готовность служить ревностно и впредь и надежду, что его 11-летняя служба будет вознаграждена взамен «недослуженной» (на два года) пенсии по цензурному ведомству. 11 апреля просьба была удовлетворена – 27 апреля 1836 г. Семёнов вышел в отставку [21].

Необходимо заметить, что в отставку Семёнов уходил не только от усталости и раздражения. Он, кажется, нашёл себе другое занятие по душе. Ещё в сентябре 1835 г. в периодике появилась программа издания многотомной «Библиотеки иностранных писателей о России», и там сразу была указана фамилия Семёнова, как лица, взявшего на себя, по просьбе издателя М. Калистратова, редакцию этой Библиотеки.

Семёнова увлекала идея масштабного исторического паноптикума, показывающего читателям, какой виделась Россия писателям-иностранцам XV, XVI и XVII вв. Издание было настолько грандиозным и рассчитанным на много лет, что только первое отделение должно было насчитывать 12 томом общим объёмом до 300 п. л. Редактору пришлось самому перевести (с итальянского, которым он отлично владел) произведения трёх из четырёх вошедших в I том писателей. К тому же он подготовил исторические примечания. Апофеозом первой стадии стала публикация под одной обложкой и подлинников произведений.

Вышедший в сентябре 1836 г. I том «Библиотеки…» [22] был «поднесён» составителем А. С. Пушкину (сохранился в его библиотеке разрезанным в нескольких местах). Читательская аудитория благожелательно приняла новое издание, более того, книга была представлена в Академию наук на конкурс для соискания Демидовской премии. Академия же поручила вынести вердикт академику Ф. И. Кругу, В своей рецензии он отметил ряд существенных недостатков, однако оговорился, что «вовсе не думает своею критикой умалять заслугу редактора, а лишь желает обратить его внимание на то, что требуется для усовершенствования издания. Поэтому, невзирая на свой строгий суд, он считает справедливым – в виду исключительности подобных явлений в русской литературе – увенчать этот труд Демидовской премией в 2500 рублей, дабы поощрить как самого редактора к продолжению его благих усилии, так и других способных молодых учёных к занятиям в области русской истории» [23].

Несмотря на этот успех, Семёнов пережил тогда не лучшие времена. Второй том «Библиотеки…» так и не увидел свет по неизвестным нам причинам. Вероятно, и смерть

Пушкина в значительной степени омрачила творческие планы Семёнова, который с тех пор уже не выступал ни на литературном, ни на издательском поприщах. Около двух лет он оставался без определённой службы, что, видимо, подтолкнуло его к неординарному шагу – отправиться в провинцию: в 1838 г. Семёнов был назначен на должность орловского вице-губернатора (по канонам дореволюционного административного устройства, в отличие от современных, вице-губернатор в каждой губернии тогда был только один).

Губернатором в Орле с мая 1837 г. по декабрь 1841 г. являлся Николай Васильевич Васильчиков, назначенный на гражданскую должность сразу после ухода в отставку с военной службы [24]. Эти годы в Орле были отмечены стремлением власти заняться масштабным благоустройством губернского центра, чему, к сожалению, мешали большие пожары – немало усилий ушло на организацию восстановительных работ, помощь погорельцам. Заметим также, что в январе 1838 г. начали издаваться «Орловские губернские ведомости», в декабре того же года была открыта первая губернская публичная библиотека, в следующем году «устроен» первый городской общественный театр [25]. Тот факт, что эти три события произошли в то время, когда «вторым руководителем» Орловской губернии являлся именно Семёнов – опытный чиновник, издатель и литератор, – можно рассматривать как символический знак, обещавший хорошую будущность начинаниям в культурной сфере провинции…

В бытность вице-губернатором в Орле, Семёнов находил время навещать родные места – благо, Рязанская губерния располагалась относительно недалеко. Так, получив от Погодина известие об избрании в члены Московского общества истории и древностей российских (в это время Семёнов

был в Рязани), писал в ответ: «Здесь нашёл для себя интересное занятие – именно в рассмотрении здешних губернского и консисторского архивов. Рассмотрение первого я кончил; но в свитках не нашёл ничего замечательного. Это дела частные, уголовные, времён дома Романовых от Михаила до Петра, любопытны только в отношении юридическом […] Свитки довольно плохо сохранились, так что многие совершенно распадаются. Когда же спадёт несколько половодье, то отправлюсь в монастыри: Богословский, Солотчинский и Ольгов [соответственно Свято-Иоанно-Богословский, Солотчинский Рождества Богородицы, Успенский Ольгов монастыри на территории современной Рязанской области. – А.К.], а потом пущусь в старую Рязань, Касимов и Пронск. Может быть, в течение всех этих разысканий удастся мне открыть что-либо исторически интересное и полезное» [26].

В начале 1841 г. Семёнов получил все полномочия губернатора, так как Васильчиков длительное время отсутствовал. Однако энергичный деятель издательской сферы Семёнов оказался не самым образцовым администратором. В частности, он подал представление на награждение ряда орловских купцов золотыми и серебряными медалями за сделанные будто бы в пользу бедных пожертвования – продажу хлеба со значительными скидками. Однако, как установила в 1842 г. ревизия под руководством сенатора, недавнего воронежского губернатора (и, заметим, писателя, покровителя А. В. Кольцова) Д. Н. Бегичева, представленные Семёновым к награждению купцы на самом деле жертвовали в 40–60 раз меньше, чем было объявлено. Специальный суд, разбиравший злоупотребления губернатора Васильчикова, признал Семёнова виновным [27], однако четыре года спустя, в 1846 г., после череды разбирательств, Сенат признал са-

мого Васильчикова «не подлежащим ответственности» [28]. Но уже задолго до этого рескрипта, ещё в ноябре 1842 г. Семёнов был отозван из Орла в распоряжение министерства внутренних дел. Столь приятные его душе исследования Центра России пришлось отложить на долгий срок, если не навсегда. Опального чиновника ждал Кавказ – бездонная бочка Данаид. Благодаря протекции, вместо взыскания он получил пост члена Совета Главного управления Закавказским краем. Десять лет трудился здесь на ниве просвещения, в 1847 г. был назначен управляющим учебною частью в Закавказском крае, а в декабре 1848 г. – попечителем Закавказского учебного округа с оставлением членом Совета Главного управления.

С его службой на Кавказе связан любопытный эпизод. В 1844 г. к Семёнову обратился подполковник Корпуса горных инженеров Николай Воскобойников, долгое время руководивший нефтяными разработками в Закавказье. Его авторству принадлежала новая по тем временам технология добычи – методом бурения глубоких скважин. До этого нефть добывалась примитивным способом черпания из ям. Незадолго до этого Воскобойников был отстранён от должности и попал в разряд «неблагонадёжных», как следствие, все последующие предложения талантливого инженера по совершенствованию нефтяного дела наталкивались на стену равнодушия со стороны местных чиновников Горного департамента.

Семёнов не остался равнодушным к судьбе инженера и решил помочь ему, тем более что бывший цензор хорошо знал, как работает чиновничий аппарат, поэтому придумал неординарное решение – документ по нефтяному делу он подал от своего имени главноуправляющему Закавказским краем генералу А. И. Нейдгардту с последующим направ-

лением непосредственно министру финансов Канкрину, минуя промежуточные инстанции, в том числе и Горный департамент.

Ожидания Семёнова сбылись. Уже 30 апреля 1845 г. по распоряжению министра финансов были отпущены необходимые средства для производства бурения. Таким образом, во многом благодаря стараниям Семёнова добыча нефти с помощью буровых установок, ставшая в наше время практически единственной технологией в нефтяной промышленности, впервые в мире была проведена именно в Российской империи (примечательно: не так давно ту скважину в бакинском пригороде Биби-Эйбат отреставрировали, теперь это не столько промышленный, сколько музейный объект) [29].

В феврале 1852 г. Василий Николаевич «по совершенно расстроенному здоровью» был уволен от службы и вернулся с Кавказа в Петербург. Около двух лет провёл в отставке, однако Я. И. Ростовцев нашёл способ устроить своего родственника на достойное место: Семёнов в 1854 г. стал членом Учебного комитета при Главном управлении военно-учебными заведениями. Имел чины действительного статского советника (1846) и тайного советника (1858).

Умер Василий Николаевич 11 сентября 1863 г. [30] в Женеве, куда поехал для поправления расстроенного здоровья.

Так сложилось, что богатый личный архив Семёнова в полном виде не сохранился. Как указывал один из современников, «Семёнов, по своей обязанности, имея, в числе своих знакомых, многих литераторов, собрал от них много рукописей и получил также много книг, которые он при отъезде из Петербурга подарил своему родственнику Н. Н. Терпигореву, любителю литературы и библиофилу» [31]. По всей видимости, речь шла об архиве, собранном к концу

1830-х гг. (перед отъездом в Орёл и затем на Кавказ). Более поздний архив Семёнова перешёл к одному из племянников, избравшему постоянным местом жительства Францию. В итоге документы были утрачены.

Внучатый племянник В. Н. Семёнова по матери, литературовед и историк К. Я. Грот (1853–1934) написал о своём дяде обширный биографический очерк, на который мы неоднократно ссылались в данной статье. В. Н. Семёнов как спутник Пушкина упомянут в ряде изданий [32]. Статьи о В. Н. Семёнове нет в «Липецком энциклопедическом словаре» (Липецк, 1994) и «Липецкой энциклопедии» (Рязань–Липецк, 1999–2001), однако есть в «Рязанской энциклопедии» [33], в биобиблиографическом справочнике цензоров Российской империи [34]. В описях личных дел Орловского губернского правления и канцелярии губернатора за 1838–1842 гг. в Государственном архиве Орловской области личное дело В. Н. Семёнова не значится. Так как в описях имеются дела с неполным описанием персоналий (пометка «и другие»), возможно, со временем всё-таки удастся обнаружить формулярный список Семёнова, но, видимо, это дело будущего.

Примечания

1. Никитенко А. В. Дневник. Т. I. – М., 2005. – С. 177.

2. Грот К. Я. Василий Николаевич Семёнов, литератор и цензор: К литературной истории 1830-х годов // Пушкин и его современники: сборник. Вып. XXXVII. – Л., 1928. – С. 162.

3. Цензоры Российской империи, конец XVIII – начало XX века: биобиблиографический справочник / О. Ю. Абакумов и др.; редкол.: В. Р. Фирсов (пред.) и др.; Российская нац. б-ка. – СПб., 2013. – С. 325.

4. Грот К. Я. Василий Николаевич Семёнов, литератор и цензор: К литературной истории 1830-х годов // Пушкин и его современники: сборник. Вып. XXXVII. – Л., 1928. – С. 163–164.

5. К истории «Литературной газеты» барона А. А. Дельвига // Русская старина. 1916. – № 5. – С. 245–281.

6. Цензоры Российской империи, конец XVIII – начало XX века: биобиблиографический справочник / О. Ю. Абакумов и др.; редкол.: В. Р. Фирсов (пред.) и др.; Российская нац. б-ка. – СПб., 2013. – С. 390.

7. Никитенко А. В. Дневник. Т. I. – М., 2005. – С. 289.

8. Грот К. Я. Василий Николаевич Семёнов, литератор и цензор: К литературной истории 1830-х годов // Пушкин и его современники: сборник. Вып. XXXVII. – Л., 1928. – С. 167–168.

9. Грот К. Я. Василий Николаевич Семёнов, литератор и цензор: К литературной истории 1830-х годов // Пушкин и его современники: сборник. Вып. XXXVII. – Л., 1928. – С. 168.

10. Пичегин П. Библиографические заметки: О ненапечатанном рассказе Н. В. Гоголя «Прачка» // Московские ведомости. – 1861. – № 3. – С. 23.

11. Записки орловского губернатора Аркадия Васильевича Кочубея: (Фрагмент из кн. «Семейная хроника. записки Аркадия Васильевича Кочубея. 1790–1873»). – Орёл, 2002. – С. 36.

12. Никитенко А. В. Дневник. Т. I. – М., 2005. – С. 369.

13. Бурнашёв В. Четверги у Н. Н. Греча // Воспоминания петербургского старожила. Т. 1. М., 2022. – С. 97. История приведена также в издании: Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XX века / сост. и прим. Е. Куракова и Н. Охотина. – М., 1990. – С. 225–226.

14. Русская старина. – 1870. – № 5. – С. 473–474.

15. Жуковская Т. Н. «Дело профессоров» 1821 г. в Санкт-Петербургском университете: новые интеграции // Учёные записи Казанского университета: серия «Гуманитарные науки». – 2019. – Т. 161, кн. 2–3. – С. 102.

16. Грот К. Я. Василий Николаевич Семёнов, литератор и цензор: К литературной истории 1830-х годов // Пушкин и его современники: сборник. Вып. XXXVII. – Л., 1928. – С. 173.

17. Шерих Д. Визитная карточка Петербурга: Жизнь от Петра до Путина в зеркале «Санкт-Петербургских ведомостей». – М. – СПб., 2009. – С. 81.

18. Никитенко А. В. Дневник // Русская старина. – 1889. – № 9. – С. 524–525. Примечательно, что в современном издании (М., 2005) данная запись по неизвестной причине отсутствует.

19. Грот К. Я. Василий Николаевич Семёнов, литератор и цензор: К литературной истории 1830-х годов // Пушкин и его современники: сборник. Вып. XXXVII. – Л., 1928. – С. 177.

20. Никитенко А. В. Дневник. Т. I. – М., 2005. – С. 370.

21. Цензоры Российской империи, конец XVIII – начало XX века: биобиблиографический справочник / О. Ю. Абакумов и др.; редкол.: В. Р. Фирсов (пред.) и др.; Российская нац. б-ка. – СПб., 2013. – С. 324.

22. Полное название книги: Библиотека иностранных писателей о России. Отделение первое, том 1. Иждивением М. Колистратова, трудами В. Семёнова, И. Барбаро, А. Контарини, А. Кампензе, П. Новий. – СП6.: в типогр. III Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1836.

23. Шестое присуждение наград Демидова. – СПб., 1837. – С. 33.

24. Орловские губернаторы / сост. О. М. Трохина, А. А. Корчева, А. А. Воробьёв. – Орёл, 1998. – С. 95–104.

25. Орловские губернаторы / сост. О. М. Трохина, А. А. Корчева, А. А. Воробьёв. – Орёл, 1998. – С. 97.

26. Барсуков Н. Жизнь и труды Погодина. Кн. V. – СПб., 1892. – С. 73–74.

27. Алексеев В. Суд над губернатором // Пересвет (Брянск). – 1992. – № 8. – С. 53.

28. Орловские губернаторы / сост. О. М. Трохина, А. А. Корчева, А. А. Воробьёв. – Орёл, 1998. – С. 95–103.

29. О роли Семёнова в этой истории упоминается в ряде книг и статей, в частности: Пажитнов К. А. Очерки по истории бакинской нефтедобывающей промышленности. – М. – Л., 1940; Лисичкин С. М. Очерки по истории развития отечественной нефтяной промышленности: дореволюционный период. – М. – Л., 1954; Соколов В. А. Нефть. – М., 1970; Матвейчук А. Цензор Семёнов и инженер Воскобойников // Независимая газета. – 1998. – 2 сент. – С. 16.

30. Цензоры Российской империи, конец XVIII – начало XX века: биобиблиографический справочник / О. Ю. Абакумов и др.; редкол.: В. Р. Фирсов (пред.) и др.; Российская нац. б-ка. – СПб., 2013. – С. 324

31. Пичегин П. Библиографические заметки: О ненапечатанном рассказе Н. В. Гоголя «Прачка» // Московские ведомости. – 1861. – № 3. – С. 23.

32. Костин К. Спутники Пушкина // Литературная Россия. – 1967 – № 2. – С. 17; Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. – Л., 1975. – С. 271–272; Вересаев В. В. Спутники Пушкина. В 2-х тт. – М., 1993. – Т. 2. – С. 215.

33. Рязанская энциклопедия. Т. 2. – Рязань, 2000. – С. 373–374.

34. Цензоры Российской империи, конец XVIII – начало XX века: биобиблиографический справочник / О. Ю. Абакумов и др.; редкол.: В. Р. Фирсов (пред.) и др.; Российская нац. б-ка. – СПб., 2013. – С. 324.

С. М. СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ О ЦЕНЗУРЕ И СВОБОДЕ ПЕЧАТИ

Один из виднейших представителей революционного народничества Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский (настоящая фамилия – Кравчинский, псевдоним С. Степняк) родился 1 июля 1851 года в селе Новый Стародуб Херсонской губернии. Его отец Михаил Фаддеевич окончил Военно-медицинскую академию в Петербурге, был военным врачом и получил потомственное дворянство. С 1858 по 1865 год по службе Михаил Фаддеевич с семьёй много ездил по югу России: жили в Елизаветграде, Умани, Чугуеве, Славянске. Сергей Кравчинский учился в Орловском Бахтина кадетском корпусе (с 1863 года – военная гимназия) [1], в 3-м Александровском военном училище в Москве, в Михайловском артиллерийском училище в Санкт-Петербурге.

Сблизившись с некоторыми из воспитанников артиллерийского училища, Кравчинский создал революционный кружок. Прослужив год подпоручиком на должности преподавателя в фейерверкской школе 3-й резервной артиллерийской бригады Харьковского военного округа, вышел в отставку и в 1871 году поступил на агрономический факультет Петербургского лесного института [2]. Весной 1872 года был принят в революционный кружок «чайковцев». Единственное «хождение в народ» бросивший учёбу Кравчинский совершил в Алфимовскую волость Новоторжского уезда Тверской губернии. Примечательно, что из запрещённых книг вчерашние студенты распространяли среди крестьян

только сочинения Лассаля, в то же время используя для пропаганды Евангелие [3].

Спустя почти два десятилетия Кравчинский довольно скептически смотрел на итог этих усилий, о чём, как вспоминала одна из современниц, даже заявил во время лекционного турне по США зимой 1890–1891 гг.: «В своей лекции Степняк говорил о русских юношах и девушках, которые вскоре после крестьянской реформы «пошли в народ», пытаясь распространить среди крестьян знания и идеи освободительного движения. «Детской иллюзией было думать, что такими средствами мы можем преобразовать мир», – сказал он» [4].

«Хождение в народ» поставило перед революционерами 1870-х гг. новую задачу – создание «особых брошюр для рабочих и крестьян» [5], в которых простым и понятным языком излагались бы основные проблемы революции и социализма. Большое значение придавалось форме таких произведений – они должны были быть написаны не только просто и доходчиво, но и непременно занимательно. В конце 1874 года появляется первое произведение Кравчинского в этом жанре – «Сказка о копейке», изданная в типографии «чайковцев» в Женеве. Летом 1875 года в типографии журнала «Вперёд» (Лондон) была напечатана его «Сказка о Мудрице Наумовне», а несколько позже, в женевской типографии газеты «Работник» – брошюра «О правде и кривде». В 1876 году снова в Лондоне вышла в свет брошюра Кравчинского «Из огня да в полымя». Хотя распространение этих изданий было запрещено циркулярами Главного управления по делам печати [6], брошюры широко использовались народниками в пропаганде среди народных масс.

Последующие годы в биографии Кравчинского отмечены участием в восстаниях за рубежом, арестом и освобожде-

нием из тюрьмы. Кравчинский был вызван в Россию руководителями вновь организовавшегося подпольного общества «Земля и воля». Он привёз из-за границы типографские принадлежности для землевольской типографии, активно включился в работу революционного подполья: редактирует первый номер печатного органа «Земля и воля» (журнал получил то же название, что и организация), налаживает нелегальную типографию, впервые в истории русского подполья действовавшую систематически и длительное время в самой России.

В передовой статье первого же номера «Земли и воли» Кравчинский писал: «Вот уже второй год, несмотря на все гонения, существует внутри России вольное бесцензурное слово. Этот редкий заграничный гость нашёл, наконец, и у нас укромный уголок, несмотря на то, что хозяева страны прилагали и прилагают все старания, чтобы выгнать его с позором вон… Бесцензурное слово сделалось уже новым элементом в русской жизни и орудием борьбы тех партий, у которых нашлось достаточно мужества и уменья взять его в свои руки. При таких условиях мы не считаем ни преждевременной, ни излишней нашу попытку выступить перед русской публикой с вольным бесцензурным журналом […] Мы надеемся, что и наше настоящее предприятие, хотя начатое в интересах служения нашей партии, сослужит службу делу свободы слова вообще. Может быть, существование нашего журнала убедит правительство, поскольку бессмысленно вымарывать строчки, когда под носом у него расходятся целые листы. Может быть, найдутся люди, которые последуют нашему примеру и, не дожидаясь тех блаженных времён, когда мы будем иметь действительную свободу печати, примутся распространять свои мысли посредством тайных [печатных] станков».

Несвобода печати, по мнению Кравчинского, была причиной подъёма терроризма в России. По воспоминаниям Лилли Уаймен, он «осуждал терроризм и все акты индивидуального террора в любой стране, где гражданская власть допускает свободу слова и другие средства устранения зла» [7]. Кравчинский был убеждён, что как только в России водворятся европейские условия свободы слова и личности, «террор прекратится и уступит место социалистической пропаганде, на европейский лад» [8].

Власть, напротив, видела в деятельности неподцензурной печати угрозу, подобную террористической деятельности. Шеф жандармов и глава III отделения генерал-лейтенант Н. В. Мезенцов (Мезенцев) предложил развернуть в России контрреволюционную пропаганду, посредством печатного слова среди простого народа, а в более образованных слоях – через кружки. И хотя этот проект был отвергнут как излишне смелый, предложенное Мезенцовым усиление сети секретных агентов, внедряемых в революционные круги и подотчётных только III отделению, было поддержано и на эту цель в июле 1878 года выделены 400 тысяч рублей. Однако Мезенцев не успел воплотить в жизнь свои планы – он был убит ударом кинжала Кравчинского 4 августа 1878 года.

После этого соратники настояли на том, чтобы Кравчинский перебрался за границу. Так начался период его жизни, наполненный огромной работой по организации революционной пропаганды, рассчитанной как на зарубежье, так и на русское общество. В письме к членам Исполнительного комитета «Народной воли», написанном в марте 1882 года, Кравчинский излагал свой взгляд на характер пропаганды «среди заграничной публики», который должен быть, по его

мнению, совершенно иным, чем характер пропаганды среди русской молодёжи. Кравчинский указывал на то, что теперь движение русских социалистов не идёт дальше завоевания буржуазных политических свобод (по его выражению, «общечеловеческих прав»), и именно поэтому «они плоть от плоти и кость от кости мало-мальски передовой Европы» [9]. Но в Европе этого не понимают и считают «нигилизм» «чудищем огромным, озорным и стозевным» [10]. Европа, отмечал Кравчинский, не признаёт в «нигилистах» «частицы самой себя и нужно долбить и долбить все по одному месту, чтобы вдолбить ей в башку, что современные террористы – это люди 1793 и 1789 года во Франции, которых Европа вся под образа сажает» [11].

Во имя достижения заявленных целей Кравчинский написал своё первое большое произведение – «Подпольная Россия» (вскоре он перевёл эту книгу на русский язык). В 1885 году в Лондоне вышла новая книга Кравчинского – «Россия под властью царей». В ней были такие разделы, как «Развитие самодержавия» (исторический экскурс), «Зловещие места» (полиция, суд, тюрьма и т. д.), «Административная ссылка», «Поход против культуры» (образование, печать, Россия и Европа). Составной частью последнего раздела являлись главы XXIX «Деспотизм и печать» и XXX «Печать при Александре II».

Кравчинский начал обзор заявленной темы следующими словами: «Если бы понадобился сверхчувствительный барометр, показывающий во всякий период и во всякий момент изменение силы русского деспотизма, таким барометром могло бы служить отношение к печати» [12]. Однако «в печати государство не нуждается. Правда, оно пользуется услугами типографа, чтобы печатать свои официальные

публикации, но это не пресса. Без подлинной печати, мозга общества, деспотизм может прекрасно обойтись и продолжать существовать, как некоторые животные могут жить долгое время после того, как лишились одного полушария головного мозга […] Никогда Россия не знала ничего даже отдалённо напоминающего свободу печати или терпимость к политическим и религиозным идеям» [13].

В доказательство этого тезиса Кравчинский представил вниманию читателя большой и подробный исторический экскурс, действующими лицами которого явились Пётр Великий и Екатерина II, А. Н. Радищев, Н. И. Новиков, А. П. Щапов, А. И. Кошелев, Н. Г. Чернышевский, историк литературы А. М. Скабичевский и ряд других персон. Сравнивая непростое развитие ситуации вокруг печати в России и в Европе, Кравчинский своеобразной точкой отсчёта, когда пути радикально разошлись, назвал период Французской революции: «Революция всё это изменила, тогда и навеки. В области своих политических учреждений и культуры Европа шагнула далеко вперёд. Россия осталась такой же, какой её создал Пётр» [14]. Не менее значим тезис о том, что эпоха великих реформ мало сказалась на положении печати в России: «Преследование печати, то яростное, то более умеренное в зависимости от перемены ветра в высших сферах, продолжалось все двадцать шесть лет, на протяжении которых царь [Александр II] распоряжался судьбами своей страны. И далее: «Царское правительство никогда не останавливалось перед тем, чтобы вернуться к старым порядкам или отнять одной рукой то, что оно дало другой. Закон о печати недаром был назван «временной инструкцией»: это был всего лишь опыт, и она может быть отменена в любой момент, если властям так заблагорассудится. Кроме

того, применение инструкции было строго ограничено […] что касается закона о печати, то власти превзошли себя. Не довольствуясь временным характером нового порядка, они разрешили применять его только в обеих столицах. Правительство, правда, обещало распространить инструкцию на все губернии, как только будет закончена организация новых судов, но обещание не было исполнено, и во всей России, за исключением Москвы и Петербурга, ещё господствует закон о печати Николая I» [15].

В то же время Кравчинский констатировал, что тактика диктата в отношении неугодных редакций изменилась: «метод сокрушения неугодного издания в последнее время применяется очень часто, потому что он производит меньше шума и кажется не столь произвольным, как приостановление в административном порядке или запрещение после трёхкратного предупреждения» [16]. Рассказывая о закрытии «Современника» Н. А. Некрасова и «Русского слова» Г. Е. Благосветлова, Кравчинский добавлял: «Деспотизм предпочитает секретность и мрак гласности и свету: в 1872 году закон 1865 года был «исправлен» дополнительным указом, лишавшим суды права вмешиваться в дела печати» [17].

Кратко и ёмко, доступно для понимания неподготовленного читателя изложены основные моменты «эволюции» правительственной политики в отношении печати: «В 1882 году были внесены новые изменения, хотя практически они не имели большого значения. Был образован комитет четырех, заменивший кабинет министров, но, как и раньше, при решении дел о печати невозможна была никакая защита, так как комитет совещался и решал in camera (за закрытыми дверями. – А.К.). Другой мерой воз-

действия на печать было применение к некоторым изданиям предварительной цензуры […]. С 1872 года закрытия, приостановления, лишение права помещать объявления и запрещения уличной продажи сыпались на злосчастную русскую печать как из рога изобилия. Книги, запрещённые цензорами, беспощадно сжигались. Так были преданы огню второй том труда Лекки «Основные начала нравственности» (первый том был разрешён), «Левиафан» Гоббса, «Учение о развитии организмов» Геккеля, «Философия истории» Вольтера и многие другие книги. Та же судьба постигла русских авторов, с которыми обращались настолько бесцеремонно, что книгу Пругавина под названием «Очерки современного сектантства», хотя отдельные её очерки печатались в периодических изданиях и поэтому прошли через цензуру, сожгли по распоряжению кабинета министров» [18].

Хорошо ориентируясь в логике чиновничьих действий, Кравчинский не пытался свести всю проблему бесправия печати к особенностям отечественного законодательства. Он писал: «чтобы полностью оценить истинное положение русской печати, надо не только знать, как действуют существующие законы. Надо зайти за кулисы – именно там, в полумраке, деспотизм показывает своё лицо без маски» [19]. По мнению автора, не меньшую силу по сравнению обнародованными нормами имели секретные инструкции (циркуляры цензурного ведомства). Воспользовавшись тем, что ряд подобных документов был ранее опубликован на страницах газеты «Народная воля», Кравчинский сделал в своей книге их обзор [20] и подытожил: «Приведённые мной примеры чрезвычайно характерны. Они показывают тенденции политического курса царского правительства и разоблачают бесчестные нравы бюрократической машины деспотизма. Пе-

чать рассматривается как чуждая и, по существу, враждебная сила; её терпят только потому, что невозможно совершенно уничтожить. Политика министерства в отношении печати продиктована самым ограниченным умом, самым казённым духом. Как только вопрос начинает привлекать всеобщий интерес, его обсуждение запрещается. Гласность, дискуссия, откровенное высказывание мыслей вселяют правительству смертельный ужас. Если даже оно предпринимает какие-то неуверенные шаги к прогрессу или решает попытаться провести ту или другую реформу, то прежде всего спешит запретить всякое обсуждение их в печати. Всё должно быть сделано в тиши министерских кабинетов. Но человеческую мысль нелегко заковать. Истерзанная гонениями, притеснениями, обвинениями и предостережениями, находящаяся под угрозой целого арсенала наказаний и взысканий, печать, общественное мнение прибегает к оружию слабых и отвечает на силу хитростью. Между писателями и читателями заключается тайное согласие. Создаётся иносказательный, эзоповский язык, заключающий в себе намёки, недомолвки, оговорки и условные фразы. Так идеи, изгнанные нашими правителями, передаются от ума к уму, из уст в уста» [21].

Если для анализа циркуляров Кравчинский использовал подпольную «Народную волю», для расширения аргументации опирался на суворинский «Русский календарь», где давался перечень «суровых мер, жертвами которых за последнее время явились наши газеты» [22]. Он подсчитал: «С начала нынешнего царствования восемь влиятельных петербургских газет были либо сразу запрещены в административном порядке, либо вконец изведены непрекращающимися преследованиями. За это же время столичные газеты получили сорок восемь предостережений, столько же раз приостанавлива-

лись на время от месяца до восьми и несли неисчислимые материальные убытки от запрещения помещать объявления и лишения права уличной продажи. Практически ежедневная печать была почти уничтожена, ибо среди погибших газет было несколько самых влиятельных в стране, таких, как «Порядок», «Голос» и другие. Только два-три довольно влиятельных либеральных органа всё ещё выходят, несмотря на гонения, влача жалкое существование, постоянно подвергаясь угрозам и травле и изо дня в день ожидая конца» [23].

Обращает на себя внимание отношение Кравчинского к русской прессе в целом, особенно к изданиям провинциальным: «Большинство русских газет либо открыто либеральны, либо искусно маневрируют, то подобострастны, чтобы спастись от цензуры, то оппозиционны, дабы не растерять своих читателей. Столкновение между оппозиционными тенденциями русской печати и бюрократическим обскурантизмом быстро ведёт к развязке, которая неизбежно окажется роковой для слабейшей стороны. История этой войны, если можно это назвать войной, ибо одна сторона едва ли может оказывать сопротивление, представляет три последующие фазы. Губернская печать пострадала в первую очередь. Так как она находилась под предварительной цензурой, властям приходилось лишь потуже затягивать петлю, чтобы окончательно её удушить. Провинциальные газеты, разумеется, не пользуются столь широкой известностью и большим влиянием, как столичная печать, они имеют меньше читателей, и поэтому с ними можно не церемониться. Но скажу без преувеличения, что, хотя им и не хватает литературного блеска, губернские газеты – это самая отзывчивая часть нашей печати, самая преданная общественным интересам и благоденствию народа. Но петербургские чиновники отнюдь

не были расположены предоставлять им широкий простор для полезной деятельности. Против них был вызван призрак сепаратизма, и они стали первыми жертвами реакции. Их гибель происходила легко и тихо, без излишнего шума и почти завершилась незадолго до смерти Александра II. Понадобилось всего лишь шепнуть два слова цензорам, и началась расправа. Одна за другой лучшие губернские газеты, вконец измученные непрестанными неприятностями, придирками и притеснениями, отказались от борьбы. Закрытие газет официальным циркуляром оказывалось совершенно излишним – так они были задёрганы административными распоряжениями, одно невозможнее и нелепее другого. Общественно-политическим газетам было предписано строго избегать обсуждения внутриполитических проблем; журналам, основанным со специальной целью защищать интересы еврейского населения и содействовать идее слияния двух народов, было запрещено касаться еврейского вопроса и т.д. и т.п.» [24] В качестве жертв подобной репрессивной политики Кравчинский назвал целый ряд изданий: новочеркасский «Донской голос», «Волжско-Камскую газету», тифлисский «Обзор», «Киевский телеграф», одесскую «Правду», «Смоленский вестник» и др. Этот перечень служит очевидным доказательством того, почему столь востребованы в России оказались газеты нелегальные, почему необходимо было обеспечить поддержку их издания.

Особое место в книге Кравчинского уделено правительственной «войне против толстых журналов» [25]. Знакомя зарубежного читателя с абсурдной блокадой властью трибуны для обсуждения (причём обсуждения на уровне научного трактата, профессорского диспута) важнейших вопросов развития России, Кравчинский с тревогой замечает,

что отсутствие гласности может сослужить дурную службу прежде всего власти («Вопросы об изменении податной системы, о выкупах наделов, о переселенцах исчерпывающе разбирались в «Отечественных записках» задолго до того, как они рассматривались в комитетах Лорис-Меликова и Игнатьева» [26]) и делает вывод: «нет ни одной важной области народной жизни – землевладения, промыслов, податной системы, – которая не обсуждалась бы специалистами в «Отечественных записках». Ибо среди авторов журнала были люди не только теоретически изучавшие эти проблемы, но и воочию видевшие порядки, которые хотели изменить, и зло, которое хотели уничтожить. Это придавало журналу огромный авторитет, и редакции удалось привлечь к сотрудничеству самых блестящих и образованных людей своего времени, одержимых страстным желанием просвещать широкие круги общества и способствовать осуществлению насущных интересов народа. Однако «Отечественные записки», прекрасное, бесценное издание, без предупреждения были сокрушены росчерком министерского пера, их полезная деятельность прекращена; всю группу благородных, вдохновенных писателей, собравшихся вокруг них, разогнали и заставили молчать» [27].

Таким образом, Кравчинский подверг политику самодержавия в сфере печати сокрушительной критике, показав, как уродует цензура прессу, призванную выражать общественное мнение и искать пути решения социальных и экономических проблем. Именно в обеспечении свободы слова он видел залог будущего мощного развития России. Более того, Кравчинский не ставил знак равенства между свободой и вседозволенностью, анархией и поэтому постепенно отошёл от бакунинской теории антигосударственности. Го-

воря о федералистическом устройстве будущей России в изданной вслед за книгой «Россия под властью царей» книге «Русская грозовая туча» (1886), Кравчинский добавлял, что автономные самоуправляющиеся государства, имеющие свою законодательную и исполнительную власть, «будут возглавляться центральным правительством для обеспечения общих интересов всего Союза» [28]. То есть свобода печати не тождественна анархии. Он был убеждён в том, что «Свободная Россия с таким характером своего народа, с политическими учреждениями, чуждыми какой бы то ни было авантюристической внешней политики, Россия просвещённая и процветающая оттого, что она свободная, – такая Россия никогда больше не будет представлять угрозу для спокойствия Европы. Занятая своими внутренними делами, направленными на удовлетворение народных нужд, своим насущными вопросами государственной политики, Россия станет безусловной гарантией мира» [29].

Полная разоблачений политики царизма книга «Россия под властью царей» выдержала множество изданий в Лондоне, выходила в Швеции, Франции, США, однако на родине автора появились лишь несколько глав в 1908 году, а полностью была издана только в 1964(!) году [30]. Активная деятельность Кравчинского способствовала созданию в Лондоне «Общества друзей русской свободы» (декабрь 1889 – январь 1890 гг.), вскоре начавшего издавать свой орган – «Free Russia». Кравчинский был не только бессменным редактором журнала, но и писал для него большинство статей. В середине 1891 года Кравчинский вместе с несколькими бывшими товарищами по кружку «чайковцев» (в частности, с Ф. В. Волховским [31]) организует «Фонд Вольной русской прессы», который издавал и нелегально пересылал

в Россию революционную литературу (произведения Маркса, Энгельса, Плеханова, Засулич, Герцена и др., а также статьи самого Кравчинского). Издания «Фонда» рассылались в книжные склады в крупные города Европы (Лондон, Париж, Брюссель, Мюнхен, Лейпциг, Вена, Бухарест, Стокгольм, Базель, Женева и др.) и Америки.

Публицистические произведения Кравчинского, какому бы сюжету они ни были посвящены, своим острием всегда были направлены против самодержавия; они утверждали настоятельную необходимость свержения его революционным путём.

Исследователь истории социалистической печати А. Ф. Бережной подытоживал: «Они сделали многое для осмысления роли и места печати, проявили мужество и упорство в организации и распространении своих изданий и обогатили теорию и практику русской печати» [32]. Ближайшие соратники Кравчинского Ф. В. Волховский, Е. Е. Лазарев, Л. Э. Шишко в начале XX века вступили в партию эсеров. На базе Фонда вольной русской прессы была создана Аграрно-социалистическая лига, которая в 1902 году также стала эсеровской организацией. Почти на 20 лет пережили Кравчинского два его детища – английское «Общество друзей русской свободы» и его печатный орган журнал «Free Russia». После смерти Кравчинского издавать журнал продолжал Ф. В. Волховский вместе с английскими единомышленниками (Р. Уотсон, Ф. Грин, Дж. Перрис).

Примечания

1. Краткий исторический очерк Орловского Бахтина кадетского корпуса (1843–1893). Орёл, 1893. С. 54.

2. Деятели революционного движения в России: Биобиблиогр. словарь: от предшественников декабристов до падения царизма [в 5 т.] / Под ред. Ф. Я. Кона [и др.]. Т. 2. Семидесятые годы. Вып. II. Ж–Л. М., 1930. Ст. 671.

3. Писатели в Тверской губернии: сб. статей. Вып. 1. Калинин, 1941. С. 102.

4. Уаймен Л. Сергей Степняк в Америке. В кн.: Степняк-Кравчинский С. М. В лондонской эмиграции: Публицистика, переписка. М., 1968. С. 354

5. Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1966. С. 286

6. Подробнее см.: Патрушева Н. Г. Циркуляры цензурного ведомства Российской империи: сб. документов / Н. Г. Патрушева, И. П. Фут; [науч. ред.: Д. И. Раскин; ред.: Г. А. Мамонтова]; Рос. нац. б-ка. СПб., 2016. С. 262, 268, 269, 277.

7. Уаймен Л. Сергей Степняк в Америке. В кн.: Степняк-Кравчинский С. М. В лондонской эмиграции: Публицистика, переписка. М., 1968. С. 358.

8. Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. М. –Л., 1965. С. 343.

9. Там же. С. 345.

10. Там же. С. 344.

11. Там же. С. 345.

12. Степняк-Кравчинский С. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Россия под властью царей. Подпольная Россия / Коммент. Н. М. Пирумовой, М. И. Перпер. М., 1987. С. 279.

13. Там же. С. 280.

14. Там же. С. 282.

15. Там же. С. 283.

16. Там же. С. 284.

17. Там же. С. 285.

18. Там же. С. 285–286.
19. Там же. С. 286.
20. Там же. С. 286–291.
21. Там же. С. 291.
22. Там же. С. 295.
23. Там же. С. 295.
24. Там же. С. 293.
25. Там же. С. 296.
26. Там же. С. 297.
27. Там же. С. 297–298.
28. Степняк-Кравчинский С. М. В лондонской эмиграции: Публицистика, переписка. М., 1968. С. 67.
29. Там же. С. 69.
30. Степняк-Кравчинский С. М. Россия под властью царей. М., 1964.
31. Деятели революционного движения в России: Биобиблиогр. словарь: от предшественников декабристов до падения царизма [в 5 т.] / Под ред. Ф. Я. Кона [и др.]. Т. 2. Семидесятые годы. Вып. II. Ж–Л. М., 1930. Ст. 673.
32. Бережной А. Ф. К истории партийно-советской печати. Л., 1956. С. 111.

ЦЕНЗУРА В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1870-е – 1900-е ГОДЫ

История дореволюционной цензуры в Орловской губернии насчитывает менее 50 лет, однако эти несколько десятилетий были насыщены разнообразными проблемами и конфликтами, отражавшими не только специфику среднерусского региона, но и общероссийский характер взаимоотношений общества и властных структур. В это время наиболее популярным периодическим изданием региона являлась газета «Орловский вестник». На ее страницах печатались произведения И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, И. А. Бунина, поднимались важнейшие вопросы общественной жизни, литературы и культуры. Издатели и публицисты приложили немало усилий для того, чтобы обойти цензурные препоны, однако в ряде случаев местная администрация применяла жесткие санкции к редакции.

Орловская интеллигенция еще в начале пореформенной эпохи замыслила издавать прогрессивную литературно-политическую газету. Губернатор С. С. Иванов (занимал этот пост с 1871 по 1874 г.) ходатайствовал перед Министерством внутренних дел и Главным управлением по делам печати о разрешении преподавателю Орловской Бахтина военной гимназии А. Н. Чудинову издавать в Орле газету «Орловский вестник». В письме от 31 марта 1872 г. на имя начальника Главного управления по делам печати, бывшего орловского губернатора М. Н. Лонгинова (занимал этот пост с 1867 по 1871 г.), обосновывая возможность выпуска данной газеты, С. С. Иванов писал, что хотя ее издание и мог-

ло «доставить некоторые неприятности и заботы, но '…' она (газета. – *А.К.*) не может представить какие-либо важные затруднения» [1]. Касаясь предполагаемого Главным управлением негативного влияния газеты на местную общественную жизнь, губернатор писал, «что никакая провинциальная газета не может издаваться без предварительной цензуры» и поэтому «едва ли могли бы проскочить статьи с вредным направлением». Даже если бы газета оказалась в руках какой-либо местной партии и принимала участие в избирательных интригах, то «едва ли это, – замечал Иванов, – могло представить затруднения для администрации».

Губернатор заранее соглашался на исключение из программы издания тех пунктов, на которые укажет Главное управление. Несмотря на достаточно компромиссную позицию С. С. Иванова, 19 мая 1872 г. М. Н. Лонгинов уведомил его о том, что министр внутренних дел «не изволил разрешить означенное издание» [2].

Тогда, видимо, в качестве запасного был использован вариант с регистрацией менее заметного издания. Инициаторами создания первой частной газеты в Орле официально стали братья бывшего редактора неофициальной части «Орловских губернских ведомостей» А. С. Тарачкова (1819–1870) – Николай (воспитатель и преподаватель Орловской военной гимназии) и Андрей (врач гимназии) Тарачковы. Еженедельная газета, первый номер которой вышел 12 января 1873 г., получила название «Орловский справочный листок». Среди основных отделов значились торговый, хозяйственный, юридический, общественный, объявлений. Газете разрешалось помещать не только административные распоряжения о городском благоустройстве и земских нововведениях, но и экономическую хронику, сведения о здра-

воохранении и народном образовании, метеорологические данные.

Тарачков издавал газету на собственные деньги, это занятие отнимало массу времени: он даже отказался от должности воспитателя, но совсем уйти с педагогического поприща не мог, к тому же необходимо было дослужить требующийся для пенсии срок. В декабре 1875 г. право на издание газеты перешло к известному орловскому общественному деятелю, почетному члену местного благотворительного общества князю Н. Н. Оболенскому. На должность редактора был приглашен А. Н. Чудинов, который продолжал добиваться разрешения на издание местной полнокровной газеты. В итоге министр внутренних дел разрешил «Орловскому справочному листку» издаваться по расширенной программе. 14 марта 1876 г. с 21-го номера газета «Орловский справочный листок» была переименована в «Орловский вестник».

В 1876 г. Чудинов выкупил «Орловский вестник» у Н. Н. Оболенского, став издателем и редактором одновременно, в апреле 1877 г. открыл собственную типографию. За десять лет тираж существенно вырос, газета стала ежедневной с отделами общественной жизни, политики, литературы. Редакция организовала книжный магазин и публичную библиотеку с весьма обширным фондом [3]: более 3000 названий книг и около 120 названий журналов и газет.

В 1880 г. в Орле была выпущена отдельной брошюрой речь А. Н. Чудинова «25-летие царствования Его Императорского Величества Александра Николаевича», произнесенная 9 февраля 1880 г. на торжественном акте в местном Александринском институте благородных девиц. Ныне кажется не совсем логичным то, что с юбилейной речью выступил не губернатор и не директор института, а учитель

словесности. Однако для современников в таком выборе не было ничего удивительного: Чудинов был вполне благонамерен и уважаем в Орле, имел чин статского советника, а его красноречие пришлось как нельзя кстати к памятной дате. Говоря об основных вехах царствования (освобождение крестьян, строительство железных дорог, реформы, внешнеполитические успехи и т.д.), Чудинов подчеркнул: «В эти четверть столетия литература и журналистика получили небывалое доселе развитие» [4]. Правление Александра II он сравнил со временем Петра Великого.

Неудивительно, что современники были убеждены: уважаемый большинством местной элиты редактор «Орловского вестника» Чудинов «держал цензуру в руках». Первым орловским чиновником, исполнявшим обязанности цензора периодических изданий стал Аркадий Гаврилович Пупарев (1823–1894). После окончания математического факультета Казанского университета он служил на различных должностях в Казанском губернском правлении, активно публиковал материалы на исторические темы в казанской прессе, в 1871 г. по личной просьбе был переведен в Орел, где получил назначение на должность старшего чиновника особых поручений при губернаторе и одновременно – редактора неофициальной части «Орловских губернских ведомостей». Ему также был поручен контроль за типографиями и книжной торговлей. С 1873 по 1881 г. являлся цензором газеты «Орловский справочный листок», затем – «Орловского вестника», затем по 1890 г., до выхода в отставку, исполнял обязанности секретаря губернского статистического комитета. Опубликовал большое количество краеведческих статей и очерков [5].

В 1885 г. газета «Орловский вестник» перешла от Чудинова, уехавшего в С.-Петербург, в руки уроженки Вологды

Надежды Алексеевны Семеновой, сотрудничавшей до этого в редакции. Ей пришлось выстраивать отношения с другим цензором – Василием Логгиновичем (Лонгиновичем) Ивановым (1827–1900). Тот в свое время учился в Орловской семинарии, но не закончил ее. В молодости он познакомился с Н. С. Лесковым. Переписка свидетельствует о том, что связь Лескова и Иванова сохранялась многие годы. Вполне резонно предположить, что старый товарищ был для Лескова весьма правдивым источником новостей о жизни малой родины. Однако этика, конечно, не позволяла Лескову обнародовать в своих произведениях имя своего информатора, который исправно шагал по карьерной лестнице и был в итоге награжден пятью орденами и четырьмя медалями [6]. Жена В. Л. Иванова Софья Павловна получила в приданое усадьбу на Верхне-Дворянской улице в Орле. С появлением газеты «Орловский вестник» новая редакция расположилась по соседству с усадьбой Иванова, который с 1892 г. был цензором местной периодической печати [7].

Работавший в 1886–1895 гг. в «Орловском вестнике» писатель И. П. Белоконский вспоминал: «Корова советника губернского правления, цензурировавшего газету, обыкновенно паслась в саду владельца газеты, но как только цензор начинал «пошаливать» со столбцами «Орловского вестника», бедное животное подвергалось остракизму впредь до усмирения ее хозяина. Орловские обыватели так уж и знали: если, заглянув в дырочку забора, они видели в саду редактора цензорскую корову, то значит мир царил в редакции, а вот нет коровы – следовательно, владелец газеты воюет с цензором ‘…’ у газеты имелись четыре цензора: два советника правления ‘…’ вице-губернатор ‘…’ губернатор ‘…’ требовавшие от «Ор-

ловского вестника» удовлетворения своих личных взглядов и вкусов, совершенно игнорируя какие бы то ни было законы и задачи печатного слова. При этих условиях немыслимо было бы существование газеты, если бы, к ее счастью, все эти четыре распорядителя не были в ссоре: советники не ладили друг с другом, а вице-губернатор был на ножах с губернатором.

Этим обстоятельством и пользовался «Орловский вестник». Каждое утро деятельность редакции начиналась с того, что наводилась справка: «кто сегодня цензор?» И соответственно полученным сведениям направлялся к цензору материал: если цензором был советник губернского правления X, то посылались статьи, не пропущенные советником губернского правления Y-м, и наоборот; если же цензорские обязанности исполнял вице-губернатор, то посылались статьи, не пропущенные обоими советниками плюс губернатором. В случае, если что-либо херил вице-губернатор, редакция старалась провести их через губернатора и так далее. Иногда за одного из советников цензурировала его дочь, пятый блюститель над «Орловским вестником». Редакции приходилось считаться и с этим обстоятельством, так как у «дочери» были самостоятельные вкусы» [8].

Один из деятельных друзей редакции «Орловского вестника» врач П. И. Якоби [9] (жил в Орле в 1893–1904 гг.), зная о жестокой придирчивости цензоров, следивших за содержанием либеральной газеты, однажды посоветовал сотрудникам договориться с газетами других губерний и посылать острые материалы на местные темы для печати друг другу. Он считал, что губернская цензура не обратит внимания на статьи «со стороны», а подписаться на газету соседей было легко [10].

Возвращаясь к фигуре Белоконского, отметим, что он был не только автором воспоминаний, но и одним из наибо-

лее деятельных сотрудников «Орловского вестника». Заметным явлением в губернской журналистике стали фельетоны Белоконского (подпись: «Перевод Ив. П-ча») «Похождения мистера Грумма, корреспондента американского журнала «The Century» [11] в городе Царь-Птицынске и его окрестностях» [12]. Фельетоны Белоконского обличали полицейско-бюрократические порядки губернского центра, показывали нелицеприятные картины провинциальной жизни. В марте 1887 г. орловский губернатор К. Н. Боборыкин (занимал этот пост с 1875 по 1888 г.) получил из Главного управления по делам печати письмо, где подчеркивалось, что с июля 1886 г. «Орловский вестник» принял «самое неблаговидное направление '…' Беспрерывно в этой газете стали появляться статьи, наводненные злобными и дерзкими выходками против дворянства, тогда как крестьянское сословие выставляется жертвою притеснений и несправедливости. Редакция газеты осмелилась даже заявить, что от предполагаемой реформы местного самоуправления нельзя ожидать ничего доброго, так как означенная реформа имеет будто бы в виду только интересы дворян» [13]. Губернатор был также поставлен в известность о том, что отныне «Орловский вестник» будет цензуроваться не в Орле, а в Москве. После этого каждый номер газеты стал выходить с пометкой «Дозволено цензурой, г. Москва», затем значилось: «Орел. Печатать дозволено» [14].

7 мая 1889 г. в типографии газеты «Орловский вестник» была отпечатана в виде листовки биография умершего девять дней назад М. Е. Салтыкова-Щедрина. Листовку распространили среди местной интеллигенции. В ней жители Орла приглашались прийти в церковь Михаила Архангела и отслужить панихиду по скончавшемуся писателю. Инициаторами и организаторами такой формы демонстрации

гражданских чувств были состоявшие под надзором полиции И. П. Белоконский, ветеринарный врач А. И. Никольский, железнодорожник С. А. Шмидт, земская акушерка М. Д. Носкова, бывший каторжанин П. Г. Зайчневский. Вскоре жандармы нагрянули с обыском на квартиру Зайчневского. Спустя недолгое время революционера сослали на пять лет в Восточную Сибирь. После этой, третьей по счету, ссылки в 1895 г. он скончался в Смоленске. Схватили и Белоконского, девять месяцев он провел в тюрьме.

На волне общественного подъема, толчком к которому послужила помощь интеллигенции пострадавшему от голода крестьянству, И. П. Белоконский начал переговоры с новым мужем издательницы газеты Н. А. Семеновой – молодым инженером В. Е. Сентяниным «об отдаче газеты в руки группы лиц, которые будут вести ее литературную часть». Чета согласилась на это, и тогда образовалась редакция из самого Белоконского, инженера Н. Ф. Королева, юриста А. Н. Рейнгардта и А. В. Пешехонова. За поддержкой проекта – создать провинциальные «Русские ведомости» – Белоконский обратился к писателям В. Г. Короленко, С. Я. Елпатьевскому, И. Ф. Анненскому. Все трое согласились присылать статьи в Орел. Однако 9 октября 1893 г. Короленко писал Белоконскому: «Ни я, ни Анненский, ни Елпатьевский не имеем ничего против сотрудничества «в принципе», но скоро осуществить его не можем '…' Но если уж Вам хочется поставить наши фамилии в проспекте, в числе других сотрудников для заявления о новой окраске газеты, – извольте» [15].

Общественный интерес к новому «Орловскому вестнику» заметно вырос, однако возросло и беспокойство орловского губернатора П. В. Неклюдова (занимал этот пост

с 1892 по 1894 г.), который вскоре вызвал к себе Сентянина и пригрозил закрытием газеты, если он не найдет управу на радикальных журналистов.

Н. А. Семеновой пришлось серьезно задуматься о судьбе любимого детища. В. Е. Сентянин вынужден был написать встревоженное письмо поборникам гласности: «Надежда Алексеевна смотрит на дело издания газеты как на единственный источник существования '…' Она страшно смущена опасностью, так как что-то уж очень много толкуют о закрытии. Я не думаю, что бы Вы могли этим обидеться, и предоставляю Вам право действовать как найдете удобным, – т. е. желаете ли поместить текст в газете об отказе, только, конечно, просил бы писать его не в обидном для редакции духе, сделать ли это каким-либо другим путем – мне все равно. Надеюсь, что это обстоятельство не послужит к полному разрыву между нами, и мы останемся прежними хорошими знакомыми» [16].

Финал этой истории описан И. П. Белоконским: «Нашей компании не оставалось ничего более, как уйти из «Орловского вестника», что мы и сделали. Это произошло в конце первой половины 90-х годов и совпало с провалом партии «Народное право», некоторые члены которой принимали близкое участие в газете» [17].

Н. А. Семенова все больше и больше отходила от журналистских забот. В декабре 1897 г. права на издание и редактирование газеты у нее приобрел коллежский секретарь Алексей Иванович Аристов, в феврале 1898 г. ему перешло и право содержать типографию «Орловского вестника». В своей первой передовой статье новый редактор подчеркивал: «Поставив себе одной из главных целей вызвать самодеятельность на почве местных интересов и дать достаточ-

ные для решения тех или других вопросов данные, редакция руководствуется в этом случае сознанием важности выработки самостоятельных взглядов вместе с способностью практического их применения '…' Есть вопросы, которые должна решить сама провинция, а для этого нужно, чтобы она была подготовлена к этому решению. Вместе с тем редакцией будет обращено внимание на выяснение наиболее благоприятных условий в целях достижения наибольшей полноты жизни как для личности, так и для общества в связи с практическим их осуществлением, т.к. развитие личности и общества подчинено строгим законам, нарушение которых влечет всегда за собою возмездие в той или другой форме. Выработка устойчивых взглядов в этом отношении является тем более необходимой, что жизнь представляет почти на каждом шагу нежелательные отклонения» [18].

Примечательно, что многие критические материалы, опубликованные в «Орловском вестнике», расследовались чиновниками канцелярии губернатора. Это были сигналы о нарушениях общественного порядка, о произволе полицейских чинов, об антисанитарном состоянии отдельных улиц, о происшествиях. Расследование велось большей частью формально. По сигналу из канцелярии губернатора (был подготовлен соответствующий бланк сопроводительного письма в типографском исполнении) уездный исправник производил дознание, виновный «отписывал» объяснение, как правило, признавал в нем мелочи, но отрицал факты основной вины, – и далее это «расследование» вряд ли шло.

В Орле сразу обратили внимание на то, что с приходом на редакторский пост Аристова тон газеты изменился. Орловский губернатор А. Н. Трубников (занимал этот пост с 1894 по 1901 г.) писал в своих воспоминаниях: «При мне в Орле

издавался «Орловский вестник», газета без особой тенденции. Но редактор ее Сентянина была порядочным человеком, хотя и она, если можно было, то иногда была не против подшутить над каким-нибудь промахом со стороны власть имущих. А ко второму издателю, заместившему Сентянину [А. И. Аристову], я относился иначе, так как не мог прощать ему всех выходок, которые он позволял себе относительно всего города. Все было не так, как следовало, и за это иногда его статьи не были пропускаемы цензурой. Я помню, как он написал какую-то статью о городском голове незадолго до его выборов. Он сделал из статьи что-то невозможное, а потому эта статья не была пропущена цензором. Однако не успокоился и написал на меня жалобу г. министру внутренних дел, и на эту жалобу я получил бумагу, в которой говорилось, что он не видит в этой статье ничего противозаконного, а потому полагает, что ее можно напечатать. На что я уведомил, что мне, как губернатору, на основании закона предоставляется право знать, что может быть напечатано без вреда для жителей вверенной мне губернии и что не может, и я не считаю возможным разрешить напечатать эту статью, которая так и осталась ненапечатанной. За это и редактор думал мне отомстить, так как был единственным человеком в Орле, который не пришел на мои проводы и вообще очень мало писал в своей газете о моем уходе из Орловской губернии.

Я вспомнил о редакторе потому, что, проводив наследника и вернувшись домой, я прочел в «Орловском вестнике», что газета собиралась напечатать очень веселенький случай с сыном губернатора, но, к сожалению, по выражению газеты, факт не подтвердился, и газета лишена возможности поделиться с читателями этой интересной новостью. А новость заключалась в том, что сын одного из губерна-

торов, возвращаясь с праздников в Петроград, стрелял на станции в кого-то. А так как мой сын уехал из Орла 5 января, то редактор и принял этот грустный случай за случай, случившийся с моим сыном. Но я уже имел известие, что сын мой благополучно доехал до Петрограда, но, во всяком случае, этот факт хорошо рисует издателя газеты, усмотревшего в этом грустном несчастии веселенький случай» [19].

Примечательно, что в роли примирителя губернатора и редактора нередко выступал ни кто иной, как цензор. Эти обязанности в то время выпали на долю коллежского советника Николая Савельевича Попова. О нем мы находим несколько добрых слов в тех же мемуарах Трубникова. Описывая завершение своей службы на посту губернатора в Орле и прощальный обед (Попов здесь прочел оду начальнику губернии), А. Н. Трубников не забыл упомянуть: «Я очень благодарил '…' Н. С. Попова за его сердечное ко мне отношение во время всей моей службы и за прекрасные стихи» [20]. Попов был не чужд неких литературных занятий – его знали как автора ряда статей в «Орловских губернских ведомостях», сборника стихов «На досуге» (Орел, 1903) и книги, посвященной А. Н. Трубникову [21]. Приведем отзыв современника, составителя сборника «Родной край»: Н. С. Попов «поместил много стихотворений в «Орловском вестнике». Некоторые из них (например, «Памяти Орловой» и др.) напрасно напечатаны, но некоторые стихотворения г. Попова заслуживают того, чтобы привести их здесь целиком» [22]. Редакция газеты регулярно печатала вирши своего цензора и такой своеобразной данью заслуживала некое снисхождение не только со стороны стихотворца, но и губернатора.

Однако с уходом Трубникова эта «модель» перестала действовать. В первые годы XX в. резко возросло количество

конфликтных ситуаций. 5 февраля 1902 г. в «Орловском вестнике» была опубликована рецензия Николая Васильева на 5-й том сочинений М. Горького. Член Совета Главного управления по делам печати Н. И. Пантелеев, изучая публикации газеты, отметил «обличительный характер местных корреспонденций» и ряд других «криминальных материалов» [23]. В итоге против А. И. Аристова было возбуждено уголовное дело. 21 февраля 1902 г. губернатор Г. И. Кристи (занимал этот пост с 1901 по 1902 г.) отправил в Главное управление по делам печати письмо, где сообщалось, что А. И. Аристов «не останавливается даже перед тем, чтобы печатать в своей типографии произведения '…' по своему содержанию заключающие в себе порицание правительственных распоряжений и выражающие недовольство существующим строем '…' и постоянно в ущерб корректности и приличного тона старается наполнить столбцы газеты статьями и сведениями, тревожащими общественное мнение» [24].

В 1902–1904 гг. «Орловский вестник» довольно часто (в иные недели – ежедневно) публиковал материалы Э. Павчинского. Эразм Иустинович (Густавович) Павчинский родился в 1876 году в Житомире Волынской губернии в дворянской семье. Православного вероисповедания, окончил житомирскую гимназию. Несмотря на то, что к моменту приезда в Орёл ему было всего 25 лет, успел поработать в редакциях газет в Средней Азии, на Кавказе, в Крыму, Ростове-на-Дону (газеты «Донская речь», «Южный курьер» и др.).

В «Орловском вестнике» большинство его публикаций было подписано псевдонимом «Молот» (а также Пав Чинский, Э.П., Печерский и др.). Начало сотрудничества Павчинского в «Орловском вестнике» – цикл «Зигзаги» (с января 1902 года), затем, спустя четыре месяца, – цикл «Искры»:

едкие сатирические зарисовки, комментарии, стихотворения за подписью «Молот». Со времён публикации в газете полтора десятка лет назад фельетонов радикально настроенного И. П. Белоконского ничего подобного не печаталось: в лучшем случае это были тяжеловесные, многословные обзоры городской жизни за подписью Смарагда Горностаева (псевдоним уже упомянутого Н. И. Васильева).

Маленьким шедевром Павчинского можно назвать фельетон со странным названием «Зета» [25], опубликованный на первой полосе в день 30-летия выхода первого номера газеты «Орловский вестник». Обратим внимание на эту дату – январь 1903 года. В столицах бурно отмечается 200-летие первой русской газеты, появилась масса публикаций в периодике, а также книг – не только с рассказом об историческом пути русской прессы, но и с информацией о её постоянном притеснении со стороны власти, с требованием дать свободу русской печати. В Орле же в эти дни появляется публикация «Зета» (в конце указано: перевод с польского) за подписью «Эр. Павчинский». «Орловский вестник» в то время довольно часто на этом месте (подвал первой полосы) публиковал переводные рассказы польских писателей, а потому неискушённого читателя не должно было озадачить начало очередной сентиментальной истории о подкинутой девочке-сироте, воспитывающейся деспотичным приёмным отцом паном Щели-Залепинским. Впрочем, уже скоро становятся понятны некие намёки: «Малютку назвали Арефою (по-польски – Орёл). Затянутая бинтом и заключённая в колодки, она почти не росла. И днём, и ночью она не переставала плакать».

В 14 лет героиню очерка крестили и дали новое имя «Зета» (по-польски «многострадальная»). «Прошло ещё

шесть лет. Зета давно уже щеголяла в большом платье, но колодки на ногах оставались те же.

– Зачем они мне?.. Они давят, душат меня. Снимите их с меня. Я умоляю вас! – обращалась она не раз со слезами на глазах к пану Безпокойскому.

Но он по-прежнему был бессилен. И по-прежнему пан Щели-Залепинский давал на это ответ:

– Для вашей же пользы, душечка, всё это, – для сохранения вашей хорошенькой ножки, которую вы можете сломать, поскользнувшись на паркетном полу, именуемом жизнью.

[…] Она давно уже поняла, что он не настоящий её отец, а настоящий отец – пан Безпокойский, у которого тоже крылья слишком низко подрезали» [26].

Итак, очевидно: Зета – усечённое от «газета», пан Щели-Залепинский – губернская власть, пан Безпокойский – редактор газеты (т.е. А. И. Аристов). Таким очерком-фельетоном Павчинский в иносказательной форме отметил юбилеи русской печати и своей газеты, дал читателям великолепный образец эзопова языка, сродни хрестоматийно известному фельетону А. В. Амфитеатрова «Господа Обмановы» (тот был опубликован в газете «Россия» ровно за год до «Зеты» в Орле).

Удивительно, но никаких карательных мер в отношении сатирика в Орле не последовало. Статьи за его подписью (или же под псевдонимом Молот) с завидной регулярностью продолжали печататься в «Орловском вестнике» в последующие месяцы. Можно предположить, губернское начальство просто сделало вид, что в публикации на первой полосе юбилейного номера действительно шла речь о нелёгкой судьбе некоей польской девочки-подростка.

Газета продолжала демонстрировать свою непримиримость по отношению к губернатору, свидетельством чему –

случай с публикацией одного из рассказов орловского уроженца Леонида Андреева. «Второго еду в Орел читать на студенческом вечере, – писал тот издателю К. П. Пятницкому в канун нового, 1904 года. – Хотел прочесть «На станции», но губернатор (К. А. Балясный. – *А.К.*) строжайше запретил» [27]. Земляки встретили писателя восторженно. «Концерт 2 января в зале Дворянского собрания в пользу недостаточных студентов-орловцев в Московском университете привлек такую массу публики, что в обширной зале трудно было даже двигаться, – сообщалось в местной хронике «Орловского вестника». – Л. Андреев прочел несколько отрывков из своих сочинений. Благодаря участию на вечере Л. Андреева сбор превзошел всякие ожидания» [28]. Запрещенный для чтения на вечере рассказ «На станции» писатель отдал в «Орловский вестник», где он был напечатан 13 января 1904 г.

После нескольких первых судебных процессов, предчувствуя, что далее их будет много, Аристов запасся стопкой прекрасно выполненных типографским способом бланков-доверенностей присяжному поверенному А. Н. Рейнгардту [29] вести защиты «Орловского вестника» в суде. Эту миссию Рейнгардт добросовестно выполнял много лет: 13 мая 1904 г. прокурор Орловского окружного суда сообщил губернатору К. А. Балясному, что за период с апреля 1900 г. в отношении редакции газеты «Орловский вестник» было возбуждено 30 судебных дел [30].

За появившуюся на страницах газеты статью Ивана Дуброва «Несколько мыслей со стороны» Главное управление по делам печати поставило на вид цензурующему «Орловский вестник» В. П. Руткевичу «за неправильность его действий», потому что «означенная статья и по содержанию, и по

тону своему – совершенно не отвечала условиям подцензурной печати, не подлежала дозволению к печати» [31]. Однако еще в декабре 1903 г., сославшись на занятость перестройкой здания исправительного отделения, Руткевич просил губернатора освободить его от обязанностей цензора [32].

За статью «Искра» (28 января 1904 г.) с нелицеприятной оценкой готовности России к войне с Японией Главное управление по делам печати лишило «Орловский вестник» права на несколько месяцев печатать собственные статьи о ходе военных действий. В докладе губернатору К. А. Балясному цензора – советника Орловского губернского правления В. П. Руткевича 14 февраля 1904 г. подчеркивалось: «Ни одно явление общественной жизни не может пройти без того, чтобы «Орловский вестник» не нашел в нем повода осудить действия как отдельных лиц, так и вообще правительства, и удобного случая упомянуть об угнетенном положении мелкого служащего РО (Риго-Орловской. – *А.К.*) и ЮВ (Юго-Восточной. – *А.К.*) железных дорог, сельского учителя и крестьянина. В своем стремлении взять под свое покровительство этих трех лиц редакция совершенно не стесняется по отношению ко всему остальному» [33]. Руткевич указывал на то, что редакция «Орловского вестника» увлекается перепечатками: «Все оригинальное в этой газете направлено исключительно к тому, чтобы кого-нибудь высмеять, задеть, для чего редакция одно из двух: либо пользуется всяким попавшим в ее руки непроверенным материалом (который потом сама же опровергает), либо просто то сгущает краски, то замалчивает факты, смотря по тому, что ей нужно». Жаловался Руткевич и на эзопов язык журналистов: «Понять истинную мысль автора можно только хорошо вдумавшись, да и то не всегда, а только при хорошем знакомстве с мест-

ными условиями, событиями и лицами» [34]. И снова просил освободить его от обязанностей цензора.

2 марта уже К. А. Балясный писал начальнику Главного управления по делам печати Н. А. Звереву: «Вступив в управление Орловскою губернией, я сразу обратил внимание на направление издаваемой в г. Орле газеты «Орловский вестник». Редактор-издатель этой газеты г. Аристов в ущерб корректности и приличному тону старается наполнить столбцы газеты статьями и сведениями, тревожащими общественное мнение или порочащими незаслуженно местные учреждения и лица '…' Только с отобранием от г. Аристова монополии в газетном деле можно надеяться на совершенное изменение направления «Орловского вестника». Кроме того, считал бы весьма полезным, чтобы в распоряжении у губернатора было бы особое лицо для цензирования обеих газет с вознаграждением за счет последних, и тогда печать в г. Орле могла бы быть поставлена на твердое основание» [35]. Губернатор взывал о помощи публике, «сбиваемой с истинного пути подпольными агитациями» [36].

6 марта 1904 г. в Орел поступила телеграмма губернатору министра внутренних дел В. К. Плеве: «На основании ст. 154 Уст[ава] о ценз[уре] и печ[ати] издание газеты «Орловский вестник» приостановлено на четыре месяца. Благоволите сделать соответствующее распоряжение. Министр внутренних дел Плеве» [37]. Поводом послужила статья «19 февраля», где автор обрисовал «в мрачных красках положение наших крестьян во времена крепостного права» и предложил вспомнить имена деятелей русского освободительного движения (от Радищева до Грановского и Станкевича). В письме губернатору начальника Главного управления по делам печати Н. А. Зверева отмечалось, что

указанная статья не удовлетворяет не только условиям подцензурной, но и бесцензурной печати: «Истинные мысли авторов этих статей выражены настолько ясно и ярко, что цензирующему не было надобности уделять много времени для того, чтобы понять их» [38]. Одновременно подводилась черта под затянувшейся перепиской по поводу введения в Орле должности штатного цензора: «Закон не дает права на установление проектированного Вами обложения издателей денежной суммой в пользу цензирующего '…' материальная зависимость цензирующего от издателей газет была бы крайне нежелательна, так как в значительной мере препятствовала бы правильному отправлению цензирующим его обязанностей '…' требуется особая экономия в расходе правительственных сумм в виду начавшейся войны» [39]. Но «пилюля» была несколько подслащена: исполнявший обязанности цензора орловский чиновник получил из столицы прибавку в 300 р. в год при условии «если он будет добросовестно и разумно относиться к принятым на себя обязанностям».

8 июля 1904 г. газете разрешили выходить в свет. 1 ноября 1904 г. начальник Главного управления по делам печати сообщил орловскому губернатору о том, что Аристов обратился в управление с ходатайством о снятии наложенного на газету ограничения относительно воспрещения печатать рассуждения, указанные в ст. 97 и 98 Устава о цензуре и печати. Петербургские чиновники запрашивали мнения на сей счет начальника губернии [40]. На удивление, губернатор сменил гнев на милость: «Не встречаю препятствий к восстановлению права этой газеты печатать рассуждения, указанные в ст. 97 и 98 Устава о цензуре и печати, тем более, что газета эта подцензурная и при внимательном отноше-

нии цензора к своей обязанности [неразб.] несоответствующих статей, всегда могут быть не допущены к печати» [41]. Право на комментирование событий общегосударственной важности было возвращено газете 1 декабря 1904 г. [42]

В октябре 1904 г. развернулась переписка между Балясным и Главным управлением по делам печати по поводу прошения Н. С. Каринского о разрешении издавать газету «Орел». Губернатора озаботила столь близкая перспектива начала издания в губернском центре второй газеты (любопытно, что «Орловские губернские ведомости» вообще не брались во внимание [43]). Сообщая, что формальных препятствий для разрешения нет, губернатор в письме от 25 ноября в то же время обратился к предыстории сложившейся цензурной ситуации в Орле: «Цензирование было неустойчиво в руках одного и переходило из рук в руки: от одного сотрудника губернского правления к другому, и от них к вице-губернатору '…' С появлением в Орле второй газеты работа цензора должна увеличиться и может оказаться не под силу отправляющему ныне эти обязанности, так как он обременен работой по своей прямой службе. Для правильной постановки дела, по моему мнению, представлялось бы более целесообразным назначить специально цензора для обеих газет и отнесением расхода на его вознаграждение на средства этих газет '…' Подобное обложение сбором издателей двух газет нисколько не поставило бы цензора в зависимость от первых, так как цензоры получали бы свое вознаграждение не из рук издателей, а из казны. Куда бы деньги эти вносились по ассигновке губернатора» [44].

Балясный смотрел на печать как на сугубо коммерческое предприятие: «расход на содержание цензора не будет обременительным для издателей, в особенности при возрас-

тающем из года в год широком распространении объявлений, а для нового издателя при крупных расходах на оборудование и незаметным» [45].

Однако министр внутренних дел этот проект начальника Орловской губернии не поддержал [46], более того, местному руководству была предложена альтернатива: вообще отказаться от издания новой газеты в случае, если нет возможности установить над ней надзор. В ответ губернатор уже спустя считанные дни написал в Петербург: «Цензировать проектируемую присяжным поверенным Каринским газету «Орел» изъявил согласие непременный член Орловского губернского по воинским делам присутствия коллежский советник Петр Барманский» [47]. Здесь же приводилась его краткая характеристика: окончил Московский университет, был мировым судьей и земским начальником в Карачевском уезде, на протяжении двух лет служит в губернском по воинским делам присутствии.

26 апреля 1905 г. орловский губернатор сообщил в Главное управление по делам печати: «За несоблюдение цензировавшим газету «Орловский вестник» коллежским советником Поповым преподанных ему на сей предмет указаний, а равно за неуместные выходки его по цензированию этой газеты, приказом моим от 23 марта с.г. он уволен от обязанностей цензора газеты «Орловский вестник», и того же числа рассмотрение этой газеты поручено секретарю орловского губернского по земским и городским делам присутствия, коллежскому секретарю князю Макулову, от которого можно ожидать более серьезного и внимательного отношения к настоящему делу» [48]. Губернатор неоднократно обращался к Н. С. Попову (24 марта, 27 апреля, 19 мая, 4 июля, 23 августа) с требованием дать объяснения по пово-

ду «допущенной» статьи, однако ответа, судя по архивным документам, так и не последовало [49]. А добросовестный цензор князь Сергей Макулов всерьез взялся за дело и один за другим снимал материалы с газетных полос. Но их оттиски выскальзывали из типографии и расходились по городу: «Программа Союза освобождения», резолюция Пироговского съезда, крамольные стихи…

29 декабря в «Орловском вестнике» появилась статья «Голос деревни». Ее принес в редакцию 60-летний крестьянин Я. О. Глумяков. Делясь с читателями своими размышлениями о насущных проблемах сельской жизни, он пришел к выводу: необходимо разделить землю поровну. Эту и ряд других статей чиновники включили в перечень публикаций, явно подстрекающих к беспорядкам и волнующих общество «заведомо ложными слухами о деятельности правительственных установлений». Было возбуждено дело с требованием о закрытии газеты.

Вот что сообщил читателям «Орловский вестник» о судебном заседании, где решалась его судьба: «Вчера особым присутствием судебной палаты с участием сословных представителей рассматривалось дело по обвинению редакт[ора].-издат[еля] «Орлов.[ского]. вестн.[ика].» А. И. Аристова, крест.[ьянина]. Я. О. Глумякова и студента-дворянина И. В. Якушкина, обвинявшихся по 129 ст. Угол.[овного]. улож.[ения]. Защищали Аристова и Якушкина прис.[яжный]. пов.[еренный]. А. Н. Рейнгардт, а Глумякова прис.[яжный]. пов.[еренный]. кн. К. В. Кекуатов. Обвиняемым ставилось в вину: первому – печатание в газете статей Глумякова – «Голос деревни», Якушкина – «Земля и земцы», корреспонденции из Рославля «Смоленская деревня о земле», – отчет о совместном заседании экономического совета при земской

управе с выборными от крестьян, и Брянска и Бежицы о митингах, из которых один был в присутствии полицмейстера, с резолюциями митингов, остальным – написание статей. Признавая факты – первый напечатания, а последние написания статей, обвиняемые с оценкой их деяний не согласились.

Товар.[ищ] прокур.[ор] г. Чигиринцев поддерживал обвинение полностью по обвинительному акты, составленному по выдержкам из статей и корреспонденций, и в заключение своей речи просил о закрытии газеты навсегда» [50].

Однако суд не поддержал обвинителя и приговорил Аристова к штрафу в размере 100 р. «за неосторожность». «Приговор был встречен аплодисментами публики, которая заполняла весь зал», – писала газета. Подобные публичные действа были совершенно необычным явлением для провинции: чего стоил хотя бы тот факт, что простого крестьянина на суде защищал князь (отметим здесь, что князь К. В. Кекуатов был известен в Орле как либерал и знаток истории – входил в состав губернской ученой архивной комиссии).

Не давали особого эффекта и другие попытки радикально воздействовать на редакцию. В качестве примера приведем рапорт губернатору ливенского уездного исправника от 3 февраля 1906 г.: «В № 27 газеты «Орловский вестник» помещена статья за подписью В. Ильинского, где поносятся правительство и администрация. Подобные статьи настолько возмущают обывателя консервативного направления, покупающего эту газету за неимением других газет, а тем более поселянина в деревне, куда также проникает эта газета, и вызывают недоумение, благодаря свободе выражений, и в лицах, сочувствующих крайнему направлению газеты «Орловский вестник». А потому и представляя об изложенном с приложением номера 27, ходатайствую перед вашим

превосходительством в виду вреда этой газеты не будет ли признано возможным воспретить розничную продажу ее в гор. Ливны» [51]. В статье Ильинского речь шла о тяжелом положении населения, о том, что его некому оградить от погромов, что неудачная война с Японией переросла в революцию. Автор предлагал накануне выборов в Государственную думу провести митинги и публичные собрания с участием кандидатов, при этом выражая полную поддержку кадетской партии (заметим, что в оценке событий общественно-политической жизни «Орловский вестник» был близок к идеологии партии кадетов). В деле сохранился ответ исправнику – на небольшом листке беглым почерком изложены иные аргументы, в частности, можно разобрать слова о том, что запретить розничную продажу согласно действующему законодательству нельзя, но есть возможность возбудить очередное судебное преследование редакции [52].

25 ноября 1906 г. был арестован № 317 «Орловского вестника» за корреспонденцию из Ельца, направленную против торгово-промышленной партии, Союза русского народа и Министерства внутренних дел [53]. В отношении Аристова было возбуждено новое судебное дело – над головой «непотопляемого» редактора сгустились грозовые тучи. В эти же дни, после гротескного изображения на страницах газеты общественной деятельности влиятельного в Орле графа П. Е. Комаровского происходит крупное столкновение Аристова с ним. На одном из заседаний земского собрания гласные П. Е. Комаровский и уже упоминавшийся Н. Н. Веревкин нанесли «оскорбление действием» редактору А. И. Аристову.

К этому времени из Главного управления по делам печати в Орел поступил циркуляр об отстранении лиц, состоявших под следствием или судом (далее следовал перечень

уголовных статей) от должности ответственного редактора периодических изданий. Уже 3 декабря губернатор запросил прокурора: привлечен ли Аристов к судебной ответственности? [54] Положительный ответ был получен в тот же день, и сразу губернатор потребовал от орловского полицмейстера «принять меры по недопущению выхода в свет газеты за подписью Аристова» [55]. На следующий день Аристов вынужден был сложить с себя обязанности редактора (оставив за собой функции издателя) и передать их заведующему типографией «Орловского вестника» мещанину М. Я. Андрееву [56] (он подписывал газету по январь 1915 г.).

Примечательно, что Харьковская судебная палата 5 января 1907 г. дело прекратила и отменила наложенный арест [57]. 24 января издателю Аристову были возвращены все арестованные экземпляры газеты – 2366.

Помимо драматических коллизий взаимоотношений «Орловского вестника» с цензурой необходимо привести ряд примеров из деятельности других изданий Орловской губернии. Так, в Брянске проживал учитель М. И. Юдин, который открыл книжный магазин и собственную типографию. В 1904 г. ее оборудование составляли две скоропечатные машины, одна «Бостонка», один печатный станок, имелось 100 пудов шрифта. Штат насчитывал 10 рабочих и 20 учеников. Юдин в 1905 г. планировал открыть отделения книжного магазина в Орле и у себя на родине – в Малоархангельске (в Бежице отделение магазина открылось по инициативе администрации Брянского завода еще в середине 1904 г.). В бурную пору первой русской революции Юдин стал номинальным редактором газеты «Брянский голос» (фактически она являлась органом Брянского окружного комитета социал-демократической партии). В обра-

щении «К читателям» в первом номере газеты говорилось: ««Брянский голос» своей основной задачей ставит – быть выразителем нужд и интересов рабочего класса вообще и, в частности, того обширного фабрично-заводского района, культурным центром которого может считаться Брянск, а также представляет собою орган рабочего движения всей Орловской и прилегающих губерний '…' Вперед на защиту рабочего дела во имя пролетарской борьбы и с твердой верой в торжество грядущей победы эксплуатируемых и угнетенных над извечным врагом эксплуататором!» [58].

Пристав Брянского уезда докладывал руководству, что «Брянский голос» оказывал «вредное влияние на спокойствие на заводе», так как публиковал статьи, «критикующие действия правительства, восстанавливая против него народ, открыто призывая население к вооруженному восстанию». Газету обвиняли также в «оскорблении императорского величества», «неправильном освещении событий». Примечательно, что в январе 1904 г. брянский полицмейстер давал весьма благоприятный отзыв о репутации М. И. Юдина [59].

По распоряжению орловского губернатора на редактора «Брянского голоса» был наложен штраф. Затем Орловский окружной суд принял решение закрыть газету (всего вышло 16 номеров). 17 июня редакционная коллегия «Брянского голоса» направила телеграмму членам социал-демократической фракции Государственной Думы: «Ночью полицией конфискован № 16 «Брянского голоса», даже без указания статей, вызвавших арест. Требуем от думы через вас, товарищи, решительного шага в защиту свободы слова» [60]. М. И. Юдин был арестован и заключен в мценскую тюрьму. В архиве сохранилось дело о передаче типографии

М. И. Юдина в аренду штабс-капитану запаса А. А. Бахтину и брянскому мещанину Л. И. Итину [61]. Прошение Юдина (по всей видимости, составленное в тюрьме) датировано 27 июля 1906 г., а разрешение губернатора – 2 августа, причем отсутствуют общепринятые в то время запросы полицмейстеру о благонадежности предполагаемых новых хозяев, его рапорты на эту тему и т. д.

Парадоксально, но немало хлопот местному руководству доставляли консервативные издания, учрежденные при содействии власти как противовес «Орловскому вестнику». Так, основным содержанием «Орловской речи» был правительственный официоз, публиковалось большое количество обращений «К русскому народу», «К крестьянам», призывы губернатора прекратить беспорядки и погромы помещичьих имений, хуторов зажиточных поселян. В августе 1906 г. «наблюдающий за периодической печатью в г. Орле» арестовал № 177 газеты [62] в связи с тем, что в статье «Наглядные несообразности» автор, укрывшийся за псевдонимом Rectus [прямой, правильный, независимый], процитировал Выборгское воззвание бывших депутатов Государственной думы. Аналогичной каре был подвергнут и «Орловский вестник» [63] – тот не просто процитировал воззвание, а привел цитаты из трех секретных циркуляров орловского губернатора, где речь шла об этом документе.

Резкий тон «Орловской речи» встречал мощное противодействие в местном обществе. Например, статья Аггела Федоровича Сугакевича по поводу 20-летия Орловского вольно-пожарного общества, опубликованная 2 июля 1908 г., была расценена городской управой Орла как оскорбительная и клеветническая по отношению к ряду членов управы. Орган власти был вынужден обратиться к присяжному по-

веренному для того, чтобы привлечь к судебной ответственности редактора газеты [64].

В этом же ряду необходимо назвать еще одно издание – «Орел: Вестник Орловского союза русского народа, проповедовавший законность и порядок строительства церковного, государственного и гражданского согласно учения св. православной церкви и российских законов». Издателем газеты был Я. А. Померанцев [65].

Первый номер вышел в октябре 1911 г. Газета издавалась ежедневно, с 1913 г. – два раза в неделю. Первым редактором «Орла» был крестьянин Подмонастырской слободы (пригород Орла) Александр Васильевич Шеломанов.

Газета с первых же номеров показала свой характер. После ряда конфликтных ситуаций редактор в июле 1912 г. вынужден был написать покаянное письмо губернатору С. С. Андреевскому (занимал эту должность с 1906 по 1915 г.) с уведомлением об отказе от этой должности. Он писал: «С начала появления и в настоящее время названная газета занимается сплетнями и враньем, но за некоторые статьи не знаю, как обходилось, мне пришлось бы отбывать наказание, а это мне нежелательно» [66]. Вскоре редактором газеты стал Михаил Акимович Чукаев.

В декабре 1912 г. епископ Орловский и Севский Григорий подал жалобу губернатору С. С. Андреевскому на газету «Орел» по поводу клеветы на руководство духовной семинарии (выступления газеты вызвали взрыв общественного мнения – публика была возмущена беспардонностью газетчиков). Епископ весьма жестко обошелся с автором «разоблачительных» публикаций из семинарии протоиереем Смирновым – тот был переведен во Владимирскую епархию [67]. Редактор Чукаев попал под суд и, чтобы избежать на-

казания, представил в судебную палату фальшивую справку о собственной смерти [68].

История взаимоотношений деятелей печати Орловской губернии и цензуры еще не становилась темой основательного научного исследования. На этом пути нас ждут интересные поиски и находки. Но уже сейчас беглый экскурс показывает, как трудно и драматично, с поражениями и отступлениями шел процесс борьбы провинциального общества за свободу слова.

Примечания

1. Цит. по: Орловские губернаторы. Орел, 1998. С. 162–163.
2. Там же. С. 163.
3. Подробнее см.: Каталог русских и иностранных книг Публичной библиотеки «Орловского вестника». Орел, 1883.
4. Чудинов А. Н. 25-летие царствования Его Императорского Величества Александра Николаевича… Орел, 1880. С. 7.
5. Тарачков А. С. А. Г. Пупарев // Памятная книжка Орловской губернии на 1899 год. Орел, 1899. Отд. 2. С. 3–4.
6. В 1850-е гг. В. Л. Иванов был редактором газеты «Орловские губернские ведомости», начальником газетного стола губернского правления, затем – чиновником, старшим чиновником особых поручений при орловском губернаторе, советником губернского правления. Одновременно занимал посты правителя дел губернской комиссии народного продовольствия, был директором губернского комитета попечительного общества о тюрьмах.
7. Деятели книжной культуры Орловского края: биобиблиогр. указ. Орел, 2003. С. 55–57.
8. Белоконский И. П. В годы бесправия: Воспоминания / предисл. и ред. М. М. Константинова. М., 1930. С. 39–40.

9. Павел Иванович Якоби (1842–1913) – деятель революционного движения, доктор медицины Бернского университета (1867), Парижского университета (1870), член Мадридской медицинской академии (1876), создатель психиатрической больницы в Орловской губернии.

10. Подробнее см.: Белоконский И. Указ. соч. С. 40.

11. Название зарубежного издания не было выдумкой Белоконского: действительно, журналом «The Century Illustrated Monthly Magazine» в Россию для изучения жизни в ссылке были командированы Дж. Кеннан и Дж. Фрост (художник), с мая 1885 по август 1886 г. они прошли от С.-Петербурга через Урал и Сибирь до Бурятии. Кеннан и Белоконский познакомились в Сибири и впоследствии вели переписку.

12. Орлов. вестн. 1886. 11 и 18 дек.

13. Цит. по: Минокин М. Интересная судьба забытого писателя // Орлов. правда. 1960. 7 февр. Очевидно, что ужесточение контроля за редакцией было вызвано началом сотрудничества в ней И. П. Белоконского.

14. Особый цензурный порядок в отношении «Орловского вестника» действовал до февраля 1893 г.

15. Цит. по: Минокин М. Указ. соч.

16. Белоконский И. Указ. соч. С. 79.

17. Там же.

18. Орлов. вестн. 1899. 2 марта.

19. Трубников А. Воспоминания. Орел, 2004. С. 116.

20. Там же. С. 122.

21. Попов Н. С. А. Н. Трубников, бывший орловский губернатор (1894–1901). Орел, 1901. 80 с.

22. Родной край: сб. материалов для описания Воронежской, Калужской, Курской, Орловской, Смоленской, Тамбовской, Тульской и Черниговской губерний. Орел, 1899. С. 106.

23. Цит. по: Блюм А. Дело об «Орловском вестнике» // Орлов. правда. 1968. 26 марта.

24. Орловские губернаторы … С. 201.

25. Орлов. вестн. 1903. 12 янв.

26. Там же.

27. Цит. по: Андреев Л. Повести и рассказы. М., 1957. С. 509.

28. Орлов. вестн. 1904. 4 янв.

29. Александр Николаевич Рейнгардт происходил из обедневших рейнских баронов, был видным адвокатом и общественным деятелем в Орловской губернии, его перу принадлежит фундаментальный труд «История начальной школы в Орловской губернии. Очерк деятельности уездных земств по народному образованию» (Орел, 1897).

30. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 3114. Л. 45–46.

31. Там же. Л. 2 об.

32. Там же. Л. 1.

33. Там же. Л. 7.

34. Там же. Л. 7, 7 об.

35. Там же. Л. 14–16.

36. Там же. Л. 16.

37. Там же. Л. 17.

38. Там же. Л. 23.

39. Там же. Л. 23, 23 об.

40. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 3114. Л. 56.

41. Там же. Л. 57 об.

42. Там же. Л. 58.

43. До 1904 года неофициальная часть «Орловских губернских ведомостей» выходила вместе с официальной. С 21-го номера неофициальная часть стала выходить отдельно, с самостоятельным названием – «Неофициальная

часть «Орловских губернских ведомостей»«. Как проявление активности консервативных сил можно расценивать назначение ее редактором правителя канцелярии губернатора Н. Н. Веревкина, выполнявшего одновременно обязанности цензора «Орловского вестника». Новая газета стала активно выступать против революционных волнений. С 1 января по 14 октября 1905 г. газета выходила под названием «Телеграммы «Орловских губернских ведомостей»«. С 1 декабря 1905 г. издание было преобразовано в ежедневную газету «Орловская речь». Веревкин редактировал ее по февраль 1906 г., газета прекратила выход в январе 1910 г.

44. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 3113. Л. 15 об., 16, 16 об.

45. Там же. Л. 16 об.

46. Там же. Л. 18.

47. Там же. Л. 18.

48. Там же. Д. 3235. Л. 7.

49. Там же. Л. 9. Столь затянувшееся молчание, видимо, имело веские причины – вскоре, в 1907 г., Николай Савельевич Попов умер.

50. Орлов. вестн. 1906. 2 февр.

51. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 3302. Л. 3.

52. Там же. Л. 5, 5 об.

53. Там же. Д. 3272. Л. 1.

54. Там же. Д. 3273. Л. 1.

55. Там же. Л. 4.

56. Там же. Л. 6–8.

57. Там же. Д. 3272. Л. 7.

58. Брянск. голос. 1906. 1 июня.

59. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 3112. Л. 2.

60. Цит. по: Очерки истории Брянской организации КПСС. Тула, 1968. С. 51.

61. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 3203. Л. 1.
62. Там же. Д. 3326. Л. 1.
63. Там же. Л. 3.
64. Там же. Ф. 593. Д. 1089. Л. 1–3.
65. Там же. Ф. 580. Ст. 2. Д. 3839.
66. Там же. Л. 53.
67. Там же. Л. 111 об.
68. Там же. Л. 111.

ЦЕНЗУРА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война кардинальным образом изменила тематику и саму структуру прессы Орловской губернии. Если в первые дни об этом можно было судить в основном по заголовкам газетных публикаций, то в последующем обстоятельства военного времени сказались на ужесточении контроля за прессой, на объёмах изданий, причём значительная часть вообще была закрыта.

Анализ содержания комплектов местных газет и журналов показывает, что все они, отражая общественные настроения, поддержали вступление России в мировую войну. Так, консервативная «Орловская жизнь» 19 июля 1914 г. в передовой статье подчёркивала: «Нет сомнений, что момент ныне нами переживаемый – исторический момент. Переворачиваются карты великой книги исторической жизни народов, настает новая эпоха, как то было в начале XIX века, когда на мировую сцену выступил великий корсиканец [далее автор перечисляет реалии последних десятилетий, показывает агрессивную сущность Германии и Австро-Венгрии. – А.К.]. Руки прочь, или – да будет война! Таков лозунг политики тройственного соглашения. Война – великое бедствие, но всё же и война сноснее и желательнее длительного разорения народов, именуемого вооруженным миром. Европе надоели прусская казарма и иезуиты Вены». В этом же номере сообщения о манифестациях (в Петербурге и Орле) были опубликованы под заголовком «Единение правительства и народа». Газета поместила комментарий «Австрий-

ский план войны», подборку телеграмм «Приготовления Германии», новости из зарубежных стран.

«Елецкий вестник» вышел 19 июля 1914 г. с передовой статьёй «Перед великими событиями». Газета писала: «Не надо быть пророком, чтобы сознавать ясно теперь же, что мы живём перед великими событиями, которым суждено будет сыграть решающую роль в истории Европейских народов… В недалёком будущем произойдет ряд народных экзаменов, результат которых на долгие десятилетия, а может быть, и столетия определит судьбу целых государств. Карта Европы может значительно измениться после этих экзаменов. Для нас, русских, предстоят страшные столкновения с враждебными нам соседями, которые с явным недоброжелательством смотрят на гигантский духовный рост нашей родины, на колоссальную разработку ее неисчерпаемых природных богатств… Нашим девизом давно должны быть слова: *«Россия для Русских»»*. Здесь же были напечатаны распоряжение Николая II о призыве на службу ратников государственного ополчения первого разряда, репортаж из Петербурга о реакции столичных жителей на объявление Австрией войны Сербии, публицистические заметки И. Иванюшенкова «В единении сила», где он сравнивал германских агрессоров с Наполеоном. В заметке «Манифестация» рассказывалось о том, как обычное вечернее гуляние в «семейном саду» в Ельце превратилось в патриотический митинг: духовой оркестр исполнял гимн «Боже, царя храни», военные марши:

«– Я иду добровольцем, – говорит один студент, сильно волнуясь и нервничая.

– И я, и я! – раздаются другие голоса и искренностью, и правдивостью, и любовью веет от этих слов нашей молодёжи – нашего светлого будущего. И верится, искренно

верится, что наша молодёжь в случае войны России с Австрией, как один, встанет на защиту своей горячо любимой родины [1].

– Да здравствует армия, да здравствуют наши добровольцы, бросающие службу, карьеру, дом, для того, чтобы принести отечеству свою молодую жизнь».

Примечательно, что экстренным прибавлением к этому номеру «Елецкого вестника» в этот же день, 19 июля, вышел ещё один номер газеты (текст был напечатан только с одной стороны листа – для расклейки). Основное место здесь заняла подборка сообщений под общим крупным заголовком «На пороге великих событий»: манифестация в Ельце, международные новости, сообщения о военных действиях на Дунае. В конце номера сообщалось, что завтра, 20 июля, в 11 часов дня на Сенной площади «предполагается народное молебствие».

«Орловский вестник» опубликовал 21 июля манифест Николая II об объявлении войны Германии. Подборка телеграмм была напечатана на первой странице газеты под красноречивым заголовком «К войне». На второй странице – множество телеграмм из-за рубежа, сообщения о манифестациях в Петербурге, а также местная хроника (столпотворение на вокзале, телеграф захлебнулся от потока телеграмм, подорожали рабочие руки, состоялся молебен в Петропавловском соборе в Орле и т. д.).

В № 15 (август 1914 г.) земского журнала «Вестник Орловского общества сельского хозяйства» были опубликованы высочайшие манифесты об объявлении войны Австро-Венгрии и Германии, редакционное обращение к читателям. В № 18 под заголовком «Питание русской армии – общенародное дело» печатается призыв Главного управления

землеустройства и земледелия к крестьянам и сельским хозяевам активно участвовать в поставках зерна армии. Публикуется информация «О пожертвовании плодов и овощей для русских воинов и их семей» (от правления Императорского российского общества плодоводства). В № 20 опубликован манифест об объявлении войны Турции. В этом же номере помещена статья «К сокращению агрономических кредитов», появление которой, конечно же, было обусловлено начавшейся войной. Ведущей темой № 16–17 (сдвоенного), 18 и последующих номеров было снабжение армии продовольствием. В № 21–22 помещено «Обращение Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам». Журнал неоднократно выпускал бесплатное приложение «Великая война».

«Орловские губернские ведомости» информировали обо всех правительственных заявлениях по поводу начала войны, сообщали о чрезвычайном собрании, созванном губернским предводителем дворянства, где обсуждался вопрос о помощи больным и раненым воинам (1914, № 58), опубликовали постановление губернатора об охране государственного порядка и общественного спокойствия на территории губернии во время войны (1914, № 71).

Казалось, ничто не предвещало революции, которая грянет в России менее чем три года спустя. По всей видимости, не было таковых опасений и у властей предержащих. Во всяком случае, анализ последующих событий показывает, что руководство губернии не обращало особого внимания на формирование информационной политики. Впрочем, чтобы сделать окончательные выводы, рассмотрим несколько более узких тем: роль местной власти в организации сети бюллетеней военных телеграмм, деградация консерватив-

ной прессы и ослабление роли демократической прессы, рост в обществе антивоенных настроений и разрушение системы контроля над печатью после февральской революции.

Сразу же с началом войны орловский губернатор С. С. Андреевский получил телеграмму министра внутренних дел Н. А. Маклакова, где подчёркивалось, что «население империи напряжённо следит за ходом военных событий и с нетерпением ждёт новостей с театра войны» [2]. Министр настойчиво рекомендовал использовать в целях реформирования бюллетени Санкт-Петербургского телеграфного агентства и выдавать свидетельства на право издания указанных бюллетеней беспрепятственно, незамедлительно, причём не только в городах впредь до особого распоряжения, но и в сельских местностях [3]. Также отмечалось: «Без разрешения агентства никаких посторонних сообщений в бюллетенях не должно быть допускаемо» [4].

Данное указание министра было ещё дважды продублировано, но уже до получения документа по почте соответствующие телеграммы были направлены губернатором в земские управы. Губернская власть быстро сориентировалась: так, например, ещё 18 июля 1914 г. было составлено заявления купеческого сына г. Ельца П. В. Квасникова о разрешении ему издавать газету «Елецкая молва» «по вторникам и субботам, с выпуском в виде приложений ежедневных телеграмм по мере надобности» [5]. В подписанном 2 августа губернатором свидетельстве указывалось чётко и однозначно: «также выпускать в свет в виде отдельных добавлений к означенной газете телеграммы Санкт-Петербургского телеграфного агентства. Названная газета будет выходить 2 раза в неделю по вторникам и субботам, а телеграммы – ежедневно» [6]. О предстоящем в данном издании «выпу-

ске в свет телеграмм Санкт-Петербургского телеграфного агентства» губернатор тогда же сообщил Главному управлению по делам печати МВД [7].

Анализ архивных документов показывает, что далеко не все органы власти на местах были готовы поддержать инициативу имперского правительства. В частности, земства не могли в полной мере оценить важность широкого и оперативного информирования населения в условиях военного времени. Так, уже 5 августа председатель управы Лопатин из Ельца ответил по телеграфу: «Елецкая земская управа отказывается получать бюллетени войны. Причины объяснит особым представлением» [8] (дополнительно было послано обоснование: тяжёлое финансовое состояние земской кассы; земская почта пересылается в уезды лишь два раза в неделю [9]). В этот же день откликнулись губернские земцы: «Орловская губернская управа имеет честь представить Вашему Превосходительству, что она не усматривает оснований к печатанию бюллетеней Санкт-Петербургского телеграфного агентства, так как потребность г. Орла и окрестного населения обслуживается в достаточной степени местной прессой» [10]. 8 августа прислала отказ Мценская уездная земская управа: «за неимением такой типографии, на которую можно было бы положиться на исправное и своевременно исполнением работ» [11]. Отрицательным был ответ и Малоархангельской управы: «за недостаточностью свободных средств не находит возможным печатать бюллетени и распространять их среди населения уезда» [12].

Однако имелись и такие руководители, которые видели необходимость начала выпуска подобных изданий. Так, 8 августа направил письмо орловскому губернатору начальник Старооскольского отделения Харьковского жандармского

полицейского управления железных дорог полковник Смирнов с просьбой «о своевременном снабжении меня бюллетенями Петербургского телеграфного агентства о ходе военных действий в количестве 20 экземпляров для развески на станциях Хитрово, Долгоруково, Тербуны, Набережной и на всех полустанках, разъездных казармах и полуказармах, находящихся в районе этих станций» [13].

Столичную инициативу поддержало и Ливенское земство. 5 августа губернатор получил телеграмму председателя князя В. В. Голицына: «Ливенская земская управа согласна получать бюллетени агентства для распространения» [14]. Затем пришло письмо с подробностями: бюллетени предполагалось печатать в типографии Ливенского благотворительного общества, «рассылать во все волостные правления, сельские общества, медицинские и ветеринарные лечебные заведения, в начальные школы и тем проживающим в уезде должностным и частным лицам, которые изъявят желание знакомить население с ходом военных действий. На возмещение расходов по изданию телеграмм предложено взимать по 20 копеек в месяц с каждого лица или учреждения» [15].

В архиве сохранилось письмо ливенского уездного исправника губернатору от 5 августа, где он представлял на рассмотрение два прошения:

1. Содержателя типографии Владимира Николаевича Некрасова.

2. Заведующего типографией и приютом Ливенского благотворительного общества Василия Александровича Соловьёва, ходатайствующих о разрешении на печатание копии телеграмм о военных событиях для продажи по г. Ливнам [16].

Губернатор в свою очередь уже 8 августа запросил заявление «избранного управой лица о принятии на себя обя-

занностей ответственного редактора» [17]. 12 августа управа сообщила о том, что редактором будет заведующий приютом и типографией Ливенского благотворительного общества Василий Александрович Соловьёв [18]. Его заявление об этом датировано уже следующим днём [19]. Однако, судя по всему, составленные в уездном городе документы не соответствовали имеющимся требованиям. В деле сохранилось датированное 22 августа новое прошение Соловьёва, написанное по образцу. Там конкретно указывались тираж и стоимость: «500 экземпляров по две копейки с экземпляра», формулировалось обязательство: «Редактором и ответственным лицом по печатанию и выпуску названных телеграмм являюсь я» [20]. 26 августа было оформлено свидетельство губернатора о праве на издание бюллетеня и о праве Соловьёва «редакцировать» [21]. Об этом глава губернии тогда же сообщил уездной управе [22] и ливенскому исправнику [23], Главному управлению по делам печати МВД [24].

Уже 1 сентября уездные энтузиасты обратились к губернатору с просьбой расширить программу издания: «Управа просит разрешения печатать разного рода воззвания и объявления о пожертвованиях в пользу больных и раненых воинов и их семей, а также объявления о деятельности местного комитета Союза Земств. Печатание этих объявлений будет под редакцией и ответственностью председателя управы князя Владимира Владимировича Голицына» [25]. Без особых бюрократических проволочек 5 сентября соответствующее свидетельство в Орле было скорректировано: за то, что печаталось по прежней программе, отвечал Соловьёв, за дополнительные публикации – Голицын [26]. Информация об этом была сообщена уездному исправнику и Главному управлению по делам печати МВД [27].

В 1915 г. требования к желающим открыть газету стали строже, о чём можно судить по переписке о выдаче разрешения А.Я Наумову на издание в Ельце газеты «Елецкий край». Прошение он подал 25 октября 1915 г. – по типовой программе, включая публикацию телеграмм ПТА [28]. Однако 30 октября губернатор потребовал с Наумова расписку по поводу указанного в его циркуляре № 4868 от 3 августа 1915 г. «перечня сведений и изображений, касающихся внешней безопасности России, её военно-морской и сухопутной обороны, оглашение и распространение коих в печати воспрещается», а также изложенного в циркуляре № 1473 от 11 марта 1915 г. распоряжения начальника штаба Московского военного округа о недопустимости опубликования в выходящих в свет повременных изданиях сведений о забастовках на фабриках и заводах (оформляя расписку, заявитель также должен был заплатить 1,25 рубля гербового сбора) [29].

В начале 1916 г. возник проект «ребрендинга» ливенского бюллетеня. 14 марта 1916 г. Ливенское общество пособия бедным и попечения беспризорным детям (вариант – Благотворительное общество) обратилось к губернатору с заявлением о том, что «желает издавать в г. Ливнах ежедневную газету под названием «Ливенский листок», где будут помещаться военные телеграммы, разного рода объявления и воззвания о пожертвованиях. Подписная плата с доставкой в год – 9 рублей. Обязанности редактора по этому изданию в полном объёме принимает на себя ливенский мещанин Николай Николаевич Бобков» [30]. К заявлению прилагались обязательство Бобкова о принятии ответственности [31] и извещение уездной управы о том, что она готова отказаться от права на издание бюллетеня в случае разрешения издания «Ливенского листка» Благотворительному обществу [32].

19 марта с пометкой «Срочное» последовало указание губернатора ливенскому исправнику «немедленно доставить мне сведения о национальности Бобкова, возрасте его, обладает ли он общей гражданской правоспособностью и не подлежит ли под условия, указанные ст. 7 Положения о выборах в Государственную Думу, выяснить, в чьей типографии будет печататься означенная газета» [33].

Указание губернатора было выполнено, но сроки оказались стандартно-бюрократические. Лишь 19 апреля уездный исправник Константин Шаталов направил в Орёл рапорт о том, что Бобков «49 лет, с детства проживает в г. Ливнах, чисто русского происхождения, поведения и нравственных качеств хороших, суду и следствию не подвергался, общей гражданской правоспособностью обладает и под условия, указанные ст. 7 Положения о выборах в Государственную Думу, не подходит. Газета «Ливенский листок» будет печататься в типографии вышеназванного общества одного формата с экземпляром при сем прилагаемым, в каковой газете будут печататься извещения Петроградского телеграфного агентства и разные объявления, причём последние каждый раз с моего разрешения, почему я, с своей стороны, препятствий к допущению Бобкова редактором названной газеты не имею» [34].

Не полагаясь на уверения исправника, правитель канцелярии губернатора 26 апреля запросил начальника Орловского губернского жандармского управления о политической благонадёжности Бобкова [35]. По всей видимости, скорый отзыв был удовлетворителен, и 5 мая было составлено свидетельство о праве издания (программа та же, что и в прошении) [36], копия свидетельства послана Главному управлению по делам печати МВД [37].

Необходимо отметить, что именно информационный бюллетень о событиях мировой войны стал первой издававшейся в Ливнах газетой. Аналогичные издания телеграмм Петроградского телеграфного агентства (ПТА), подчас меняя названия и издателей, выходили в те годы и в других уездных городах Орловской губернии. В Брянске издавались «Телеграммы ПТА» (Брянск, 1914–1915, издатель – уездная земская управа), «Листок телеграмм и объявлений» (1916, издатель – потомственный почетный гражданин Н. Т. Пипенко). В Ельце – «Утренние телеграммы ПТА» (1914), «Телеграммы ПТА» (издание газеты «Елецкий вестник», 1914–1915), «Последние новости» (1915), «Вести с театра великой войны» (1915–1916). В Карачеве – «Бюллетени ПТА» (1914–1916), «Телеграммы ПТА» (1916, издатель – Карачевская уездная земская управа), в Дмитровске – «Телеграммы ПТА» (1916, издатель – Дмитровская уездная земская управа), в Севске – «Военные телеграммы ПТА» (1914–1915), «Севский листок: Телеграммы ПТА. С театра военных действий» (1914–1916, издатель – Севская уездная земская управа), «Телеграммы ПТА» (1916, издатель – статский советник Л. Новиков), в Трубчевске – «Последние известия с театра войны: Телеграммы ПТА» (1916, издатель – Трубчевская уездная земская управа) [38]. При всей значимости этих листков как источников информации они не могли стать полноформатными общественно-политическими изданиями в силу изначально крайне сжатой, официозной концепции, предполагавшей публикацию лишь телеграмм агентства. Власть так или иначе упускала возможность более многообразного и сильного воздействия на общественное мнение.

Ещё со времён революции 1905–1907 гг. сильным инструментом информационной политики власти в провин-

ции была праворадикальная пресса. В Орле выходил целый ряд подобных изданий. Причём это «разнообразие» было порождено не столько многогранностью пропагандистских технологий, сколько амбициями редакторов и неумением власти объединить консервативные литературные силы в провинции. Так, наиболее резкая газета «Орёл», которую издавал председатель Орловского отделения Союза русского народа Я. А. Померанцев, не стеснялась в выражениях, обличая Государственную Думу, духовенство и чиновников. Другой представитель правых, выразитель идей «просвещённого консерватизма и традиционализма», редактор «Орловских епархиальных ведомостей» ректор духовной семинарии, товарищ председателя Орловского отделения Всероссийского национального союза В. А. Сахаров высказывал критику в сторону ретивых черносотенцев. В редактируемом Сахаровым журнале в апреле-мае 1912 г. появились довольно жёсткие публицистические заметки по поводу «распространения клеветы и пасквилей по адресу местного духовенства и епископа Григория». Таким образом реагируя на поток оскорблений, лившийся со страниц газеты «Орёл», Сахаров жёстко поставил вопрос о том, кто на самом деле входит в состав отделения СРН и не превратилось ли оно в ширму для председателя-узурпатора, частного поверенного Померанцева, нажившего на ссудно-коммерческих операциях до 100 тысяч рублей и вложившего их в издательское дело [39].

Померанцев подал на редактора-ректора в суд. В Орловском окружном суде в мае 1914 г. приговорили Сахарова… к штрафу в размере 40 рублей, который за отсутствием средств мог быть заменён арестом на 7 суток. Сахаров подал апелляционный отзыв, в котором опирался на справку, полученную от действительного статского советника, непре-

менного члена Орловского губернского по земским и городским делам присутствия А. А. Петрова. В справке шла речь о 12 лицах, составлявших официальный список Орловского отделения СРН. На тот момент (справка составлена в начале июня 1914 г.) 7 из них уехали из Орла или отказались от участия в организации. Но по уставу в ней должно было состоять не менее 12 человек, к тому же Померанцева избрали на пост председателя в апреле 1911 г. на три года, срок истёк [40]. Именно эта справка была в основе доказательств возражений Сахарова против обвинения и для обжалования приговора. Сахаров резонно ставил вопрос, действительно ли в Орле существует Союз русского народа?

15 июня 1914 г. в «Орловской жизни», редактируемой С. С. Окрейцем, за подписью «Националист» появилась статья «Честь, достоинство и доброе имя Орловского Союза русского народа», где подчёркивалось, что Померанцев ввёл Орловский окружной суд в заблуждение, вследствие чего вынесен обвинительный приговор Сахарову: «Грязными руками загажено знамя Союза русского народа в Орле. Померанцев – юркий ходатай по делам, поднаторевший в крючкотворстве. Не брезгуя средствами, делает вид очень страшного и опасного для окружающих дельца. Правда, в обществе его не принимают, влияния он никакого не имеет и тем злобнее становится он день ото дня в своём листке «Орёл», запершись в своём караван-сарае на Карачевской [улице], он измышляет, чем бы кому-нибудь досадить, кого бы уколоть, уязвить и как бы это сделать в такой форме, чтобы сберечь целость авторской физиономии или не попасть в суд… У злобных слабоумных эпилептиков и дегенератов наблюдается особый вид страстного наслаждения причинением соседу боли» [41].

Померанцев в ответ напечатал в газете «Орёл» 10 июля 1914 г. гневное опровержение на апелляционный отзыв Сахарова и на статью в «Орловской жизни», причём обвинил Петрова в выдаче официальной справки с личными сведениями членов СРН. Соответственно 17 июля была подана жалоба Петрова на редактора Померанцева [42]. Ему грозил максимальный штраф 500 рублей или арест на 1 год 4 месяца, но суд, учитывая заслуги и возраст Померанцева (63 года), назначил ему штраф 100 рублей (в случае неуплаты – две недели ареста) [43].

Несмотря на начало мировой войны, были апелляции и новые разбирательства, пикировка на страницах изданий. Сахаров твёрдо стоял на своём, доказывая, что его упрёки относились не к Союзу русского народа, а к «кучке тёмных и злых людей», которые свили себе гнездо в редакции вестника «Орёл» и в Союзе русского народа». В итоге вышестоящая Харьковская судебная палата в судебном заседании 23 ноября 1915 г. постановила: приговор Орловского окружного суда от 8 мая 1914 г. отменить и дело производством прекратить [44].

Суд над Окрейцем продолжался, в частности, одно из заседаний было назначено на 21 марта 1916 г. [45], однако обвиняемый на него не явился. Он по-прежнему настаивал на своём, обличая: «Прошло более двух лет, «Орёл» в каждом номере изрыгал хулу на Преосвященного Григория, ректора, на всех близких к националистам лиц» [46]. Следующее рассмотрение затянувшегося дела началось в Орле 2 апреля 1916 г. Примечательно, на заседании Окрейц заявил, что статья за подписью «Националист» принадлежит перу Петрова, Петров же это отрицал [47]. 5 апреля 1916 г. Петров и Окрейц были оправданы [48]. Харьковская судеб-

ная палата 15 апреля 1917 г. апелляцию Померанцева оставила без последствий [49].

В ГАОО сохранилась копия жалобы редактора газеты «Орловская жизнь» Окрейца министру внутренних дел на губернатора (3 января 1915 г.). Указав свой чин (губернский секретарь) и многолетний опыт участия в печати (««Исторический вестник», «Свет», «Земщина», у М. Н. Каткова в «Московских ведомостях» – 45 лет в прессе, всегда в правых изданиях» [50]), автор изложил суть дела: «Прибегаю к Вашему Высокопревосходительству и умоляю о защите меня от неслыханных и разорительных притеснений, которым подверг меня орловский губернатор Андреевский, игнорирующий в своих распоряжениях всякую справедливость и законность […] В «Орловской жизни» не найдено ни одной строки, не согласной с патриотическими и правыми моими убеждениями. Губернатор Андреевский без объяснения причин распорядился не печатать до 15 декабря мои объявления о продолжении моей газеты в 1915 г. Таким образом, я разорён, лишён моего имущества […] Закрыть газету г. губернатор был вправе, но запретить объявления никакой закон права ему не даёт без указания повода к такой мере. Считаю долгом разъяснить Вашему Высокопревосходительству закулисную причину постигшего меня бедствия. Главное управление по делам печати было довольно направлением моего издания, и «Орловской жизни» назначались субсидии в 1911, 1912, 1913 и 1914 гг., всего на сумму 48000 рублей. За четыре года из этих денег я не видал ни копейки, не получил ни гроша. Губернатор принудил меня печатать газету в губернской типографии и под этим предлогом отдал и субсидии, и доход газеты за 4 года до 30000 рублей своему любимцу Шмякову, смотрителю типо-

графии. Я должен был вести литературную часть газеты без сотрудников за самое нищенское вознаграждение. Когда же в конце сего года я приобрёл сам скоропечатную машину и объявил, что сам буду вести издание и от губернской типографии и от г. Шмякова отказываюсь, мне запретили объявления на 1915 г. и задержали их до 15 декабря и тем самым окончательно разорили» [51].

Окрейц, полагая, что манипуляции орловского губернатора привели к исчезновению 25 тысяч рублей, потребовал отчёты о расходовании средств. В ответ ему пригрозили… гауптвахтой. В жалобе подробно был изложен характер взаимоотношений начальника губернии и консервативной прессы: «Хотя предварительная цензура упразднена, но г. Губернатор подверг мои статьи своей цензуре и запретил печатать:

а) всё, что касалось евреев, заполонивших Орловщину, захвативших всю торговлю. Записываясь в вольную пожарную дружину, евреи, не выходя на пожар, получают право на жительство, почётные звания, медали и даже ордена. Скандал на всю губернию, но об этом нельзя говорить.

б) запрещались статьи с самыми скромными обличениями полиции, взяточничество которой сделалось притчей во языцех. Андреевский не дозволял печатать критику на распоряжения земства, словом, гласность для него является всё равно, что красная тряпка для быка.

в) самодурство Андреевского доходило до того, что он меня за благоприятный отзыв о концерте покойной Вяльцевой разругал и наградил гауптвахтой» [52].

Жалоба завершалась патетической нотой: «Судите сами, Ваше Высокопревосходительство, каково жить в Орле, где губернаторствует г. Андреевский и его любимцы, которые

в сто раз хуже его. Прибегаю к Вашей защите и уповаю на справедливость.

Редактор-издатель ежедневной газеты «Орловская жизнь» губернский секретарь Станислав Станиславович Окрейц. Старый русский восьмидесятилетний писатель, получивший на днях благодарность ЕГО ВЫСОЧЕСТВА господина Верховного Главнокомандующего за статьи» [53].

Обращения Окрейца в МВД имели, скорее, обратный эффект: его вытеснили с должности редактора. С 1915 г. издателем «Орловской жизни» был К. Н. Матвеев, в сентябре редактором газеты назначена М. Н. Вильнер, бывшая до того секретарём редакции, а издателем К. Н. Наумов – чиновник особых поручений при губернаторе. Газета выходила до конца 1915 г. Однако немилость губернатора обрушилась и на конкурента Окрейца Померанцева. По предписанию Андреевского 8 июля 1915 г. издание газеты «Орёл» было приостановлено – за то, что проявляла «крайне вредное направление», помещая статьи, «явно направленные к возбуждению русского населения против лиц, носящих немецкие фамилии» [54]. Одновременно была закрыта типография. Однако у праворадикального издания нашлись высокие покровители. Померанцев обратился в МВД с жалобой, объясняя происшедшее «происками немцев и революционеров» [55]. Он писал о том, что из-за приостановки полиграфического производства у редакции иссякают средства для возобновления издания, портится оборудование, что вскоре лишит его «возможности продолжать свою бескорыстную службу царю и Отечеству» [56]. Врио начальника Главного управления по делам печати МВД князь С. П. Урусов в октябре 1915 г. просил Андреевского пересмотреть решение о приостановлении издания «ввиду изменившихся обстоя-

тельств» [57]. В итоге 7 ноября 1915 г. губернатор отменил своё постановление [58]. Окончательно «Орёл» прекратил выпуск в декабре 1916 г.

Не лишённой интриги оказалась и история праворадикального юмористического журнала «Елецкий шмель». Прошение о разрешении на его издание подал 17 декабря 1915 г. председатель Елецкого отдела Союза русского народа мещанин Д. Д. Руднев. Еженедельник он предполагал издавать по программе: Православие, Самодержавие, Народность; внедрение законности и порядка в народные массы, борьба с дороговизной, с взяточничеством и вообще со всеми уродливыми явлениями жизни, здоровый юмор и безобидная шутка. Издатель просил утвердить редактором «проживающего в Ельце крестьянина села Дуброво Муромского уезда Владимирской губернии Прокопия Трофимовича Кириллова» [59]. Согласно обычной схеме губернатор запросил сведения о благонадёжности последнего. В рапорте от 7 февраля 1916 г. елецкий полицмейстер сообщил: «Прокопий Кириллов, русский, 47 лет, в 1905–1906 гг. был судим в Орле временным Московским военным судом за укрывательство экспроприаторов с политической целью и приговорён к тюремному заключению на срок 1 год 4 месяца, каковое наказание им отбыто в Елецкой тюрьме» [60]. Отрицательный отзыв привёл к отказу в разрешении на издание журнала.

Также в одном из документов жандармского ведомства в июле 1916 г. находим сведения о последних страницах истории газеты Померанцева «Орёл». Отмечалось, что «вследствие переделки типографского оборудования и установки электрической двигательной силы газета не выходит. Когда же оборудование будет закончено, предполагается превра-

тить её в ежедневную с платой на год не более 3 руб.» [61]. Учитывая то, что до этого газета издавалась дважды в неделю, можно предположить, что издатель стремился сделать её более оперативной, доступной и массовой. Однако эти планы не осуществились: окончательно «Орёл» прекратил выпуск в декабре 1916 г. Таким образом, к началу 1917 г. местная консервативная печать в Орловской губернии окончательно утратила свои позиции и в канун грядущей революции уже не могла оказать какого-либо реального воздействия на общественное мнение. В связи с военным временем прекратил существование и ряд других изданий: «Орловский справочник» (1914), «Орловский край» (1916), «Известия Орловского технического общества» (1916), «Вестник Орловского общества сельского хозяйства» (1917) и т. д.

В то же время настроение общества стремительно ухудшалось. Военные неудачи, человеческие потери, потоки беженцев, стремительный рост дороговизны и дефицита – всё это не работало на укрепление позиций власти. Однако в местной прессе большинство указанных тем или вообще не обсуждалось, или поднималось пунктирно, в виде официальных сводок и кратких сообщений. Так, в каждом номере газет, издававшихся на Орловщине в годы войны, публиковались сведения о положении на фронтах. В газете «Орловские губернские ведомости» помещали списки уроженцев, погибших на фронте (раненых, попавших в плен), регулярно печаталась официальная информация о предельных ценах на продовольствие в городах губернии. В январе 1916 г. губернатор А. В. Арапов издал два «обязательных постановления»: первое, от 12 января, для населения ряда уездов, вошедших в состав Минского военного округа, «о воспрещении уклонения от окопных работ». Нарушителям

грозило наказание в виде заключения в тюрьму сроком до трёх месяцев или «денежного взыскания» до трёх тысяч рублей. Второе постановление о мерах по борьбе с ростом цен, датированное 22 января, касалось всех жителей губернии. Постановление запрещало «всякое искусственное и произвольное повышение цен на предметы первой необходимости и жизненные продукты», сокрытие товаров, покупку их всякого рода посредниками и перекупщиками для перепродажи в целях «искусственного, спекулятивного поднятия цен на них» и др. Указывалось, что оба документа должны быть трижды опубликованы в «Орловских губернских ведомостях» и отпечатаны: первый – в 500, второй – в 5000 экземпляров [62].

В «Орловском вестнике» также помещались списки уроженцев Орловщины, погибших на фронтах, пропавших без вести, раненых. Печатались небольшие письма фронтовиков. Однако публицистическая составляющая издания практически иссякла, газета на затрагивала, как прежде, острые вопросы, которые всё больше и больше будоражили общество (для сравнения: в мае 1904 г. прокурор Орловского окружного суда сообщил губернатору о том, что за период с апреля 1900 г. в отношении «Орловского вестника» возбуждено 30 судебных дел [63]). Каково было общее положение в годы первой мировой войны флагмана губернской журналистики, прежде известного именами И. А. Бунина, И. П. Белоконского, М. К. Лемке? Сведения об этом находим в докладе середины 1916 г. заведующего агентурой (официальная должность – помощник начальника) губернского жандармского управления подполковника Н. Р. Шульца: «Газета вместе с типографией куплена Товариществом в конце 1914 г. за 25 тысяч рублей, причём То-

варищество взяло на себя уплату долга бывшего владельца [А.И.]Аристова на сумму 3 тысячи рублей. Из 25 тысяч – 15 тысяч рублей были уплачены наличными и на 10 тысяч сделана закладная из 10% на 2 года. Срок её истекает в ноябре или декабре сего года. Вздорожание материалов и рабочих рук с одной стороны, уменьшение коммерческих объявлений и конкуренция столичных газет – с другой подорвало экономическое состояние газеты. До войны тираж равнялся почти 4 000 экземпляров, с течением же войны тираж стал сокращаться и в настоящее время не превышает 3 000 экземпляров. Никакой финансовой поддержки ни частными лицами, ни общественными организациями газете не оказывается».

В секретном докладе приведены также сведения о членах товарищества, их состоянии и основах редакционной политики:

«а) Лебедев Иван Иванович, бывший репортёр «Орловского вестника», в 1913 г. короткое время состоял помощником заведующего отделом «Русского слова». Состоит редактором (ответственным и фактическим) «Орловского вестника» по договору товарищества; деньги на газету дала его жена, владеющая в Орле домом.

б) Морозов – фельдшер в земской больнице Карачевского уезда. Долгое время состоял корреспондентом «Орловского вестника». Деньги дал ему сын его, который служит ветеринарным врачом в армии. Цель вступления в дело издания газеты, стремление поскорее реализовать «доходы» и принять участие в прибыльном и дающем известный вес деле.

в) Абросимов – крестьянин Мценского уезда, мелкий торговец, деятель кредитных товариществ, корреспондент газеты.

Направление газеты определяется традицией, личностью редактора Лебедева и финансовым состоянием газеты. По традиции «Орловский вестник» считается органом прогрессивным. И, действительно, бывший издатель Аристов, а ранее его Сентянина – были люди прогрессивного образа мыслей. Что же касается настоящего положения, то шаткое финансовое состояние газеты вынуждает Лебедева избегать малейших поводов к столкновению с администрацией и возможных штрафов или иных кар, так как малейшее столкновение может повести к финансовому краху. Будучи человеком малоинтеллигентным, но не глупым, Лебедев, отлично понимает, что ему не под силу ведение столь сложного дела, как редактирование газеты и поэтому он всегда ищет лицо, которое могло бы быть его тайным руководителем. И, действительно, такие лица оказываются. Одно время, с переходом газеты в руки Товарищества, действительным, но тайным руководителем газеты, по сведениям агентуры, был непременный член губернского по земским и городским делам присутствия Алексей Андреевич Петров. С отъездом Петрова, оставшись без руководителя, Лебедев начинает искать сближения с И. Н. Севостьяновым, и направление газеты несколько левеет. Вместе с тем Лебедев не теряет отношений с находящимся в Петрограде бюро снабжения провинциальной печати статьями по текущим вопросам. За умеренную плату бюро присылает статьи скромно-либерального направления, время от времени появляющиеся на страницах «Орловского вестника»» [64].

Каким образом жандармский подполковник получил столь разнообразные сведения? Вполне возможно, что в процессе неформального общения в одном из клубов, куда ради игры в бильярд заходил и Лебедев. Фамильярные отно-

шения с Шульцем дорого обошлись редактору. Сразу после Февральской революции в Орле достоянием общественности стали документы губернского жандармского управления, в частности, свидетельствующие о том, что именно Лебедев был для власти источником информации о положении в печати. Уже в апреле 1917 г. в только что основанной леворадикальной газете «Известия Орловского совета рабочих и солдатских депутатов» были опубликованы категоричные заявления журналистов:

«Не откажите в редактируемой вами газете дать место моему заявлению о том, что по принципиальным соображениям я не считаю возможным в дальнейшем сотрудничать в газете «Орловский вестник». К сему Нил Соколов» (Известия…, 1917, 5 апр.). «Просим опубликовать это заявление о нашем нежелании дискредитировать себя в глазах общества дальнейшим участием в «Орловском вестнике» после того, как названная газета так некрасиво выявила себя в дни свободы. Примите и проч. Н. Васильев, Н. Гришаков, А. Смирнов, В. Лебедев» (Известия…, 1917, 6 апр.). «Прошу редакцию не отказать в оглашении, что с 20 марта сего 1917 года я в числе сотрудников «Орловского вестника» не состою. А. С. Ларионов» (Известия…, 1917, 7 апр.).

14 мая в «Орловском вестнике» было напечатано официальное сообщение «От редакции и издательства «Орловский вестник»»:

«С 4 мая с.г. «Орловский вестник» выходит за подписью одного из товарищей по издательству М. И. Абросимова. Предпринята работа по реорганизации всего предприятия

«Орловский вестник». Ничего общего, кроме чисто формальных взаимоотношений, которые в самом непродолжительном времени будут ликвидированы, новая редакция не имеет с И. И. Лебедевым. Все обязательства, которые могут быть выданы с 3 мая с.г. И. И. Лебедеву по издательству, считаются товарищами недействительными. Все уплаты по счетам должны быть вносимы в контору Т[оварищест]ва «Орловский вестник», но не Лебедеву И. И. Корреспонденцию денежную и простую адресовать только по следующему адресу: контора «Орловский вестник», М. И. Абросимову».

16 мая «Известия…» напечатали фельетон «О редакторе»:

«Союзом печатников г. Орла постановлено бойкотировать И. И. Лебедева, редактора «Орловского вестника», «прогрессивной газеты общественной жизни, литературы, политики и торговли»…Бойкотировать за его близость к шефу жандармов Шульцу и за осведомление Шульца о жизни Орла […]

Рабочие постановили не иметь с Лебедевым дел. Рабочие – сознательны. А вот оставшиеся в газете сотрудники, – это жалкие крохи былого, – те-то что же?

Или им безразлично, кто их редактор?

Неужели со всяким работать будут?»

В том же номере было помещено стихотворение «Из альбома пародий» с подзаголовком «Песенка редактора»:

Бывали дни весёлые –
Я с Шульцем близок был,
Но дни пришли тяжёлые,
И вот я приуныл…

Ах, были дни весёлые,
Я пил, плясал и пел…
Чёрт взял бы публикацию
Жандармских этих «дел»…

16 мая было напечатано и письмо М. Я. Лонштейна (он был далеко не рядовым читателем, являлся одним из наиболее видных деятелей объединённого собрания еврейских организаций Орла, председательствовал на заседаниях горсовета):

«Товарищ редактор!

Прошу поместить в вашей газете «Известия» следующее:

Прочитав сегодня о близости редактора «Орловского вестника» к охранному отделению и к Шульцу, я сегодня же обратился к И. И. Лебедеву с просьбой редактируемую им газету мне не высылать, хотя я и состою подписчиком её до 1 января 1918 года, а остаток моих подписных денег прошу передать в совет рабочих и солдатских депутатов в пользу освобождённых политических, пострадавших от провокации и провокаторов».

«Разоблачение» Лебедева имело далеко идущие последствия – падение репутации совпало с быстрым угасанием «Орловского вестника», вскоре он прекратил издание. Уход с арены старейшей частной газеты губернии свидетельствовал о крахе прежней информационной политики властей. С закрытием этой и других традиционных изданий образовывался вакуум, который стремились заполнить и быстро заполняли леворадикальные издания. Одна из последних конфликтных ситуаций в сфере печати в канун Октябрьско-

го переворота – беспомощная реакция власти на попытку переиздать в Брянске материалы газеты анархистов. С одной стороны, антивоенные протестные настроения в обществе достигли апогея (контраст с верноподданическими заявлениями лета 1914 г.!), с другой стороны, уже не действовала прежняя система цензуры, правоохранительные органы были неспособны проводить своими средствами политику власти в сфере печати.

К арендатору бывшей типографии М. И. Юдина (кстати, здесь летом 1906 г. печаталась первая легальная большевистская газета «Брянский голос») орловскому мещанину П. И. Артемьеву 13 августа 1917 г. обратились три анархиста с просьбой переиздать часть публикаций недавно вышедшей в Харькове газеты «Хлеб и воля» в виде прокламации «в количестве 3 тысячи экземпляров за 110 рублей» [65]. Это были Манифест анархического интернационала о войне («Истина состоит в том, что причину войны, также и той, которая орошает теперь кровью поля Европы, надо искать исключительно в факте существования государства, являющегося политической формой привилегии» [66]) и Воззвание Конференции анархистов 17 городов, состоявшейся в Харькове 18–22 июня:

«Народы России и мира!

Настала пора всем народам свергнуть своих вековечных врагов, разрушить власть капитала, – сместь [так в тексте] учреждения государства и построить светлый мир, когда анархо-коммунистическое общество, приняв только свободу, сбросит рабство и цепи.

Да веет чёрное знамя анархии!

Долой войну, капитализм и власть.

Да здравствует социальная революция!» [67]

Анархисты, планировавшие переиздать в Брянске эти материалы, действовали не только по собственной инициативе. 11 августа рабочими военного завода «Брянский арсенал» была принята резолюция: отпечатать и распространить данную листовку тиражом 3 тысячи экземпляров [68].

Артемьев поначалу взял задаток в размере 25 рублей. Однако, вчитавшись в тексты, он усомнился (призыв к бунту) и пошёл в Брянский совет рабочих и солдатских депутатов, где встретил двух членов совета, которые «отсоветовали» ему выполнять заказ: «совет не может запрещать, но Артемьев может ответить» [69]. Вернувшись в типографию, он сказал анархистам, что боится ответственности. Тогда они предложили сделать всё самостоятельно. Артемьев согласился, и визитёры приступили к набору. Набрали лишь около пяти строк, как в типографию «явились представители местного революционного комитета с солдатами и предложили неизвестным прекратить работу, то последние и исполнили» [70].

15 августа Артемьев дал подписку в том, что он обязуется не помещать в печать статью «Народам России и мира», аналогичную подписку дал и старший наборщик типографии [71]. Листовка была напечатана в другом месте, и вечером 18 августа неизвестный прапорщик 278-го пехотного полка в бараках, где были расквартированы 278-й и 83-й полки, раздавал солдатам прокламации под названием «Народам России и мира», о чём начальник городской милиции сообщил товарищу прокурора Орловского окружного суда по Брянскому уезду [72]. 19 августа листовка была расклеена на Московской улице [73] (главной в тогдашнем Брянске), вызвала интерес «толпы народа» [74]. Однако новая власть уже не могла принять каких-либо мер к пресечению враждебной агитации. Спустя несколько дней и.о.

судебного следователя передал дело в Орловский окружной суд с ходатайством о его прекращении «по необнаружению виновных» [75].

Обобщая практику действий властей в сфере печати в годы Первой мировой войны (на материалах Орловской губернии), мы можем сделать ряд выводов. Налицо недооценка важности информирования населения, чисто формальный подход губернской администрации к этой сложной и многогранной деятельности (большевики учли эту ошибку и в годы Великой Отечественной войны избежали её). В условиях военного времени в эту сферу было направлено явно недостаточно государственных средств, а те, что направлялись в секретном порядке, нередко становились источником наживы для лиц, приближенных к власти. Цензурные ограничения, особенно в отношении информационных листков в уездах, не позволили превратить их во влиятельные общественно-политические издания. Опора власти – консервативная пресса, погрязнув в конфликтах амбиций и надуманных обличений, быстро утрачивала публичное значение. Традиционные массовые издания, переживая финансовый кризис, искали поддержки у властных структур. Далеко не всегда эти контакты носили чистоплотный характер, что в итоге дискредитировало журналистов в глазах аудитории и профессиональной корпорации. Недовольство населения тяготами военного времени вело к резкому росту влияния новых, в основном леворадикальных изданий, чему власть не могла противопоставить не только альтернативные информационные потоки, но и прежние административно-правовые санкции.

Примечания

1. Слово «родина» в значении «родная страна» в Российской империи, а затем в СССР до 1942–1943 гг. обычно писали с маленькой буквы.

2. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4224. Л. 2.
3. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4224. Л. 3.
4. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4224. Л. 3.
5. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4361. Л. 2.
6. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4361. Л. 7.
7. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4361. Л. 8.
8. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4224. Л. 11.
9. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4224. Л. 19.
10. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4224. Л. 12.
11. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4224. Л. 15.
12. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4224. Л. 18.
13. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4224. Л. 16.
14. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4367. Л. 1.
15. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4367. Л. 2.
16. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4365. Л. 1–3.
17. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4367. Л. 3.
18. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4367. Л. 4.
19. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4367. Л. 5.
20. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4365. Л. 8.
21. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4367. Л. 6.
22. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4367. Л. 6.
23. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4367. Л. 7об.
24. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4367. Л. 7.
25. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4367. Л. 8.
26. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4367. Л. 9.
27. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4367. Л. 11, 12.

28. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4571. Л. 1.
29. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4571. Л. 2.
30. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4691. Л. 1.
31. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4691. Л. 3.
32. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4691. Л. 4.
33. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4691. Л. 5, 5 об.
34. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4691. Л. 7, 7 об.
35. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4691. Л. 9.
36. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4691. Л. 10.
37. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4691. Л. 11.
38. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4615. Л. 10.
39. ГАОО. Ф. 883. Д. 828. Л. 175.
40. ГАОО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1253. Л. 7.
41. ГАОО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1264. Л. 12.
42. ГАОО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1253. Л. 3.
43. ГАОО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1253. Л. 8.
44. ГАОО. Ф. 635. Оп. 1. Д. 402. Л. 2 об., 5.
45. ГАОО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1264. Л. 14.
46. ГАОО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1264. Л. 17 об.
47. ГАОО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1264. Л. 20.
48. ГАОО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1264. Л. 21.
49. ГАОО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1264. Л. 23.
50. ГАОО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1253. Л. 26.
51. ГАОО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1253. Л. 26, 26 об.
52. ГАОО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1253. Л. 27.
53. ГАОО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1253. Л. 27.
54. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 3839. Л. 123.
55. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 3839. Л. 124.
56. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 3839. Л. 124.
57. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 3839. Л. 122.
58. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 3839. Л. 127.

59. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4690. Л. 2.
60. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 4690. Л. 3.
61. ГАОО. Ф. 883. Д. 828. Л. 175.
62. Орловские губернаторы / Сост. О. М. Трохина и др. Орёл: Вешние воды, 1998. С. 214–215.
63. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 3114. Л. 45–46.
64. ГАОО. Ф. 883. Д. 828. Л. 174.
65. ГАОО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1334. Л. 8.
66. ГАОО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1334. Л. 4 об.
67. ГАОО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1334. Л. 5.
68. ГАОО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1334. Л. 9, 9 об.
69. ГАОО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1334. Л. 18 об.
70. ГАОО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1334. Л. 19.
71. ГАОО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1334. Л. 16.
72. ГАОО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1334. 12–12 об.
73. ГАОО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1334. Л. 10.
74. ГАОО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1334. Л. 19.
75. ГАОО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1334. Л. 22.

ЦЕНЗУРА В 1920-е ГОДЫ

В начале 1920-х годов в политике и экономике Советской республики произошёл ряд перемен, сказавшихся на условиях существования периодической печати Орловской губернии. В 1919 году в связи с образованием Брянской губернии из состава Орловской губернии были выделены Брянский, Карачевский, Севский и Трубчевский уезды. Орловская губерния, потеряв Брянский промышленный район, стала более компактной по территории, превратившись в один из наиболее отсталых аграрных районов Центра России. Здесь проживало 1,6 млн. жителей, причем почти 90% – в сельской местности. Красноречиво признание автора одной из статей, датированной 1925 годом:

«Товарищ Троцкий на своём богатом сравнениями языке однажды назвал нашу Северо-Черноземную полосу «Индией», очевидно, имея в виду, с одной стороны, недостаточную выявленность её общего хозяйственного облика, а с другой, – слишком медленное развитие хозяйственной культуры и благосостояния населения. Троцкий в значительной степени прав в своем выражении. По общим чертам хозяйственного уклада наш район во многом напоминает собою уклад индусского хозяйства» [1].

Губерния сильно пострадала в ходе гражданской войны – только в Орле пятая часть зданий была разрушена. Не вернулось с фронта более трети дееспособного мужского населения края. По сравнению с 1913 годом объём производства ведущих отраслей промышленности – текстильной и кожевенной – сократился более чем в четыре раза, вдвое

уменьшились посевные площади, значительно сократилось поголовье скота. На развитии аграрного комплекса негативно сказывались погодные условия (губительные засухи 1921, 1924, 1925 гг.).

Новая экономическая политика подразумевала новый этап и в развитии прессы, когда умение эффективно организовать издательское дело приобретало первостепенное значение. В. И. Ленин подписал два декрета Советской власти – о введении с 15 декабря 1921 года платности газет и о платности произведений непериодической печати (к числу последних декрет относил и журналы). Комиссия ЦК РКП(б) по выработке мероприятий по улучшению печатного дела на своем первом заседании в марте 1921 года обсудила вопрос о распространении прессы, обратив особое внимание на перестройку аппарата и методов распространения [2]. Переход на самоокупаемость происходил постепенно, и губернские издания могли рассчитывать на государственные субсидии, а уездные получили от Госиздата [3] бумагу в счёт кредита.

Документы и материалы 1920-х годов со всей наглядностью свидетельствуют о том, как складывалась система жёсткой регламентации всей социокультурной сферы. В частности, Главполитпросветом Народного комиссариата просвещения (Главполитпросвет возглавляла Н. К. Крупская) в феврале 1922 года было разработано положение «О губернских политических комиссиях по делам печати». По мнению разработчиков, в состав каждой губернской политкомиссии должны были входить представители от Губисполкома, губполитпросвета и губЧК. В их компетенцию входили бы: «просмотр всех заявлений о разрешении книгоиздательств, газет и журналов; наблюдение

за деятельностью частных и кооперативных издательств, а также предварительный просмотр всех рукописей, предназначенных для печати» [4]. В марте 1922 года на заседании Политбюро ЦК РКП(б) было признано необходимым объединить все виды цензуры в одном центре – при Народном комиссариате просвещения. В марте 1922 года Оргбюро ЦК РКП(б) приняло постановление № 149, в котором говорилось: «Предложить Политотделу ГИЗа [Госиздат РСФСР. – А.К.] указать своим местным отделениям на недопустимость разрешения выпуска журналов и прочих периодических изданий без санкции Центрального управления Политотдела» [5].

6 июня 1922 года был издан декрет Совнаркома о создании Главного управления по делам литературы и издательств («Главлит»). На Главлит и его местные органы (губернских инспекторов по делам литературы и печати) возлагались не только предварительный контроль, но и выдача разрешений на право издания отдельных произведений и публикацию работ в периодической и непериодической печати; составление списков произведений печати, запрещённых к продаже и распространению; издание правил, инструкций, распоряжений по делам печати, издательств, типографий, библиотек, книжных магазинов. В функции Гублитов входила даже регистрация стенгазет и надзор за ними [6]. Как подчеркивалось на одном из совещаний в Орловском губкоме, «Гублит и ГПУ в отношении контроля и борьбы с распространением антисоветской литературы дополняют друг друга» [7].

Первым в Орле губернским инспектором по делам литературы и печати стал педагог по профессии Всеволод Александрович Волгин [8] (1876–1927). С 1918 по лето 1919 года он заведовал школой второй ступени в селе Бра-

товщине Елецкого уезда (ныне райцентр Долгоруково в Липецкой области). В это время его упомянул в своих дневниках М. М. Пришвин. В конце 1919 года Волгин переехал в Орёл – был избран членом губисполкома, заведовал подотделом по охране детства при губернском отделе народного образования (губОНО) [9]. Довольно часто выступал в печати. Его, например, не могла оставить равнодушной проблема отторжения провинциальным обществом новой, социалистической культуры: «Нужна такая организация, которая бы объединила в своих руках культурно-просветительную работу и поставила её на известную высоту, несколько позволяют условия… Театры, вечера, зрелища – всё должно перейти в руки Пролеткульта. Пролеткульт отсутствует у нас потому, что никому нет дела до нравственного воспитания граждан. Измученному населению нужен отдых, а не танцовальные [так в тексте. – А.К.] вечера. Душераздирающие драмы нам не нужны – мы слишком утомились от них, наша жизнь сплошная драма. Мы воспитываемся не на произведениях Толстого, Пушкина, Тургенева на экране. Мы даже в революционные картины вводим любовный элемент. Разве каждый революционер должен влюбляться в кого-либо, а затем делать своё дело» [10].

В кандидаты в члены РКП(б) Волгин был принят в апреле 1921 года. Его рекомендовали в партию руководитель идеологического аппарата губкома М. М. Францев, заместитель руководителя Губполитпросвета, бывший заведующий Елецким отделом народного образования И. А. Чикин, А. И. Мазуров, А. М. Пузанков, Н. Д. Тихомиров [11]. Иван Чикин писал: «Знаю т. Волгина по работе в г. Ельце, когда он ещё был беспартийным. Будучи беспартийным, он особенно проявил свою физиономию и симпатии к РКП(б)

в проводимую в 1920 г. Неделю просвещения, где он читал ряд лекций на тему политического и антирелигиозного характера. Считаю его достойным членом коммунистической семьи РКП(б)» [12].

В аттестации Волгина бюро ячейки (февраль 1923 года) подчёркивалось: «Подготовлен, активен. Может быть: лектором, организатором, агитатором. Пригоден к советской работе» [13]. Параллельно до февраля 1924 года цензор Волгин – лектор (научный сотрудник) отдела агитации и пропаганды губкома РКП(б): «лекции читал и читаю по вопросам естествознания, веду курс по антирелигиозной пропаганде… в войсках ВЧК, сейчас в 19-й роте ГПУ, иногда участвую в местной печати» [14]. С февраля 1924 года Волгин заведовал Орловской конторой Госиздата [15]. В это время он был подвергнут партийной проверке. В протоколе заседания проверочной комиссии от 13 ноября 1924 года записано: «Считать проверенным. Рекомендовать поднять вопрос о переводе его в действительные члены РКП(б)» [16]. В мае 1926 года Волгин стал заведующим Орловской конторой газет «Известия ВЦИК» и «Правда» [17].

Важно отметить образовательный и творческий уровень Волгина – он окончил Московский университет, выступал в качестве журналиста, написал учебник «Природоведение». Под стать ему были и другие руководители агитпропотдела губкома – Михаил Францев (педагог, автор 14 книг и брошюр, в том числе сказок для детей), Илья Вардин. Последний с марта 1922 года заведовал подотделом печати ЦК РКП(б), одновременно был редактором еженедельника «Красная печать» и политредактором журнала «На литературном посту», секретарём РАППа. Он поддерживал дружеские отношения со многими писателями. По-

сле 1925 года был снят со всех постов и направлен на работу в Орловский губком ВКП(б), а в декабре 1927 года исключён из партии как активный член «троцкистской оппозиции».

Однако такой типаж, как Волгин (провинциальный аналог Луначарского) недолго пробыл во главе губернской цензуры. Его вскоре сменила партийный функционер по фамилии Пироцкая (вариант – Пиротская, имя и отчество в архивных документах автору статьи обнаружить пока не удалось). Ещё в 1922 году она заведовала агитпропотделом Орловского горкома РКП(б) [18], с 1 мая 1922 года работала заведующей пропагандистским подотделом Агипропага губкома [19]. По состоянию на 10 июля 1925 года являлась губернским инспектором по делам литературы и печати [20]. Очевидно, что в одиночку она не могла эффективно контролировать всю сферу печати, литературы и зрелищ в масштабах губернии. Круг её полномочий был искусственно заужен за счёт того, что от контроля инспектора в первое время были освобождены партийные и комсомольские издания.

Основную «нагрузку» в расширении системы контроля над прессой взяли на себя новые органы – подотделы печати в губернских комитетах партии. Подотдел печати осуществлял управление периодической печатью путём издания циркуляров, проведением совещаний с редколлегиями газет. На основе регулярных отчётов редакций вырабатывались предложения для редакторов и партийного руководства. Подотдел печати вёл активную кадровую политику: без согласования здесь не могло состояться ни одно значимое назначение в редакции.

Так, например, 1 апреля 1925 года бюро губкома РКП(б) приняло решение о передаче издательства «Красная книга»

от губисполкома губкому РКП(б) и переименовании его в «Чернозём». Однако о дальнейшей судьбе издательства сведений практически нет. Косвенным образом удалось установить, что в новом качестве оно не смогло приступить к работе. В одной из публикаций московского журнала «Вопросы страхования» (1926, № 5, 4 февр.) в перечне различных организаций Орловской губернии указано: «книжное издательство «Чернозём» (ныне ликвидированное) – долг по соцстраху 14 тысяч рублей». В отчёте Гублита также отмечалось: «За вторую половину 1925 г. «Чернозём» ничего не издал, в декабре 1925 г. Гублит получил из правления сведения, что оно закрылось» [21].

Новый подотдел был готов взять на себя и непосредственное руководство редакциями, о чём, например, свидетельствует документ, хранящийся в ГАОО, – письмо сотрудника подотдела Маслова исполняющему должность редактора «Орловской правды» Т. М. Левину от 6 декабря 1924 года: «При проведении агитационной кампании о целях и задачах кооперативного товарищества «Книгоноша» подотдел печати губкома поручает Вам написать в «Орловскую правду» статью дискуссионного характера «Как двинуть книгу в деревню»» [22].

Середина 1920-х годов – время экспериментов в сфере печати, реорганизаций, частой смены редакторов, что в какой-то мере можно объяснить обострением внутрипартийной борьбы. Так, в Орле было принято решение наряду с губернской партийной газетой «Орловская правда» (где были возможны некие дискуссии между членами партии) издавать крестьянскую газету «Наша деревня» для беспартийного читателя. Первый номер «Нашей деревни» вышел 15 февраля 1925 года – газета издавалась целиком на средства редакции

«Орловской правдой». Тогда же в письме в ЦК первый секретарь Орловского губкома РКП(б) К. Л. Гринблат просил 5 тыс. рублей на издание «Новой деревни», официально предупреждая центральную власть о том, что в случае отсутствия финансирования из Москвы издание будет прекращено [23].

«Удвоение» оказалось довольно болезненным процессом. В составленном по этому случаю документе под названием «Основные моменты реорганизации «Орловской правды» в связи с изданием еженедельной крестьянской газеты» [24] подчёркивалось: «Реорганизация «Орловской правды» должна проводиться осторожно, без резкой ломки… Газете придаётся более серьёзный, руководящий характер».

Губком партии детально изучал ситуацию вокруг местных средств массовой информации. В частности, в плане работы подотдела печати на первый квартал 1926 года значилось: «На страницах «Орловской правды», «Нашей деревни» провести среди подписчиков и читателей этих газет анкету о читательских запросах и интересах о желаемых переменах в содержании газет, сроках выхода, приложениях к ним и т. д.» [25]

Однако роль подотдела печати вовсе не сводилась к проведению социологических опросов и выработке взвешенных рекомендаций для редакторов. Подотдел печати губкома, по мере приближения заката НЭПа, всё активнее выступал как самостоятельный, активный игрок на информационном поле. Яркий пример тому – конфликт между заведующим подотделом П. С. Лосевым и редактором «Орловской правды» воронежским уроженцем, будущим известным писателем А. Н. Новиковым.

В конце лета 1926 года редактором «Орловской правды» был назначен приехавший из Москвы Андрей Никитич Новиков. Он родился в 1888 году в Воронежской губернии,

в годы первой мировой войны солдатом воевал на фронте, после революции работал корреспондентом (в Воронеже, Иваново-Вознесенске), редактором газет (в том числе «Брянского рабочего»), дружил с Андреем Платоновым.

Вместе с Новиковым в Орёл приехал и Бахметьев (в документах ГАОО не указаны его инициалы, по всей видимости, это был давний воронежский приятель Новикова, младший брат известного писателя Владимира Бахметьева – Михаил). Бахметьев был назначен на должность заместителя редактора «Орловской правды» (по штатному расписанию он же должен был редактировать сельское приложение «Наша деревня»).

9 августа 1926 года при подотделе печати состоялось совещание редакторов и редакционных работников с повесткой дня «О рабселькоровском движении». С докладом выступил заведующий подотделом П. С. Лосев, подвергший резкой критике «Орловскую правду» за упущения в организации этого движения. Шла речь о том, что именно губком должен возглавить рабселькоров, отобрав эти полномочия у газеты. Новый редактор «Орловской правды» Новиков вступил в спор с докладчиком. Сухие строки протокола не дают возможности во всей полноте представить суть противоречий. Процитируем запись реплики Новикова: «Этот доклад необходимо было делать редакции, как непосредственно руководящей рабселькоровским движением. Руководителями парторганы не могут быть. Там, где нет стенгазет, и руководства нет. Руководство должно быть через редакцию» [26]. В итоговой резолюции совещания эта точка зрения поддержки не нашла, но примечательно, что против проекта резолюции голосовали все три представителя редакции – Новиков, Андреев и Наумов.

Конфликт стремительно набирал обороты. В начале сентября в своем заявлении ответственному секретарю губкома заведующий подотделом печати Лосев писал: «До сих пор взаимоотношения работников редакции «Орловская правда» и «Наша деревня» с п/отделом печати Губкома не только не налаживаются, но приобретают какой-то склочный-личный характер.

Началось с того что тт. НОВИКОВ и БАХМЕТЬЕВ по прибытию в Орёл не зашли в п/от. печати для ознакомления с работой и согласования некоторых вопросов, возникших в период отпуска т. ЕРШОВА [27]. На губ. совещание редакторов тт. НОВИКОВ и БАХМЕТЬЕВ прибыли не как члены совещания, а как какие-то эксперты, считающие ниже своего достоинства и обсуждать вопросы губернской печати. Они глубокомысленно молчали за всё время совещания, не внеся в него ничего от себя.

В дальнейшем ожидая, что т. НОВИКОВ зайдёт в п/о печати, я не вызывал его в течение недели и когда я вызвал его запиской (телефон в редакции по какой-то причине был выключен), то т. НОВИКОВ написал такой ответ: «т. ЛОСЕВУ – Если вам нужно со мной переговорить, зайдите в редакцию». Эту записку я приложил к первому моему заявлению с просьбой воздействовать на т. НОВИКОВА.

Этим т. НОВИКОВ захотел сказать, что он не хочет считаться с п/отд. печати, и это он выразил в разговорах с другими сотрудниками «Орловской правды». Так т. Клоков передал мне, что т. Новиков с самодовольством заявил в редакции что: «Руководство со стороны ЛОСЕВА он иметь не намерен». Т. Клоков добавил, что т. Новиков в это время (когда он писал мне ответ) был сильно пьян.

Перед тем, как приступить к работе, т. НОВИКОВ не дал п/о печати своих соображений по поводу улучшения газеты. Это не дало возможности ни выяснить будущей работы редакции, ни дать указаний из имевшегося опыта. В результате редакция ведёт работу вне связи с прошлым и не учитывает, ибо она не может знать прошлых промахов. Качество газеты после «ПОВЕСЕЛЕНИЯ» её т. НОВИКОВЫМ я считаю заметно упавшим, ибо массового материала рабселькоров стало меньше. Увеличился репортёрский материал и литературные фельетоны. Вместе с тем считаю необходимым указать, что политически неправильно загруживание литературным материалом низкого качества и не связанного с Орловской действительностью (фельетоны т. Новикова).

Проводимая т. НОВИКОВЫМ реорганизация редакции также не согласована с п/о печати и поэтому последнему ничего неизвестно, что делается с основным кадром работников редакции старого состава. Есть случаи замены одного работника другим, и про это также п/о печати ничего не знает. Это неправильно уже потому, что постановление… ясно указывало, что подбор работников редакции ведется через п/о печати Губкома.

Считая неправильным сепаратистское поведение т. НОВИКОВА, которое к тому же развращает других работников редакции, я прошу указать ему его место и обязанности на общественной работе. Вместе с тем считаю неправильным замалчивание этого вопроса по моему первому заявлению, ибо п/о печати не имел возможности организационно воздействовать на т. НОВИКОВА, не может проводить в жизнь идеологическое руководство «Орловской правдой», которая, кстати, со времени его прибытия в Орел стала заметно хромать в этом отношении.

Отсутствие нормальных взаимоотношений между п/о печати Губкома и редакцией «Орловская правда» ведёт к тому, что п/о печати вынужден снять с себя ответственность за этот участок работы.

Орел, 1 сентября 1926 г.» [28]

Попытка руководителя газеты проводить самостоятельный курс, без оглядки на «товарищей из губкома» встретила самый решительный отпор. В итоге Новиков (в скором будущем он станет писателем) был снят с работы, на его место назначен… сам Лосев. Был уволен и Бахметьев.

Параллельно с ужесточением контроля усиливалось давление на печать. Происходило это также в централизованном порядке. В сентябре 1926 года Орловский губком ВКП(б) получил циркуляр из газетного подотдела отдела печати ЦК: «В связи с работой отдела печати ЦК по установлению твердой сокращенной сети газет по СССР, прошу Вас в срочном порядке представить проект твердой сети газет по Вашей губернии» [29]. Соответственно, в ноябре 1926 года выпуск «Нашей деревни» был прекращён по причине «крайне критического материального положения, нерегулярных дотаций и отсутствия сил на ее улучшение» [30]. 30 ноября 1926 года секретарь Орловского губкома ВКП(б) С. В. Борисов сообщал в отдел печати ЦК: «Наша деревня» ликвидируется, с одной стороны, в виду малого тиража, дефицитности и отсутствия сил для её улучшения, с другой стороны, – благодаря близости к Москве и специальной вкладке в центральной «Крестьянской газете», посвящённой хозяйству ЦЧО, последняя имеет очень большое распространение по губернии» [31].

Предпринятая в Орле попытка совместить в одном лице руководителя «Орловской правды» функции партий-

ного управленца, редактора и цензора оказалась непродуктивной. И дело даже не в том, что в редакционном кресле бдительный партчиновник продержался всего только месяц. Руководство партии стремилось выстроить самодостаточную систему управления печатью и контроля над ней, независимую от возможных личных антипатий и способностей того или иного функционера. Если первоначально, как уже упоминалось, газеты «Орловская правда», «Правда молодёжи» и «Красный галстук» были освобождены от «просмотра» Гублита [32] (ответственность за их содержание была возложена непосредственно на редакторов и губкомы), то уже в 1927 году была учреждена должность уполномоченного Главлита в редакциях.

Итоги 1920-х годов для местной печати – переход на самоокупаемость, прекращение издания газет и журналов, не обладавших для этого необходимыми ресурсами. Функции руководства местной периодикой поначалу были рассредоточены в различных организациях, с появлением подотдела печати в губкоме коммунистической партии он получил фактически полную власть над печатными органами на своей территории.

Примечания

1. Зернов П. Сельскохозяйственная кооперация в плане восстановления сельского хозяйства Орловской губернии [1925] // Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1791. Л. 12.

2. Галаган А. Исторический опыт формирования комсомольской периодической печати. 1918–1928 гг. – М., 1989. – С. 154.

3. Госиздат РСФСР был создан в мае 1919 г. «в целях централизации всей редакционно-издательской деятельности в Москве и на местах».

4. Цит. по: Блюм А. За кулисами «Министерства правды». – СПб., 1994. – С. 83.

5. Там же. С. 305–306.

6. ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 119. Л. 13; Д. 1434. Л. 44.

7. Протокол заседания Агитпропколлегии Орловского губкома РКП(б) 1 августа 1925 г. // ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1434. Лл. 20–21.

8. ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 56. Л. 7.

9. Там же. Л. 4.

10. Красный Орёл, 1920, 13 февр.

11. ГАОО. ФП-1. Оп. 1. Д. 56. Л. 6.

12. Там же. Л. 11 об.

13. Там же. Л. 8 об.

14. Там же. Л. 4.

15. Там же. Л. 1.

16. Там же. Л. 12.

17. Там же. Л. 1.

18. Настольный календарь-справочник по Орловской губернии. 1923 г. – Орёл, 1922. – С. 29.

19. ГАОО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 81. Л. 36.

20. ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1434. Л. 19.

21. Отчётный доклад Гублита по издательской деятельности за 1925 год // ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1788. Л. 54.

22. ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1164. Л. 20.

23. ГАОО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 107. Л. 29.

24. ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1430. Лл. 21–22.

25. План работы подотдела печати Орловского губкома РКП(б) на январь – март 1926 г. // ГАОО. Ф. П-1. Оп.1. Д. 119. Лл. 12–13.

26. Протокол совещания редакторов и редакционных работников при подотделе печати Орловского губкома ВКП(б) 9 августа 1926 г. // ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1784. Л. 62 об.

27. Ершов – предшественник Новикова на посту редактора «Орловской правды».

28. ГАОО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 160. Л. 38.

29. Там же. Л. 8.

30. Цит. по: Орел из века в век. Летопись основных событий. 1566–2000 годы. – Орел, 2003. – С. 461.

31. ГАОО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 160. Л. 5.

32. Отчёт о работе Гублита (10 июля 1925 г.) // ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1434. Л. 18.

ЦЕНЗУРА ФРОНТОВОЙ ОБЛАСТИ (ОРЛОВСКИЙ ОБЛЛИТ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)

Недавно в Государственном архиве Орловской области был рассекречен фонд областного Управления по охране государственных тайн в печати. Всего собрание насчитывает 177 единиц хранения за период 1942–1992 гг. Особый интерес представляют документы периода Великой Отечественной войны, в частности 1942–1943 гг. [1], когда на территории Орловской области велись боевые действия, апогеем которых стала знаменитая битва на Курской дуге летом 1943 года. Документов той поры в фонде сохранилось относительно немного (на обложках имеется указание «Хранить 10 лет», соответственно большинство дел, в том числе приказы по облиту, судя по описям, уничтожены в 1960-е гг.). Но и те сведения, что сохранились, весьма ценны – эта грань отечественной истории много лет была вне поля зрения исследователей.

В силу трагических обстоятельств военного времени усиление деятельности цензуры, резкое расширение запретов воспринимались обществом в основном с положительной стороны, более того, как показывают сохранившиеся документы, органы власти (государственные и партийные) пытались косвенно повлиять на цензуру с тем, чтобы даже смягчить запреты, полнее и оперативнее информировать читателей о примерах героической борьбы с захватчиками, мобилизовать их на трудовой фронт.

Боевые действия на территории Орловской области (в её состав тогда входило 66 районов) велись с августа 1941 года по октябрь 1943 года. Осенью и в начале зимы 1941 года немецко-фашистскими войсками были захвачены Орёл и большинство городов и районов – только Краснинский и Задонский районы к началу декабря не подверглись оккупации. В ходе контрнаступления под Москвой (его составная часть – Елецко-Ливенская наступательная операция) были освобождены города Елец и Ливны, а также несколько районных центров, где вскоре в крайне сложных условиях возобновился выпуск газет (областные ведомства, обллит и редакция «Орловской правды» базировались в Ельце).

Можно утверждать, что в конце 1941 – начале 1942 гг. цензурное ведомство в Орловской области действовало номинально. Так, в отчёте о работе отдела последующей цензуры Главлита за 1942 год в примечании оговаривалось: «Сведения отсутствуют главным образом по главкрайобллитам, сообщение с которыми нарушено в связи с военной обстановкой». В числе семи таковых был назван Орловский обллит [2]. Как отмечалось в одном из более поздних писем руководства обллита в Москву, налицо было «полное отсутствие руководства районами» [3]. В отчёте обллита по состоянию на 1 января 1943 года указывалось: «14 цензоров […] Стаж: 8 лет – 1, 6 лет – 1, менее года – 12» [4]. Таким образом, большинство цензоров (за исключением самого руководителя, а также цензора, контролировавшего «Орловскую правду») стали работать в этой сфере не ранее 1942 года. Эта статистика даже несколько превосходит средние по стране цифры, приведённые в книге Т. М. Горяевой: «Начало войны повлекло за собой смену 80% состава работников цензуры, ушедших на фронт» [5].

Судя по сохранившимся в архиве документам, обязанности начальника обллита в 1942 году выполняли в качестве дополнительной нагрузки работники отдела пропаганды и агитации Орловского обкома ВКП(б) Андрей Захарович Окороков (о нём см. отдельный очерк в этой книге) и Николай Алексеевич Алёшинский [6] (его имя встречается в документах всего несколько раз). С середины октября 1942 года должность на постоянной основе занял Давид Абрамович Шаевич, 1905 года рождения, еврей, из служащих, образование среднее, в ВКП(б) с 1930 года, на цензорской работе с 1935 года [7]. Прежде он работал на Украине: как цензор Ворошиловградской области Шаевич был упомянут в сводке важнейших изъятий цензуры с 1 января по 1 мая 1942 года [8].

Масштаб деятельности цензоров в Орловской области, стремительно сузившийся осенью 1941 года, затем неуклонно возрастал. Так в отчёте о работе по состоянию на 1 января 1943 года указывалось: «Газет 14, из них 1 – областная, радиовещание – только Елец» [9]. На 1 октября 1943 года имелось «39 газет – 1 областная, 2 городские, 36 районных» [10], на 1 января 1944 года – 61 газета [11], на 1 июля того же года – 73 газеты [12]. Таким образом, за первые девять месяцев 1943 года число районных газет выросло в три раза, за последующие девять – ещё вдвое.

Большую тревогу руководителя областного ведомства вызывал профессиональный уровень работников (в СССР тогда отсутствовали какие-либо требования к кандидатам на роль цензоров, кроме политической лояльности). Так, в датированном началом 1943 года отчёте присутствуют сведения об образовании: «высшее – 5, неполное высшее – 2, среднее – 3, нисшее [так в тексте] – 4» [13]. Год спустя: «высшее – 13, незаконченное высшее – 18, среднее – 22, низшее – 5» [14].

Обязанности цензоров в основном выполняли работники районных комитетов ВКП(б) по совместительству.

Вступив в должность, Д. А. Шаевич, с целью «лучшего усвоения уполномоченными цензорских документов» [15], разослал в районы информационное письмо об ошибках, допущенных в газетах в 3-м квартале 1942 года, а затем организовал заочную учёбу подчинённых, о чём уведомил центральное руководство и попутно послал в Москву самостоятельно разработанные задания. Это была своеобразная контрольная работа, которую цензорам предстояло «решить» и вернуть через 3–5 дней. В работе имелось 21 задание, при наличии двух ошибок выставлялась оценка «хорошо», трёх – «посредственно», более трёх – «плохо».

Начальник отдела последующей цензуры Главлит Ю. П. Конюшая, познакомившись с инициативой Д. А. Шаевича, 26 января 1943 года ответила ему: «Составленную Вами серию практических задач для учёбы цензоров одобряем. Однако решение некоторых задач неправильное» [16]. В частности, было указано, что сформулированные областным цензором ответы на пять задач – неправильные (заметим также, что из шести присланных «бдительным» Шаевичем в декабре 1942 года в Главлит примеров по «Орловской правде» четыре «изъятия» на самом деле нарушений не содержали [17]).

Спустя две недели ответил Шаевичу и заместитель начальника Отдела последующей цензуры Главлита И. В. Лукинский: «Ваше информационное письмо № 1 содержит ряд неточностей и нуждается в исправлении. Задержите рассылку этого письма цензорам до получения указаний о необходимых исправлениях» [18].

Однако вскоре дело наладилось, и рассылка контрольных работ в районы стала обыденностью, о чём свидетель-

ствует приказ по Орловскому облиту № 42 от 11 августа 1944 года «Об итогах заочной учёбы», где было указано число сотрудников, участвовавших в испытании: «Хорошо – 9, плохо – 3, не решили – 12» [по каждой категории перечислены фамилии]. В приказе Д. А. Шаевич потребовал от подчинённых «решить и выслать, иначе будет расцениваться как злостное нежелание осваивать цензорские документы» [19].

Помимо учёбы, практиковались и такие методы, как социалистическое соревнование. Так в одном из присланных из Москвы циркуляров сообщалось, что с 15 декабря 1942 года «установлено» переходящее (один раз в два месяца) Красное знамя для край- и обллитов [20]. Однако почин не был подхвачен в Орловской области для развития соперничества между районами. Начальник отдела последующей цензуры А. Большаков писал Д. А. Шаевичу 29 июля 1944 года: «В присланном Вами отчёте слабо освещён вопрос работы с кадрами цензоров. Нам хотелось бы знать, какие Вами намечены мероприятия по повышению идейно-теоретического уровня и деловой квалификации цензоров. В отчёте нет материала о социалистическом соревновании среди цензоров» [21].

Уже в отчёте о работе Орловского обллита в 3-м квартале 1944 года было особо выделено: «Если в 1943 году большинство цензоров брали на себя обязательства без вызова на социалистическое соревнование цензоров других районов и очень слабо выполняли свои обязательства, то в этом квартале в ответ на Ваше письмо о задачах цензоров в социалистическом соревновании первым откликнулся уполномоченный по Должанскому району тов. Пиляева, которая до этого была самым недисциплинированным уполномоченным. Взяв на себя обязательства и вызвав на соревнование цензора Никольского района, тов. Пиляева эти обязательства

выполнила. В 3-м квартале не имеет ни одного нарушения, проверку библиотек завершила. Аккуратно посылает отчёты. Вслед за т. Пиляевой выслали обязательства тт. Сухов (Елец), Лукьянцев (Новодеревеньковский район), Ачкарова (Измалково), Козлов (Волынский район) и другие» [22].

В повседневной деятельности облита случались и нештатные ситуации. Так, например, курировавший главную газету – «Орловскую правду» – цензор С. Ф. Докман [23] во время походов по подведомственным учреждениям потерял «Алфавитный список приказов Уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати» для проверки библиотек и книготорговой сети (экз. № 1686). Данный факт вызвал тщательное служебное разбирательство, о чём свидетельствуют датированная октябрём 1942 года объяснительная записка Докмана, написанная его рукой [24], машинописная копия объяснительной [25], письмо и. о. начальника облита Н. А. Алёшинского Ю. П. Конюшей от 5 октября 1942 года [26], письмо другого и. о. начальника А. З. Окорокова начальнику управления НКВД по Орловской области К. Ф. Фирсанову от 9 октября 1942 года [27]. Имеется также копия приказа по Главлиту № 54/1111с от 31 октября: «материалы об утере тт. Докман С. Ф. и Шелеховой А. И. [Мособлгорлит] передать в судебные органы для привлечения к уголовной ответственности» [28]. Можно предположить, что этот неприятный инцидент ускорил решение вопроса о командировании в Елец постоянного руководителя облита, имевшего стаж работы по специальности.

В последующем, как свидетельствуют сохранившиеся в архиве документы, подобных упущений не было. Однако планка требований к цензорам не снижалась. Так, в фонде ГАОО имеется несколько писем – своего рода полемика меж-

ду Д. А. Шаевичем и цензором Ливенского района, заведующим отделом пропаганды райкома ВКП(б) А. Я. Якубсоном о правомерности упоминания в газете наличия в городе Ливны военторга. Шаевич справедливо указывал на то, что подобная информация могла быть значимой для противника, как указывающая на наличие в городе гарнизона. Якубсон аргументировал своё невмешательство тем, что в военное время в прифронтовой полосе военторги действуют повсеместно. Итог дискуссии – Якубсон вскоре был освобождён от обязанностей цензора, на эту должность назначили другого человека («отставка» не сказалась на карьере А. Я. Якубсона – в послевоенные годы он стал первым секретарём райкома).

Круг запретов для периодической печати, как показывают документы архивного фонда, существенно расширился с началом Великой Отечественной войны. Даже беглое перечисление этих позиций крайне важно для современного анализа контента газет. Так, например, запрещалось сообщать об использовании трофейной техники, применении огнемётов, об организации в Красной армии гвардейских миномётных бригад и дивизий [29]. 27 мая 1942 года было запрещено сообщать «об установке изобретателя Костикова: конструкция, боевые качества, место действия её на фронтах, место производства установки и снарядов к ней» [30]. Более того, 2 февраля 1943 года, в день окончания Сталинградской битвы, само слово «Катюша» было разрешено использовать в статьях и стихах только в том случае, если оно «не связано с изобретением тов. Костикова» [31] (запрет был отменён 19 марта того же года [32]). Особый интерес вызывает приказ Главлита № 3/52с от 31 января 1943 года: «Запретить публиковать в печати текст из поэмы А. Твардовского «Василий Тёркин» (часть 2-я) «От автора» от строки:

«Друг детства, не печалься…»
До «Пушки к бою едут задом,
Это сказано не мной»» [33].

Местным газетам запрещалось писать о мобилизации женщин [34], о боевых действиях подводных лодок [35]. О смерти генералов разрешалось извещать читателей только на основании правительственных сообщений [36]. 27 мая 1942 года появился запрет следующего содержания: «Печатание работ о прошлых, настоящих и предполагаемых боевых действиях Красной Армии в отечественной войне, авторами которых являются генералы, разрешается только Главлитом (Москва)» [37].

Запрещалось без санкции облНКГБ [38] писать о фактах поимки шпионов и диверсантов. Сохранилось письмо Д. А. Шаевича уполномоченной в Волынском районе Майоровой, датированное 3 сентября 1943 года: «Предупреждаем, что не рекомендуется писать о фактах погони за преступником и о том, что его не поймали, даже если фамилия не указана» [39].

Идеологической ошибкой газеты «Сталинская правда» (Брянский район) была названа строка из статьи, представленной на цензурирование в период с 25 ноября по 12 декабря 1943 года: «Проклятые убийцы беспрерывно обстреливали город [Ленинград]». Д. А. Шаевич подчеркнул: «Оценка «беспрерывно» на данном этапе войны вряд ли правильна, а если и да, то опубликование её [далее в тексте копии письма, написанной от руки, неразборчиво]» [40].

Запрещалось упоминать случаи налётов самолётов противника и сообщать о результатах бомбёжек [41], о неразо-

рвавшихся бомбах [42]. Запрещалось сообщать о расчистке зимних дорог и их состоянии в прифронтовой полосе [43], строительстве и восстановлении железнодорожных мостов, начале нормального [так в тексте] движения по железной дороге [44]. Под запрет попала, например, такая, казалось бы, вполне обыденная фраза: «Восстановление мостов г. Орла через реки Ока и Орлик поручено сапёрной части» [45].

Запрещалось раскрывать виды на урожай [46], сообщать количество имеющихся тракторов и лошадей [47], упоминать случаи заболевания тифом и другими инфекционными болезнями [48]. Разрешалось помещать материалы о шефстве над госпиталями, но без указания номера госпиталя, адреса, количества раненых на излечении и подробностей о характере ранений (число возвращённых в строй разрешалось показывать не менее 70% [49]).

Существовал запрет отправлять районную газету за пределы района, даже фронтовикам (исключение – только обязательные экземпляры и обмен между редакциями райгазет [50]).

Практика многочисленных запретов имела свои пределы. Уже 21 февраля 1942 года Н. Г. Садчиков ориентировал облиты: «Не запрещать статьи и материалы, критикующие отдельных руководителей колхозов, совхозов, МТС, районов и областей, направленные на быстрейшее и высококачественное проведение весенней посевной кампании» [51]. Подобные установки были и в циркулярном письме от 19 ноября 1942 года: «Разрешается широко публиковать материал о борьбе рабочих, ИТР [инженерно-технических служащих] и в целом заводов за экономию и рациональное расходование электрической энергии и топлива» [52]. Шаевич писал в Брянск цензору Оскреткову (тот снял с полосы упоминание о том,

что на производстве мужчин заменили женщины) в феврале 1944 года: «Мы не скрываем, что у нас заменяют [мужчин] сейчас на всех участках женщины и девушки, нужно только быть внимательным, чтобы в статье о замене мужского труда женским не показать количество ушедших мужчин в ряды Красной Армии с данного предприятии или района» [53].

Как свидетельствуют документы, одним из самых спорных был вопрос о пределах фильтрации информации, касавшейся хода боевых действий, тем более, что в Орловской области объём подобной информации был весьма велик: бои шли в десятках километров от редакций, а то и непосредственно на территории районов, где издавались газеты. Каждодневной была связь с партизанами – на оккупированную территорию доставлялись боеприпасы и снаряжение, обратно на борту самолётов привозили раненых партизан.

«Основополагающими» в сфере контроля за информацией являлись циркуляр от 27 мая 1942 года («все материалы о боевых действиях Красной Армии разрешается печатать после просмотра их цензорами при Совинформбюро» [54]) и приказ № 55/1115с Уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальника Главлита от 31 октября 1942 года: отныне согласовывать информацию о партизанском движении не с Совинформбюро, а с Центральным штабом партизанского движения. В приказе отмечалось, что статьи, очерки, рассказы, заметки, брошюры и другие произведения печати о партизанском движении могут опубликовываться только в центральной (московской печати); областные, краевые и республиканские органы печати и радио могут перепечатывать материалы о партизанском движении из центральной печати или из бюллетеней, посылаемых Пресс-бюро из Москвы для газет (в фондах

ГАОО сохранилась подборка из пяти экземпляров приказа [55] – можно предположить, что копии предназначались для максимально широкого разъяснения среди руководителей редакции и других партийных идеологов).

Например, в марте 1943 года Д. А. Шаевич писал одному из цензоров: «В газете «Путь колхозника» Волынского района от 14.3.43 года поместили письмо с фронта «Мы им отомстим», в котором сообщают о наступлении на Брянском фронте: «Вам уже известно, что наш Брянский фронт, как и другие, перешёл в решительное наступление…» Напоминаем, что о наступлении Брянского фронта писать нельзя, так как об этом не было сообщено в сводках Совинформбюро и других официальных материалах» [56].

Однако партийные органы требовали от журналистов максимально полного и оперативного освещения событий, происходивших на территории фронтовой области. Так, в конце февраля 1942 года Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) специальной телеграммой указало на серьёзные недостатки в работе «Орловской правды». В частности, указывалось, что:

«а) газета плохо освещала ход работ по восстановлению разрушенных немцами городов и сёл.

б) слабо освещались вопросы сельского хозяйства.

в) не публиковалось статей о героической борьбе партизанских отрядов.

в) совершенно отсутствовал в газете отдел «Партийной жизни»» [57].

Можно предположить, что эта телеграмма стала одним из поводов для смены руководства газетой – прежний

редактор В. М. Балев был призван в ряды Красной Армии, в июле 1942 года его сменил И. Д. Паначевный, работавший до этого заместителем редактора краевой газеты «Красноярский рабочий». И. Д. Паначевный в одном из первых отчётов в обком ВКП(б) сообщал: «В газете не хватает кадров. Старый состав работников был распущен. В начале этого года [1942] в штате редакции был просто проходной двор. Сейчас стали людей закреплять […] у нас недостаёт литсотрудников – 5, собкоров – 2 […] Для освещения боевых эпизодов и боевых будней нашего Брянского фронта привлекаем корреспондентов военных газет, комиссаров и политработников Красной Армии» [58].

Анализ содержания номеров «Орловской правды» за 1943 год показывает, что на её страницах постоянно помещались многочисленные собственные (а не присланные из Москвы) публикации под рубриками «Действующая армия», «На Брянском фронте», «Западнее Воронежа», «Севернее Курска», «Говорят бойцы фронта» (письма земляков [59]) и др. Это такие статьи и очерки, как «Герои воздуха» (29 янв.), «Гвардейцы» (30 янв.), «Боевые будни орловских партизан» (с продолжением в нескольких февральских номерах газеты), «На полях сражений» (10 февраля), «Гранатный бой» (13 февр.), «Воины-орловцы в боях» (17 февр.), «Бой за водный рубеж» (26 февр.), «Освободители» (6 марта), «Земляки-орловцы в боях за родину» (19 мая) и т. д.

Регулярными были публикации военных корреспондентов «Орловской правды» А. Калужского [60] («Отлетались» (14 февр.), «Будни наступления» (16 февр.), «Отважные» (3 марта), «Так воюют коммунисты» (10 марта) и др.), В. Егорова [61] («Партизаны взорвали мост» (2 апр.), «Партизаны из отряда имени Стрельца» (9 апр.), «Беспощадно

истребляют фашистов» (14 апр.), «Молодые партизаны» (25 апр.) и др.). Авторами многих публикаций были внештатные сотрудники «Орловской правды» – журналисты военных газет С. Беляков, А. Кутейников, А. Резапкин, Я. Хелемский, М. Шумилов, политработник С. Пенчалов [62] и др.

Вполне уместно задать вопрос: могла ли редакция согласовывать каждый публикуемый материал с цензорами Совинформбюро или Центрального штаба партизан, особенно если учесть, что Елец расположен почти в 400 километрах от Москвы? Можно высказать предположение, что редакция «Орловской правды» шла на нарушение указаний Главлита и тексты согласовывались напрямую с командованием Брянского фронта и Брянского штаба партизанского движения при Военном Совете фронта. Учитывая то, что партийное руководство штабом осуществлял Орловский обком ВКП(б), а секретарь обкома был членом Военного Совета фронта, также можно предположить, что «короткий путь» был организован непосредственно обкомом, заинтересованном в максимально быстром и полном показе успехов в борьбе с фашистами.

О том, что процедура согласования материалов на партизанскую тему, пусть и в упрощённом порядке, но всё же имела место, мы можем косвенно судить, например, по публикации в «Орловской правде» заметки «Партизанские удары по партизанам». Она появилась в номере газеты за 18 мая 1943 года и была подписана «Иван Д. Орловская область. Апрель», т. е. доставка в редакцию (и визирование) заняли не менее трёх недель.

Подобный «особый порядок» контроля не мог не вызывать постоянного беспокойства у опытного цензора Шаевича. Он сообщал Н. Г. Садчикову 15 июля 1943 года: «У нас с про-

шлого месяца начали печатать газету «Партизанская правда» [газету для временно оккупированных территорий] и большое количество листовок, и всё время приходится доказывать, что мы обязаны эти материалы контролировать. В Обкоме ВКП(б) мне заявили, что так как ответственность за выпуск газеты и листовок возложена Обкомом ВКП(б) на секретаря обкома по пропаганде, то нас это не касается» [63]. Однако ещё 24 декабря 1942 года Ю. П. Конюшая сообщала Д. А. Шаевичу: «Газета для партизан и населения временно оккупированных немцами районов контролю Обллита не подлежит» [64].

Шаевич неоднократно ставил перед руководством Главлита вопрос об абсурдности ряда ограничений в условиях фронтовой Орловской области. Главлит на уступки не шёл. Ю. П. Конюшая писала Д. А. Шаевичу 24 декабря 1942 года: «Материалы о жизни Брянского фронта и о деятельности наших партизан (в том числе и орловских) в тылу врага должны печататься на страницах «Орловской правды» только при соблюдении указаний, изложенных в приказе № 55/1115с. При выполнении этого приказа «Орловская правда», разумеется, имеет основание на своих страницах уделять деятельности партизан именно орловских и жизни фронта именно Брянского больше места, чем газета какой-либо другой области СССР. Задача заключается в том, чтобы героическую борьбу орловских партизан, бойцов и командиров Брянского фронта освещать с пользой для нашего дела, поощрять отличившихся, воспитывать ненависть к крагу, но одновременно не пропускать материалов, которыми могла бы воспользоваться вражеская разведка» [65].

Витиеватость этой формулировки озадачила главного цензора области. 21 января 1943 года он прямо написал Ю. П. Конюшей: «Я стал в тупик» [66]. Порой подчинённые

иронизировали над «сверхбдительностью» Шаевича. Так, он писал цензору Солнцевой 1 сентября 1943 года: «В газете «За победу коммунизма» от 29.7.43 в статье «Как колхозники взяли в плен двух немецких лётчиков» Вами допущено нарушение […] [указано в подписи под публикацией] «Майор Светцов. Брянский фронт». Следовательно, Вы косвенно раскрыли на территории Задонского района наличие лётной части. Шлите объяснение» [67]. Тут же Солнцева сообщила, что статья перепечатана из бюллетеня Пресс-бюро ТАСС [68].

В письме Ю. П. Конюшей 2 февраля 1943 года Д. А. Шаевич спорил по поводу определения характера местной специфики, считая, что орловской прессе нет смысла скрывать наличие войск в 300-километровой зоне [69], а Елец надо считать (по фактической ситуации) областным центром и не распространять на местную информацию ограничения, применимые к районным городам. В ответном письме от 11 февраля И. В. Лукинский назвал предложения Шаевича «вредной отсебятиной»: «Рассматривать Елец как областной центр с точки зрения цензуры НЕЛЬЗЯ» [70] (последнее слово напечатано прописными буквами и подчёркнуто).

Подобные фразы, надо полагать, задевали профессиональное самолюбие Шаевича. Следуя букве приказов, он отчёркивал красным карандашом некие строки в центральных газетах и время от времени делился соображениями с коллегами из центрального аппарата. Вот что, например, писал Шаевич И. В. Лукинскому 15 июля 1943 года: «В «Правде» от 9.7.43 года в статье «В Брянских лесах» сообщается о том, что партизаны захватывают «языки» и доставляют через фронт в штабы Красной Армии. Просим сообщить, не является ли это нарушением приказа № 55/1115с, § 1, пункт «г»» [71]. Уже 20 июля Лукинский ответил: «Указан-

ные Вами материалы в газете «Правда» (от 3 и 9 июля с.г.) никаких секретов не раскрывают» [72].

Как видим, Главлит занимал достаточно жёсткую позицию в отношении своих органов на местах. Важно рассмотреть вопрос и о том, как складывались отношения цензурного ведомства и местного руководства (в данном контексте – партийных органов). Анализ хранящихся документов показывает, что имелись эпизодические попытки Главлита «подменить» партийные органы. Так, на места был разослан приказ Уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальника Главлита № 6/210с от 7 апреля 1942 года: «§ 3. Впредь издавать все краевые, областные и городские газеты на двух полосах, за исключением газет «Московский большевик», «Вечерняя Москва», «Ленинградская правда» и «Волжская коммуна». § 4. С 5 апреля с.г. [приказ датирован 7 апреля. – А.К.] сократить тираж всех республиканских, краевых, областных и городских газет на 15 процентов» [73]. Категоричным было и требование, датированное 25 июня 1943 года: «В связи с частыми изменениями тиража райгазет и их сокращением впредь нецелесообразно проставлять в выходных данных тираж» [74].

В лёгкую фронду по отношению к позиции обкома вступал порой Д. А. Шаевич, о чём свидетельствует одно из его писем в районы: «В связи с указанием Обкома ВКП(б) всем редакциям о более широком освещении в газетах военной учёбы в районах разъясняю, что согласно второго примечания § 6 «дополнения» разрешается помещать в газете материалы и заметки о всеобщем военном обучении, истребительных батальонах, по борьбе с десантами противника и народных ополчениях, не раскрывая при этом масштаб

части, количество бойцов, а также должности командного состава выше командира истребительного батальона [75].

3 июня 1943 года Д. А. Шаевич послал в Главлит И. В. Лукинскому пробный оттиск передовой статьи «Орловской правды» «Фронтовой области – отличные дороги», написанной по заданию секретаря обкома ВКП(б) А. П. Матвеева. Шаевич пояснял, что редактор газеты И. Д. Паначевный не хотел снимать статью из номера и только после двукратного вмешательства секретаря обкома по пропаганде Л. Ключника её сняли, но Паначевный просил послать статью для консультации в Главлит [76]. Ответа из Москвы в архивных фондах ГАОО нами не обнаружено.

16 ноября 1943 года Шаевич писал елецкому цензору Лукьяновой: «Обращаю Ваше внимание на крайне небрежное оформление этого номера [праздничный номер к годовщине революции 7 ноября] газеты: клише бледное, почти не видно. Вам нужно было заставить поправить, а если исправить нельзя, то предложить его снять. Газета отпечатана грязно» [77].

Фактически цензурное ведомство превышало здесь свои полномочия и вторгалось в вотчину обкома, ведавшего содержанием и оформлением газет. Однако и у обкома, даже в условиях военного времени, имелись рычаги довольно сильного воздействия на цензуру. В докладной записке сектора печати секретарю Орловского обкома ВКП(б) Игнатову от 12 марта 1943 года отмечалось: «Проверкой установлено неудовлетворительное состояние цензуры в области». За пять месяцев – с ноября 1942 по март 1943 года было отмечено 26 случаев разглашения в областной и районной печати военных тайн, причём 15 – в «Орловской правде» (самых грубых – подчёркивалось в записке). Причиной происшедшего работники обкома считали то, что «цензоры в боль-

шинстве своём или вовсе незнакомые с работой органов цензуры [люди], поэтому крайне нуждаются в повседневной помощи, руководстве со стороны Облита». Отмечалось также «отсутствие учёбы цензоров», «безответственное отношение к своим обязанностям» [78].

Схожую по содержанию докладную записку «О состоянии работы Орловского Облита на 1.3.43 года» на имя секретаря обкома А. П. Матвеева подготовил и Д. А. Шаевич: «За три последних месяца 1942 г. допущено 21 нарушение военной и государственной тайны, за два месяца 1943 г. допустили 5 нарушений (из них 15 «Орловская правда» – широко подавала строительство оборонительных сооружений, дислокацию воинских частей, фамилии и звания командиров частей и соединений и т. д.). Было предотвращено 11 нарушений». Причиной этих упущений, по мнению Шаевича, была «частая смена в 1942 г. уполномоченных Облита без ведома и санкций Обкома ВКП(б). В Краснозоренском районе в ноябре 1942 г. уполномоченный Облита тов. Налимов выехал в отпуск по болезни, райком ВКП(б) поручил временно контролировать газету тов. Шаровой, которая не знала, что ей нужно делать, формально подписывала газету. В декабре 1942 г. в Волынском районе утвердили уполномоченным облита тов. Полякова, не сообщив об этом Обкому и Облиту.

Уполномоченными Облита во всех районах являются работники райкомов ВКП(б), работающие в Облите по совместительству. Проверка работы уполномоченного Облита по Измалковскому району в декабре 1942 г. показала, что уполномоченные очень слабо понимают свои задачи и крайне небрежно к ним относятся» [79]. Таким образом, Шаевич проблемы в сфере охраны тайн объяснял недоработками самих райкомов, которые не могут создать условия

для сотрудников, выполняющих функции цензоров. Однако бюро обкома не разделило подобной убеждённости. Процитируем текст постановления бюро Орловского обкома ВКП(б) от 20 марта 1943 года «О состоянии цензуры областной и районных газет»: «Проверкой установлено, что вследствие слабого руководства Обллита, беспечности и ротозейства отдельных цензоров, за последние пять месяцев в областной и районных газетах допущено много случаев разглашения военных и государственных тайн (дислокация, род войск отдельных воинских частей и соединений Красной Армии, званий и фамилий командиров, сведения о строительстве оборонительных сооружений и т. д.). Особенно много разглашений допущено в газете «Орловская правда».

Бюро постановляет:

1. Указать начальнику Обллита т. Шаевичу на неудовлетворительное состояние цензуры и предупредить его, что если он в ближайшее время не примет решительных мер к коренному улучшению работы по охране военных и государственных тайн, к нему будут применены более строгие меры взыскания.

2. Цензора Обллита т. Докмана С. Ф. за неоднократный допуск разглашения военных и государственных тайн в газете «Орловская правда» с работы снять.

3. Предупредить редакторов областной и районных газет, что они наравне с цензорами несут строжайшую ответственность за каждый отдельный случай разглашения военных и государственных тайн в печати.

4. Поручить отделу кадров Обкома ВКП(б) укрепить состав цензоров областной и районных газет» [80].

Д. А. Шаевич пытался облегчить свою участь и переложить основную вину на райкомы, которые отправляют цен-

зоров на село в качестве уполномоченных. В письме секретарю по пропаганде обкома ВКП(б) Л. Ключнику от 20 июня 1943 года он отметил, что основная причина недостатков – «недооценка со стороны райкомов ВКП(б) и их секретарей роли и значения цензуры, особенно в условиях отечественной войны». В доказательство был приведён пример: «с грубыми нарушениями вышла газета «За победу» Должанского района 6 июня только потому, что райком ВКП(б) утвердил цензора лишь после приезда в Должанский район работника Обллита» [81].

К посланию в обком Шаевич приложил проект соответствующего письма секретарям райкомов, которое должен был подписать А. П. Матвеев. Письмо было разослано 3 июля 1943 года за подписью не первого руководителя, а только Л. Ключника: «В большинстве районов Уполномоченных Обллита райкомы посылают в сельсоветы без права выезда в райцентр (Новодеревеньковский, Волынский и другие районы). Всё это влечёт за собой, как правило, грубое разглашение военных тайн.

А) Прекратить практику выходы газеты без визы Уполномоченного Обллита. Виновных в этом привлекать к ответственности.

Б) Запретить освобождение цензоров от работы без согласования с Обкомом, а при получении санкции на освобождение немедленно подбирать и обсуждать на бюро райкомов ВКП(б) политически грамотных и проверенных товарищей для выполнения этой работы» [82].

Однако спустя почти три месяца в докладной записке Шаевича секретарю обкома по пропаганде Михайлину о состоянии Орловского обллита указывались почти те же проблемы: райкомы не дают материалы на уполномоченных

(т.е. документы на утверждение кандидатур на бюро обкома), в большинстве районов нет заместителей уполномоченных [83].

Кадровый вопрос и связанный с ним вопрос о росте объёмов работы по мере освобождения территорий становились всё более злободневными, о чём свидетельствует, например, письмо Шаевича начальнику Главлита Н. Г. Садчикову от 12 февраля 1943 года. Орловский цензор писал о том, что в связи с переездом из Ельца в освобождённый 8 февраля Курск областных организаций Курский обком ВКП(б) утвердил исполняющим обязанности начальника Обллита заведующего отделом пропаганды и агитации обкома Песоцкого. Шаевич просил оформить приказ Главлита на него, а также разрешить сделать для Песоцкого копии документов: «У Курского Обллита нет ни одного перечня […] Считаю, что объём работы в связи с освобождением 50% районов [Курской] области будет большой и вряд ли справится неосвобождённый работник, да ещё без аппарата […] Я пытался говорить на эту тему с секретарём по пропаганде [Курского] Обкома ВКП(б) тов. Легасовым, но у них нет подходящей кандидатуры и вообще с кадрами очень туго» [84].

Цензор Солнцева из Задонска задавала вопрос Шаевичу 10 июля 1943 года: «Начинаем работу местного радиовещания. Прошу разъяснить порядок литирования [визирования. – А.К.] текстов для передачи. Использовать ли номера, которые даны для газеты, бюллетеней и прочих заказов, или вы дадите специальные номера? Ответ прошу ускорить. Вещание начинаем 18 июля» [85].

Уже на следующий день после освобождения Орла, 6 августа 1943 года Обллитом были пересланы циркуля-

ры новым цензорам в более чем 30 городов и районов области [86], причём ряд из них будет освобождён несколько недель спустя (Жиздра – 16 августа, Брянск – 17 сентября, Трубчевск – 18 сентября, Почеп – 21 сентября, Стародуб и Мглин – 22 сентября, Клинцы – 25 сентября и т. д.). Можно предположить, что цензоры назначались заранее в ещё не освобождённые города и районы. Отметим также, что в это время наметился отход от практики назначать цензорами только работников райкомов ВКП(б) (в отчёте о работе по состоянию на 1 января 1944 года отмечалось: «Из 59–29 заведующих отделами пропаганды, 9 заведующих партКабинетами» [87]).

С тревогой Шаевич писал Н. Г. Садчикову 9 сентября из освобождённого областного центра: «Город Орёл буквально наводнён фашистской литературой, но она не концентрируется в каких-то точках, а имеется на руках у населения. Секретарь обкома ВКП(б) тов. Михайлин потребовал от меня решить вопрос об изъятии этой литературы, но мы с такими вопросами на сталкивались, и я просто не знаю, как за это дело взяться […] Второй вопрос о смете. Сейчас мы уже имеем 50 районов, следовательно, нужно решить вопрос оборудования, о машинке [88], о пересмотре в сторону увеличения штатов и утверждении мне заместителя» [89]. Главлит довольно сдержанно ответил на эти и другие вопросы, содержавшиеся в письме Шаевича, в частности, по поводу уничтожения вражеской печатной продукции ему было рекомендовано обратиться в органы НКВД [90].

В справке о работе обллита с 1 июля по 1 октября 1943 года отмечалось: «Проверили областную библиотеку, фонд которой в основном сохранили, и берём на учёт остальные создающиеся сейчас библиотеки» [91]. После-

дующие по времени документы, касающиеся деятельности цензуры в Орловской области, в основном уже не отражают фронтовую специфику региона.

Анализ части фонда Орловского обллита в ГАОО показывает, что цензурное ведомство в исключительно сложных условиях в основном справилось с задачей по недопущению в печать сведений, которые могли представлять интерес для противника либо негативно влиять на морально-психологическое состояние населения. Не имевшие прежде опыта цензоры в короткий срок освоили специальность, руководство управления обеспечило организацию текущей работы и взаимодействие. Возникавшие объективные и субъективные противоречия в отношениях с центральным руководством, местными партийными органами и редакциями газет цензорам удавалось преодолевать с минимальными издержками. В итоге каждодневная работа цензуры стала необходимым и значимым вкладом в победу над врагом.

Примечания

1. За 1941 г. документы обллита в ГАОО отсутствуют, за 1942 г. имеются только два дела, причём самый ранний присланный из Москвы циркуляр датирован 14 февраля, а исходящие из Ельца письма – 20 мая (письмо № 04/с). В делопроизводстве «Орловской правды» того периода в текущем архиве редакции сохранились только приказы и листки по учёту кадров некоторых сотрудников, начиная с апреля 1942 г. В ГАОО хранятся документы по «Орловской правде» и ряду районных газет, начиная с 1945 г.

2. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / Публ. подг. А. Я. Лившин и И. Б. Орлов. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 211.

3. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 9. Л. 18.

4. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 3. Л. 2.

5. Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 289.

6. Н. А. Алёшинский занимал должность заведующего сектором печати в обкоме ВКП(б) до января 1943 г., многократно бывал на оккупированной территории, помогая наладить выпуск печатных газет в партизанских отрядах. Его личное дело в ГАОО отсутствует.

7. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 3. Л. 4.

8. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / Публ. подг. А. Я. Лившин и И. Б. Орлов. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 615.

9. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 3. Л. 2.

10. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 3. Л. 12.

11. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 3. Д. 3. Л. 1.

12. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 3. Д. 3. Л. 13.

13. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 3. Л. 2.

14. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 3. Д. 3. Л. 1.

15. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 2. Л. 4.

16. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 9. Л. 13, 13 об.

17. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.

18. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 9. Л. 4.

19. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 3. Д. 3. Л. 33.

20. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 2. Л. 4.

21. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 3. Д. 3. Л. 16.

22. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 3. Д. 3. Л. 22.

23. С. Ф. Докман родился в 1885 г. в Москве. Был строителем, служил в армии. С 1917 г. член партии большевиков, в 1918 г. военный комиссар Уфимской губернии. В 1920–1921 гг. – начальник ревкомов 16-й армии Западного фронта. После демобилизации – секретарь райкома РКП(б) в Орле, с 1923 по 1925 г. – секретарь уездного комитета РКП(б) в Дмитровске Орловской губ., в 1926–1928 гг. возглавлял Гублессоюз. Последующие три года провёл на лечении в Севастополе, Пятигорске. С 1931 г. – заведующий райздравотделом в Рыльске, с 1934 г. – инспектор аналогичного отдела в Ельце. С 1935 г. – инструктор Елецкого райкома ВКП(б), затем уполномоченный Воронежского обллита в Ельце. С сентября 1936 г. – директор Елецкого краеведческого музея и заведующий ботаническим садом (личное дело С. Ф. Докмана // ГАОО. Ф. П-52. Оп. 11. Д. 803).

24. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.

25. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 1. Л. 28.

26. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

27. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.

28. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.

29. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 2. Л. 18.

30. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 1. Л. 31.

31. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 2. Л. 20.

32. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 2. Л. 35.

33. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 2. Л. 12.

34. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.

35. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

36. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 2. Л. 20.

37. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.

38. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 2. Л. 67.

39. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 2. Л. 92.
40. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 4. Л. 14.
41. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 2. Л. 3.
42. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 2. Л. 62.
43. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 2. Л. 16, 29.
44. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 2. Л. 95.
45. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 3. Л. 12 об.
46. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 2. Л. 51.
47. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 2. Л. 61.
48. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 2. Л. 1.
49. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 2. Л. 3.
50. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 2. Л. 57.
51. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
52. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 1. Л. 44.
53. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 3. Д. 4. Л. 38 об.
54. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.
55. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 1. Л. 46.

56. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 2. Л. 33. На сохранённой в делопроизводстве копии письма пометка: «отозван».

57. ГАОО. Ф. П-52. Оп. 2. Д. 395. Л. 1.

58. Отчёт о работе газеты «Орловская правда» с 1 марта по 1 октября 1942 г. // ГАОО. Ф. П-52. Оп. 2. Д. 395. Л. 12.

59. Во «Мценской правде» в подписи под письмом земляка «С гвардейским приветом сержант Вырыпаев» в августе 1944 г. было вычеркнуто слово «гвардейским» – запрещалось упоминать принадлежность военнослужащего к гвардейской части (ГАОО. Оп. 3. Д. 4. Л. 107).

60. Приказом по редакции № 54 от 28 декабря 1942 г. утверждён военным корреспондентом по Брянскому фронту, в документах апреля 1943 г. также значится как «военный корреспондент» (Книги приказов по редакции «Орловской

правды» за 1942–1943 гг. // Текущий архив редакции газеты «Орловская правда»).

61. Из приказа № 2 от 7 февраля 1943 г.: «Собкора редакции тов. Егорова Владимира Константиновича считать в командировке с 4 февраля с.г. в партизанский отряд». В приказах июня 1943 г. его должность именуется «собкор по партизанскому краю» (Книга приказов по редакции «Орловской правды» за 1943 г. // Текущий архив редакции газеты «Орловская правда»).

62. Приказ № 24 от 1 июня 1943 г.: «Зачислить с 1 июня внештатным военным корреспондентом тов. Пенчалова Сергея [вместо отчества прочерк] с выплатой фикса в сумме 300 рублей в месяц» (Книга приказов по редакции «Орловской правды» за 1943 г. // Текущий архив редакции газеты «Орловская правда»). Фикс в данном контексте – размер оплаты труда внештатного автора, подразумевающий выполнение определённой нормы сдачи материалов в печать. При её превышении выплачивался ещё и гонорар за публикации сверх данной нормы.

63. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 9. Л. 46.

64. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 1. Л. 20об.

65. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.

66. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 9. Л. 16.

67. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 2. Л. 75.

68. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 2. Л. 100.

69. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 9. Л. 14.

70. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 9. Л. 15.

71. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 9. Л. 47.

72. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 9. Л. 48.

73. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 1. Л. 73.

74. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 2. Л. 60.

75. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 2. Л. 8.
76. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 9. Л. 42.
77. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 2. Л. 97.
78. Докладная записка сектора печати секретарю Орловского обкома ВКП(б) Игнатову о состоянии цензуры в области, 12 марта 1943 года // ГАОО. Ф. П-52. Оп. 2. Д. 627. Л. 3–4.
79. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 10. Л. 1–2.
80. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 10. Л. 3.
81. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 10. Л. 4.
82. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 3. Л. 9, 9 об.
83. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 10. Л. 6–7.
84. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 9. Л. 18.
85. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 2. Л. 64.
86. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 2. Л. 80.
87. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 3. Д. 3. Л. 1.
88. Речь идёт о пишущей машинке – документы обллита «елецкого периода» в основном рукописные.
89. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 9. Л. 50.
90. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 9. Л. 50.
91. ГАОО. Ф. 1764. Оп. 2. Д. 3. Л. 12об.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Подводя черту под работой над этой книгой, автор вполне ясно понимал, что множество интересных тем в истории книжного дела Орловщины останутся, увы, за рамками отдельного издания. И дело не только в дистанции времени, в трудностях поисков материалов, существенно изреженных в результате войн и революций. Парадоксально, но по-прежнему остаются без профессионального внимания исследователей, к примеру, яркие страницы возрождения издательского дела в не такие уж далёкие от нас 1990-е годы.

Ещё предстоит изучить деятельность ряда орловских издательств этого периода, в первую очередь, таких, как «Вешние воды», «Поиск», Орёлиздат, издательств Орловской гостелерадиокомпании и региональной академии госслужбы. Проанализировать их репертуар, состав авторов, редакторов и иллюстраторов, особенности выпуска и оформления книг, взаимодействие с творческими союзами и общественными организациями (краеведами, педагогами, врачами, технической интеллигенцией и т. д.).

Давно назрела необходимость создать фундаментальную (одного автора или коллективную) монографию об истории книжного дела в Орловском крае. Впереди большая и увлекательная работа. Будем надеяться, что сборник «В курганах книг» послужит активизации усилий исследователей.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю 3

I. ИЗ ИСТОРИИ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА 9

Первая орловская книга: начало двухвековой региональной истории печатного дела 11

Орловская печать (исторический обзор) 20

«Верховенство человечества» – книга, изданная в Орле в 1917 году 40

По его книгам учились наши деды 48

Провинциальная «Академкнига» 54

Орловское областное издательство: вехи истории 69

Предвоенные годы 69

Великая Отечественная война 79

Издательство в 1950-е – начале 1960-х гг. 90

Создание межобластных издательств в 1960-е годы: причины и последствия 102

II. ЛЮДИ И КНИГИ 129

Творцы и сочинители 131

Книга земского статистика 131

Забытый русский писатель 136

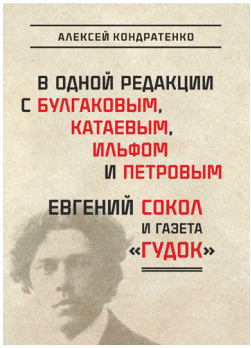
80 книг семейства Португаловых 155
Василий и Афанасий Петрищевы 170
Вячеслав Алексеевич Пуршев 178
Издательское дело 184
Александр Николаевич Чудинов 184
Станислав Станиславович Окрейц 194
Александр Васильевич Гаврилов 206
Книжная торговля 220
Семейство Кашкиных 220
Библиография и библиофильство 228
Владимир Яковлевич Закс 228
Михаил Козьмич Хлопцев 237
Виталий Георгиевич Сидоров 242
Изучение книжного дела 253
Михаил Константинович Лемке 253
Николай Сергеевич Каринский 263
Андрей Захарович Окороков 267
Александр Алексеевич Говоров 273

III. ИЗ ИСТОРИИ ЦЕНЗУРЫ 281
Н. А. Мельгунов о цензуре и гласности 283
Петербургский цензор
и орловский вице-губернатор В. Н. Семёнов 300

С. М. Степняк-Кравчинский о цензуре
и свободе печати 324
Цензура в Орловской губернии
в 1870-е – 1900-е годы.....340
Цензура в годы Первой мировой войны.....373
Цензура в 1920-е годы.....404
Цензура фронтовой области (Орловский облЛит
в годы Великой Отечественной войны).....419

Послесловие.....447

Книги А. И. Кондратенко, вышедшие в издательстве «Картуш»

Алексей Кондратенко

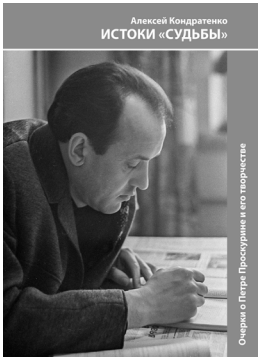
В одной редакции с Булгаковым, Катаевым, Ильфом и Петровым: Евгений Сокол и газета «Гудок»

2024 г., 120 с.

Книга посвящена участию уроженца города Болхова Орловской губернии, поэта и публициста Евгения Сокола (1893–1939) в московской газете «Гудок». Читатель имеет возможность познакомиться с максимально полной на данное время биографией этого незаурядного человека, окунуться в неповторимую творческую атмосферу редакции железнодорожной газеты в середине 1920-х годов, когда Сокол работал здесь вместе с классиками советской литературы: Михаилом Булгаковым, Валентином Катаевым, Ильёй Ильфом и Евгением Петровым, Юрием Олешей…

В приложении приведён ряд текстов Сокола, напечатанных в «Гудке». Они сопровождаются примечаниями и комментариями.

На фронтисписе фото Евгения Сокола (из фондов Орловского объединённого государственного литературного музея И. С. Тургенева № ОФ 21785).

Алексей Кондратенко

Истоки «Судьбы». Очерки о Петре Проскурине и его творчестве

2024 г., 172 с.

Звезда Петра Проскурина (1928–2001) взошла на литературном небосклоне в начале 60-х годов XX века. О том, как это было, как рос и мужал талант писателя, рассказывает в своих очерках доктор филологических наук Алексей Кондратенко. В книге, посвящённой не только классику советской литературы, но и его окружению, оценкам литературной критики, приведены выдержки из архивных документов, публикаций периодики тех лет, воспоминаний.

Книга адресована всем, кто интересуется историей отечественного литературного процесса второй половины XX века.

Научно-популярное издание

12+

Алексей Иванович Кондратенко

В КУРГАНАХ КНИГ

30 статей и очерков
об истории издательского дела,
библиофильства и цензуры

Подписано в печать 21.03.2025 г. Формат 60×84 1/16
Печать ризография. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman
Объём 28,25 усл. печ. л. Тираж 100 экз. Заказ № 69

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета в авторской редакции
в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел.: (4862) 44-51-46.
E-mail: kartush.orel@yandex.ru www.kartush-orel.ru